

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ..

ЧАСТЬ СССХХХІ.

1900.

СЕНТЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія „В. С. Балашевъ и К^о“. Наб. Фонтанки, 95.

1900.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. Именной Высочайшій указъ, данный Правительствующему Сенату.	1
II. Высочайшія повелѣнія	8
III. Высочайшіе приказы	21
IV. Министерскія распоряженія	66
V. Опредѣленія Ученаго Комитета Мин. Нар. Пр.	75
VI. Опредѣленія Особаго отдѣла Ученаго Комитета Мин. Нар. Пр.	76
VII. Опредѣленія Отдѣленія Ученаго Комитета Мин. Нар. Пр. по техническому и профессиональному образованію	76
Открытіе училищ	76
Г. В. Форстенъ. Къ внѣшней политикѣ великаго курфюрста Фридриха Вильгельма Бранденбургскаго (окончаніе)	1
Е. Н. Щепкинъ. Русско-австрійскій союзъ во время семилѣтней войны. Глава II (продолженіе)	22
В. И. Сергѣевичъ. Древности русскаго земледѣлія. I.	58
А. А. Шахматовъ. Общерусскіе лѣтописные своды XIV и XV вѣ- ковъ. I—II	90

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Э. А. Вертъ. Краткій очеркъ римскихъ древностей. Составилъ Н. Санчурскій при участіи А. Гофманъ, М. Янко, П. Бар- сова, Н. Діомидова, Г. Сидлатаго, Э. Кесслера и В. Мар- данова. 2-е изданіе. С.-Пб. 1899	177
Ф. Ф. Мартенсъ. А. Н. Манделштамъ. Гаагскія конференціи о ко- дификаціи международнаго частнаго права. С.-Пб. 1900	213
— Книжныя новости	220

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Н. М. Соболевъ. Коммерческая географія Россіи	1
М. Ф. Заметофъ. Приготовительный курсъ всеобщей географіи	5
Т. Будноговъ. Учебникъ всеобщей географіи	6
Германъ Клейнъ. Чудеса земнаго шара	7

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Ө. П. Кенненъ. Объ изданіи международной библіографіи по точ- нымъ наукамъ (продолженіе)	1
Э. Л. Радловъ. Владиміръ Сергѣевичъ Осмоловскій (некрологъ)	83

(См. 3-ю стр. обложки).

ДРЕВНОСТИ РУССКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ.

1. Овоземцы и крестьянскія общины.

Въ октябрѣ 1477 года великій князь Иванъ Васильевичъ выступилъ въ походъ противъ Новгорода. До вооруженнаго столкновенія дѣло, однако, не дошло; мирные переговоры начались немедленно вслѣдъ за приближеніемъ его войскъ къ Новгороду, а въ началѣ января слѣдующаго года новгородцы подчинились волѣ великаго князя на основаніи особаго „цѣловальнаго списка“. Списокъ этотъ былъ составленъ въ станѣ московскаго государя согласно съ пунктами, предложенными новгородцами и удостоенными его одобренія. По приказу великаго князя списокъ былъ переписанъ дьякомъ новгородскаго владыки, скрѣпленъ его подписью и печатью и печатями отъ пяти концовъ Новгорода.

Этотъ знаменитый документъ не сохранился и намъ неизвѣстенъ. Мы можемъ, однако, составить себѣ понятіе о его содержаніи по переговорамъ царскихъ бояръ съ новгородскими послами, и на основаніи собственныхъ словъ Ивана Васильевича, сказанныхъ представителямъ Новгорода.

Отмѣняя вѣчевое устройство, государь порадовалъ свою отчину, обѣщавъ не вступаться въ земли и воды новгородцевъ, не наряжать ихъ на службу въ Низовскую землю, оставить въ Новгородѣ судъ по старинѣ и не увеличивать дани выше установленной этимъ соглашеніемъ нормы.

Въ этомъ обѣщаніи заключалась большая уступка новгородскимъ требованіямъ и существенное ограниченіе власти великаго князя. Первоначальное намѣреніе великаго князя было иное, онъ хотѣлъ „государствовать на своей отчинѣ, Великомъ Новгородѣ, такъ, какъ

государствовалъ въ Низовской землѣ, на Москвѣ". Можно поэтому сомнѣваться въ искренности окончательнаго рѣшенія московскаго государя. Онъ не скрѣпилъ обѣщаній своихъ крестнымъ цѣлованіемъ и не разрѣшилъ сдѣлать это ни боярамъ своимъ, ни будущему новгородскому намѣстнику. Политика Ивана Васильевича отличается чрезвычайной цѣльностью, настойчивостью, дальновидностью, а вмѣстѣ съ тѣмъ и великой осторожностью. Онъ не любилъ рѣзкихъ мѣръ, избѣгалъ насилія и кровопролитія. Онъ предпочиталъ поставить въ такое положеніе своего противника, чтобы тотъ понялъ невозможность сопротивленія и уступилъ самъ. Отмѣна новгородскаго вѣча была достигнута безъ единаго выстрѣла. Государь удовольствовался этимъ успѣхомъ и отложилъ все остальное до болѣе благоприятнаго момента. Надо было дать новгородцамъ нѣсколько успокоиться и освоиться съ новымъ порядкомъ вещей. На первый разъ великій князь ограничился тѣмъ, что велѣлъ захватить и свезти въ Москву: Марю Борецкую съ внукомъ, Ивана Кузмина Савелкова, Окинфа съ сыномъ Романомъ, Юрія Репехова, Григорья Арзубьева и Марка Панфилова. Имущества ихъ были конфискованы. Въ чемъ заключалась вина этихъ людей, лѣтописецъ не говоритъ. Надо полагать, они составляли зерно партіи противной московскимъ порядкамъ.

До 1484 года государь московскій остался вѣренъ своему слову и не касался земель и водъ новгородскихъ. Подъ этимъ же годомъ въ лѣтописи записано:

„Тоеже зимы поималъ князь велики блѣшихъ бояръ новгородцкихъ и боярынъ, а казны ихъ и села всѣ велѣлъ отписать на себя, а имъ подавалъ помѣстіа на Москвѣ; а иныхъ бояръ, которые коромолу дръжали отъ него, тѣхъ велѣлъ заточити въ тюрьмы по городомъ“.

Пониманіемъ Мары Борецкой съ 7-ю товарищами, значитъ, крамола не была уничтожена. Въ 1484 году оказались новые крамольники. Но дѣло не ограничилось наказаніемъ виновныхъ. Съ московской точки зрѣнія виноватъ былъ весь Новгородъ. Въ немъ удержались порядки, не соединимые съ дальнѣйшимъ развитіемъ Московскаго государства. Новгородцы, на основаніи соглашенія 1478 года, служили только въ предѣлахъ новгородской волости, а въ службѣ нуждалось все Московское государство. Размѣръ новгородской дани опредѣлялся тѣмъ же соглашеніемъ, а не постоянно возрастающими нуждами государства. Иванъ Васильевичъ, конечно, не могъ примириться съ такими ограниченіями своей воли. Надо было слить Новгородъ съ Москвой и надо было сдѣлать это основательно. Чтобы

уничтожить гнѣздо старыхъ новгородскихъ преданій и порядковъ, созданныхъ „цѣловальнымъ спискомъ“ 1478 г., у Ивана Васильевича нашлось подходящее средство: выводъ новгородцевъ изъ новгородской волости въ Москву и водвореніе на ихъ мѣстахъ новыхъ московскихъ людей. Начало такому сліянію Новгорода съ Москвой Иванъ Васильевичъ и положилъ въ 1484 году. Мѣра рѣшительная и осуществлена была она въ большихъ размѣрахъ. Въ 1484 году было выведено изъ Новгорода болѣе семи тысячъ житыхъ людей. Да кромѣ того, государевъ намѣстникъ, Яковъ Захарычъ, многихъ еще пересѣкъ и перевѣшалъ: на нихъ пало подозрѣніе въ желаніи убить его. Въ 1489 году послѣдовалъ новый выводъ новгородскихъ бояръ, житыхъ людей и гостей; въ этомъ году перевели въ Москву болѣе тысячи челоѣкъ. Имъ дали помѣстья въ Володимирѣ, Муромѣ, Нижнемѣ, въ Ростовѣ и другихъ городахъ.

Это перемѣщеніе новгородцевъ въ Москву, а москвичей въ Новгородъ повело къ составленію чрезвычайно важнаго памятника древняго новгородскаго землевладѣнія, писцовыхъ новгородскихъ книгъ конца XV вѣка. Возникновеніе переписи земельныхъ владѣній относится у насъ къ очень глубокой старинѣ. Древнѣйшія указанія на нее Неволинъ находитъ въ памятникахъ начала XII вѣка. Такая крупная мѣра, какъ замѣщеніе новгородскихъ владѣльцевъ московскими, потребовала составленія новой переписи. Къ ней должны были приступить съ началомъ переселенія. Древнѣйшія изъ дошедшихъ до насъ новгородскихъ писцовыхъ книгъ составлены не въ эту первую перепись, а въ одну изъ позднѣйшихъ, надо думать, вторую ¹⁾. Но онѣ содержатъ въ себѣ итоги и болѣе древней переписи, которая называется въ нихъ „старымъ письмомъ“. Это „старое письмо“ и есть, по всей вѣроятности, первая по покореніи Новгорода перепись. Писцовыя книги конца XV вѣка, называя новыхъ владѣльцевъ, переведенныхъ изъ Москвы въ Новгородъ, приводятъ и имена старыхъ,

¹⁾ Мы имѣемъ въ виду писцовыя книги: Вотской пятины второй половиной, издава Бѣлевнымъ въ XI и XII кн. *Временника* за 1851 г.; Деревской пятины, Вотской—первой половиной и части Шелонской, изданы Археографической ком. 1859—1886 гг. Всѣ эти книги составлены въ самомъ концѣ XV вѣка, 1495—1500 гг.

Что перепись Деревской пятины есть именно вторая, на это указано на стр. 226. Послѣ описанія деревень Богд. Трубицына, отданныхъ въ помѣстье дѣтямъ Фед. Шалимова, тамъ сдѣлана такая приписка: „А се те деревни, которые сажалъ вел. князя староста, Иванко, на трубицынскихъ же земляхъ послѣ первыхъ писцовъ“.

у которыхъ земли эти были отобраны. Такъ какъ отобраніе это совершилось не въ одинъ пріемъ, а послѣдовательно, то писцовыя книги различаютъ „ново-сведенныхъ бояръ“ отъ „старо-сведенныхъ“, не обозначая, однако, когда именно кто былъ сведенъ. Въ моментъ составленія этихъ книгъ не всѣ новгородцы были сведены; въ книгахъ описываются и владѣнія этихъ еще оставшихся на своихъ земляхъ владѣльцевъ. Онѣ даютъ, такимъ образомъ, матеріалъ для изученія не новаго только помѣстнаго владѣнія, введеннаго Иваномъ Васильевичемъ, но и стариннаго новгородскаго. Черты стариннаго новгородскаго землевладѣнія наблюдаются не на однихъ только земляхъ уцѣлѣвшихъ на своихъ мѣстахъ новгородцевъ, но и на земляхъ новыхъ помѣщиковъ. Перемена коснулась только хозяевъ, а хозяйство осталось старое, новгородское. И въ какихъ-нибудь 10—12 лѣтъ ему и нельзя было существенно измѣниться. Новые хозяева водворились въ домахъ старыхъ бояръ, въ ихъ комнатахъ и на ихъ кроватяхъ, и стали, на первыхъ порахъ, совершенно въ то же отношеніе къ хозяйству, въ какомъ были „старо и ново сведенные бояре“. Описъ ихъ селъ и деревень пестритъ указаніями на новгородскій хозяйственный бытъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Деревня Вѣтка, принадлежавшая Ивану Петрову Чашникову, была отобрана на великаго князя и пожалована имъ новгородскому владыкѣ еще „до перваго письма“. Въ описаніи ея читаемъ: „А стараго дохода шло Ивану Петрову три борана, а изъ хлѣба треть“.

Въ Вологовскомъ погостѣ великій князь конфисковалъ село Медвѣдово, принадлежавшее братьямъ Шалимовымъ. Вслѣдъ за описаніемъ дворовъ и обожъ этого села читаемъ: „Стараго дохода не было, пахалъ ихъ Степанъ (Шалимовъ) съ братомъ своими людьми на себя“.

Село Честово на рѣкѣ Мстѣ было отдано въ помѣстье А. М. Сарыховову съ дѣтьми. Съ него также въ новгородское время дохода не было, потому что „въ немъ жили сами бояришки“¹⁾.

Писцовыя книги конца XV вѣка даютъ намъ, такимъ образомъ, картину стариннаго новгородскаго землевладѣнія. Изъ нихъ мы можемъ узнать, кто могъ владѣть землей и на какомъ правѣ, въ какихъ отношеніяхъ находился владѣлецъ къ населенію земли, какъ велъ хозяйство, какіе получалъ доходы.

Начнемъ съ перваго вопроса, вопроса о томъ, кто могъ владѣть въ Новгородѣ недвижимостями?

¹⁾ Нов. пис. ку. III 23, I 100.

Въ Новгородѣ недвижимоcтями могли владѣть какъ лица физическія обоюго пола, такъ и лица юридическія. Въ числѣ сведенныхъ владѣльцевъ встрѣчаемъ: бояръ, купцовъ, посадскихъ людей, владыку, его слугъ, поповъ, монаховъ, монастыри и церкви ¹⁾).

Въ Новгородѣ, какъ и во всей древней Руси, терминъ бояринъ означалъ всѣхъ состоятельныхъ людей, къ которымъ принадлежала и весьма широкая масса землевладѣльцевъ; весьма понятно, что эти состоятельные люди очень различались по своему богатству, что и выражалось въ предикатахъ: большіе бояре, великіе, нарочитые и въ противоположность имъ — меньшіе. Это различіе оставило свой слѣдъ и въ писцовыхъ книгахъ, но нѣсколько въ иной формѣ. Небольшія земельныя владѣнія называются въ нихъ „боярщинами“, а прежніе ихъ обитатели „бояришками“; о болѣе же крупныхъ владѣніяхъ выражаются такъ: „Ивановская боярщина“, „изъ старины былъ дворъ боярскій“. Имѣнія купцовъ тоже называются боярщинами ²⁾).

Описаніе конфискованныхъ новгородскихъ селъ и деревень ведется въ такомъ порядкѣ. Сперва описываются конфискованныя села и деревни, оставленныя государемъ за собой или отданныя въ помѣстья, а въ концѣ каждаго погоста описываются деревни „своеземцевъ“. Кто эти своеземцы? Отвѣтъ на этотъ вопросъ чрезвычайно простъ: онъ дается содержаніемъ предшествующаго описанія. Передъ своеземцами описаны земли, конфискованныя государемъ и розданныя въ помѣстья. Помѣщики сидятъ на пожалованныхъ имъ государемъ земляхъ, они не своеземцы. Кто же своеземцы? Это остатокъ новгородцевъ, у которыхъ земли еще не конфискованы. Они продолжаютъ еще сидѣть на своихъ земляхъ, они своеземцы. У кого земля отобрана, старо и ново сведенные бояре и бояришки, тоже были своеземцы, да перестали ими быть; ихъ испомѣстили на московскихъ земляхъ, и они стали помѣщиками, а были своеземцами.

„Своеземецъ“ — вотъ типическая форма древняго новгородскаго землевладѣнія. Новгородецъ сидѣлъ на своей землѣ. Онъ собственникъ. Онъ наследуетъ эту землю и распоряжается ею. Земля своеземца-попа называется его отчиной (Нов. пис. кн. III 444).

¹⁾ Новг. пис. кн. I 128, 147, 296, 318, 886; II 150, 449, 453, 485, 550; III 5, 14, 28, 358, 414, 680, 727, 756, 876.

²⁾ Нов. пис. кн. I 54: „Въ Пособномъ же погостѣ великаго князя деревни Кононовскіе Оеромѣна, купецкія, съ Лублинцы“... А въ итогѣ: „и по старому писму въ обѣихъ боярщинахъ“ и т. д.

Иванъ Васильевичъ началъ конфискацію съ земель крупныхъ бояръ, какъ болѣе опасныхъ противниковъ московскихъ порядковъ. Болѣе мелкіе своеземцы остались пока на своихъ отчинахъ: Но это вовсе не значить, что владѣнія ихъ пользуются привилегіей неприкосновенности. Это временный порядокъ и только. Полное слитіе съ Москвой должно было совершиться и по отношенію къ нимъ. Это вопросъ времени и обстоятельствъ, не болѣе. Въ погостѣ Вниѣвскомъ своеземцу Митѣ Онтипину принадлежала деревня Новина въ одинъ дворъ и въ одну обжу. Владѣніе очень небольшое, крестьянское; но и оно оставалось за нимъ только до 1500 года. Въ этомъ же году деревня эта была конфискована и отдана тремъ братьямъ, князьямъ Кропоткинѣмъ, Ивану, Ѳеодору и Тимофею Александровичамъ, конечно, для округленія ихъ помѣстій. То же случилось и съ своеземцевской деревней вдовы Оринки. По переписи конца XV вѣка она отобрана на государя, но оставлена за Оринкой и ея дѣтьми изъ платежа оброка; а въ 1499 г. взята изъ оброка и отдана въ помѣстье Ушакову. Въ писцовой книгѣ Деревской пятины 1581 г. находимъ такое мѣсто: „Были деревни своеземцевы, а нынѣ за государемъ“¹⁾. Выводъ новгородцевъ продолжается и въ XVI вѣкѣ.

Познакомимся нѣсколько ближе съ этимъ послѣднимъ остаткомъ новгородскихъ своеземцевъ, въ ихъ прежнемъ еще состояніи.

Среди своеземцевъ мы находимъ: купцовъ, посадскихъ людей, иконниковъ, конюха, попа, словомъ лицъ всевозможнаго положенія²⁾.

Противоположность города и деревни по землевладѣнію тогда еще не существовала. Корельскіе посадскіе люди суть своеземцы, они владѣютъ землями въ Ровдумскомъ погостѣ Вотской пятины. Купецъ, Ивашко Холопецъ, живетъ въ Ивангородѣ, а въ Буряжскомъ погостѣ имѣетъ три деревни. У новоторжца, О. М. Филина, есть деревня въ

¹⁾ А случилось и такъ. Одни изъ лицъ той же фамиліи сводились въ Москву, а другіе оставались на своихъ мѣстахъ и показаны среди своеземцевъ. У Алекс. Сторичина деревня конфискована на государя и отдана въ помѣстье, а Якушъ, Дмитрій и Гридя Спенцины описаны вмѣстѣ съ своеземцами. Всѣ эти Спенцины живутъ въ одномъ погостѣ и, конечно, родственники, но одинъ сведенный боярынею, а остальные своеземцы. Нов. пис. кн. I 35—38, 248; II 242—3. Неволины о новгородскихъ пятинахъ, Приложение IX 274.

²⁾ Новог. писц. кн. III 50, 105, 550, 581, 879; IV 86, 127. *Временникъ* XII 4 сл.—Русская Правда говоритъ только о княжескихъ конюхахъ и конюшникѣхъ. Но она, конечно, была и у частныхъ лицъ. О конюхѣ своеземцѣ, упоминаемомъ въ III кн. 50, сказано, что онъ съ Развазжи улицы. Это, можетъ быть, конюхъ частнаго человѣка, у котораго былъ свой домъ на Развазжей улицѣ.

Ясеновичскомъ погостѣ, а у М. Боборыкина, съ Буяны улицы, тамъ цѣлыхъ три деревни. У новгородца Ѳ. М. Воронкина, съ Добрыни улицы, есть деревня въ Гдицкомъ погостѣ, а самъ онъ живетъ въ Копорскомъ уѣздѣ ¹⁾.

Своеземцы владѣютъ недвижимостями не въ уѣздахъ только, но и въ городахъ. Въ городѣ Корелѣ на посадѣ есть своеземцовы дворы. Въ городѣ Ямѣ горожане имѣютъ свои своеземцевскіе дворы на посадѣ и внутри города.

Своеземцы распоряжаются своими землями, какъ собственностью. Они даютъ ихъ въ приданое за дочерьми, имѣются ими и пр. Нов. пис. кн. I 478; III 76 сл.

Къ своеземцамъ относятся и тѣ монастыри и церкви, у которыхъ старинныя ихъ владѣнія не были отобраны, а также и самъ владыка. И дѣйствительно, такія старинныя владѣнія духовныхъ учреждений описываются иногда подъ рубрикой своеземцевъ непосредственно вслѣдъ за своеземцами, то-есть, тоже какъ своеземцы. Такой порядокъ нерѣдко встрѣчается въ описи Вотской пятины. Къ рубрикѣ своеземцевъ отнесены, напримѣръ, монастырскія земли въ погостахъ Городенскомъ, Сакульскомъ, Кирьяжскомъ, Иломанскомъ, Лузскомъ, Тесовскомъ, Спаскомъ и др. ²⁾.

Посмотримъ теперь на размѣры владѣній послѣднихъ новгородскихъ своеземцевъ. Они очень различны. Владѣнія самыхъ бѣдныхъ ограничиваются одной деревней и однимъ дворомъ. Но нерѣдки владѣльцы—7 и 8 деревень, а встрѣчаются и болѣе богатые. У Никиты Павловича Рогульскаго въ двухъ погостахъ было 10 деревень, ржи высѣвалось на его земляхъ, имъ и его крестьянами, до 400 пудовъ; у брата его, Исаака Павловича, было 12 деревень, ржи высѣвалось тоже до 400 пудовъ; у Степана Кузьмича Гаврилова было 10 деревень, ржи высѣвалось до 300 пудовъ; Иванъ Кузьмичъ Орефинъ жилъ въ селѣцѣ Ивановѣ, къ которому тянуло 12 деревень, у него высѣвалось до 480 пудовъ ржи. Это все очень состоятельные люди ³⁾. Самый маленькій изъ нихъ, С. К. Гавриловъ, по теперешнему высѣву въ С.-Петербургской губерніи (отъ 9 пуд. до 12 на десятину), дол-

¹⁾ *Временникъ* XII 5 и 104. Нов. пис. кн. I 69, III 36, 65. Послѣ описанія владѣній и дохода Воронкина, въ писцовой книгѣ приписано другой рукой: „И се по старинѣ“.

²⁾ *Временникъ* XII 30, 64, 139, 178; Нов. пис. кн. III 22, 51, 65, 78, 104, 276.

³⁾ *Временникъ* XII стр. 17 сл. и 47 сл.; Нов. пис. кн. I ст. 555.

женъ былъ имѣть отъ 25 до 38 десятинъ въ полѣ, а въ трехъ поляхъ отъ 75 до 99 десятинъ одной пахатной земли. Если прибавить къ этому соответствующее количество земли на дворъ, выгонъ, огородъ, луга и лѣса, то получится участокъ, значительно превосходящій тотъ размѣръ помѣстья, съ котораго въ половинѣ XVI вѣка служилый человекъ долженъ былъ выступать въ походъ на конѣ и въ полномъ доспѣхѣ, а въ дальнѣй походъ и на двухъ коняхъ. А Орефинъ былъ богаче Гаврилова болѣе чѣмъ на цѣлую треть. Однофамилецъ этого Орефина и, конечно, родственникъ, Михаилъ Орефинъ, имѣлъ село и къ нему 18 деревень; онъ сведенный боярышекъ. Село и деревни его достались кн. Крапоткинѣмъ, двумъ Андреямъ да Василью Александровичамъ. I 429.

На ряду съ такими, можно сказать, богатыми своеземцами, встречаемъ и весьма бѣдныхъ. Владѣнія нѣкоторыхъ не переходятъ за предѣлы обыкновеннаго крестьянскаго участка, который они и обрабатываютъ своими руками, напримѣръ: „Въ Турнахъ деревня (своеземца) Омельяникова Панкратова, деревня Матвѣевское: дворъ самъ Омельянно Панкратовъ, сѣетъ ржи 2 коробы, а сѣна косить 20 копенъ, обжа“. Или: „Деревня Дуплево (своеземецъ) Лучкина да Оедкова да Иеплева, Орефинныхъ дѣтой, Дорофѣева. Дворъ самъ Лучка да Иевко да самъ Оедко, сѣютъ ржи 6 коробей, а сѣна косятъ 50 копенъ, 2 обжи“.

Въ первомъ случаѣ на владѣльца приходится отъ одной до двухъ десятинъ; во второмъ—на трехъ своеземцевъ, родныхъ братьевъ, живущихъ въ одномъ дворѣ,—отъ 3-хъ до 4-хъ десятинъ въ полѣ. Что это за своеземцы? Это, конечно, крестьяне-собственники, которые сами пахутъ, сѣютъ, косятъ.

Итакъ, послѣдніе новгородскіе своеземцы представляютъ чрезвычайно широкій классъ, который въ низу начинается крестьянами собственниками и восходитъ до людей, могущихъ жить доходами съ своихъ земель, не прикладывая къ нимъ рукъ.

Зажиточные своеземцы сдаютъ свои земли въ аренду крестьянамъ и имѣютъ своихъ людей (рабовъ), силами которыхъ и пользуются для обработки собственной запашки¹⁾. Это тѣ же „боярышки“.

Своеземецъ назывался иногда сокращенно—земецъ²⁾.

¹⁾ *Временникъ* XII 13, 20; Пол. пис. кн. I 319; II 286. На стр. 20 *Временника* итогъ дворовъ, людей и обжа подводенъ неправильно, онъ показанъ выше дѣйствительнаго. Такія ошибки не рѣдки.

²⁾ Наши историки давно замѣтили новгородскихъ своеземцевъ, но они ви-

Итакъ, типъ первоначальнаго новгородскаго владѣльца представляетъ своеземецъ, то-есть, частный собственникъ. Таковы бояре, начинающая съ большихъ и оканчивая мелкими, бояришками, таковы купцы, посадскіе люди, крестьяне, владыка, попы, монахи, монастыри и церкви. На такихъ владѣльцахъ-собственникахъ не лежало никакихъ служебныхъ обязанностей по отношенію къ Новгороду и князю, они платили только нѣкоторый налогъ съ каждой обжи владѣемой ими земли, такъ называемую обожную дань. Зависимое владѣніе въ Новгородѣ впервые вводится великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ послѣ 1477 года. Отобранныя у новгородцевъ земли онъ раздаетъ своимъ служилымъ людямъ на помѣстномъ правѣ. Остатокъ состоятельныхъ своеземцевъ также обращается имъ въ людей обязанныхъ службой. Переселяя большихъ бояръ и бояришекъ въ Москву и обязывая ихъ службой, московское правительство не могло оставить свободными отъ службы и послѣднихъ своеземцевъ. Указанія на ихъ обязанность служить находимъ уже въ писцовыхъ книгахъ XV вѣка. Въ Шегринскомъ погостѣ великій князь имѣлъ деревню въ общемъ владѣніи съ своеземцемъ, Данилкою Оминымъ. Вотъ описаніе участка Омина.

„Дворъ Данилко. Оминъ, своеземецъ, дворъ—подворникъ его, Петрушка Грядинъ, сѣютъ ржи 8 коробья, а сѣна косятъ 13 копенъ,

дать въ нихъ нѣкоторый опредѣленный классъ людей. Первый высказался въ этомъ смыслѣ И. Д. Бѣляевъ. У него своеземцы то же, что въ другихъ мѣстахъ помѣщики, то-есть, лица, обязанные за землю, которую получили отъ новгородскаго вѣча, нести военную службу. Рассказы II 68. Къ этому мнѣнію присоединился г. Чечулинъ, Города 126; но у него, кажется, остались нѣкоторые сомнѣнія относительно правильности принятаго имъ мнѣнія. Мы заключаемъ это на основаніи тѣхъ сѣтованій о скудости дошедшихъ до него извѣстій о своеземцахъ, которыми онъ высказывается и на 48 и на 125 стр. Но раньше Бѣляевымъ было высказано другое мнѣніе, хотя только въ видѣ предположенія: „вѣроятно, говоритъ онъ въ изслѣдованіи о поземельномъ владѣніи, это старинные новгородскіе вотчинники“. Совершенно вѣрная догадка, хотя слово „старинные“ придаетъ односторонній, а потому и невѣрный признакъ. Нельзя не пожалѣть, что въ Рассказахъ онъ сталъ на другую точку зрѣнія. Г. Соколовскій думаетъ что „своеземцы были владѣльцами небольшихъ участковъ, которые, кажется, не были собственниками своихъ участковъ“. Очеркъ исторіи сельской общины 10. Ближе къ истинѣ г-жа Ефименко. Она видитъ въ своеземцахъ мелкихъ собственниковъ, которые, однако, съ точки зрѣнія права, ничѣмъ не отличались отъ крупныхъ. Крестьянское землевлѣдѣніе на крайнемъ сѣверѣ, 1884 г., 106. Профессоръ Владиміровскій-Будановъ считаетъ своеземцевъ сельскими тяглыми частными собственниками, но видитъ въ этомъ рѣдкій и исключительный случай. Ближе къ этому и мнѣніе А. С. Лапко-Данилевскаго. Прямое обложеніе 100.

обжа..... И Данилко служить не можетъ. И *нимъ* положено оброку на ту обжу денгами двѣ гривны ноугородскіе, oprичъ обезные данн". II 142—143.

На деревню вдовы Оринки тоже былъ положенъ оброкъ „того дѣля, что служити не можетъ". II 242.

Надо думать, что при описи конца XV вѣка, писцы производили разборъ описываемыхъ своеземцевъ, и тѣхъ, кто былъ годенъ въ службу, записывали въ службу, кто не былъ годенъ, облагали оброкомъ, сверхъ обезной дани. Что это новостъ, это видно изъ приведеннаго мѣста, гдѣ сказано: „и *нимъ* положено оброку“.

Писцовыя книги XV вѣка хотя и предполагають службу своеземцевъ, но помѣщиками ихъ еще не называютъ. И это понятно, они служатъ съ своихъ земель, какъ и московскіе вотчинники. Но въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ конца XVI вѣка говорится уже о помѣстьяхъ за своеземцами, — напримѣръ: „Въ Васильевскомъ же погостѣ пустоши, что были деревни за дѣтми боярскими и за своеземцы въ помѣстьѣ“. Неволинъ, О пятинахъ, Прилож. VI 143.

Надо думать, что въ XVI вѣкѣ нѣкоторые своеземцы надѣлялись уже помѣстьями изъ конфискованныхъ великими князьями въ Новгородѣ земель.

Въ памятникахъ XVI вѣка объ этихъ служилыхъ своеземцахъ рѣчь идетъ уже наряду съ новгородскими помѣщиками. Въ наказѣ новгородскому намѣстнику отъ 1-го ноября 1555 года читаемъ:

„Писали есмь въ вамъ напередъ сего да и грамоты во всѣ пятинны къ ноугородскимъ помѣщикамъ и къ (свое) земцемъ къ вамъ послали, а велѣли вамъ тѣ грамоты къ нимъ разослати, да и отъ себя вамъ велѣли къ нимъ грамоты послати, чтобы они съ людьми, и съ конни, и съ доспѣхомъ, на нашу службу были готовы... А (свое) земцомъ послали къ вамъ роспись, и вы бѣ по той росписи однолично тѣмъ земцомъ нашу службу нарядили“... Д. къ А. И. I 66.

Служилымъ своеземцамъ были уже составлены особые списки (росписи), и они приглашались на службу вмѣстѣ съ помѣщиками. Отъ такихъ служилыхъ надо отличать болѣе мелкихъ своеземцевъ, которые, какъ мы видѣли, облагались не службою, а оброкомъ. Московскіе порядки вводятъ этимъ существенное различіе между своеземцами, неизвѣстное новгородской древности. Оброкомъ въ пользу казны великаго князя облагались и крестьяне тѣхъ старо- и новосведенныхъ бояръ, земли которыхъ не были розданы въ помѣстья, а остались за великимъ княземъ. Мелкіе своеземцы, такимъ образомъ,

вводятся въ разрядъ крестьянъ великаго князя, а болѣе зажиточные въ разрядъ его служилыхъ людей.

Новгородское землевладѣніе мало по малу переходитъ въ московское помѣстное и черное.

Старинная поземельная собственность новгородцевъ носила наименованіе „волости“. Напримѣръ: „Волость Казиміровская да Богдановская Норовова“, и затѣмъ идетъ описаніе селъ и деревень, составлявшихъ волость Казимира Норовова и брата его Богдана. Или „волость Яковлевская Коробова, Москорицы, отдана Федору Филипову сыну Нащокину“. Если же это небольшое владѣніе, оно называется волосткой: „волостка Настасьинская Ивановы жены Григорьева“.

Если на крестьянахъ, сидѣвшихъ на боярской землѣ, лежала натуральная повинность косить сѣно господское, въ такомъ случаѣ говорились: косить волостью.

Слово волость, обозначавшее въ древности всякій административный округъ и даже цѣлое княженіе, употребляется здѣсь для обозначенія собственности потому, конечно, что и собственность состояла подъ властью собственника, какъ административный округъ подъ властью администратора, хотя власть эта и не одинакова по своему существу.

Возникаетъ вопросъ, представляетъ ли новгородское землевладѣніе особенность Новгорода, или оно было нѣкогда и московскимъ, а, слѣдовательно, общерусскимъ?

Новгородское землевладѣніе было общерусскимъ.

Относящіяся къ этому свидѣтельства московскихъ памятниковъ восходятъ къ болѣе глубокой старинѣ, чѣмъ новгородскія писцовыя книги. На первомъ мѣстѣ здѣсь стоятъ духовныя завѣщанія московскихъ князей, изъ которыхъ древнѣйшее написано въ первой половинѣ XIV вѣка. Въ завѣщаніяхъ князей постоянно упоминаются купленные ими у частныхъ людей села и деревни. Иванъ Калита купилъ одно село въ Новгородѣ на Улалѣ, другое въ Володимирѣ—Ворисовское, пять селъ на Масѣ, одно на Кержатѣ, одно въ Ростовѣ и еще два безъ обозначенія мѣста ихъ нахождения. Продавцы не всѣ названы, князь упоминаетъ лишь о какомъ-то Юрьевѣ, Афинѣ, игуменѣ Прокофѣ да митрополитѣ, у котораго онъ вымѣнилъ половину села. Сынъ Калиты, Семень, упоминаетъ въ своемъ завѣщаніи 7 селъ, изъ которыхъ четыре онъ купилъ въ Переяславѣ у Ивана Овцы, два у Ивана Дрюцкаго въ Костромѣ и одно у Семена

Новосильскаго. Итакъ, въ началѣ XIV вѣка у московскихъ князей тѣ же способы пріобрѣтенія недвижимостей, что и у частныхъ лицъ, и частные собственники были въ Володимірѣ, Ростовѣ, Переяславлѣ, Костромѣ, Дмитровѣ и, надо думать, вездѣ; у нихъ князья и покупали себѣ земли. Даже въ самомъ городѣ Москвѣ не все принадлежало князьямъ. Тамъ были дворы и земли, принадлежавшіе частнымъ лицамъ и потомъ уже перешедшіе къ князьямъ. Удѣльный князь Владимиръ Андреевичъ даетъ на Москвѣ своимъ дѣтямъ: Тереховъ садъ, Зворыкинъ дворъ, Игнатѣевъ дворъ, Бутовъ садъ, Марьинъ дворъ, Чичановъ садъ. Василий Васильевичъ отказываетъ своей женѣ дворы у св. Рождества, принадлежавшіе роднымъ братьямъ Петру, Ивану и Никитѣ Константиновичамъ, а сыну Борису дворы Марьи Ѳедоровны. Всѣ эти дворы и сады могли быть куплены князьями, а могли быть и конфискованы. Совершенно то же, что и въ Новгородѣ. Помѣстная система въ это время только зарождается. Иванъ Калита упоминаетъ въ своемъ завѣщаніи лишь одного помѣщика, Борису Воркова, которому онъ далъ купленное имъ въ Ростовѣ село. Для достаточнаго развитія помѣстной системы надо было имѣть подъ руками какое-нибудь иное средство пріобрѣтенія земель. При помощи однихъ купель нельзя было сломить старину. Помѣстная система существенно измѣнила древнее землевладѣніе, но не уничтожила его. Совершенно ясные остатки его находимъ еще въ XVI вѣкѣ, въ писцовыхъ книгахъ того времени. Въ смыслѣ новгородскаго своеземца въ этихъ книгахъ мы встрѣчаемся съ терминомъ—вотчинникъ, который противопоставляется помѣщику. Въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка встрѣчаемъ отдѣльное описаніе вотчинныхъ земель и помѣстныхъ. На основаніи этого описанія можно составить себѣ ясное представленіе о томъ, кто владѣлъ въ Москвѣ вотчинами и на какомъ правѣ.

Въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка, какъ и въ древнемъ Новгородѣ, право владѣть недвижимостями принадлежало какъ физическимъ лицамъ обоюго пола, такъ и юридическимъ. Въ перечисленіи отдѣльныхъ видовъ этихъ лицъ встрѣчаемъ, однако, особенность, мало извѣстную Новгороду. Въ княжеской Россіи появляется у князей множество мелкихъ слугъ; всѣ эти мелкіе слуги, какъ лица свободныя, тоже могли быть вотчинниками.

Московскія писцовыя книги въ числѣ вотчинниковъ называютъ бояръ, дѣтей боярскихъ, гостей, торговыхъ людей, посадскихъ, епископовъ, монаховъ, поповъ, монастыри, церкви, а изъ слугъ: дья-

ковъ, подъячихъ, конюховъ, псарей, поваровъ¹⁾). Въ книгахъ приведены и документы, на основаніи которыхъ они владѣютъ. Это всякаго рода акты распоряженія недвижимостями: купчія крѣпости, закладныя, данныя, рядныя и т. д. Итакъ, московскимъ вотчинникамъ принадлежитъ право распоряженія.

Владѣя на правѣ собственности, вотчинники, какъ и новгородскіе своеземцы, не были обязаны службой. Они могли служить, если хотѣли, и кому хотѣли; а могли и вовсе не служить. Это хорошо извѣстно изъ княжескихъ договорныхъ грамотъ, свидѣтельства которыхъ приведены нами въ I т. древностей. Что права вольныхъ слугъ, утверждаемыя за ними княжескими договорами, были живою дѣйствительностью, а не мертвой буквой, это подтверждается и писцовыми книгами.

Чрезвычайно интересныя указанія на это находимъ въ древнѣйшей изъ писцовыхъ книгъ, напечатанной Калачовымъ²⁾. Это книга тверскихъ волостей: Захотья, Суземья, Микулинскаго уѣзда и волости Воловичей. Опись этихъ волостей обилуетъ подробностями, не встрѣчающимися въ другихъ книгахъ. Здѣсь указано, состоятъ ли вотчинники на службѣ и кому именно они служатъ. Всего вотчинниковъ въ этихъ волостяхъ насчитывается до 574 человекъ. Изъ

¹⁾ Писц. кн. XVI вѣка подъ ред. Калачова, I 59, 88, 84, 102, 128, 233, 607, II 161, 163, 169, 177, 203.

²⁾ Т. II стр. 141 и сл. Издатель отнесъ составленіе этой книги къ концу XVI вѣка. Г. Милюковъ считаетъ ссылки этой писцовой книги на грамоты 1588 г. описками и полагаетъ, что она составлена лѣтомъ 1555 г. Онъ основываетъ свое мнѣніе на томъ, что упоминаемый въ грамотѣ въ числѣ владѣльцевъ князь Дмитрій Ивановичъ Микулинскій умеръ въ 1556 г. Если бы книга была составлена позднѣе этого года, Дмитрій Ивановичъ Микулинскій не былъ бы названъ въ числѣ наличныхъ владѣльцевъ. Спорные вопросы 88. Заключение совершенно вѣрное. Но въ книгѣ упоминается въ числѣ наличныхъ владѣльцевъ и князь Василій Андреевичъ Микульскій (168, 196, 197, 204), а онъ умеръ въ 1540 г. (Шереметевская боярская книга). Это даетъ возможность отодвинуть назадъ составленіе писцовой книги еще лѣтъ на шесть къ 1539 г. Этому противорѣчатъ, однако, нѣсколько ссылокъ на помѣстныхъ грамоты 1517—1548 гг. Надо думать, что здѣсь такая же описка, какъ и въ грамотахъ 1588 г. Указанію на годъ прихода татаръ въ Рязань мы не придаемъ значенія, такъ какъ лицо, сославшееся на то, что татары сожгли его деревню, могло нѣтъ въ виду малой набѣгъ татаръ, не оставившій никакого слѣда въ намѣтникахъ. Для нашей цѣли однако, совершенно безразлично, въ 1555 или въ 1539 году написана эта книга; наши выводы нисколько не пострадаютъ даже и въ томъ случаѣ, если бы она была написана въ концѣ XVI вѣка, что, впрочемъ, трудно допустить.

этого числа на службѣ великаго князя состояло только около 280 человекъ; владыкѣ тверскому служили 60 вотчинниковъ, рязанскому—1, частнымъ лицамъ — 65, никому не служили—150, о 68 ничего не сказано. Нѣкоторые изъ этого послѣдняго разряда состояли, однако, на службѣ великаго князя, какъ, напримѣръ, всѣ князья Микулинскіе, а нѣкоторые изъ неслужившихъ не служили по малолѣтству. Такимъ образомъ, число лицъ, служившихъ частнымъ лицамъ, составляетъ 50% того числа, которое было на службѣ великаго князя.

Мы можемъ даже сказать, чѣмъ послуживцами были эти частные вотчинники. Всего больше ихъ было у князя Дмитрія Ивановича Микулинскаго, число его слугъ достигаетъ 30 человекъ. А этотъ Микулинскій не значится даже среди московскихъ придворныхъ чиновъ; въ 1522 г. онъ былъ только однимъ изъ воеводъ лѣваго полка при осадѣ Казани ¹⁾. У брата его, Семена Ивановича, введеннаго боярина съ 1549 г., такихъ слугъ было 11 человекъ. У жены Василя Андреевича Микулинскаго, княгини Анны,—5 человекъ. Кромѣ Микулинскихъ, тверскіе вотчинники служили боярину Михаилу Яковлевичу Морозову, окольничему Ивану Ѳедоровичу Карпову, князьямъ Ивану Ѳедоровичу и Борису Дмитріевичу Оболенскимъ, Григорію Тимофеевичу Борисову, Пятому Новошину и Андрею Яхонтову; у cadaго изъ нихъ было по одному слугѣ. Итакъ, до половины XVI вѣка и въ Москвѣ вотчинники еще не утратили своихъ старинныхъ правъ—свободнаго владѣнія недвижимостями.

Что касается размѣровъ владѣній частныхъ и княжескихъ слугъ, между ними нельзя провести рѣзкой границы. Среди великокняжескихъ встрѣчаются очень мелкіе люди, съ 8 четями въ полѣ (4 десятины), владѣнія частныхъ слугъ достигаютъ 46 четей въ полѣ. Точно также и размѣръ владѣній лицъ, которые никому не служатъ, не представляетъ какихъ-либо рѣзкихъ особенностей; нѣкоторыя достигаютъ 50 четей въ полѣ.

Итакъ, еще въ половинѣ XVI вѣка служба вотчинниковъ великому князю Московскому еще не была обязательна; они могли никому не служить и по торжали своихъ вотчинныхъ правъ. Они продолжали жить въ своихъ вотчинахъ, наследовать въ нихъ и распоряжаться ими по усмотрѣнію. Но, понятно, большинство изъ нихъ все же служило великому князю; эта служба вела къ награжденію

¹⁾ Микулинская лѣтопись, составленная по древнимъ актамъ отъ 1354 до 1678 гг. М. 1854 г.

помѣстями, доходными должностями, а потому была очень привлекательна.

Великій князь Иванъ Васильевичъ находилъ, однако, этотъ порядокъ частной службы неудобнымъ и по завоеваніи Новгорода отобралъ у нѣкоторыхъ князей и бояръ ихъ служилыхъ людей и помѣстилъ ихъ на конфискованныхъ у Новгорода земляхъ въ Вотской пятинѣ¹⁾. Мысль великаго князя пошла и дальше. Въ завѣщаніи его находимъ нѣсколько распоряженій объ обязательной службѣ вотчинниковъ. Они касаются служебныхъ князей, которые имѣютъ вотчины въ Московской и Тверской землѣ, и бояръ и дѣтей боярскихъ ярославскихъ. Эти лица обязаны служить преемнику великаго князя и теряютъ свои вотчины, если отъ него отѣдутъ. Но это мѣра спеціальная, касается только нѣкоторыхъ служилыхъ лицъ, не простирается на всю территорію государства и, какъ исключеніе, подтверждаетъ только общее правило о вольной службѣ вотчинниковъ, которая и при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ не перешла еще въ обязательную.

Только въ половинѣ XVI вѣка, Иваномъ Грознымъ установлена была уложенная служба со всѣхъ вотчинъ наравнѣ съ помѣстьями. Съ этого времени уклоненіе отъ службы могло вести къ отобранію вотчины. Здѣсь окончилась до-московская старина.

Изъ памятниковъ до-московскаго времени укажемъ на завѣщаніе волинскаго князя Владимира Васильковича 1286 г. У него тоже было купленное село, которое онъ и отказываетъ своей женѣ. Рум. собр. II 4 — 5. Итакъ, князья ни на сѣверѣ, ни на югѣ Россіи не

¹⁾ Послуживцы были отобраны: у Тучковыхъ, у Ивана и Василия, — 17 семей, у князя Семена Риполовскаго — 6, у Шереметевыхъ — 9, у Кузмина — 1, у Есипова — 4, у Травина — 8, у Обрабова — 2 семьи. Карамзинъ VI пр. 201. Слуги частныхъ лицъ были очень разнаго состоянія. На ряду съ вотчинниками среди нихъ могли быть и лица, которые равно ничего не имѣли. Изъ памятниковъ XVII вѣка узнаемъ, что послуживцы оставляютъ дворы своихъ господъ и радятся въ крестьяне и бобыли. Дьяконовъ, Акты тяглаго населенія, I № 41 и 44, 1646—1648 гг. Эти послуживцы ничего не имѣли кромѣ свободы и права располагать своимъ трудомъ. Какого рода люди были послуживцы, которыхъ Иванъ Васильевичъ помѣстилъ въ Вотской пятинѣ, это трудно сказать. Онъ вывелъ ихъ „изъ княжескихъ и боярскихъ дворовъ“; они, слѣдовательно, жили не у себя, а въ господскихъ дворахъ. Но это не значитъ, что они не могли имѣть своихъ вотчинъ. Если государь обратилъ на нихъ вниманіе, то, конечно, потому, что это были люди состоятельные, а не голъ перекатная.

были владѣльцами всѣхъ недвижимостей и пріобрѣтали ихъ тѣми же способами, какъ и всѣ частные люди.

Мы указали выше, что рядомъ съ физическими лицами въ древности были собственниками и лица юридическія: монастыри и церкви. А государство и крестьянскія общины были они собственниками? Отвѣтъ на этотъ вопросъ начнемъ съ Новгорода.

Въ Новгородѣ уже въ очень глубокой древности появилась потребность образовать особые земельные участки, которые можно было предоставлять въ пользованіе постоянно смѣнявшимся тамъ князьямъ. Эти участки не составляли собственности какого-либо частнаго лица, у князя они находились во временномъ пользованіи, и съ удаленіемъ его переходили въ пользованіе его преемника. Это и есть первый примѣръ возникновенія на Руси государственной собственности. Это собственность государя Новгорода Великаго. Древнѣйшее указаніе на нее находимъ въ первомъ дошедшемъ до насъ договорѣ Новгорода съ великимъ княземъ Тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ.

„А позже (луга), княже! сказано въ договорѣ, что пошло тебе и твоимъ мужемъ, то твое; а что былъ отъялъ братъ твой Александръ позже, а то ти, княже, не надобе“. Рум. собр. I № 1, 1265.

Такъ какъ въ томъ же договорѣ есть статья, воспреещающая князю и его боярамъ пріобрѣтеніе въ Новгородѣ недвижимостей, то подъ поздними въ приведенной статьѣ надо разумѣть не купли князя и его мужей, а земли, отведенныя въ ихъ пользованіе Новгородомъ.

Дальнѣйшія указанія на наличность въ Новгородѣ государственныхъ имуществъ находимъ въ писцовыхъ книгахъ конца XV вѣка. Въ нихъ рѣчь идетъ о селахъ и деревняхъ, состоящихъ изъ *старини* за намѣстниками ямскими, орѣховскими и др.¹⁾ Эти села и деревни не собственность того или другого намѣстника, они переходятъ отъ одного намѣстника къ другому; это собственность Новгорода.

Какъ возникла государственная собственность въ Новгородѣ? Прямыхъ указаній на это нѣтъ, но можно сдѣлать догадку. Мы знаемъ, что въ Новгородѣ была особая государственная казна, средства которой шли на выкупъ новгородскихъ недвижимостей, проданныхъ людямъ иныхъ княженій, въ томъ случаѣ, когда самъ продавецъ не могъ выкупить этихъ земель. Такой порядокъ существовалъ

¹⁾ *Временникъ* XI 117; Новог. пис. кн. III 886.

въ Новгородѣ уже въ самомъ началѣ XIV вѣка. Въ договорѣ съ тѣмъ же великимъ княземъ тверскимъ читаемъ:

„А что, княже, селъ твоихъ, и владычныхъ, и княгининныхъ, и бояръ твоихъ, и слугъ твоихъ на Новгородской земли, которое село зашло безъ кунъ, то безъ кунъ поидеть къ Новугороду; а кто купилъ, а тый знаетъ своего истца, или дѣти его. Истца ли не будетъ, ни дѣтей его, цѣловати ему крестъ, како истца невѣдаеть. Взяти ему колико будетъ по исправѣ, а земля къ Новугороду“. Рум. собр. I № 6, 1805.

Тверичи не должны покупать въ Новгородѣ земель. Но могло случиться, что они купили. На этотъ случай и написана приведенная статья. Она предписываетъ возвратить продавцу землю и получить съ него деньги. Но продавца можетъ не оказаться (а можно добавитъ: у продавца можетъ не оказаться денегъ); въ этомъ случаѣ выкупаеть Новгородъ и земля идетъ ему. У Новгорода есть, слѣдовательно, государственная казна. Думаемъ, что земли, предоставляемыя князьямъ и намѣстникамъ, покупались на средства этой казны.

Эта новгородская казна могла имѣть очень длинную исторію, намъ неизвѣстную. Древнѣйшее указаніе на нее можно видѣть въ извѣстіи, относящемся къ княженію св. Владиміра, когда въ Новгородѣ посадничалъ сынъ его Ярославъ. Лѣтописецъ говоритъ, что Ярославъ платилъ дань отцу въ Кіевъ по 2000 гривенъ въ годъ и раздавалъ въ Новгородѣ гридемъ (мечникамъ) по 1000 гривенъ. Едва ли Ярославъ платилъ эти деньги изъ своихъ собственныхъ средствъ; можно думать, что уже тогда была новгородская казна. Весьма вѣроятно, что дань въ Кіевъ тяжелымъ бременемъ ложилась на эту казну. Въ 1015 г. Ярославъ прекратилъ посылку 2000 гривенъ въ Кіевъ. Владиміръ сталъ собирать рать на Новгородъ и приказалъ готовить путь, но заболѣлъ и умеръ. Лавр. Этимиъ была предупреждена война отца съ сыномъ.

Можно допустить, что въ періодъ господства вѣчевыхъ порядковъ и въ другихъ княженіяхъ, гдѣ происходила частая смѣна князей, могли быть недвижности, предоставляемыя въ ихъ временное пользованіе, и принадлежавшія не князю, а княженію. Тамъ же, гдѣ утверждалась одна линія князей и столъ переходилъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени отъ отца къ сыну, такія отведенныя князю земли легко переходили въ наследственное владѣніе княжескаго дома и обращались въ его частную собственность. Такая именно случайность выпала на долю Москвы. Со смерти Ивана

Даниловича на московскомъ престолѣ утверждается линія его нисходящихъ. Были или нѣтъ въ Московскомъ княженіи какія-либо недвижимости, предназначенныя для обезпеченія потребностей князя, мы не знаемъ; но если и были, онѣ должны были слиться съ недвижимостями царствующаго дома. Вотъ почему ни въ Московскомъ удѣлѣ, ни въ великомъ княженіи Владимірскомъ, въ которомъ утверждается та же московская линія князей, ни въ Московскомъ государствѣ мы не находимъ ни малѣйшихъ указаній на наличность государственныхъ имуществъ, которыя отличались бы отъ имуществъ князя. Въ Москвѣ есть только земельныя имущества великаго князя, а не государственныхъ. Земли великаго князя различаются на черныя и дворцовыя; послѣднія приписаны къ дворцамъ и несутъ особыя повинности на ихъ содержаніе; но и тѣ и другія одинаково принадлежать государю и даже повинностями не всегда различаются. Великій князь одинаково распоряжается какъ тѣми, такъ и другими. Черныя земли могутъ быть приписаны ко дворцу, а дворцовыя отписаны въ черныя. И тѣ и другія могутъ быть розданы въ помѣстья и вотчины, могутъ быть назначены сыновьямъ, княгинямъ, дочерямъ, монастырямъ и т. д. Наши источники не дѣлаютъ никакого различія между куплями государя, конфискованными имъ у частныхъ людей землями и другими его владѣніями, способъ приобрѣтенія которыхъ остался намъ неизвѣстенъ. Все это безразлично называется государевыми землями и управляется на одинаковыхъ основаніяхъ.

Совершенно правильная точка зрѣнія на отсутствіе различія въ Москвѣ между частнымъ княжескимъ имуществомъ и государственнымъ давно уже высказана въ нашей литературѣ; но такъ же старо и противоположное мнѣніе о томъ, что черныя земли составляютъ государственную собственность. Первое мнѣніе принадлежитъ В. Н. Чичерину, второе И. Д. Бѣляеву. Послѣднее мнѣніе высказывается нерѣдко и въ новыхъ трудахъ ¹⁾.

Съ прекращеніемъ дома Рюриковичей и съ избраніемъ на московскій престолъ Бориса Годунова могъ возникнуть вопросъ о принадлежности тѣхъ громаднхъ имуществъ, которыя были накоплены по-

¹⁾ Опыты по исторіи русскаго права Чичерина, 1858, стр. 256; *Временникъ* XI О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ Бѣляева стр. 3. 1851. Наличность государственныхъ имуществъ въ Москвѣ и теперь признается проф. Ключевскимъ, *Русская Мысль* 1880 г. № 1 стр. 63; проф. Платоновымъ, *Очерки по исторіи смуты*, 1899, стр. 163 и многими другими.

томками Ивана Калиты въ теченіе XIV, XV и XVI вѣковъ. Для Бориса Годунова они не составляли наслѣдственныхъ владѣній его предковъ. Но такого вопроса не возникло, онъ не былъ по плечу государственныхъ людей того времени, и въ XVII вѣкѣ продолжается прежнее безразличіе государственныхъ и частныхъ владѣній государя.

На почвѣ этого безразличія и возникло, кажется намъ, мнѣніе о вотчинномъ періодѣ русской исторіи, впервые высказанное Кавелинымъ. Но Кавелинъ только намекнулъ на эту мысль, не развивъ и не доказавъ ея. Несмотря на это, брошенный имъ намекъ имѣлъ большой успѣхъ. Послѣдователи его говорятъ о вотчинномъ періодѣ, какъ о твердо установленномъ научномъ фактѣ; въ дѣйствительности это только неосторожное обобщеніе, совершенно, впрочемъ, понятное въ статьѣ столь общаго содержанія, какъ „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи“ Кавелина.

„Съ этого времени (послѣ Андрея Боголюбскаго), говоритъ онъ, все начинаетъ принимать у насъ новый видъ. Сознаніе родового единства между князьями исчезло... Они становятся простыми вотчинными владѣльцами, наслѣдованными господами отцовскихъ имѣній... Княженія обращаются въ ихъ собственность, которую они дѣлятъ между дѣтьми... Когда князь сталъ вотчинникомъ, господиномъ своихъ владѣній, и дружинники его сдѣлались мало-по-малу его слугами... Лицо князя вырастаетъ... Общинное начало сходитъ со сцены. Вѣча теряютъ государственный характеръ. Утверждается постоянная, близкая власть князей, владѣющихъ удѣлами наслѣдственно, какъ вотчинами“ ¹⁾).

Вотъ и все. Здѣсь смѣшеніе частной вотчины съ вотчиной-государствомъ и только. И государство и деревня называются отчиной, если достались отъ отца; и государство и деревня могутъ быть отказаны дѣтямъ и между ними раздѣлены. Но этимъ и ограничивается сходство. Передавая дѣтямъ села и деревни, князья передаютъ имъ свою частную собственность; передавая имъ княженія или части ихъ, они передаютъ имъ свою правительственную власть, право собирать тамгу, мыто и другія пошлины, право судить и оберегать людей отъ воровъ и разбойниковъ. На территоріи княженія, которую князь наслѣдуетъ отъ отца и передаетъ своимъ дѣтямъ, не все принадлежитъ ему въ частную собственность, тамъ есть и другіе частные собственники; но у нихъ нѣтъ ни права тамги, ни права суда,

¹⁾ Сочиненія, изд. 1859. I 348—355.

ни другихъ правъ государственной власти. Этихъ правъ государственной власти нельзя выводить изъ начала собственности. Авторъ сдѣлалъ излишнее обобщеніе и ничего больше. Съ указанной имъ точки зрѣнія рѣшительно ничего не произошло новаго послѣ Андрея Боголюбскаго. То, что онъ считаетъ новымъ, практиковалось всегда. Древнѣйшій случай наименованія княженія вотчинной относится ко времени Владиміра Св. Почти за сто лѣтъ до Боголюбскаго эти вотчины дѣлились уже между дѣтьми вотчинника. На любецкомъ съѣздѣ (1097) князья рѣшили сидѣть въ своихъ отчинахъ. На основаніи этого опредѣленія, три сына Святослава Черниговскаго должны были довольствоваться черниговской отчиной своего отца, то-есть, подѣлить ее между собой. Это дѣлаютъ и московскіе князья до самаго конца XVI вѣка. Итакъ, или вотчинный періодъ, начавшійся при первыхъ князьяхъ, не прекращался до XVII вѣка, или его никогда не было. Сторонники же этого мнѣнія отводятъ вотчинному періоду опредѣленное время, онъ возникаетъ послѣ Андрея Боголюбскаго и начинаетъ уступать свое мѣсто зарожденію государственныхъ началъ только во второй половинѣ XV вѣка. Но въ XVI вѣкѣ московское государство есть отчина московскихъ государей никакъ не менѣе, чѣмъ она была ею въ XIV и XV вѣкахъ; а, съ другой стороны, московскіе князья XIV и XV вѣка также судили и рядили свою землю, какъ и ихъ преемники, то-есть, они были не только вотчинники, но и государи.

Переходимъ къ вопросу о землевладѣніи крестьянскихъ общинъ. Новгородскія писцовыя книги проливаютъ и на него яркій свѣтъ. Къ сожалѣнію, не всѣ эти книги сохранились, а напечатано ихъ еще менѣе, чѣмъ сохранилось. Есть достаточное основаніе думать, что въ концѣ XV вѣка были описаны всѣ новгородскія пятинны. Изъ имѣющихся на лицо переписей напечатаны описи Деревской, Вотской и частью Шелонской пятинны. Неволинь въ изслѣдованіи о пятинахъ и погостахъ новгородскихъ, на основаніи писцовыхъ книгъ XV и XVI вѣка, дѣлаетъ подсчетъ погостовъ во всѣхъ пятинахъ. Въ Деревской ихъ было — 67, въ Вотской — 60, въ Шелонской — 69, въ Обонѣжской — 81 и въ Бѣжецкой — 92, а всего — 869 погостовъ и волостей. Изъ этого числа намъ извѣстны по напечатаннымъ описямъ всѣ Деревскіе и Вотскіе погосты, а изъ Шелонскихъ — 45; всего намъ извѣстно — 172 погоста, неизвѣстно — 197 ¹⁾. Дѣленіе

¹⁾ Описаніе селъ и деревень въ писцовыхъ новгородскихъ книгахъ, если судить по рубрикамъ описанія, а не по содержанію его, ведется по погостамъ.

на пятины, какъ думаетъ Неволинъ, не старое новгородское, а новое, возникшее, по всей вѣроятности, въ концѣ XV вѣка и въ интересахъ московской администраціи. Это мнѣніе надо принять. Новгородскія пятины не обнимаютъ ни Двинской земли, ни Устюжской, ни Торжка съ уѣздомъ. Несмотря на это границы Новгорода въ предѣлахъ пятины были еще весьма значительны. Съ востока на западъ онѣ занимали пространство болѣе 500 верстъ, съ юга на сѣверъ болѣе 700.

На основаніи напечатанныхъ писцовыхъ книгъ мы знаемъ, кому принадлежали новгородскія земли почти въ половинѣ общаго числа новгородскихъ погостовъ (въ 172). Собственниками были: бояре, крупные и мелкіе, купцы, посадскіе люди, крестьяне, попы, церкви, монастыри, владыка, и самъ Великій Новгородъ; но ни одного клочка не показано за крестьянскими общинами.

Этотъ фактъ первостепенной важности хорошо извѣстенъ и защитникамъ древности общиннаго владѣнія крестьянъ, но нисколько ихъ не смущаетъ. Они указываютъ на обширныя земли черносошныхъ крестьянъ въ Обонѣжской пятинѣ и думаютъ, что эти земли составляли исконную собственность крестьянскихъ общинъ ¹⁾.

По изслѣдованіямъ Неволіна, Обонѣжская пятинна также была описана въ концѣ XV вѣка, но эта опись до насъ не дошла. Сохранилась опись этой пятины конца XVI вѣка (1582—1583), которою Неволинъ и пользуется. Эта позднѣйшая опись нѣсколько отличается отъ болѣе древнихъ. Въ описяхъ конца XV вѣка вездѣ указаны прежніе владѣльцы, у которыхъ земли отобраны для раздачи московскимъ служилымъ людямъ. Въ переписяхъ первой половины XVI вѣка такіа указанія есть, но не полныя. Неполнота, въ этомъ отношеніи.

Содержаніе же описанія часто выходитъ изъ предѣловъ погоста, стоящаго въ заголовкѣ, и соединяетъ имѣстѣ владѣнія одного помѣщика, находящіеся въ разныхъ погостахъ, то-есть, ведется по владѣльцамъ. Этимъ, можетъ быть, и надо объяснять то, что дѣйствительное число погостовъ пятины превышаетъ показанное въ оглавленіи. По оглавленію въ Деревской пятинѣ, напримѣръ, 61 погостъ, а въ дѣйствительности Неволинъ насчитываетъ ихъ 67. Лишніе погосты суть: Теребуновскій, Устьянскій, Рамышевскій, Петровскій, Налучскій и Черенчинскій. Всѣ они въ писцовой книгѣ упоминаются, но въ другихъ погостахъ. Для самостоятельнаго описанія въ нихъ, можетъ быть, ничего не осталось.

¹⁾ П. А. Соколовскій, Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи, 1877, стр. 19, 27, 28. Правильно оцѣниваетъ этотъ фактъ г-жа Ефименко. Крестьянское землеуладѣніе на крайнемъ сѣверѣ, 1884, 196.

переписей конца XVI вѣка еще значительнѣе, и понятно почему. Это не первая и не вторая перепись по конфискаціи, а четвертая, а можетъ быть пятая или шестая. Шелонская пятинна описывалась: въ 1498, 1515, 1524, 1539, 1545, 1552, 1570, 1573, 1576, 1582 годахъ. Очень понятно, что въ первыхъ описяхъ можно и даже должно было называть старыхъ владѣльцевъ, бывшихъ у всѣхъ въ памяти и имена которыхъ обозначали владѣніе всѣмъ извѣстной примѣтой; а что могли запятать имена ихъ черезъ 60—80 лѣтъ, когда владѣніе успѣло упрочиться за новымъ владѣльцемъ, или перейти черезъ много рукъ? Ровно ничего. Вотъ почему въ писцовыхъ книгахъ 1582 года старые новгородскіе владѣльцы обозначаются очень рѣдко, и отписанныя у нихъ на государя земли называются коротко: „царя и великаго князя села и деревни черныя оброчныя“. Можно ли отсюда заключать, что эти села и деревни искони принадлежали крестьянской общинѣ? Конечно, нѣтъ.

Къ счастью для торжества исторической истины, и въ Обоинской писцовой книгѣ 1582 года сохранилось нѣсколько указаній на то, что черныя оброчныя земли были конфискованы у частныхъ владѣльцевъ, и ни одного, свидѣтельствующаго о томъ, что онѣ составляли собственность крестьянскихъ общинъ.

Приведемъ первыя.

„Погостъ Ильинской. А въ немъ деревни и пустоши и селища и займища, что были царя и великаго князя оброчныя, а нынѣ въ пустѣ, что были Михайловскіе Оюмина“.

„Въ Рождественскомъ же погостѣ на Олонцѣ села и деревни и починки и пустоши и селища и займища царя и великаго князя дворцовые, что прежь сего отписаны у наугородцкаго архіепискупа Пимины“...

„Въ Выгоозерскомъ же уѣздѣ Соловетскаго монастыря деревни старыя Маренискія боярщины Исаковы въ Виршѣ рѣкѣ... И всѣхъ Соловетскихъ участковъ, что имъ далъ царь и великій князь, 38 участковъ“.

Старую боярщину Мары Борецкой царь и великій князь далъ монастырю и она стала участкомъ его владѣній; а если бы онъ оставилъ за собой, она была бы—селами и деревнями царя и великаго князя черными оброчными.

„Въ Молвотицкомъ же погостѣ, что были деревни Николского мо-

настиря съ Соколинчъ, а нынѣ пустоши и лѣсомъ поросли, стоять за государемъ не въ роздѣтъ" ¹⁾).

Эти данныя мы можемъ пополнить фактами изъ древнѣйшихъ еще ненапечатанныхъ писцовыхъ новгородскихъ книгъ конца XV вѣка. Въ напечатанныхъ книгахъ иногда говорится, что государевы дворцовыя земли писаны особо. Такія ссылки возбуждаютъ особое вниманіе изслѣдователя. Не причислены ли ко дворцу земли, принадлежавшія не частнымъ лицамъ, а крестьянскимъ общинамъ? Можетъ быть, поэтому ихъ и писали особо? Хранящаяся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи копія съ писцовой новгородской книги дворцовыхъ земель даетъ возможность отвѣтить на этотъ вопросъ самымъ определеннымъ образомъ. Ко дворцу были приписаны земли, конфискованныя тоже у частныхъ владѣльцевъ; между дворцовыми волостями также нѣтъ ни одного клочка земли, принадлежавшаго крестьянскимъ общинамъ. Составленіе особыхъ книгъ для этихъ земель объясняется тѣмъ, что онѣ состояли въ вѣдомствѣ дворецкаго, которому и сообщалась опись дворцовыхъ волостей ²⁾).

¹⁾ Изъ приложеній къ вышеприведенному изслѣдованію Неволлина стр. 142, 153, 169, 278. Еще сохранилось указаніе на прежнихъ частныхъ владѣльцевъ на стр. 187.

²⁾ Эта копія содержитъ въ себѣ списки съ шести описей дворцовыхъ земель, составленныхъ въ разное время, въ концѣ XV, въ XVI, а одна въ XVII вѣкѣ. Расположены онѣ не въ хронологическомъ порядкѣ. Сначала идетъ списокъ съ книги 7009 года на листахъ 1—35, потомъ 7059 г. на листахъ 36—55, за этимъ спискомъ слѣдуютъ книги: 7086 г. л. 56—102, 7128 г. — л. 103—160, 7082 г. — л. 161—250 и наконецъ 7007 г. — л. 251—274. Обѣ книги конца XV вѣка принадлежатъ писму Матѣя Валуева, того самаго, который въ 1598 году описывалъ всю Шелонскую пятину. Приведемъ изъ этой древнѣйшей описи интересующія насъ мѣста.

Книга 7007 года, л. 251. „Погостъ Коростынской воцѣ великому князю съ помѣщикомъ съ Митею Трусомъ, а на немъ церковь великіи Никола, за великимъ княземъ на Матрунинскомъ участкѣ Кривого, да на Ойдовѣевскомъ участкѣ Мыльникова, да на Онаньенскомъ участкѣ Иванова, да на Благовѣщенскаго монастыря участкѣ,—во дворѣ Захаръ Дмитровъ“ и т. д. идетъ перечисленіе дворовъ, описанныхъ на великаго князя.

Л. 258. „Село пустошь, что было Благовѣщенскаго монастыря“.

Л. 253 об. „Да въ томъ же селѣ на Захаровскомъ участкѣ Мастерова, да на Павловскомъ Бычкова безпашенные люди, что давали Митѣ Трусону да Ромку Харламову поземъ“...

Въ концѣ итогъ деревень и дворовъ „сведенныхъ бояръ и что были монастырскіе“, и доходъ по старому писму и по новому.

Отсутствіе указаній въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ на землевладѣніе крестьянскихъ общинъ имѣетъ рѣшающее значеніе по вопросу о земельной собственности крестьянскихъ общинъ. Если ни въ одномъ изъ 172 погостовъ, подробно описанныхъ въ древнѣйшихъ книгахъ, не было ни одного клочка, принадлежавшаго крестьянскимъ общинамъ, если въ книгахъ конца XVI вѣка сохранились еще указанія на конфискацію частной земельной собственности и ни одного на принадлежность земли крестьянскимъ общинамъ, то потому, надо думать, что такихъ собственниковъ въ Новгородѣ и не было. А въ Новгородѣ было все, что было въ остальной Руси. Надо думать, что и въ остальной Руси собственность крестьянскихъ общинъ не принадлежала къ исконнымъ явленіямъ нашей исторіи.

Также съ поименнымъ перечисленіемъ прежнихъ владѣльцевъ, сведенныхъ бояръ и монастырей, описаны погосты Буряга и Сумерскій.

Книга 7009 года, л. 1. „Въ Новгородскомъ уѣздѣ въ Паозерьи великаго князя село у Троицы въ Паозерьи Оеросиньинское Федоровы жены Самсонова, да Матрунинское Вожила, да Оксентьевское Щоткина, а въ немъ церкви Троица“. „Дворъ великаго князя Офросиньинской, а въ немъ конюхъ“.

„А пашни великаго князя въ томъ селѣ“ и т. д.

Л. 4 об. „Да къ Троецкому селу приписалъ Матей Валуевъ великаго князя деревни сведенныхъ бояръ въ Паозерьи же и въ Поверезьи и въ Заверезьи“.

А далѣе поименованы эти сведенные бояре:

„Въ Паозерьи великаго князя деревни Алексѣевскія Васильева сына Ломанова, да Ивановскія Ананьина сына Голинскаго, да Федоровскіе Семенова сына Берденева, да Григорьевскіе Тучина, да Лукинскіе Толстого“ и т. д., а затѣмъ идетъ описъ селъ, деревень и крестьянскихъ дворовъ, при чемъ иногда опять упоминаются имена перечисленныхъ уже старыхъ владѣльцевъ, сведенныхъ бояръ.

На л. 12-мъ перечисляются сады сведенныхъ бояръ и ихъ пожни, а на 13-мъ купли великаго князя у монастырей, которыя тоже поступили въ дворцовыя.

На л. 21 приведенъ итогъ въ такой формѣ: „И всѣхъ деревень во всѣхъ боярщинмахъ и что были монастырскія по старому писму 82, а дворовъ 55 и людей 62, а обжа 77, а стараго дохода“ и т. д.

На об. 22 л. показаны тони, состоявшія тоже въ частномъ владѣніи отдѣльныхъ лицъ.

Л. 30 об. „Великаго князя волость Боротна Ивановская Кузмина сына Савелкова. Погостъ Боротна“. А далѣе идетъ описаніе церкви на немъ, дворовъ не тяглыхъ, деревень тяглыхъ и пр.

На л. 33 послѣ итоговъ: „А стараго доходу съ тое волости шло Ивану Кузмину денегъ“ и т. д. Любопытное указаніе. Старый доходъ, по всей вѣроятности, всегда обозначаетъ доходъ сведенныхъ новгородскихъ бояръ.

На слѣд. 34 л. встрѣчаемъ описаніе волости того же владѣльца, Ивана Кузмина Савелкова. Но при исчисленіи стараго дохода не сказано, что онъ шелъ ему. Это, конечно, само собой разуміется.

Землевладѣніе крестьянскихъ общинъ возникаетъ, слѣдовательно, уже на глазахъ исторіи и въ Новгородѣ, какъ увидимъ, нѣсколько позднѣе, чѣмъ въ Москвѣ. Въ Новгородѣ возможность землевладѣнія крестьянскихъ общинъ открывается съ конфискаціи земель частныхъ владѣльцевъ въ пользу царя и великаго князя московскаго. Въ писцовыхъ книгахъ можно наслѣдить и зародыши такого возникновенія общинныхъ земель и водъ.

Конфискація земель частныхъ владѣльцевъ произвела громадную перемѣну въ положеніи крестьянъ, переведенныхъ на оброкъ и записанныхъ за великимъ княземъ. Крестьяне эти стали называться крестьянами царя и великаго князя, а земли и воды, отписанныя на великаго князя, стали предоставляться въ ихъ непосредственное пользованіе и владѣніе и облагаться оброкомъ въ государеву казну въ замѣнъ прежнихъ повинностей въ пользу землевладѣльца. Такъ возникъ тотъ своеобразный видъ поземельныхъ отношеній, о которомъ крестьяне въ памятникахъ конца XV и XVI вѣка говорили: „то земля царя и великаго князя, а нашего владѣнія“. Тѣ же земли назывались: волостными, тяглыми, черными.

Здѣсь должны мы исправить нашу ошибку и отказаться отъ мнѣнія,

Таково содержаніе двухъ древнѣйшихъ писцовыхъ книгъ 7007 и 7009 годовъ.

Въ болѣе новыхъ книгахъ описываются иногда тѣ же самые погосты. Но въ позднѣйшихъ книгахъ не всегда встрѣчаются указанія на прежнихъ владѣльцевъ. Въ книгѣ 7082 г. описаны погосты Корытынскій и Бурягинскій. При описаніи Корытынскаго погоста указаны тѣ же сведеные бояре, которые перечислены и въ описи 7007 и нами выше приведены. Въ той же старой описи 7007 г. сказано, что погостъ Буряга, великаго князя волость, былъ прежде Варварскаго монастыря съ Черницыны улицы (л. 282). Въ описи же 7082 г. это указаніе опущено, (л. 241). Это, впрочемъ, рѣдкій случай. Въ этой книгѣ постоянно указываются старые владѣльцы, для примѣра см. л. 161, 166, 168 об., 169 об., 171, 176, 192, 201, 218, 216, 220, 228, 236, это все сведеные бояре и монастыри.

Погостъ Корытынскій описывается и въ самой поздней книгѣ 7128 года. Въ этомъ описаніи можно узнать тотъ же Корытынскій погостъ, описанный еще въ 7007 году: на немъ та же церковь Николи, къ нему тянется то же село Пугошь; не смотря на тожество описываемыхъ мѣстъ писецъ, 7128 года не нашелъ нужнымъ упомянуть прежнихъ новгородскихъ владѣльцевъ, сведенныхъ бояръ, подробно перечисленныхъ въ описи Матѣи Валуева 7007 г. Къ 1620 году о нихъ, конечно, успѣли забыть. Благодаря этому пропуску, и могло сдѣлаться неяснымъ, какого происхожденія эти дворцовыя земли, для насъ, конечно, а люди XVII вѣка, по всей вѣроятности, еще знали это.

Всѣ коніи переизданы въ одну книгу, на корешкѣ которой написано: Списокъ съ писцовой книги Новгородскаго уѣзда. 7009. 7032. 2705 г. И ниже: Н. 706. Книга 122. Въ печатной описи содержаніе книги разнесено по годамъ.

высказаннаго въ I т. Русскихъ юридическихъ древностей (стр. 212—219) относительно правъ князя и крестьянскихъ общинъ на эти черныя, тяглыя земли. Исходя изъ того, что крестьяне называютъ эти земли нашими волостными, что они наследуютъ эти земли, распоряжаются ими и выступаютъ на судѣ истцами и отвѣтчиками въ спорахъ объ этихъ земляхъ, я утверждалъ, что эти земли составляютъ собственность крестьянскихъ общинъ.

Изученіе писцовыхъ новгородскихъ книгъ дѣлаетъ совершенно яснымъ отсутствіе у насъ въ древности земельной собственности крестьянскихъ общинъ; все крестьянское землевладѣніе возникло у насъ изъ земель, отписанныхъ на государя. Всѣ конфискованныя Иваномъ Васильевичемъ земли составляютъ его собственность и предоставляются имъ или въ условное владѣніе помѣщиковъ или въ оброчное владѣніе крестьянъ, которые и прежде сидѣли на нихъ по поряднымъ, заключеннымъ со старинными собственниками. О хозяйственномъ устройствѣ этихъ крестьянъ мы будемъ говорить послѣ, а теперь остановимся на вопросѣ о томъ, какія же права принадлежать имъ на эти княжескія земли?

Древнія поземельныя отношенія не всегда можно мѣрять нашею мѣрою и объяснять юридическими понятіями нашего времени.

Въ XV, XVI и даже въ XVII вѣкѣ никому и въ голову не приходило опредѣлять права крестьянъ на государевы земли. Всѣмъ было ясно, что они не собственники. Что же касается правительства, то оно опредѣляло только повинности крестьянъ съ этихъ земель. Крестьяне состояли на казенномъ оброкѣ до тѣхъ поръ, пока правительство не находило нужнымъ назначить землю, на которой они сидѣли, кому-либо изъ помѣстьевъ, или отдать монастырю и пр. Съ этого момента помѣщикъ становился владѣльцемъ земли на помѣстномъ правѣ, монастырь на основаніи жалованной грамоты и пр., а крестьяне сидѣли на землѣ того или другого помѣщика или монастыря, согласно съ тѣми условіями, которыя предъявлялъ имъ новый землевладѣлецъ; а не правились условія, они могли уйти.

Возникаетъ вопросъ, пока земля оставалась непосредственно за государемъ, въ чьемъ владѣніи она состояла, во владѣніи общины или отдѣльныхъ крестьянъ? Даже это не было опредѣлено. По писцовымъ книгамъ отдѣльные участки показаны за отдѣльными крестьянами, они, надо полагать, и суть владѣльцы этихъ участковъ, а не община. Но въ это же время впервые появляются и нѣкоторыя условія, при наличности которыхъ можетъ зародиться мысль о правахъ цѣлой общины на

земли и воды. Прежнія повинности землевладѣльца переводятся на оброкъ въ государствену казну, но этотъ оброкъ опредѣлялся не на каждую деревню или дворъ, какъ опредѣлялся доходъ господина, а огульно на все имѣніе. Раскладка новаго оброка между отдѣльными членами становится дѣломъ всѣхъ крестьянъ, то-есть общины, а вмѣстѣ съ этимъ должна зародиться и мысль, что и земля—общинная. Что же касается угодій, принадлежавшихъ прежнимъ господамъ, напримѣръ, озеръ, то они прямо записываются за всѣми крестьянами подлежащаго имѣнія. Въ писцовыхъ книгахъ читаемъ:

„Озеро Сяберо вѣоче великаго князя христьяномъ Ондреевскимъ Олешинскаго съ помѣстчики, съ Гавриломъ Неплюевымъ“ и др.

„Озеро Вердуга вѣоче великаго князя христьяномъ Яковлевскимъ Коробова съ помѣстчики, съ Иваномъ Нащокнымъ“ и др.

„Озеро Пелюго вѣоче великаго князя христьяномъ Феодоровскимъ Сѣкирина съ тѣми же помѣстчики“ и пр. ¹⁾

Озеро Сяберо состояло въ общемъ владѣніи Андрея Олешинскаго съ другими новгородскими своеземцами; озеро Вердуга—состояло за Яковомъ Коробовымъ, а озеро Пелюго за Феодоромъ Сѣкиринымъ—также въ общемъ владѣніи съ другими лицами. Всѣ эти владѣнія конфискованы, нѣкоторыя изъ нихъ отданы помѣщикамъ, другія остались за государемъ. Доли участія во владѣніи озерами и, слѣдовательно, рыбными промыслами, принадлежавшія этимъ прежнимъ владѣльцамъ, переданы теперь ихъ крестьянамъ, то-есть сельскимъ общинамъ, которыя и какъ административныя то единицы теперь только и возникаютъ.

Итакъ, и отдѣльные крестьяне и цѣлыя общины могутъ и дѣйствительно считаютъ себя владѣльцами государевыхъ земель. Но эти общины первоначально образуются изъ совокупности крестьянъ, сидѣвшихъ на земляхъ одного опредѣленнаго своеземца: Коробова, Сѣкирина, Олешинскаго и пр.

Общины, имѣющія участіе въ озерѣ, могутъ сдавать свое право въ аренду; общины, обложенныя однимъ огульнымъ оброкомъ, могутъ сдавать запустѣвшіе участки новымъ пришельцамъ для пополненія своихъ платежныхъ силъ; наконецъ, прямой интересъ общинъ защищать свои владѣнія на судѣ. Онѣ все это и дѣлаютъ. А прежде эти права принадлежали гг. Олешинскому, Коробову, Сѣкирину и друг.

Но и отдѣльные члены общины имѣютъ гораздо болѣе одного

¹⁾ Новг. писц. кн. IV 81 сл.

права пользованія государственной землей. Они передаютъ ее въ порядкѣ законнаго наслѣдованія и распоряжаются ею: продаютъ, дарятъ и пр. Это несогласно съ правами общины и можетъ нарушать ея интересы. Но вновь зарождающіяся права общинъ еще не достаточно созрѣли, чтобы противодействовать такимъ распоряженіямъ отдѣльныхъ членовъ общины; а съ другой стороны, такіа дѣйствія отдѣльныхъ членовъ и не всегда нарушали интересы общины. На эту неразме- жованность правъ общины и отдѣльныхъ ея членовъ мы имѣли уже случай указать (I т. Рус. юр. древ. стр. 215 и сл.), и эти указанія и теперь остаются въ силѣ.

Что касается правительства, то у него не было поводовъ вмѣшиваться въ хозяйственные и иныя распоряженія крестьянъ и ихъ общинъ предоставленными въ ихъ пользованіе и владѣніе землями, если только съ этихъ земель исправно поступали наложенныя на нихъ повинности. До насъ дошли только распоряженія московскаго правительства на случай перехода этихъ земель къ лицамъ, пользовавшимся льготами отъ тягла черныхъ людей. Эти распоряженія восходятъ къ концу XIV вѣка. Правительство предписываетъ такимъ людямъ или тянуть тягло съ черными людьми, или возвратить имъ земли даже даромъ. Въ XVII вѣкѣ такіа продажи и вовсе запрещались.

Помимо этого, правительству было рѣшительно безразлично, какъ переходятъ черныя земли отъ одного лица къ другому, какъ и кто ими распоряжается. Оно не находило даже надобности принимать участіе въ судебныхъ спорахъ о черныхъ земляхъ въ качествѣ стороны, хотя эти земли и составляли его собственность. На судѣ участвовали только крестьяне — то какъ представители общины, то какъ частныя владѣльцы, и спорныя земли отходили по опредѣленію суда въ частное владѣніе безъ запроса представителя казны ¹⁾.

Итакъ, землевладѣніе крестьянскихъ общинъ въ новгородскихъ пятинахъ возникаетъ не ранѣе конца XV вѣка. Оно появляется на конфискованныхъ въ пользу государя земляхъ и представляетъ нѣ-

¹⁾ Рус. юр. др. I 218, 228. Къ приведеннымъ тамъ фактамъ можно добавить судебное дѣло конца XV вѣка. Истцы — староста и всѣ крестьяне захѣские, отвѣтчикъ — Сергіевъ монастырь, предметъ спора — тяглая, черная, волостная земля. Интересы казны ничѣмъ не были представлены. Дѣло рѣшено въ пользу монастыря. А. до Юр. 6. I № 52, ш. Тогда же волость, староста съ крестьянами, отводятъ гдѣсь великаго князя во владѣніе трехъ крестьянъ Словенскаго Волочка. А. Юр. № 6, около 1490 г.

которыя особенности, которыя не вполне соотвѣтствуютъ нашимъ понятіямъ о собственности, владѣніи и пользованіи.

Такого же происхожденія, надо думать, и землевладѣніе крестьянскихъ общинъ въ Вятской, Двинской землѣ и въ Псковѣ. Вятская и Двинская земля присоединены къ Москвѣ тѣмъ же великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ, и нѣтъ ни малѣйшаго основанія сомнѣваться, что къ нимъ были примѣнены и тѣ же мѣры присоединенія, что и къ Новгороду, то-есть, значительные землевладѣльцы были выселены, а земли ихъ сдѣланы черными оброчными. Относительно Вятки есть и прямое извѣстіе лѣтописи, относящееся къ самому году ея взятія. На предложенное вятчанамъ условіе—выдать виновныхъ „въ несправленіи“, они отвѣчали отказомъ; тогда воеводы великаго князя взяли Вятку (1489 г.), а лучшіе люди были выведены и помѣщены въ московскихъ городахъ. Воскрес. л. Нѣтъ основанія думать, что на ихъ мѣсто были посажены московскіе служилые люди. Всѣ ихъ земли сдѣланы государевыми черными, оброчными. Этимъ объясняется значительное число государевыхъ черныхъ оброчныхъ земель, которое сохранилось въ этихъ окраинахъ Московскаго государства, и такъ радуется сторонниковъ незапамятной древности нашего общиннаго землевладѣнія. Псковъ былъ присоединенъ къ Москвѣ сыномъ Ивана Васильевича, великимъ княземъ Василиемъ. Этотъ городъ оказалъ великому князю еще менѣе сопротивленія, чѣмъ Новгородъ; тѣмъ не менѣе московскій государь приказалъ взять за пристава посадниковъ и лучшихъ бояръ, всего 300 семей, и перевезти ихъ въ Москву. Псков. I 1510. Съ этого времени и въ Псковѣ могли образоваться царя и великаго князя черныя, оброчныя села и деревни.

Въ Московскомъ государствѣ была произведена социальная реформа великой важности, едва ли достаточно отмѣченная нашей исторіей: поземельная собственность изъ рукъ бояръ и бояришекъ перешла въ руки рабочаго населенія.

Василій Ивановичъ шелъ по стопамъ своего отца. А Иванъ Васильевичъ, примѣнившій систему конфискаціи въ такихъ громадныхъ размѣрахъ ко всѣмъ новгородскимъ пятинамъ, къ Вяткѣ и Двинѣ, неужели не имѣлъ предшественниковъ? Это не только трудно, но и невозможно допустить. Ничто новое не возникаетъ въ исторіи разомъ, въ такомъ всеоружіи, какъ колоссальная конфискація Ивана Васильевича. Онъ имѣлъ своихъ предшественниковъ.

Всякая война и изъ самой глубокой древности вела къ конфискаціи земель побѣжденнаго противника. Но при незначительности размѣровъ

древнихъ княженій, приблизительномъ равенствѣ силъ противниковъ и необходимости, при этихъ условіяхъ, въ компромиссахъ, эти конфискаціи не могли достигать большихъ размѣровъ, а земли, такъ добытыя, предоставлялись въ пользованіе крестьянъ. Хорошо, если ихъ было достаточно для нуждъ самого князя побѣдителя и его ближайшихъ помощниковъ. Только съ успѣхами московскаго объединенія открывается возможность оставлять конфискованныя земли въ непосредственномъ пользованіи и владѣніи крестьянъ. Образование черныхъ, оброчныхъ земель идетъ параллельно съ развитіемъ территоріи московскаго государства. Московскіе государи съ половины XIV вѣка вступаютъ на путь широкихъ земельныхъ приобрѣтеній, они присоединяютъ къ Москвѣ села и волости, и цѣлыя удѣлы и княженія, при чемъ земли опасныхъ и неугодныхъ имъ лицъ, конечно, конфискуются и передаются вѣрнымъ слугамъ или оставляются за крестьянами, какъ это было въ Новгородѣ. Такъ, надо думать, еще до покоренія Новгорода возникли черныя волостныя земли въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, Вологодскомъ и другихъ приобрѣтеніяхъ Москвы, о которыхъ говорятъ памятники XV и XVI вѣка.

Въ духовныхъ завѣщаніяхъ московскихъ князей весьма нерѣдко содержатся распоряженія селами и деревнями, которыя называются именами ихъ старыхъ владѣльцевъ. Въ числѣ селъ и деревень великаго князя Дмитрія Ивановича упоминаются Жирошкины деревни въ Московскомъ уѣздѣ, земли какого-то Ивана Васильевича въ Гремичахъ и село Ивана Хороброва. Серпуховскому князю Владиміру Андреевичу принадлежало въ Московскомъ уѣздѣ село, бывшее Дмитрія Воронина. Жирошкины деревни Василій Дмитріевичъ получилъ отъ отца и передалъ ихъ своему сыну, а женѣ своей назначилъ села, бывшія Онтоповскіе въ Бѣжецкомъ Версѣ. Ему же принадлежатъ бывшія Головинскія деревни и многочисленныя села и деревни Ѳедора Снблова, которыя находились и подъ Москвой, на Яузѣ, и на Устюгѣ, и на Вологдѣ. Также были многочисленны села и деревни Петра Константиновича, которыя упоминаются въ завѣщаніи Василя Васильевича. Они лежали за Волгой по Шекснѣ, на Истрѣ и въ Юрьевѣ. Своей женѣ великій князь назначаетъ село Миханла Данилова, что на Костромѣ. О приобрѣтеніи этихъ селъ и деревень покупкой нѣтъ и намека. Въ завѣщаніяхъ московскихъ князей не разъ идетъ рѣчь о ихъ купляхъ, но то другія имѣнія, а не перечисленныя. Наименованіе этихъ селъ и деревень по имени прежнихъ владѣльцевъ такъ и переноситъ насъ ко времени составле-

нія новгородскихъ писцовыхъ книгъ, гдѣ также всѣ села и деревни обозначаются именами старыхъ владѣльцевъ. Новгородскія новшества конца XV вѣка, очень можетъ быть, составляютъ московскую старину XIV вѣка.

Все землевладѣніе крестьянскихъ общинъ возникло у насъ на земляхъ, составляющихъ собственность московскихъ государей. Государи пріобрѣтали эту собственность самыми разнообразными способами: путемъ войны съ сосѣдями, куплями и конфискаціей. Всѣ эти способы были извѣстны съ самой глубокой древности. Колоссальныхъ размѣровъ конфискація достигаетъ въ царствованіе великаго князя Ивана Васильевича. Но она не имѣла начала, не имѣла и конца. Значительныя конфискаціи происходятъ въ XVI вѣкѣ, еще большія въ XVII вѣкѣ. По Уложенію приказано было отписать на государя *все вотчины и помѣстья*, которыя сошлись близко съ городскими посадами. Такихъ земель, конечно, было очень много. Но о порядкѣ исполненія этой статьи мы не имѣемъ свѣдѣній ¹⁾.

Такое изъ ряду вонъ выдающееся вниманіе правительства въ частную собственность, продолжающееся цѣлые вѣка, должно было значительно подорвать свойственную всякому собственнику мысль о неприкосновенности его владѣній. А съ другой стороны должна была возникнуть идея о принадлежности правительству, по крайней мѣрѣ, всѣхъ никѣмъ не занятыхъ земель. Въ началѣ XVI вѣка пять человекъ двинянъ нашли въ Двинскомъ уѣздѣ на рѣчкѣ Юрѣ солонные ключи. Поселенія тамъ не было и земля и вода никому не принадлежали. Но они не рѣшились занять ихъ, начать строить дворы и распахать землю. Они нашли нужнымъ обратиться къ правительству съ просьбой о разрѣшеніи ключи солонные чистить, лѣсомъ сѣчь,

¹⁾ Уложеніе XIX 8 и 9. На продолжающуюся конфискацію частныхъ владѣній въ царствованіе Ивана Грознаго находимъ указанія въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка. При немъ были розданы въ помѣстья вотчины, конфискованныя въ Московскомъ уѣздѣ у кн. Маріи Воротынской, у Вас. Бор. Кутузова, у кн. Ив. Келмамаева, въ Веневскомъ — у кн. Ив. Ѳед. Мстиславскаго, въ Вѣлозерскомъ — у Новинскаго монастыря и пр. Калачовъ I 122 сл., II 414, 1537 сл. Еще свѣдѣнія о конфискаціяхъ въ XVI вѣкѣ, А. И. I № 164, 222; 1556 — 1588 гг. Въ писцовыхъ книгахъ Рязанскаго края конца XVI вѣка находимъ указанія на раздачу въ помѣстья вотчинъ Сем. Дм. Константинова, Ив. Сем. Вельяминова, Ив. Коробына. Сторожевъ I вып. 1, 42, 261 сл. Во второмъ выпускѣ того же изданія читаемъ: „А прежь того то село Гавриловское и ухомъ были Спасіе, что Спасъ въ городѣ Переяславѣ; и князь Ѳеодоръ Васильевичъ взялъ то село у Спаса“... стр. 419.

дворы ставить, людей къ себѣ звать, пашню пахать. Правительство разрѣшило. Отъ того же времени встрѣчаемся даже съ просьбами о разрѣшеніи купить у кого-нибудь землю. Въ 1518 г. дмитровскій князь Юрій Ивановичъ разрѣшилъ своему дворецкому купить въ Кашиинскомъ уѣздѣ деревни у разныхъ лицъ. Въ концѣ грамоты сказано, что покупщикъ воленъ, если пожелаетъ, куплю эту продать, промѣнять и даромъ отдать. Это право отчужденія, конечно, всегда принадлежало собственнику и само собой разумѣется. Но въ Москвѣ права частной собственности сильно поколеблены, а потому не мѣшаетъ запастись правительственнымъ разрѣшеніемъ и на покупку и на продажу ¹⁾. Что дозволено правительствомъ, то и крѣпко.

Древности до-московскія и московскія одинаково наши русскія древности, но онѣ очень мало другъ на друга похожи. До Москвы господствующій типъ землевладѣльца — своеземецъ-собственникъ, въ Москвѣ господствующій типъ землевладѣнія — зависимый отъ правительства землевладѣлецъ, каждый шагъ котораго нуждается въ разрѣшеніи и утвержденіи правительства, иначе права его будутъ не ясны и не тверды. На почвѣ конфискаціи частной земельной собственности, произведенной въ громаднѣхъ размѣрахъ, возникаетъ какъ помѣстное владѣніе, такъ и неизвѣстное древней Руси землевладѣніе крестьянскихъ общинъ, которое, однако, ежеминутно можетъ превратиться въ землевладѣніе служилыхъ людей, а крестьяне общинники изъ государевыхъ черносошныхъ людей стать крѣпостными.

Въ XVIII вѣкѣ начинается обратное движеніе къ выработкѣ чистаго типа земельной собственности. Мы теперь ближе къ до-московскимъ древностямъ, чѣмъ къ московскимъ. Перемѣщеніе поземельной собственности изъ рукъ своеземцевъ въ руки помѣщиковъ и крестьянскихъ общинъ, производившееся московскими государями въ теченіи многихъ вѣковъ, служило имъ могучимъ средствомъ для укрѣпленія своей власти и объединенія русской земли. Это была политическая и социальная реформа необыкновенной важности. Великій князь Иванъ Васильевичъ хорошо зналъ, что говорилъ, когда говорилъ новгородцамъ въ 1477 году: „селомъ быть, волостемъ быть“.

В. Сергѣевичъ.

¹⁾ А. Д. I № 385, 1524 г.; № 165, 1518 г.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ

ЧАСТЬ СССХХХІ.

1900.

ОКТЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія „В. С. Балашевъ и К^о“, Наб. Фонтанки, 95.

1900.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. Именной Высочайшій указъ, данный Правительствующему Сенату.	79
II. Высочайшія повелѣнія	—
III. Высочайшіе приказы	125
IV. Министерскія распоряженія	133
V. Опредѣленія Ученаго Комитета Мин. Нар. Пр.	149
VI. Опредѣленія Особаго отдѣла Ученаго Комитета Мин. Нар. Пр.	156
VII. Опредѣленія Отдѣленія Ученаго Комитета Мин. Нар. Пр. по техническому и профессиональному образованію	157
Открытіе училищъ	—

В. И. Сергѣевичъ. Древности русскаго землевладѣнія. 2.	225
И. И. Соловейчикъ. Исслѣдованія о надписи Мини. I—VI (съ ри- сункомъ)	274
Е. Ф. Шиурло. Критическія замѣтки по исторіи Петра Великаго. XI (продолженіе)	335
И. А. Водуанъ-де-Куртена. Лингвистическія замѣтки	367
Г. Н. Шмелевъ. Объ источникахъ Соборнаго Уложенія 1649 г.	375

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

И. И. Лаппиниъ. С. Аскольдовъ. Основныя проблемы теоріи позна- нія и онтологіи. С.-Пб. 1900	388
Я. Н. Колубовскій. <i>Meil. Enzyklopädisches Handbuch des Blinden- wesens</i>	400
Ф. А. Витбергъ. Н. Абрамовъ. Словарь русскіхъ синонимовъ и сходныхъ по смыслу выраженій	406
— Книжныя новости	418

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Н. Карпезъ. Замѣтки о преподаваніи исторіи въ средней школѣ	9
Н. Карпезъ. Учебная книга новой исторіи	—
Александръ П. Стефановъ. Уроки латинскаго языка.	15
S. Arsenieff und A. Blomerius. Anfangsstufe des methodisch-praktischen deutschen Sprach-Unterrichts	16
A. Blomerius. Mittlere Stufe des methodisch-praktischen deutschen Sprach-Unterrichts	—
К. Я. Бялицкій. Учебникъ нѣмецкаго языка	19
— Краткая нѣмецкая грамматика	—
— Нѣмецкая хрестоматія	—
Е. Воскресенскій. Языкъ важнѣйшихъ приведеній русской словесности XI—XIX вѣковъ	22
Н. Изюмскій. Краткій курсъ естественной исторіи	23
А. Малининъ. Руководство прямолинейной тригонометріи для гимназій и реальныхъ училищъ	24
А. И. Георгіевскій. Въ исторіи ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія	25

(См. 3-ю стр. обложки).

ДРЕВНОСТИ РУССКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ.

2. Деревня, дворъ, село ¹⁾.

Размѣры старыхъ деревень и число входящихъ въ нихъ дворовъ очень разнообразны. Въ общемъ можно сказать, что старыя деревни были невелики. Восемь—девять дворовъ на деревню—это наибольшій размѣръ, какой мы замѣтили; встрѣчается онъ, однако, не часто. Въ большинствѣ случаевъ на деревню приходилось три, два, полтора двора. Одинъ дворъ—тоже составлялъ деревню ²⁾. Въ московскихъ

¹⁾ См. предыдущую книгу журнала.

²⁾ Приводимъ для примѣра нѣсколько взятыхъ безъ выбора итоговъ деревень и въ нихъ числа дворовъ и людей.

Новогор. писц. книги т. I *Деревская пятнина*.

Стр.	12	деревень	11	дворовъ	19	людей	21
"	16	"	34	"	55	"	58
"	23	"	23	"	36	"	37
"	46	"	66	"	133	"	138
"	65	"	20	"	56	"	60
"	126	"	7	"	19	"	19
"	177	"	135	"	241	"	253
"	203	"	67	"	103	"	106
"	279	"	33	"	51	"	53
"	370	"	3	"	3	"	3
"	406	"	17	"	29	"	29
"	467	"	56	"	85	"	94
"	473	"	15	"	33	"	36
"	598	"	4	"	5	"	11
"	634	"	11	"	25	"	26
"	741	"	13	"	23	"	26
"	806	"	7	"	14	"	16

писцовыхъ книгахъ XVI вѣка встрѣчаются деревни съ гораздо большимъ числомъ дворовъ; но и въ XVI вѣкѣ рядомъ съ деревнями въ 25, 38, 39 и болѣе дворовъ было не мало деревень въ 3 и 2 двора;

Томъ II Деревская пятнина.

Стр.	8	деревень	4	дворовъ	8	людей	8
"	10	"	3	"	6	"	6
"	90	"	3	"	8	"	8
"	118	"	2	"	6	"	6
"	177	"	14	"	18	"	21
"	242	"	2	"	3	"	3
"	—	"	1	"	2	"	2
"	282	"	2	"	4	"	4
"	324	"	3	"	7	"	7
"	477	"	1	"	2	"	2
"	478	"	1	"	1	"	1
"	479	"	1	"	2	"	2
"	—	"	1	"	2	"	2
"	567	"	26	"	73	"	80
"	570	"	5	"	12	"	12
"	—	"	11	"	25	"	25
"	701	"	48	"	201	"	232
"	762	"	3	"	6	"	6

Томъ III Вотская пятнина.

Стр.	29	деревень	10	дворовъ	22	людей	31
"	58	"	5	"	10	"	25
"	74	"	8	"	24	"	42
"	110	"	5	"	7	"	11
"	134	"	12	"	16	"	42
"	146	"	4	"	5	"	7
"	181	"	6	"	23	"	39
"	277	"	1	"	2	"	2
"	338	"	5	"	9	"	10
"	394	"	13	"	25	"	38
"	434	"	3	"	4	"	11
"	454	"	3	"	8	"	10
"	482	"	2	"	4	"	5
"	510	"	6	"	40	"	58
"	615	"	11	"	65	"	93
"	625	"	8	"	23	"	26
"	697	"	12	"	18	"	32
"	765	"	16	"	122	"	153
"	822	"	2	"	19	"	19
"	866	"	6	"	29	"	32

даже одинъ дворъ продолжаетъ составлять деревню ¹⁾). Ясно, что въ древности подъ деревней разумѣли совсѣмъ не то, что разумѣемъ

Томъ IV Шелонская ялтина 1498 г.

Стр.	13	деревень	7	дворовъ	29	людей	33
"	30	"	18	"	80	"	84
"	34	"	6	"	15	"	16
"	46	"	2	"	2	"	2
"	58	"	6	"	7	"	7
"	94	"	19	"	30	"	30
"	118	"	16	"	50	"	50
"	133	"	6	"	30	"	30
"	150	"	8	"	20	"	22
"	170	"	36	"	44	"	44
"	182	"	4	"	4	"	4
"	209	"	12	"	18	"	19
"	217	"	5	"	5	"	5

Шелонская ялтина 1539 г.

Стр.	246	деревень	21	дворовъ	61	людей	63
"	266	"	8	"	14	"	14
"	302	"	7	"	27	"	35
"	335	"	12	"	30	"	30
"	330	"	7	"	31	"	34
"	374	"	10	"	28	"	30
"	403	"	30	"	59	"	59
"	418	"	11	"	44	"	44
"	441	"	10	"	24	"	29
"	477	"	8	"	28	"	28
"	499	"	29	"	47	"	50

¹⁾ Писцовыя книги XVI вѣка подъ ред. Калачова.

Стр.	44	деревень, считая соля и починки	23	дворовъ	49	людей	52
"	45	"	20	"	35	"	36
"	51	"	18	"	36	"	37
"	53	"	24	"	48	"	49
"	56	"	12 $\frac{1}{2}$	"	23	"	23
"	61	"	23	"	34	"	37
"	65	"	41	"	80	"	82
"	71	"	64	"	122	"	133
"	77	"	12	"	19	"	19
"	81	"	18	"	26	"	28
"	86	"	31	"	35	"	40
"	96	"	11	"	22	"	26

подъ этимъ словомъ мы, наслѣдники XVIII и первой половины XIX вѣка. Въ наше время человѣкъ, владѣющій однимъ крестьянскимъ дворомъ, никогда не скажетъ, что у него есть деревня; въ древности же это было самое обыкновенное выраженіе: отдѣльные пашенные дворы и были тогда деревни.

Что же такое древняя деревня? Деревня имѣетъ свою длинную исторію. Но мы наблюдаемъ деревню не въ первый моментъ ея возникновенія, а сравнительно въ позднее время, когда первоначальный типъ деревни находился уже въ періодѣ разложенія и перехода къ тому порядку вещей, который мы наслѣдовали отъ Москвы. Памятники XV и XVI вѣковъ сохранили, однако, указанія на первоначальный характеръ деревни, который на основаніи ихъ свидѣтельствъ и можетъ быть восстановленъ.

Первоначальная деревня есть ничто иное, какъ отдѣльный пашенный дворъ съ хозяйственными постройками и принадлежащей къ нему землей. Каждый самостоятельный земледѣлецъ (своеземецъ) устраивался своимъ хозяйствомъ, на своемъ дворѣ съ прилегающими къ нему полямъ и угодьями. Это и была его деревня. По его смерти, деревня переходила къ его наслѣдникамъ. Если ихъ было двое, каждый получалъ по полъ деревни или по полъ двора, что то же. Но каждый могъ жить въ особой избѣ, при которой, въ такомъ случаѣ, были и свои хозяйственныя постройки и своя земля. Если наслѣдниковъ было не два, а болѣе, деревня дѣлилась не на половины, а на нѣкоторое число большее двухъ. Части, получавшіяся въ результатѣ такого дѣленія, назывались—долями, жребіями.

Изъ деревни, раздѣленной на двѣ половины, которыя назывались полу-дворами,—легко могла образоваться деревня съ двумя дворами. Полъ двора это идеальная часть, которой въ дѣйствительности нерѣдко соответствовала особая изба съ хозяйственными постройками и съ правомъ на половинную часть земли. Доли и жребіи, меньшіе половины, могли тоже выразиться особыми хозяйствами, съ частью земли, особой избой, сѣнникомъ, мыльней и пр., и могли дать начало деревнямъ съ тремя и болѣе дворами.

Текстъ Вѣлозерскихъ книгъ и выписей подъ редакц. Шумакова.

Стр. 118	деревень	30	дворовъ	39	людей	42
" 119	"	44	"	63	"	74

Переходимъ къ разбору свидѣтельствъ памятниковъ, которыя даютъ возможность утверждать то, что мы сказали.

Что одинъ дворъ составляетъ деревню, это можно видѣть почти на каждой страницѣ новгородскихъ писцовыхъ книгъ. Напримѣръ: „Деревня Занкино, дворъ Онанка Харинъ, сѣть ржи полъ 3-и коробыи и т. д. Деревня Жихново, дворъ Гридка Куземкинъ да Назарко, сѣють ржи и т. д. Деревня Фалюшкино, дворъ Гридка Васковъ, сѣть ржи и т. д. Деревня Долотово, дворъ Бурець Осташевъ, сынъ его Филиппъ, сѣють ржи и т. д. Деревня Бутурлино, дворъ Тимошка Данилковъ да Ивашко Климовъ, сѣють ржи“ и т. д. Все это взято съ одной только страницы описи Деревской пятины (I 30). Перечисленные деревни принадлежать одному владѣльцу; онѣ стоятъ рядомъ, но не соединяются въ одну деревню съ пятью дворами.

Отдѣльный дворъ и есть цѣлая деревня. Въ купчихъ и иныхъ актахъ пріобрѣтенія недвижимости подробно описываются составныя части деревни. Въ 1571 году Николаевскій Корельскій монастырь предъявлялъ искъ къ Онисиму Васильеву въ томъ, что онъ „отнялъ у монастыря деревенку, въ Курзинѣ курьи, дворъ и дворище, и пашеть силно“. Въ доказательство своихъ правъ истецъ представилъ отступную грамоту, въ которой читаемъ: „Се азъ, Антоній, Нечай да Иванъ, Стефановы дѣти Карзина, сступилися еси земли великаго князя, а своего владѣнья, въ Лисестровѣ, въ Курзинѣ курьи, Тимофею да Гаврилѣ Барсану, Селиверстровымъ дѣтемъ, и двора, и дворища, и орамыхъ земель, и поженъ, и съ притеребы, и съ рыбными ловищи, и со всѣми угодыи, гдѣ что ни есть изстари потягло къ той деревни... Взяли есмь собѣ на посилье на томъ дворѣ, и на дворищи, и на земли, и на пожняхъ, и на всѣхъ угодыяхъ десять рублей московскихъ“. А. Ю. № 23.

Изъ этой отступной чрезвычайно ясно, что такое деревня. Это дворъ, дворище и земля. Деньги взяты за дворъ, дворище и землю, которые и составляютъ деревню. Земля тянется ко двору и образуетъ съ нимъ цѣлое пашенное хозяйство. Отдѣльный дворъ съ постройками и землей — деревня, то-есть, деревня есть отдѣльное пашенное хозяйство.

Въ древнее время городъ не составлялъ противоположности деревнѣ; городскіе жители тоже владѣли пашенною землею, но она тянулася къ ихъ городскимъ дворамъ. Въ судномъ дѣлѣ конца XV вѣка читаемъ: „По то, господине, мѣсто наше земля городская, моего двора выть“. А. Ю. № 7. 1491. Выть моего двора — значитъ здѣсь уча-

стокъ моего двора. Здѣсь также земля ко двору, это отдѣльное хозяйство.

Богатые землевладѣльцы могли имѣть много такихъ хозяйственныхъ участковъ, дворовъ съ землей и угодьями или деревень. Они сдавали ихъ крестьянамъ. Поэтому крестьянскія порядныя пишутся на деревни: „А се порядись у игумена Феодосія, яже о Христе, и съ братьею крестьянинъ Федоръ Кононовъ сынъ съ братьею, на старую свою деревню, на обжу земли съ четвертью“ ¹⁾).

Если крестьянинъ селился на новомъ мѣстѣ, на пустоши, гдѣ не было построекъ, онъ обязывался, обыкновенно, *устроить деревню*; это значило поставить хоромы: избу, клѣть, сѣни, мыльню, распахать поля, рассчитать покосы. Устроить деревню значить—устроить пашенное хозяйство.

Каждая деревня, составляя отдѣльное хозяйственное цѣлое, отгораживалась отъ сосѣдей особой изгородью. Крестьяне, рядившіеся на деревни, обязывались „изгороды около полъ городить“. Изъ судебныхъ дѣлъ знаемъ, что всякое завладѣніе сосѣдней землей сопровождалось введеніемъ ея въ свою ограду. Савво-Сторожевскій монастырь, предъявляя искъ къ нѣкому Ивану въ завладѣніи монастырской землей, говоритъ: „Пооралъ Иванъ моего селища полосу и межи, и въ поле къ собѣ пригородилъ“ ²⁾). Старыя наши деревни и ихъ поля представляли совсѣмъ иную картину, чѣмъ та, которую мы теперь наблюдаемъ: онѣ всѣ были огорожены.

Каждая такая деревня имѣла свое собственное имя. Эти названія онѣ получали или отъ мѣстныхъ урочищъ, горъ, рѣкъ, озеръ, или отъ именъ лицъ, которыя ихъ устроили. Въ Ситенскомъ погостѣ среди деревень, принадлежавшихъ новгородцу Андрею Мартемьянову Вубаркову, находимъ деревню Андрейково; въ ней всего два двора и первый изъ нихъ принадлежитъ Андрейкѣ Куземкину, а второй Данилкѣ Тимохину. Весьма возможно, что этотъ Андрейка Куземкинъ одинъ или въ товариществѣ съ Данилкой Тимохинымъ и былъ устроителемъ этой деревни. Въ Деревской пятинѣ, въ деревнѣ Семендяево, принадлежавшей новгородцу Никитѣ Моисеевичу Бабкину, было два двора; въ одномъ изъ нихъ жилъ Степанко Семендяевъ, въ другомъ Ѳомка Семендяевъ. Можно ли сомнѣваться, что

¹⁾ А. Ю. № 177, 1556. Рус. Ист. Библ. XIV, ст. 91, № 58, 1573—90. Дьяконовъ, Акты I № 20, 59, 1682—1665.

²⁾ А. Ю. № 7, 1491. Рус. Истор. Библ. XIV № 58, 1573—1590. Дьяконовъ, Акты, I № 29. 1642.

деревня эта была устроена ихъ предкомъ, отцомъ или дѣдомъ, по которому и названа? Того же, конечно, происхожденія и другія именныя названія деревень. Всѣ эти Гаврилы, Анисимы, Захарки, Иванки, Емельяны и пр. ¹⁾, по имени которыхъ названы деревни, были ихъ устроителями. Въ моментъ описанія эти устроители могли умереть или выбыть въ другое мѣсто, а потому при перечисленіи наличныхъ крестьянъ ихъ имена и не всегда встрѣчаются. Деревня съ ихъ именемъ могла перейти къ ихъ дѣтямъ или и къ совершенно постороннимъ лицамъ, а названіе осталось. То же наблюдаемъ и въ названіяхъ большихъ новгородскихъ имѣній (волостей). Въ писцовыхъ книгахъ XV и даже начала XVI вѣка они называются по прежнимъ владѣльцамъ, которые давно уже переселены въ низовыя земли.

Деревни распадутся на части при дѣлѣжѣ, напримѣръ, между наслѣдниками. Раздѣлить деревню значить раздѣлить цѣлое определенное хозяйство. А такъ какъ это хозяйство называется и дворомъ, то памятники говорятъ о половинахъ двора, какъ результатѣ дѣленія деревни. Но это не значить, что и хоромы, стоявшія на дворѣ, дѣлились на части. Изба, сѣнникъ и пр.—на части не дѣлились. Если сонаслѣдникъ не оставался жить въ общемъ дворѣ, онъ строилъ себѣ особые хоромы: избу и пр., и, вѣроятно, получалъ съ другого наслѣдника, остававшегося въ старомъ дворѣ, соответствующее пособіе. Если же онъ оставался жить въ общемъ дворѣ, въ его рукахъ была не дѣйствительная половина двора, а идеальная. Въ этомъ смыслѣ, конечно, памятники говорятъ, напримѣръ, о половинѣ бани.

Половины и болѣе мелкія части деревень или дворовъ, доли и жребіи, наслѣдуются, продаются, дарятся, какъ и цѣлые дворы. Въ судномъ дѣлѣ 1571 года читаемъ:

„И ищяя Истомка тако рекъ: во се, государь, у насъ на ту полдвора данная. И судьи велели данную чести. И въ данной пишетъ: Се азъ Семень.... далъ сію дащицу по той земли, по Омосовской, на ту полъ двора въ домъ Святыя Пречистыя“. Здѣсь полудворомъ названо полъ деревни. Въ судномъ дѣлѣ 1582 года читаемъ: „Отняли, господине, у меня полдеревни двора и земли Борисовской, въ Лялинѣ курь“... А. Ю. № 23, 19.

Части деревни, полудворы, доли, жребіи, составляя новое цѣлое, могутъ быть снимаемы въ аренду. Крестьяне не непременно арендуютъ цѣлыя деревни, они арендуютъ и части. Лука Юрьевъ, воль-

¹⁾ Для примѣра см. Новгород. писц. книги т. I столб. 11, 561—570.

ный человѣкъ, порядился у Спасова монастыря въ крестьяне на половину деревни, гдѣ жилъ крестьянинъ Исачко Житняковъ ¹⁾). Въ данномъ случаѣ половина деревни и до прихода Луки Юрьева составляла уже самостоятельное хозяйство.

Этими свидѣтельствами раскрывается первоначальное значеніе деревни: это отдѣльное пашенное хозяйство. Дворъ съ постройками составляетъ центръ этого хозяйства, а потому деревня метафорически можетъ быть названа дворомъ, а полъ деревни полудворомъ. Но дворъ имѣетъ и свое собственное значеніе. Это пространство земли между хозяйственными постройками и самыя постройки. При дѣложѣ деревни на части, каждый участникъ могъ устроить себѣ для жилья особый дворъ. Такимъ образомъ, возникаютъ деревни съ двумя, тремя и болѣе дворами. Такія деревни съ нѣсколькими дворами вторичное явленіе. Остатки болѣе древняго порядка вещей можно, однако, наблюдать еще въ самомъ концѣ XVI вѣка. Въ описи дворцовыхъ крестьянъ села Марына встрѣчаемъ деревню Бортниково-Теряево. Въ этой деревнѣ въ полудворѣ живетъ Гришка Игнатьевъ, а другая полдвора пуста, а прежде жилъ въ ней Родка Тимофеевъ, у котораго были и свои особыя хоромы: изба, а на верху сѣнникъ да сѣнница ²⁾). Тутъ полудворы, а не отдѣльные дворы. Полудворы еще не перешли въ отдѣльные дворы.

Въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ мы наблюдаемъ деревни съ однимъ дворомъ и съ нѣсколькими. Въ эпоху ихъ составленія рядомъ съ первичными явленіями значительное развитіе получили и вторичныя. Но деревня съ нѣсколькими дворами продолжаетъ еще составлять нѣкоторое единство. Хотя бы въ деревнѣ было и нѣсколько дворовъ, но хозяйство ихъ описывается не по отдѣльнымъ дворамъ, а совокупно для цѣлой деревни. Послѣ описи числа дворовъ и людей въ нихъ, если дворовъ нѣсколько, обыкновенно читаемъ: сѣють ржи столько то, сѣна косятъ—столько то; то-есть всѣ дворы. Затѣмъ въ обжа, для платы государственныхъ повинностей, положены—не отдѣльные дворы, а каждая деревня, какъ особое цѣлое; исключенія изъ этого порядка обложенія весьма рѣдки. Наконецъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, доходъ владѣльца исчисляется съ каждой отдѣльной деревни, а не съ отдѣльныхъ дворовъ.

¹⁾ М. А. Дьяконовъ, Акты, I № 14. 1629. Въ одной порядной части деревни названа кость: „порядился въ деревни на кость земли“ № 52. 1649.

²⁾ Писцов. книги XVI вѣка, и. ред. Калачова, II 291.

Все это говорить въ пользу того, что первоначальный типъ деревни—отдѣльное пашенное хозяйство съ отдѣльнымъ дворомъ, что появленіе нѣсколькихъ дворовъ — есть результатъ дѣленія основного двора, а потому нѣкоторыя черты первоначального единства сохраняются и при нѣсколькихъ дворахъ ¹⁾.

Но съ возникновеніемъ въ деревнѣ отдѣльныхъ дворовъ, надо предполагать и возможность возникновенія отдѣльныхъ хозяйствъ. Мы уже видѣли, что части деревень отчуждаются всѣми возможными способами; совладѣльцами деревни, слѣдовательно, могутъ быть совершенно посторонніе люди, изъ которыхъ каждый, конечно, велъ свое особое хозяйство. И въ настоящее время слово дворъ означаетъ цѣлое хозяйство. Крестьянинъ, говоря „взять зятя во дворъ“, разумѣетъ взять его въ свое хозяйство. Но это не исключаетъ возможности допустить и въ такой раздѣленной деревнѣ наличность общихъ луговъ, лѣсовъ и другихъ угодій, которыми отдѣльные дворы могли пользоваться сообща. При деревняхъ бывали луга, которыми отдѣльные дворы пользовались безъ раздѣла, а съ переменною по годамъ ²⁾.

¹⁾ Г-жа Ефименко совершенно правильно признаетъ, что „деревня есть какая-то законченная, довлѣющая самое себя земельная единица“, Крестьянское землевлѣдѣніе на крайнемъ сѣверѣ, 1884, 204 и сл., 214; но въ пониманіи этой единицы и выводахъ дальнѣйшихъ слѣдствій она стоитъ на совершенно иной точкѣ зрѣнія, чѣмъ мы. Ниже мы укажемъ на особенности ея взгляда.

²⁾ Рус. Ист. Библ. XII, стр. 450, № 109.

Въ памятникахъ XVII вѣка находимъ совершенно ясныя указанія на отдѣльное хозяйство каждаго двора деревни. Мы беремъ эти указанія изъ исследованийъ г-жи Ефименко о крестьянскомъ землевлѣдѣніи на крайнемъ сѣверѣ. Въ рукахъ почтенной исследовательницы находятся „веревныя книги“. Онѣ писались самими крестьянами съ цѣлью распределить податныя тягости между собою. За единицу обложенія онѣ принимали не деревню, а дворъ, поэтому мы имѣемъ въ веревныхъ книгахъ самое точное описаніе земли каждаго двора ¹⁾ 212. Изъ приводимыхъ г-жей Ефименко выписокъ видно, что каждый дворъ имѣетъ свой участокъ земли. Но этотъ участокъ находится не въ одной межѣ, а въ разныхъ мѣстахъ и межахъ. Участокъ, такимъ образомъ, состоитъ изъ массы мелкихъ участковъ, весьма разбросанныхъ. Изъ наименованій этихъ участковъ или клочковъ земли видно, что каждый дворъ деревни имѣетъ по клочку въ каждомъ сортѣ земли и въ каждой особой мѣстности. Если была горная земля, то каждому двору деревни дано по клочку горной, была запольная или по нижнему ручью, то каждому дано по клочку запольной и по нижнему ручью и т. д. Ясно, что при дѣленіи земли первоначальной деревни — двора между новыми дворами, положеніе наслѣдниковъ старались уравнивать надѣленіемъ ихъ не только одинаковымъ количествомъ земли, но и одинаковаго качества. Крайняя же дробность клочковъ объясняется тѣмъ, что на крайнемъ сѣверѣ, при

Размѣры деревень, по новгородскимъ писцовымъ книгамъ, представляются очень неодинаковыми. Перевести эти размѣры на единицы намъ понятной мѣры чрезвычайно трудно, а сдѣлать это точно и едва-ли возможно. Но чтобы не оставаться въ совершенной темнотѣ относительно того, какъ были велики эти деревни, занимали-ли онѣ десятки или сотни десятинъ, мы сдѣлаемъ нижеслѣдующее сближеніе.

Для выясненія размѣровъ новгородскихъ деревень не представляется возможнымъ отправляться ни отъ числа дворовъ и людей, ни отъ числа обжахъ. Число дворовъ не стоитъ ни въ какомъ опредѣленномъ отношеніи къ количеству занимаемой земли. Обжи суть искусственные единицы обложенія, которыя очень трудно перевести на знакомыя намъ мѣры. Только количество высѣваемой ржи можно перевести, хотя и далеко не точно, на извѣстныя намъ мѣры. Мы отправляемся отъ предположенія, что крестьяне и въ старину также сѣяли, какъ они дѣлаютъ это теперь. Нѣкоторую фактическую основу этому предположенію даетъ сравненіе посѣва въ уѣздахъ Бѣлгородскомъ, Елецкомъ, Ливенскомъ и Оскольскомъ въ началѣ XVII вѣка и въ настоящее время. Проф. И. Н. Миклашевскій въ приложеніи къ своему изслѣдованію о хозяйственномъ бытѣ Московскаго государства печатаетъ рядъ выписокъ изъ книгъ сошнаго письма начала XVII вѣка. Изъ этихъ книгъ видно, что въ Бѣлгородѣ высѣвали тогда ржи на десятину отъ 1 четверти до четверти съ половиной. Полагая тогдашнюю четверть вѣсомъ въ 6 пудовъ, получимъ высѣвъ отъ 6 до 9 пудовъ; въ настоящее время преобладающій посѣвъ крестьянъ въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ—8 пудовъ. Въ Ельцѣ и Ливнахъ въ XVII вѣкѣ давали на посѣвъ десятины по 2 четверти, что составитъ 12 пудовъ, если только все выданное было высѣваемо. Теперь преобладающій высѣвъ тамъ же 8—9 пудовъ, но доходить и до 10. Въ Осколѣ давали по полутора четверти, то-есть по 9 пудовъ, теперь преобладающій высѣвъ—8 пудовъ, а доходить и до 12. Итакъ, количество посѣва начала XVII вѣка колеблется въ тѣхъ же предѣлахъ, какъ и конца XIX. Полагаемъ, что и новгородскіе посѣвы конца XV и начала XVI вѣка колебались въ предѣлахъ современныхъ посѣвовъ той же мѣстности, а потому, считая новгородскую короблю равною московской четверти

наличности массъ болотъ, лѣсовъ и неудобныхъ земель, земли голыми для хлѣбопашества заключались въ небольшихъ и разбросанныхъ участкахъ. Веренины книги, хотя принадлежать началу XVII вѣка, совершенно, однако, совпадаютъ съ изложеннымъ въ текстѣ взглядомъ на деревню и дворъ. Г-жа Ефименко дѣлаетъ изъ нихъ иные выводы. Объ этомъ рѣчь будетъ ниже.

начала XVII вѣка, будемъ класть для уѣздовъ Новгородской губерніи отъ 8 до 10 пудовъ на десятину, а Петербургской — отъ 9 до 12 ¹⁾).

За единицу сравненія возьмемъ деревню въ одинъ дворъ. Такія деревни высѣвають очень разное количество ржи. Есть деревни съ посѣвомъ одной коробей, и есть деревни съ посѣвомъ 12 коробей, въ одной и той же мѣстности и у того же владѣльца. Но оба приведенные случая встрѣчаются рѣдко (III 39). Средній посѣвъ—4, 6, 8 коробей.

На основаніи указанныхъ данныхъ деревня съ посѣвомъ въ 4 коробей въ Новгородской губерніи будетъ имѣть въ полѣ отъ 2¹/₂ десятины до 3 десятины, а въ трехъ поляхъ отъ 7¹/₂ до 9 десятины; если прибавить на дворъ, огородъ, выгонъ и луга отъ 5 до 10 десятины, то получимъ небольшой средній участокъ мѣроу отъ 12 до 19 десятины. Для Петербургской губерніи, при большемъ высѣвѣ, получится немного менѣе. Но если бы принять для коробей вѣсъ въ 7 пудовъ, что тоже допускаютъ нѣкоторые изслѣдователи старыхъ мѣръ, то участокъ получился бы для обѣихъ губерній на ¹/₇ больше.

По этому расчету легко себѣ составить представленіе и о размѣрахъ деревень съ высѣвомъ въ 1, 2, 6, 8 и т. д. коробей.

Деревни съ 2—3 дворами высѣвають перѣдко тѣ же 4, 6, 8 коробей, что и деревни съ однимъ дворомъ; но есть деревни съ 4 и 5 дворами, которыя довольствуются 3—6 коробьями; рядомъ съ ними другія съ тѣмъ же числомъ дворовъ и душъ высѣвають до 10 и даже 15 коробей. Одна деревня съ 9 дворами высѣвала 17 коробей, одна съ 4-мя—20, другая такая же—35, одна съ 3-мя—20, наконецъ, мы видѣли деревню съ 9 дворами, которая высѣвала 40 коробей. По сдѣланному выше расчету, эта деревня имѣла одной нашенной земли въ трехъ поляхъ отъ 72 до 120 десятины. Мы не имѣемъ, однако, основанія утверждать, что въ моментъ описи каждая деревня распаивала все то количество земли, которое годно было къ распашкѣ. А потому къ исчисленному количеству надо еще прибавить землю подъ лѣсомъ да эту нераспаханную, которая состояла какъ бы въ запасѣ. Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что количество дворовъ не стоитъ ни въ какомъ опредѣленномъ отношеніи къ размѣрамъ хозяйства. И 1, и 2, и 8,

¹⁾ Данныя о современномъ высѣвѣ беремъ изъ Сельско-хозяйственныхъ статистическихъ свѣдѣній по матеріаламъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. VIII. Густота посѣва, 1898. Изданіе Отдѣла сельской экономіи и статистики министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ.

и 4, и 5, и 6 дворовъ высѣваютъ по 6—8 коробей; но есть деревни въ 2 двора, которыя довольствуются посѣвомъ въ 2¹/₂ коробки, и въ 4 двора съ посѣвомъ въ 8 коробей; а съ другой стороны деревни въ 4 и даже въ 8 двора высѣваютъ по 16 и 20 коробей. Не число дворовъ опредѣляетъ размѣры деревенскаго хозяйства, а лучшая приспособленность къ хозяйству населенія этихъ дворовъ. Этотъ выводъ подтверждаетъ прежде сказанное о деревнѣ и дворѣ. Если съ большимъ числомъ дворовъ не соединяются непремѣнно и болѣе крупныя размѣры хозяйства, то потому, конечно, что новыя дворы нарастаютъ не извнѣ, а появляются изъ нутра старой деревни, въ результатѣ дѣленія первоначальнаго хозяйства на части по числу наслѣдниковъ.

Весьма интересенъ вопросъ о населеніи деревень, его количествѣ и родствѣ членовъ двора и цѣлой деревни. Къ сожалѣнію, источники наши очень скудны по этимъ вопросамъ. Писцовыя книги не имѣютъ цѣлю описать населеніе. А во-вторыхъ, наши крестьяне и теперь не имѣютъ фамилій, а въ древности не только крестьяне, но и бояре очень часто именовались только по имени и по отчеству. Въ писцовыхъ книгахъ фамильныя имена крестьянъ почти не встрѣчаются, поэтому прослѣдить ихъ родство далѣе отца и брата не представляется возможности. Мы встрѣтили наименованія: отца, сына, брата, одинъ разъ племянника, изъ свойственниковъ: пасынка, шурина, зятя; но не замѣтили ни одной семьи, во главѣ которой былъ бы названъ дѣдъ. Прадѣды и дѣды или совсѣмъ не упоминаются, или такъ рѣдко, что ихъ и замѣтить трудно. Необходимо, однако, допустить, что были дворы, во главѣ которыхъ стояли и дѣды, но такіе факты не записаны въ писцовыя книги, и они даютъ намъ въ этомъ отношеніи очень неполную картину.

Въ писцовой книгѣ Деревской пятины, въ волосткѣ Пречистыя Пцилова монастыря, находимъ деревню съ чрезвычайно характернымъ названіемъ, это деревня „Оедоровъ Дворъ“. Можно ли сомнѣваться, что этотъ Оедоръ самъ устроилъ тотъ дворъ, по имени котораго названа деревня? Во время описи въ этой деревнѣ былъ уже не одинъ дворъ, а 9; въ каждомъ изъ этихъ дворовъ указано по одному крестьянину, но они не имѣютъ фамильныхъ именъ и по описи не состоятъ ни въ какой родственной связи съ Оедоромъ, между ними нѣтъ даже ни одного Оедоровича. Въ самомъ дѣлѣ это все новыя люди, или это все потомки Оедора, о чемъ писцы не нашли только нужнымъ упомянуть? Можно допустить и то и другое, но мы склоняемся на сторону послѣдняго предположенія и думаемъ, что род-

ственныхъ связей между жителями одной и той же деревни было гораздо болѣе, чѣмъ можно заключить изъ буквы описанія. Въ большинствѣ случаевъ одnodеревенцы, конечно, были родственники.

Допуская большую родственную связь между членами одной деревни, чѣмъ можно думать на основаніи описи, мы, однако, далеки отъ мысли, чтобы нашъ древній крестьянскій бытъ представлялъ много общаго съ задружнымъ бытомъ южныхъ славянъ.

Южно-славянская задруга представляетъ большую семью, которая состоитъ изъ 20, 30 и даже большаго числа членовъ, находится подъ главенствомъ одного изъ нихъ и ведетъ общее хозяйство, съ весьма точнымъ опредѣленіемъ дѣятельности отдѣльныхъ членовъ, ихъ доли въ общей прибыли и ихъ особаго имущества. Члены этой большой семьи могутъ, однако, выдѣлиться и завести свое частное хозяйство, если жизнь въ семейной общинѣ имъ не нравится. Эти семейныя общины, слѣдовательно, ни для кого не обязательны, а возникаютъ въ силу желанія отдѣльныхъ членовъ семьи принять въ нихъ участіе.

Члены русской семьи также могли дѣлиться по смерти отца. Объ этомъ правѣ ихъ говорить уже Русская Правда. По смерти отца домъ его дѣлится между всѣми дѣтьми, а домъ въ деревнѣ и теперь означаетъ избу со всѣмъ хозяйствомъ, что въ XV вѣкѣ соотвѣтствовало двору и, наконецъ, цѣлой деревнѣ.

При правѣ раздѣла южные славяне предпочитали, однако, не дѣлиться, а жить большими семьями, что и повело къ образованію задружнаго хозяйства. У насъ наблюдаемъ обратное явленіе, преобладающую склонность къ дѣлежу и жизни своимъ дворомъ. Но прежде, чѣмъ идти далѣе, необходимо выяснить, имена какихъ крестьянъ заносить писцы въ свои описи. Этихъ именъ очень немного. Изъ напечатанной на стр. 226 таблицы видно, что на каждый дворъ приходится по одному человѣку съ ничтожной дробью. Просматривая самыя описи, мы, дѣйствительно, находимъ въ громадномъ большинствѣ дворовъ только одного крестьянина, въ очень немногихъ двухъ, еще рѣже — трехъ, а четырехъ мы ни разу не встрѣтили. Въ числѣ двухъ встрѣчаемъ и постороннихъ лицъ и родственниковъ, въ числѣ трехъ только родственниковъ, это все отцы съ сыновьями и братья. Спрашивается, всегда ли описывается сынъ при отцѣ и братъ при братѣ, или описываются только нѣкоторые сыновья, а другіе пропускаются, и въ наличности населеніе было выше того, которое обозначено въ итогѣ?

Надо думать, что въ описяхъ обозначаются не всѣ родственники. Въ книгѣ Деревской пятины описана волостка новосведеннаго новгородца Никиты Моисеевича Бабкина. Въ этой волосткѣ 23 двора и ни въ одномъ дворѣ не упомянуто ни одного сына. Въ той же пятинѣ описана Спасская волость Футынского монастыря. Въ этой волости 139 дворовъ, и на 139 дворовъ при отцахъ оказывается всего 4 сына. Въ этой волосткѣ было еще 5 сыновей, но они жили въ особыхъ дворахъ ¹⁾. Итакъ на 28 двора ни одного сына, а на 139 дворовъ при отцахъ всего только 4 сына! Не можетъ быть сомнѣнія, что во дворахъ описывается не все мужское населеніе, не всѣ сыновья, не всѣ братья и племянники, а только нѣкоторые. Кто же описывается? Такъ какъ мы не имѣемъ наказовъ писцамъ этого времени, то на поставленный вопросъ можемъ отвѣчать только догадкой.

Упоминаемые въ описяхъ крестьяне совершенно сходятся, по числу и качеству, съ крестьянами, которые заключаютъ съ землевладѣльцами сдѣлки на аренду ихъ земель. Въ писцовыхъ книгахъ во дворахъ мы встрѣчаемъ: или одного крестьянина или двухъ, много трехъ. Это множественное число образуется или изъ родственниковъ, число которыхъ доходитъ до трехъ, или изъ постороннихъ лицъ, которыхъ, обыкновенно, бываетъ два. Тоже и въ крестьянскихъ порядныхъ, они ишутся то отъ одного, то отъ нѣсколькихъ; въ числѣ нѣсколькихъ встрѣчаемъ сыновей, братьевъ и постороннихъ людей. Число родственниковъ доходитъ до трехъ, постороннихъ до двухъ. Земли, значить, занимаются то отдѣльными домохозяевами, то небольшими товариществами — изъ 2—8 лицъ. До трехъ число членовъ такихъ товариществъ достигаетъ, обыкновенно, только въ тѣхъ случаяхъ, когда товарищами являются отецъ и его сыновья. Если это посторонніе люди, число товарищей не идетъ дальше двухъ ²⁾. Эти товарищи суть хозяева предпріятія, они домовладыки; писцы виѣютъ съ ними дѣло, ихъ имена они и записываютъ.

Въ описи Вотской пятины два такихъ товарища, не родственника, чрезвычайно характерно названы пріятелями: „Деревня Горка, дворъ Исачко Слица да пріятель его Стешко“. Изъ порядныхъ узнаемъ, что такіе товарищи суть выходцы изъ одного и того же мѣста: въ одномъ мѣстѣ родились, мальчиками виѣсть играли и пасли скоть, а какъ

¹⁾ I ст. 11, 41.

²⁾ Крестьянскія порядныя въ А. Ю. М. № 176—8, 180, 182—3, 186; 1547—1590; въ Рус. Истор. Библ. Т. XIV М. № 38, 57, 58; 1572—1590, 1660.

выросли, пошли вмѣстѣ искать счастья и вмѣстѣ сняли деревню. Это тѣ же пріятеля.

Въ той же описи такой товарищъ названъ „складникомъ“ ¹⁾. Что такое складникъ? Самое слово можетъ навести на мысль, что это люди, образовавшіе складочный капиталъ, на который и устроили какое либо общее предпріятіе; въ данномъ случаѣ общее сельское хозяйство. Такъ многіе ученые и думаютъ. Въ дѣйствительности, однако, дѣло не такъ просто. Складникъ, о которомъ идетъ рѣчь, живетъ въ одномъ дворѣ съ другимъ крестьяниномъ на конфискованной у новгородскаго боярина землѣ. Это арендаторъ чужой земли. Для найма же чужой земли не требуется никакого капитала, нужны только руки. Хозяинъ земли можетъ дать и сѣмена, и лошадей, и даже денежную помощь, и перѣдко дѣйствительно даетъ и то, и другое, и третье. Итакъ, относительно этого складника не можетъ быть никакой рѣчи о складкѣ капитала на общее предпріятіе. Мы имѣемъ еще три — четыре десятка документовъ, въ которыхъ складниками называются крестьяне, живущіе не въ одномъ, а въ разныхъ дворахъ одной и той же деревни; называются въ нихъ складниками и не крестьяне, напримѣръ, монастыри. Значеніе этихъ документовъ для опредѣленія того, что такое складникъ, неодинаково. Нѣкоторые изъ нихъ употребляютъ слово складникъ, какъ всѣмъ хорошо извѣстное, и не даютъ ни малѣйшаго указанія на то, почему складники называются складниками. Что они складываютъ? Мы уже знаемъ, что крестьяне-жители одной и той же деревни могутъ вести разное хозяйство и имѣть свои отдѣльныя земли. Что же они складываютъ? Къ счастью, совершенно удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ документъ, напечатанный въ актахъ Холимогорской епархіи. Изъ этого документа узнаемъ, что государевъ писецъ, князь Василій Звенигородскій, написалъ тягломъ въ „одну сошку“ четыре монастыря: Корельскій, Архангельскій, Кириловской и Соловецкій. По этому письму всѣ четыре монастыря верстались межъ себя во всѣхъ промыслахъ по вытню, а въ нынѣшнемъ году (1592) Соловецкій и Кириловскій монастыри на государеву службу, на Каянскіе нѣщи, съ этой сошки (соха — единица обложенія), съ своихъ промысловъ, ратныхъ людей, и лошадей, и всякого оружія по расчету не дали. Эту недонимку доправили съ Корельскаго да съ Архангельскаго монастыря. Вотъ по-

¹⁾ *Временникъ* Имп. Общ. Ист. и Др. Т. XI стр. 41, 56.

чему эти монастыри и пишутъ, что „имъ въ складствѣ съ Соловецкимъ и Кирилловскимъ монастыремъ быть не мочно для того, что имъ отъ нихъ обща чинится великая“. № 74. Отсюда ясно, что такое складство. Это не складчина капитала для общаго предпріятія, а положеніе въ одну податную единицу (обжу или соху) для исчисленія государева тягла.

А вотъ и еще документъ, имѣющій въ этомъ отношеніи тоже рѣшающее значеніе. Въ 1641 году посельщикъ Троицкаго монастыря, старецъ Ефремъ, да ключникъ того же монастыря били челомъ земскому судѣ на складника своего Михаила, Яковлева сына, Ногаева въ томъ, что у нихъ есть при деревнѣ Истокѣ общій съ нимъ покосъ, который они косятъ съ нимъ погодно; въ нынѣшнемъ году ихъ очередь (то-есть монастырская) косить, а Ногаевъ вспахалъ этотъ покосъ и пшеницу посѣялъ. Ногаевъ на судѣ отвѣчалъ: сѣнной покосъ, дѣйствительно, Троицкаго монастыря, но пшеницу онъ сѣялъ на своей землѣ, а не на общемъ покосѣ. Представители монастыря обвиняли еще Ногаева въ томъ, что онъ и ленъ и рожь сѣялъ на общей землѣ, не подѣля. Ногаевъ отвѣчалъ, что онъ сѣялъ и ленъ и рожь, но на своихъ участкахъ, противъ которыхъ есть монастырскіе участки, гдѣ и имъ можно сѣять. Что это такое? Это споръ владѣльцевъ общей деревни. Пашенныя земли у нихъ въ раздѣлѣ, а пожни нѣтъ, онѣ въ общемъ владѣніи, ихъ косятъ погодно. Изъ-за этого и возникъ споръ. Отвѣтчикъ названъ складникомъ, въ какомъ смыслѣ? Тутъ нѣтъ никакого общаго предпріятія. Даже общіе луга пашутся не сообща, а по очереди. Почему же монастырь и Ногаевъ складники? Они складники, какъ владѣльцы вопчей деревни, они складываются для платежа государева тягла. Но какъ они сдѣлались владѣльцами общей деревни? Изъ документа этого не видно. Но нѣтъ ни малѣйшаго основанія предполагать, что монастырь и Ногаевъ купили эту деревню на складочный капиталъ и потому называются складниками, хотя и не ведутъ общаго хозяйства. Они складники въ тяглѣ и только. Въ этомъ же смыслѣ надо понимать и всѣ другіе документы, въ которыхъ рѣчь идетъ о жителяхъ одной деревни, которые называютъ себя складниками.

Приведемъ еще два документа. Въ 1606 году крестьянинъ Степанъ Тимофеевъ подалъ властямъ явку на складника своего, Ермолу Иванова, да на сына его Вутору, на разбойника, вотъ въ чемъ. Послѣ Прокофьева дня, устюжскаго чудотворца, въ первый четвергъ, приходили на него этотъ Ермола да сынъ его, разбойникъ, съ топорами,

и били его и увѣчили. Степанъ Тимофеевъ насилу отъ нихъ вырвался и заперся въ клѣтишко свое. Тогда они стали его ругать всякими неподобными рѣчами и угрожать поклепомъ, убійствомъ, подметомъ, а подъ конецъ сказали: „нынѣча ты, дѣтина, у насъ ушолъ, а потомъ ты у насъ не уйдешь, будешь ты у насъ и безъ головы, а въ деревнѣ тебѣ съ нами не жить“. Въ чемъ тутъ дѣло? Надо выжить изъ деревни непріятнаго содеревенца, и вотъ для этого прибѣгаютъ къ побоямъ и угрозамъ. Участника въ общемъ предпріятіи нельзя такъ удалить. У него есть гражданскій искъ. Здѣсь объ общемъ предпріятіи и общемъ капиталѣ ни слова. Дѣло идетъ только о побояхъ, тогда какъ былъ достаточный поводъ указать на договоръ товарищества. То же самое случилось въ 1652 г. съ крестьяниномъ Злобинской деревни, Захаромъ Елфимовымъ. Сталъ онъ дѣлить въ копнахъ сѣно со складникомъ своимъ Иваномъ Козминнымъ, а тотъ сталъ его бить и увѣчить на смерть, „выживая его съ повытишка (то-есть съ его участка) своимъ насильствомъ“. И въ томъ и другомъ случаѣ дѣло идетъ о государевыхъ крестьянахъ, которыми стало тѣсно на отведенныхъ имъ земляхъ, и вотъ они на смерть бьютъ другъ друга. При этомъ они складники, но, конечно, не въ смыслѣ общаго предпріятія, а въ смыслѣ платежа общей подати съ деревни. Но складники не только дерутся между собой; какъ владѣльцы въ общей деревнѣ, они нерѣдко весьма мирно пользуются общими лугами, передѣляютъ ихъ въ отдѣльное владѣніе, даже соединяются для покупки земель и т. д. Все это они дѣлаютъ, какъ ододеревенцы, какъ сосѣди, какъ близкіе по мѣсту жительства люди¹⁾.

¹⁾ Русск. Ист. Библ. т. XII, стр. 217 № 44; т. XIV, стр. 570 № 242, стр. 768 № 857. И это не единственные случаи дикой распри складниковъ другъ съ другомъ. Въ XIV т. Рус. Ист. Библ. напечатано не менѣе 35 документовъ, въ которыхъ встрѣчается слово складникъ. Изъ 35-ти документовъ 32 суть явки, то-есть, заявленія правительственнымъ органомъ о томъ, что такой то складникъ завладѣлъ землей другаго складника, покосилъ его лугъ, перебилъ его скотъ, погребилъ его домъ, побилъ его на смерть, изувѣчилъ, подалъ на него клеветную жалобу и т. д., съ просьбой оградить пострадавшаго. Ясное дѣло, что здѣсь подъ складникомъ разумѣется не товарищъ предпріятія, а крестьянинъ ододеревенецъ. Иначе было бы совершенно не понятно, какъ это товарищи общаго предпріятія только и дѣлаютъ, что нападаютъ другъ на друга. Приводимъ для любознательнаго читателя №№, свидѣтельствующіе объ этихъ характерныхъ отношеніяхъ складниковъ: 130, 282, 238, 285, 242, 247, 248, 250, 251, 256, 262, 266, 277, 294, 296, 304 (2), 310, 312, 323, 324, 328, 338, 348, 350, 353, 355, 357, 358, 362, 377; Б. 31. И только три документа встрѣтили мы безъ уголовщины: А. 68 и 74 и Б. 8.

Итакъ, складники не пріятѣли, не товарищи общаго предпріятія, а одноподеревенцы, земли которыхъ могутъ находиться въ ихъ общемъ владѣніи, напримѣръ, луга, а могутъ быть и раздѣлены. Называются они складниками потому, что складываются въ одну обжу, соху, тягло, такъ какъ они одноподеревенцы. Они одноподеревенцы, а потому и складники, а не наоборотъ ¹⁾).

Возвращаемся на прежнее.

Братья, конечно, тѣ же пріятѣли и товарищи, если они вмѣстѣ снимаютъ деревню. А сыпovsky? На этотъ вопросъ отвѣчать трудно. Надо думать, что патріархальность нашего древняго быта и соединенное съ нею безусловное подчиненіе дѣтей родителямъ не шли у насъ такъ далеко, какъ нѣкоторые любятъ это утверждать. Отецеская власть, по всей вѣроятности, имѣла свои предѣлы. Мы не скажемъ, что она ограничивалась по общему праву, но

¹⁾ Г. Н. Рожковъ въ приложеніи къ своему труду Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI вѣкѣ напечаталъ раздѣльную грамоту складниковъ: „Се язь и т. д. подѣлили между собою землю... на четверо... А что у насъ глѣсъ... по Кювкѣ въ верхъ... и то, что у насъ вонче у всѣхъ складниковъ,... а глѣсъ сѣлъ... гдѣ кому любо“... и т. д. 494. Здѣсь, можетъ быть, складники не крестьяне, сидящіе на чужихъ земляхъ, а своеземцы, но это ничего не мѣняетъ. Монастыри—своеземцы, а тоже складники. Они дѣлятъ общее владѣніе.

Г-жа А. Ефименко (Крест. землевл. на крайн. сѣверѣ, 222) говоритъ, что у ней „есть одинъ любопытный документъ начала XVII вѣка (1602 г.), изъ котораго видно, что складство проникло даже въ семейный союзъ, порождая интересный образчикъ договорной, искусственной семьи. Одинъ крестьянинъ продаетъ другому половину своей деревни. При продажѣ онъ заключаетъ договоръ складства на 10 лѣтъ, чтобы въ теченіе этихъ 10 лѣтъ имъ составляли одну семью: „нѣтъ и ѣсть вмѣстѣ, и платье и обувь держать изъ вончего живота, и та намъ своя деревня нахаты, сѣять и орать вмѣстѣ же за одно, и въ промысла ходить и посылать изъ вончаго живота“. Документъ, дѣйствительно, любопытный, но очень жаль, что онъ не приведенъ цѣлкомъ. То, что приведено, представляетъ собою договоръ общаго хозяйства. Весьма вѣроятно, что всѣ крестьяне, жившіе въ одномъ дворѣ, имѣли общее хозяйство. Но это еще не значитъ, что они составляли одну семью: жена и дѣти, вѣроятно, у каждого были свои. Что они образуютъ одну семью, этого въ документѣ не сказано, это домыслилъ г-жа Ефименко. Семья — это союзъ мужа и жены, родителей и дѣтей, а не то, что нѣютъ и ѣдятъ вмѣстѣ и вмѣстѣ на охоту ходятъ. У автора, кажется, на этотъ счетъ есть нѣкоторые недоразумѣнія. Также ничего не говорится въ документѣ о складствѣ, это опять домыселъ автора. Документъ въ томъ видѣ, какъ приведенъ, къ складству вовсе не относится. Въ виду несоотвѣстствія заключеній автора съ приподнимимъ имъ мѣстомъ документа, мы и сожалѣемъ, что документъ напечатанъ не цѣлкомъ.

скажемъ, что она могла ограничиваться возрастомъ и самостоятельнымъ характеромъ сыновей. Малолѣтніе — до возраста, а слабые духомъ и нерѣшительные и до смерти отца оставались подъ его властью и безпрекословно исполняли его приказанія; люди же рѣшительные могли оставить отца и завести свое самостоятельное хозяйство. Эта возможность потерять дѣятельнаго члена семьи должна была сдерживать родителей. А съ другой стороны и сами отцы могли находить цѣлесообразнымъ снизойти съ высоты отеческой власти и стать на равную ногу съ сыновьями, заявившими энергію, предприимчивость и хорошія хозяйственныя способности. Вотъ при какихъ условіяхъ сыновья, съ согласія, конечно, отца, принимали участіе въ его сдѣлкахъ, какъ бы его товарищи. Близкія родственныя связи, конечно, могли модифицировать до нѣкоторой степени эти товарищескія отношенія, тѣмъ не менѣе отецъ и сынъ принимали на себя обязательства за общую отвѣтственность; по отношенію къ третьимъ лицамъ они являлись товарищами въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

Въ заключеніе надо указать на то, что и женщины не были въ древности лишены права стоять во главѣ дворовъ и управлять хозяйствомъ. Писцовыя книги не разъ упоминаютъ во дворахъ вдовъ: „дворъ вдова Марья, дворъ Анна“, можетъ быть тоже вдова. А въ деревнѣ одного своеземца находимъ „дворъ Оедковой жены Грихнова Устинки“. Какъ она, при живомъ мужѣ, стала хозяйкой, не знаемъ; а, можетъ быть, она тоже вдова. Этотъ порядокъ вещей держится и въ XVI вѣкѣ. Въ волости Захожье, Тверскаго уѣзда, была черная деревня Новая Роспашь. Она вся состояла изъ одного двора и дворъ этотъ принадлежалъ вдовѣ. Въ дворцовой деревнѣ Бортниково-Теряево было два двора и одинъ изъ нихъ принадлежалъ вдовѣ, которой была дана льгота на нѣсколько лѣтъ отъ государевыхъ податей ¹⁾.

Таковъ личный составъ нашихъ старинныхъ хозяйственныхъ дворовъ. Въ большинствѣ случаевъ мы имѣемъ дѣло съ однимъ семействомъ, въ главѣ котораго стоитъ отецъ; иногда это двѣ, много три семьи родныхъ братьевъ, иногда это семьи отца и его сыновей.

¹⁾ Новогор. писц. кн. III 7, 582; Писцов. кн. XVI вѣка, подъ ред. Калачова II 49, 291. Въ недавно вышедшихъ Текстахъ бѣлозерскихъ книгъ и выписей, подъ редакц. С. А. Шумакова, въ сотной съ писцовыхъ книгъ 1543—1544 года въ числѣ деревень А. И. Нащокина находимъ деревню Дриблово всего съ однимъ дворомъ, принадлежавшимъ Ульянкѣ Суворовской. Опять не вдова.

Два послѣднихъ случая представляютъ семейную общину, но весьма различную по числу членовъ и по организаціи отъ южно-славянской задруги. Большаго числа членовъ мы не можемъ допустить въ этихъ общинахъ потому, что все дѣло ограничивается соединеніемъ двухъ, много трехъ семей. Да и это случаи довольно рѣдкіе. У насъ преобладало стремленіе къ дѣлежамъ. Имѣемъ многочисленныя указанія, что изъ двухъ—трехъ братьевъ, оставшихся по смерти отца, каждый заводитъ себѣ особый дворъ, то-есть по смерти отца не образуется никакой семейной общины, а происходитъ дѣлежъ. Надо сказать даже болѣе: сыновья, при жизни отцовъ, выдѣлялись изъ семьи и устроивали свое самостоятельное хозяйство въ особыхъ дворахъ. Зятья тоже нерѣдко живутъ въ особыхъ дворахъ. Такимъ образомъ, натуральная семья легко распадалась, такъ были мы далеки отъ сложныхъ семей южныхъ славянъ. Этими дѣлежами, можетъ быть, и надо объяснять то, что въ крестьянскихъ семьяхъ у насъ не удерживались родовыя названія, а только отеческія. На ту же немногочисленность семей указываетъ и весьма распространенный обычай товарищества двухъ постороннихъ людей для найма деревни. Въ этомъ чувствуется потребность соединенія силъ для хозяйства, но родственныя силы идутъ врознь, въ восполненіе этого недостатка люди соединяются не съ родными, а съ посторонними, съ „пріятелями“. Давно замѣчаемое стремленіе крестьянскихъ семей къ раздѣламъ, не есть явленіе новаго времени. Весьма возможно, что въ періодъ господства крѣпостного права, оно сдерживалось волею помѣщиковъ, а съ освобожденіемъ стремленіе каждаго къ самостоятельности направилось по своему естественному руслу, по пословицѣ: шей горшокъ, да самъ большой ¹⁾).

Устройство нашихъ семейныхъ общинъ тоже мало похоже на южно-славянскія задруги. Тамъ одинъ большакъ, который веѣмъ и распоряжается, у насъ договоръ о наймѣ земли заключается не только отъ имени двухъ-трехъ братьевъ, но даже сыновей и отца. Младшіе

¹⁾ Проф. Лучицкій утверждаетъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи въ половинѣ XVIII вѣка большія семьи хотя и не давали главнаго тона жизни, но и не представляли исключенія. „Нерѣдки дворы, въ которыхъ мы насчитываемъ по 3, 4, 5, 6, 7 и болѣе семей, состоявшихъ не только изъ родныхъ братьевъ, но и братьевъ двоюродныхъ, братанчей, дядей, тетокъ, племянниковъ, зятьевъ, деверей и т. д. *Сѣверный Вѣстникъ* 1889, № 1, стр. 77. По нашимъ памятникамъ этого не видно.

братья и даже сыновья тоже хозяева. Наша семейная община—много-начальная, юго-славянская—единоначальная.

Говоря о деревнѣ и дворѣ, мы постоянно имѣли въ виду деревню и дворъ вообще, но приводили памятники, въ большинствѣ случаевъ, касавшіеся крестьянъ, сидѣвшихъ на чужихъ земляхъ. Въ дополненіе приведемъ нѣсколько свидѣтельствъ, касающихся своеземцевъ.

У нихъ также деревня состоитъ изъ двора, дворища, земель и угодій. Въ купчей 1517 года читаемъ: „Се азъ Анфалъ, Никитинъ сынъ, купилъ еси у Максима у Андреева, у Попова у Смышляева, деревенку, что его владѣніе, орамы земли и пожни и притеребы, и въ морьскихъ пожняхъ участокъ, и поѣздная ловля, и путики, и ловища, и неводная ловля, и со всѣми угодьи, и дворъ и дворище, что изъ старины тянеть къ той деревнѣ, гдѣ што пришло“.

Эти деревни тоже составляютъ цѣлое хозяйство; въ результатѣ дѣленія получаютъ части деревни. „Се купилъ Лука, Евсеевъ сынъ, Прощолыкинъ у Панфила, у Нефедьева сына, землю на Лодмѣ, Панфиловъ участокъ весь, въ Часовенской деревнѣ, Нефедьевской пятой участокъ весь: и въ дворѣ, и въ дворищѣ, и въ орамахъ земляхъ, и въ пожняхъ, и въ поскотинѣ, и въ перевѣсницахъ, и въ притеребахъ, и въ путикахъ, и во всякихъ угодьяхъ—пятой участокъ“¹⁾.

Въ предѣлахъ такихъ владѣльческихъ деревень и возникали, конечно, крестьянскія деревни. Если владѣльческая деревня значительная, и въ ней появлялось много крестьянскихъ деревень, она получила названіе волостки и даже волости. Крестьянская деревня и дворъ въ миниатюрѣ представляетъ владѣльческую деревню и дворъ. Владѣльческій дворъ имѣется большимъ, боярскимъ, крестьянскій—просто дворъ.

Но между господской и крестьянской деревней есть и другая разница, кромѣ размѣровъ. Въ крестьянское хозяйство не входятъ угодья. Крестьянамъ сдается только пашенное хозяйство съ тѣмъ, что къ нему принадлежить: съ лугами, лѣсами, выгонами. Рыбныя ловли, путики и другія угодья состоятъ при господской деревнѣ. Они тоже могутъ быть сданы въ аренду, но это особая статья.

Есть отступныя крестьянскія грамоты, въ которыхъ крестьяне продаютъ не только земли, но рыбныя ловли и другія угодья. Эти акты совершаютъ крестьяне великаго князя, сидящіе на его земляхъ.

¹⁾ Рус. Ист. Библ. XIV № 5, 1517; № 9, 1523.

А мы уже знаемъ, что такіе крестьяне получили и угодья бывшихъ владѣльцевъ.

Мы только что привели случай продажи владѣльцемъ принадлежавшей ему пятой части деревни. Въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ описывается множество деревень, части которыхъ принадлежать разнымъ владѣльцамъ. Эти деревни называются „вопчими“. Число такихъ общихъ владѣльцевъ въ одной деревнѣ весьма различно; мы встрѣчали и 3 и 4 и болѣе, до 9. Въ одной деревнѣ, въ Заверяжи, за своеземцемъ состоялъ шестнадцатый жеребій деревни. Но это не значитъ, что всѣхъ владѣльцевъ было именно 16 человекъ. Одинъ могъ имѣть $\frac{1}{16}$, другой $\frac{4}{16}$ и пр. Тоже при 3-хъ, 4-хъ и т. д. владѣльцахъ. Владѣльцами общихъ деревень являются всевозможныя лица: владыка, бояре, большіе и маленькіе, крестьяне-своеземцы, попы, монастыри, церкви и пр. Съ момента конфискаціи такимъ совладѣльцемъ является и самъ великій князь московскій. У него общія деревни съ своеземцами, владыкой, монастырями и пр.

Возникаетъ вопросъ: эти общіе владѣльцы владѣли деревней сообща и имѣли нѣкоторый видъ общаго хозяйства, или земли деревни между ними были раздѣлены? Въ большинствѣ случаевъ, надо думать, каждый изъ нихъ велъ свое особое хозяйство, и земли были между ними раздѣлены. Мы заключаемъ это на томъ основаніи, что въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ, при описи „вопчихъ“ деревень, обыкновенно, указываются дворы, принадлежавшіе отдѣльнымъ владѣльцамъ, дворы, находившіеся на ихъ жеребьяхъ. Въ этихъ случаяхъ, значитъ, каждый имѣлъ въ общей деревнѣ свой особый участокъ, который и сдавалъ отъ себя крестьянамъ. Это, конечно, не исключало возможности бытія какихъ либо общихъ угодій, которыя не были раздѣлены, а состояли во владѣніи по годно, или распредѣлялись какъ нибудь иначе.

Рядомъ съ такими указаніями на раздѣльное хозяйство общихъ владѣльцевъ, но рѣже, есть указанія и на то, что они владѣютъ своимъ участкомъ сообща. Субъектами такого нераздѣльнаго владѣнія, обыкновенно, являются братья. Не видимъ препятствія допустить такое же нераздѣльное владѣніе и между посторонними лицами. Оно могло возникнуть въ томъ случаѣ, если братъ-совладѣлецъ продавалъ свою долю до дѣлеж.

Въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ для обозначенія такого владѣнія существуетъ только одинъ терминъ — „вопчие“, это вопчія деревни.

Въ другихъ памятникахъ мы встрѣчаемся съ терминомъ сябры (шабры), и думаемъ, что онъ именно обозначаетъ такихъ общихъ владѣльцевъ ¹⁾.

Братья Чевакины, Иванъ и Василій, купили у братьевъ Сасиныхъ тонию „половину половины“, то-есть половину ихъ жеребья, четверть тони. Продавцы въ купчей названы сябрами. Другая половина тони принадлежитъ Ивановымъ дѣтямъ. Родственники они Сасинымъ или нѣтъ, это неизвѣстно; также неизвѣстно, родственники ли Иванъ Чевакинъ или нѣтъ. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ угодьемъ, тоней, которая составляетъ собственность разныхъ лицъ и состоитъ въ общемъ ихъ владѣніи. Сасинымъ и Ивановымъ принадлежитъ по полъ тони. Ивановыхъ трое, Сасиныхъ еще больше. Тоня, конечно, не раздѣлена, всѣ Сасины и Ивановы владѣютъ сообща и дѣлятъ результатъ улова. Ловъ у нихъ можетъ быть общій, а можетъ быть и по годамъ. Сасины продаютъ половину своей половины. Съ этого момента прибавляется третья линія совладѣльцевъ—Ивана Чевакина и брата его Василя. Собственники распоряжаются своими долями по усмотрѣнію; согласія на продажу со стороны другихъ совладѣльцевъ не требуется. А. Ю. № 71. V. XIV—XV в.

Этотъ документъ даетъ прекрасную иллюстрацію къ тому, что выше было сказано о вопчихъ деревняхъ.

Имѣемъ и другой подобный документъ, но въ немъ рѣчь идетъ не о частной собственности, а „о великаго князя варницѣ“. Кто владѣетъ этою варницею, изъ документа не видно. Тамъ приведены имена владѣльцевъ, но не сказано, кто они, крестьяне, во владѣніи которыхъ осталась варница послѣ конфискаціи, или новые владѣльцы изъ своеземцевъ, которыми крестьяне успѣли уже продать свои участки. Исно только, что владѣльцы тянутъ государево тягло, и что это тягло такъ тяжело, что они, не будучи въ состояніи его тянуть, продаютъ свои доли. Такими владѣльцами могутъ быть и крестьяне, за которыми остались конфискованныя варницы, и позднѣйшіе покупщики; но это для насъ безразлично. Для характеристики вопчаго владѣнія важно то, что продавцы владѣютъ двѣнадцатою частью варницы и эту свою часть продаютъ. А въ концѣ отступной говорятъ: „А въ сябрѣхъ та варница съ Григорьевыми Кологривова, да съ Туваземъ и съ Орломъ, Ивановыми дѣтми, Доросеева и съ иными

¹⁾ Слово сябрь и теперь значитъ: соучастники, товарищи, пайщики, односумъ. Далѣ.

сябры". Что такое „а въ сябрѣхъ та варница"? Полагаемъ — это означаетъ „въ совладѣніи" и ничего больше. Одну двѣнадцатую продаютъ семь человѣкъ; всѣ они происходятъ отъ Ивана Сухова, изъ нихъ двое его сыновья и пять внуковъ. Эти семь человѣкъ владѣютъ сообща одной двѣнадцатой долей варницы; одиннадцать двѣнадцатыхъ состоятъ въ такомъ же владѣніи другихъ лицъ. Этихъ лицъ такъ много, что они всѣ даже и не перечислены. Перечислены, по всей вѣроятности, крупнѣйшіе участники. Покупщикомъ у Суховыхъ является одинъ изъ Кологривовыхъ, Семень, которые состоятъ уже сябрами. Не перечисленные, — по всей вѣроятности, владѣютъ очень небольшими долями. Можно думать, что эти мелкіе владѣльцы суть крестьяне, преемники тѣхъ, за которыми варницы великаго князя остались во владѣніи послѣ ихъ конфискаціи.

Изъ приведеннаго документа видно, что сябры владѣютъ не равными участками. Иванъ Кологривовъ купилъ себѣ одну двѣнадцатую часть, которая до того была во владѣніи семи сябровъ. Но доля Семена этимъ не исчерпывается. Онъ состоялъ уже сябромъ въ долѣ со своими братьями. У него болѣе одной двѣнадцатой. Это доли идеальныя, также какъ и въ предшествующемъ случаѣ. Продаются онѣ по усмотрѣнію дольщика; согласія другихъ сябровъ не нужно. А. Ю. № 185, 1550.

Солянныя варницы — угодья поземельныхъ владѣній. Это принадлежность деревень. Разборъ приведеннаго акта также даетъ результаты совершенно согласные съ тѣмъ, что сказано о деревняхъ выше.

Приведемъ и еще одинъ документъ. Въ 1488 году въ Псковѣ передъ княземъ, посадниками и соцкими происходилъ судъ. Истецъ, игуменъ Снѣтогорской обители, такъ говорилъ на судѣ: „Господинъ князь, и посадники, и соцкіе! Тому, господине, Юрью соцкому, старостѣ Егорьевскому, и Ортему, и Ильи, и всѣмъ ихъ сябромъ: игумену Лаврентію Кузюдемьянскому и всѣмъ старцомъ Кузюдемьянскимъ, пять частей въ Перервѣ рѣкѣ, а намъ, господине, шестая часть въ Перервѣ рѣкѣ, проѣзду дѣля. И нынѣ, господине, Юрьи, и Ортемъ, и Ильи, и всѣ сябры ихъ: игуменъ Лаврентій и старцы Кузюдемьянскіе, насъ шестой части въ Перервѣ рѣкѣ лишаютъ, проѣзду намъ не даютъ. А у насъ, господине, въ той Перервѣ рѣкѣ на шестую часть грамота купчая". Судъ присудилъ истцу, чего онъ искалъ, одну шестую въ Перервѣ рѣкѣ, а чтобы впредь не было спора, велѣлъ выдѣлить ему на проѣздъ шестую часть рѣки. А. Ю. № 2-й. Здѣсь сябрами являются два монастыря и крестьяне. У

всѣхъ у нихъ идеальныя части. Эта Перерва рѣка, надо полагать, — есть угодье той деревни, въ которой они вѣщѣ владѣльцы. Они владѣютъ рѣкою безъ раздѣла. Въ результатѣ суда получается раздѣлъ. Снѣтогорскому монастырю выдѣляютъ въ натурѣ его шестую часть; а остальные сябры продолжаютъ владѣть рѣкою сообща.

Въ этомъ же смыслѣ общаго владѣнія слово сябрь употребляется и въ памятникахъ XVII вѣка. Беремъ у проф. И. Н. Миклашевскаго двѣ архивныя выписки, извлеченныя имъ изъ одного и того же документа. „А пашня Ивану Скобельникову пахать съ своими сябрами, съ Парфеномъ Чернышевымъ да съ Алексѣемъ Коневымъ, черезъ десятину“. — „А пашня ему, Василью, пахать и сѣно косить, и въ лѣса вѣзжать, и всякими угодьями владѣть со старыми помѣщиками, своими сябрами (два имени), вѣщѣ по своимъ дачамъ“¹⁾.

Проф. И. Н. Миклашевскій въ своемъ трудѣ даетъ картину иныхъ поземельныхъ явленій, а не тѣхъ, которыми мы занимаемся. Онъ изслѣдуетъ помѣстное хозяйство на отведенныхъ отъ казны земляхъ. Но это все равно; насъ занимаютъ теперь не особенности помѣстнаго владѣнія, а значеніе слова сябрь; слово же сябрь и въ XVII вѣкѣ означаетъ то же, что и раньше. Это совладѣлецъ, у него вѣщѣ владѣніе и ничего больше. Осуществляться это общее владѣніе могло очень различно. Въ древнее время, о которомъ мы говоримъ, у своеземцевъ оно осуществлялось согласно волѣ совладѣльцевъ; въ XVII вѣкѣ, на помѣстныхъ земляхъ, порядокъ совладѣнія предписывался правительствомъ. Ивану Скобельницину съ его сябрами предписано было пахать „черезъ десятину“. Г. Миклашевскій объясняетъ, какъ это дѣлалось, но для насъ это не имѣетъ значенія, и мы не воспроизводимъ его объясненія²⁾.

Терминъ сябрь встрѣчается и въ старыхъ законодательныхъ памятникахъ — въ Псковской и въ Новгородской судной грамотѣ. Сохраненіе двухъ статей Псковской судной грамоты чисто процессуальное.

Слово сябрь употребляется въ нихъ, какъ общезвѣстное. Въ дополненіе къ тому, что мы знаемъ уже о сябрахъ, эти статьи даютъ очень немного. Статья 92 говоритъ объ искахъ „сябреннаго серебра“

¹⁾ Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства. Ч. I. Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины XVII вѣка. 1894. 190 и сл.

²⁾ Въ томъ же смыслѣ слово это употреблялось и на югѣ Россіи. У проф. Лучицкаго въ статьѣ о сябрахъ читаемъ: „Въ Малороссіи XVIII вѣка подъ словомъ сябрь разумѣли простаго пайщика, члена участника въ общемъ владѣніи“. См. Вѣсти., 1889 г., I стр. 75.

и предоставляет отвѣтчику право первому цѣловать крестъ (очищительная присяга). Сябренное серебро, по всей вѣроятности, есть общій капиталъ, составленный нѣсколькими лицами для какого-либо общаго предпріятія. Но статья исключаетъ купецкія и гостебныя дѣла. Что же остается? Если исключить торговые дѣла, то останутся, кажется, только складчины для покупки недвижимостей. Въ приведенномъ выше случаѣ два брата Чевакины сообща купили четверть тони. Употребленный ими на покупку капиталъ и будетъ, по всей вѣроятности, „сябренное серебро“ ¹⁾.

Другая статья (106) той же грамоты, опять говоритъ о сябрахъ, какъ общихъ владѣльцахъ. Изъ нея можно сдѣлать только одинъ выводъ. Она относитъ къ сябрамъ и владѣльцевъ въ натурѣ раздѣленныхъ участковъ.

Надо думать, что въ ней рѣчь идетъ о владѣльцахъ „вопчихъ“ деревень, которыхъ въ Новгородѣ, а вѣроятно и въ Псковѣ, было великое множество. Вначалѣ у нихъ могли быть и земли общія, по наслѣдству, по купчимъ и пр., а потомъ они раздѣлились и у каждого свои дворы и свои земли. Они тоже сябры ²⁾.

¹⁾ Иначе объясняетъ этотъ терминъ проф. Энгельманъ. Онъ видитъ въ немъ „долю изъ общей прибыли, приходящуюся на каждого изъ сябровъ въ отдѣльности“. Для такого ограничительнаго толкованія — нѣтъ основанія: здѣсь можетъ идти рѣчь и о капиталѣ и о прибыляхъ. Гражд. законы Псков. Суд. гр. 144.

²⁾ Статья 106-я представляетъ для пониманія едва ли преодолимую трудность. Несмотря на это, нѣкоторые ея выраженія, очень мало понятны, служатъ, иногда, основаніемъ для выводовъ. Въ виду спорности возбуждаемыхъ статей вопросовъ, считаемъ не лишнимъ привести ее. Статья говоритъ: „А кто съ ними ростажутся о земли или о борти, да положить грамоты стария и купленную свою грамоту. И его грамоты зайдутъ многихъ бо сябровъ земли и борти. И сябры всѣ стануть на суду въ одномъ мѣстѣ, отвѣчаючи ктожъ за свою землю или за борть, да и грамоты предъ господю покладутъ, да и межниковъ возмутъ. И томъ отвѣдутъ оу стариковъ по своей купной грамотѣ свою часть. Ино ему правда дати на своей части, а цѣлованію быти одному, а поцѣлуеть во всѣхъ сябровъ. Ино ему судница дати на часть, на которой поцѣлуеть“.

Профессоръ Энгельманъ въ своемъ юношескомъ трудѣ, обладающемъ большими достоинствами, высказываетъ мнѣніе, что статья предполагаетъ одного истца и нѣсколькихъ отвѣтчиковъ, а потому исправляетъ текстъ и предлагаетъ читать „положить“ вмѣсто „положать“, то-есть положить истецъ. Думаемъ, что составителямъ грамоты не было никакой надобности предполагать то или другое число тяжущихся. Сколько бы ихъ ни было, это ничего не мѣняетъ. Но исследователю грамоты это предположеніе понадобилось для того, чтобы объяснить, кто же тѣ сябры, о которыхъ говорится ниже, которые тоже кладутъ грамоты. Въ этихъ сябрахъ онъ видитъ отвѣтчиковъ. Эти сябры „ста-

Упоминаетъ сябровъ и Новгородская судная грамота, но чрезвычайно коротко. Случай, по которому они упоминаются, совершенно тотъ же, что и въ статьѣ 106-й Псковской грамоты. Возникъ земельный споръ и во время суда оказалась необходимость възвать „шабровъ“; статья опредѣляетъ время пріостановки суда для ихъ вызова. Вотъ и все. Вызовъ сябровъ, конечно, обуславливается тѣмъ же, чѣмъ и въ Псковской грамотѣ: межи зашли за межи владѣльцевъ общей деревни.

нута на суду въ одномъ мѣстѣ отвѣчаючи“. „Отвѣчаютъ“,—значить отвѣтчики. „Но они, говоритъ г. Энгельманъ, отвѣчаютъ всѣ вмѣстѣ, а не каждый въ отвѣтности за себя“. 129. Мѣсто очень трудное. Согласимся на минуту съ авторомъ, что истецъ одинъ, а ищетъ онъ съ нѣсколькихъ сябровъ, совладѣльцевъ. Совладѣльцами могутъ быть случайныя лица, напримѣръ, сонаслѣдники; или нѣсколько сонаслѣдниковъ и одинъ покушникъ, купившій долю одного или многихъ сонаслѣдниковъ. Что значить, что они „отвѣчаютъ всѣ вмѣстѣ“? Это совершенно не понятно. Можетъ быть, авторъ хотѣлъ сказать: одинъ отвѣчаетъ за всѣхъ? Это тоже невозможно, ибо они случайныя совладѣльцы, и одинъ можетъ найти для себя выгоднымъ продать остальныхъ. Общаго отвѣта не допускаетъ и текстъ. Въ грамотѣ написано: „отвѣчаючи ктожъ за свою землю или за борть“. У каждого сябра, значить, своя земля, а не общая, за нее онъ и отвѣчаетъ. На этомъ основаніи мы и дѣлаемъ выводъ, приведенный въ текстѣ. Въ концѣ встрѣчаемъ не менѣе трудное мѣсто: „а цѣлованью быть одному, а поцѣлуеть во всѣхъ сябровъ“. Авторъ даетъ такое объясненіе: „такъ какъ отвѣтчики отвѣчаютъ всѣ вмѣстѣ, то и истецъ присягаетъ только одинъ разъ противъ всѣхъ; его присяга опровергаетъ всѣхъ сябровъ вмѣстѣ“. По этому толкованію выходитъ: поцѣловать за всѣхъ это то же, что поцѣловать противъ всѣхъ. Это едва ли. Псковская судная грамота дошла до насъ въ одномъ спискѣ, да и тотъ пропалъ. Мы имѣемъ только копію, заданную съ этого списка. И списокъ могъ заключать въ себѣ описки, и копія могла ихъ еще увеличить. Положеніе толкователя при этихъ условіяхъ очень трудное. Хорошо еще, что онъ не отказался отвѣтить на предложенную задачу.

Нѣсколько иначе выходитъ изъ затрудненія проф. Владимірій-Будановъ. Онъ полагаетъ, что отвѣтчикомъ является—товарищество; что статья предоставляетъ первую присягу истцу; что въ случаѣ его отказа отъ присяги, право присяги переходитъ къ отвѣтчику, а такъ какъ отвѣтчикъ—товарищество, то одинъ присягаетъ за всѣхъ. Это толкованіе тоже трудно принять. Что отвѣтчикомъ является товарищество, это ни откуда не слѣдуетъ. Предположеніе это понадобилось только для объясненія цѣлованія одного за всѣхъ. Что первый цѣлуеть истецъ, это не согласно съ правиломъ 92 статьи.

Намъ въ статьѣ понятно не все. Вотъ что намъ ясно. Она не опредѣляетъ ни числа истцовъ, ни числа отвѣтчиковъ: искать и отвѣчать могутъ и одинъ и много. Тажущіеся владутъ грамоты въ доказательство своихъ правъ. При разсмотрѣніи этихъ грамотъ на судѣ, выяснилось, что спорныя земли зашли за земли другихъ совладѣльцевъ. Для разъясненія вопроса оказалось

Заключаемъ: сябры называются не только владѣльцы общихъ земельныхъ участковъ и угодій, но и всѣ владѣльцы „вопчихъ“ деревень, хотя бы они раздѣлили свои общіе участки. Въ этомъ надо видѣть новое свидѣтельство о томъ, что понятіе деревни, какъ одного цѣлаго, продолжаетъ жить.

Таковъ первоначальный характеръ деревни. Съ теченіемъ времени она перестала представлять одно цѣлое пашенное хозяйство и перешла въ совокупность дворовъ, изъ которыхъ каждый могъ имѣть свое особое хозяйство. Такъ возникли тѣ небольшія деревни въ нѣсколько дворовъ, которыя мы наблюдаемъ въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ и въ московскихъ XVI вѣка. Онѣ сохраняютъ еще нѣкоторыя черты своего исконнаго единства. Съ конца XVI вѣка начинается образованіе большихъ деревень, которыя не имѣютъ уже ничего общаго съ первоначальной деревней—дворомъ. Можно думать, что эта послѣдняя переимѣна стоитъ въ связи съ прикрѣпленіемъ крестьянъ и съ развитіемъ господскаго хозяйства въ формѣ барщины. Господское хозяйство было и въ Новгородѣ въ XV вѣкѣ, было, конечно, и раньше; но, сколько можно судить по писцовымъ книгамъ, оно не достигало большихъ размѣровъ. Съ прикрѣпленіемъ крестьянъ оно развивается; это барщинное крѣпостное хозяйство должно было разложить и послѣдніе остатки исконнаго двора—деревни.

Переходимъ къ вопросу о томъ, что такое село. Древнее село тоже не похоже на новое. Мы привыкли съ понятіемъ о селѣ соединять представленіе о поселеніи, въ которомъ находится церковь. Нѣтъ церкви, это будетъ деревня, а не село. Въ новгородскихъ

нужнымъ спросить совладѣльцевъ. Это и суть тѣ сябры, о которыхъ рѣчь идетъ въ средній статьи. Они не стороны, а свидѣтели. Статья не опредѣляетъ, въ какомъ порядкѣ цѣлуютъ крестъ; это уже опредѣлено въ ст. 92: первый цѣлуетъ ответчикъ, а если не хочетъ, то передаетъ свое право истцу. Статья говоритъ только, что цѣлуетъ одинъ, а не многіе. Что бы это значило? Кто эти многіе, которые не должны цѣловать? Къ дѣлу привлечены многіе совладѣльцы. Можетъ быть на судѣ возникалъ вопросъ и о ихъ присягѣ? Такъ какъ они въ дѣлѣ не участвуютъ и изъ его рѣшенія не могутъ ни проиграть, ни выиграть, то имъ нѣтъ надобности присягать въ качествѣ участниковъ. Статья, можетъ быть, вотъ этотъ случай и разъясняетъ и говоритъ „цѣлуетъ одинъ во всѣхъ сябровъ“, то-есть, изъ всѣхъ одинъ. Кто же? Одинъ изъ тяжущихся, ответчикъ или истецъ, кому придется по суду; ему и выдается судница на ту часть, на которой онъ поцѣлуетъ.—Выраженіе: „встать въ одномъ мѣстѣ“ намъ совершенно непонятно. „Отвѣчаючи“ не непременно указываетъ на ответчика. На судѣ отвѣчаетъ всякій, кого судья спрашиваетъ. Онъ спрашиваетъ и свидѣтелей, и они отвѣчаютъ.

писцовыхъ книгахъ встрѣчается масса селъ и селець, въ которыхъ нѣтъ церкви. Заключаемъ это изъ того, что она не описывается; если бы была церковь, она непременно была бы указана, а причтъ переписанъ.

Въ 1546 году московское правительство освѣдомилось, что жители Верхняго Слободскаго города „садились на лѣсу послѣ большихъ писцовъ“. Согласно ихъ просьбѣ, великій князь разрѣшилъ имъ: „лѣсъ сѣчь, дворы ставить, пашню пахать, людей призывать“. Кто садится, тотъ сѣлъ, отсюда село, поселеніе. Но и деревня поселеніе. Совершенно вѣрно; поэтому село употребляется въ томъ же смыслѣ, какъ и деревня. Въ одной купчей читаемъ: „Се купи Василей Филимоновичъ... село земли, дворъ и двориче, орамыя земли, и съ притеребы, и пожни, и путики того села, и перевѣсица, и полѣшия лѣсы, и бобровыя ловища, и въ тони участокъ, со всѣми угодами“. Здѣсь слово „село“ занимаетъ то мѣсто, какое въ другихъ купчихъ принадлежитъ слову „деревня“. Удѣльный князь Иванъ Андреевичъ далъ Ферапонтову монастырю деревню Крохинскую, а его братъ, князь Михайла Андреевичъ, въ своихъ жалованныхъ грамотахъ называетъ этотъ даръ то деревней, то селомъ. Если село та же деревня, то села, какъ и деревни, дѣлятся на половины и на жеребья. Въ спорномъ дѣлѣ 1532 г. одна и та же земля называется то полъ деревней, то полъ селомъ. Въ писцовыхъ книгахъ Коломенскаго уѣзда находимъ „жеребья“ селъ, какъ и въ новгородскихъ. Села также состоятъ изъ дворовъ, какъ и деревни¹⁾.

Несмотря на полное соотвѣтствіе словъ село и деревня, въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ они употребляются съ нѣкоторымъ различіемъ. Терминъ село употребляется очень рѣдко. На 100 столбцовъ не придется и 7 селъ, тогда какъ деревня встрѣчается чуть не

¹⁾ А. Д. I № 210. А. Ю. № 5, 1490; № 71, X, № 19, 1532. М. А. Дьяконовъ, Акты, II, № 2, 1514. Писцовыя книги XVI вѣка, подъ редакціей Калачова, I 82, 372, 379, 390. Новгородскія писцовыя книги I, ст. 808, 809.

Въ писцовыхъ книгахъ нѣдко деревни называются селами, но село, въ данномъ случаѣ, играетъ роль собственнаго имени, напримѣръ: деревня Селцо, деревня Селище, деревня Кривое Селище. Характерны и такіа названія: Селцо Дворище, деревня—Большой Дворъ, Старый Дворъ, село—Великій Дворъ. На единство села и деревни указано уже г-жей А. Ефименко, Крест. землевл. 204. Намъ непонятно только, почему она утверждаетъ, что въ Новгородѣ слово деревня подворяется лишь съ московскаго владычества, когда и вытѣсняетъ новгородское слово село. Слово деревня столь же новгородское, какъ и московское; а слово село вовсе не вытѣснено словомъ деревня.

въ каждой строкѣ. Село упоминается рѣдко, но почти всегда на первомъ мѣстѣ, а за нимъ идетъ перечисленіе деревень. Упоминаніе села среди деревень—встрѣчается рѣдко.—Въ I т. новгородскихъ писцовыхъ книгъ мы насчитали 54 села. При этомъ оказалось, что въ 52 селахъ имѣлись боярскіе дворы старыхъ владѣльцевъ, въ которыхъ теперь живутъ новые помѣщики; если же не жили старые, болѣе рѣдкій случай, то живутъ новые. Второй томъ мы просмотрѣли до 201 ст., и результатъ оказался тотъ же: на 201 столбцѣ—оказалось 11 селъ и въ каждомъ изъ нихъ живетъ владѣлецъ или его ключникъ. Полагая, что на основаніи этихъ данныхъ можно сказать, что селомъ называлось поселеніе, въ которомъ жилъ самъ владѣлецъ или его представитель. Этимъ объясняется, почему для насъ понятіе села сливается съ представленіемъ о церкви. Теперь нѣтъ села безъ церкви, а въ старину не было села безъ владѣльца; но владѣльцы тамъ и строили церкви, гдѣ сами жили. Этимъ же объясняется и выраженіе тѣхъ же писцовыхъ книгъ: „деревни къ селу“. Деревни тянутъ къ селу въ смыслѣ управленія: онѣ управляются владѣльцемъ изъ села и въ село приносятъ владѣльцу доходъ. Въ этомъ же смыслѣ о монастырскихъ деревняхъ говорилось: „А къ монастырю деревни“¹⁾.

Но владѣльцы имѣли свои дворы и въ деревняхъ. Это, можетъ быть, были ихъ вторые дворы, а не дворы ихъ первоначальнаго поселенія. Число дворовъ въ селахъ достигало иногда значительныхъ размѣровъ. Есть села въ 20 и даже 30 дворовъ, но это рѣдкіе случаи²⁾.

Въ заключеніе мы должны остановиться на литературѣ нѣкоторыхъ затронутыхъ нами вопросовъ. Не намъ принадлежитъ первое слово о деревнѣ, дворѣ, сѣбрахъ, складникахъ. О нихъ уже давно писали и такіе почтенные ученые, какъ г-жа Ефименко, профессоръ Лучицкій, профессоръ Лаппо-Данилевскій³⁾. Мы не нашли возмож-

¹⁾ Писцовыя книги Рязанскаго края, подъ ред. В. Н. Сторожева, вып. II 421.

²⁾ Для примѣра, *Временникъ* Им. Моск. Общ. ист. и древ. XI стр. 117, 118; *Новог. писц. кн.* III стр. 756 сл.

Указанное значеніе села можно наблюдать и въ московскихъ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка. Въ описи Полоцкаго повѣта 1570 г. читаемъ:

„За Ивановъ за Калитинимъ селцо Шерешинское., а въ немъ дворъ помѣщиковъ, Ивановъ... Того же селца деревни“ и т. д. II 462.

³⁾ А. Ефименко, *Крестыанское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ*, 1884,—въ *Исследованияхъ народной жизни* вып. I; Н. Лучицкій, *Сѣбры и сѣбрынное*

нымъ исполнѣ раздѣлѣнїя мнѣнія прежде насъ высказанныя. А научная истина — должна быть одна. Если она уже возвѣщена, надо было повторить ее; если мы этого не дѣлаемъ, мы, значитъ, считаемъ существующія мнѣнія въ какомъ либо отношеніи ошибочными и должны указать, въ чемъ заключается эта ошибка. Это тяжелый и неблагодарный трудъ, но необходимый: безъ этого нѣтъ науки. Нельзя же нагромождать одно мнѣніе на другое, не объясняя, чѣмъ нехороши старыя. Мы не принимаемъ старыхъ, потому что усматриваемъ въ нихъ нѣкоторыя недоразумѣнія. Читатель, наоборотъ, сравнивъ наше мнѣніе съ оспариваемыми, можетъ найти недоразумѣніе на нашей сторонѣ. Онъ нисколько не проиграетъ и въ этомъ случаѣ, а только выиграетъ. Изъ нижеслѣдующаго онъ ознакомится съ тремя мнѣніями названныхъ ученыхъ, изъ которыхъ и можетъ выбрать для себя любое. Мы изложимъ ихъ совершенно точно словами авторовъ.

Научное движеніе по затронутымъ вопросамъ открывается трудомъ госпожи А. Ефименко о крестьянскомъ землевладѣніи на крайнемъ сѣверѣ.

Въ рукахъ автора оказался новый матеріалъ, благодаря которому онъ нашелъ возможнымъ „показать съ непреложной очевидностью, въ чемъ заключалась сущность поземельнаго древняго устройства: не будучи общиннымъ въ строгомъ смыслѣ слова, оно тѣмъ менѣе было подворно-участковымъ, представляя изъ себя своеобразную форму, изъ которой могла развиться позднѣйшая община“ 211. Этотъ матеріалъ представляютъ тѣ веревныя книги, содержаніе которыхъ мы привели выше.

На основаніи выписокъ изъ веревныхъ книгъ, авторъ дѣлаетъ такое заключеніе. „Такимъ образомъ мы убѣждаемся, что деревня была одно поземельное цѣлое. Пашня ея была разбита на смѣны, а смѣны на поля или коны, при чемъ каждый дворъ деревни имѣлъ участокъ непремѣнно въ каждомъ кону каждой смѣны. Точно также каждый дворъ имѣлъ участокъ въ каждой пожнѣ, въ каждомъ переложкѣ, въ каждой закраинѣ. Даже разныя запольныя поляца, росчисти, новины, обыкновенно, находились въ совмѣстномъ владѣніи всѣхъ дворовъ деревни. Однимъ словомъ, этою стороною своей организаци

землевладѣніе въ Малороссіи, въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ* за 1889 г. № 1 и 2; А. Лаппо-Данилевскій, Критическія замѣтки по исторіи народнаго хозяйства въ Великомъ Новгородѣ и его области за IX—XV вв. 1896.

деревня представляла ярко выраженный прототип современной общины съ общими сѣнами и обязательнымъ сѣвооборотомъ¹⁾.

Этой деревенской организаціи авторъ даетъ наименованіе доле-вой и полагаетъ, что „она была общимъ типомъ старой русской по-земельной организаціи, выросшей на развалинахъ той послѣдней стадіи родового быта, которая называется у юго-западныхъ славянъ задругой, а на сѣверѣ—печищемъ. Долевая деревенская организація можетъ быть сочтена за материнскую форму, которая заключаетъ въ себѣ въ зародышѣ всѣ существенныя черты обѣихъ развившихся изъ нея формъ поземельнаго владѣнія, какъ общинной, такъ и подворно-участковой“. 225 сл., 230.

Таково мнѣніе г-жи А. Ефименко о древнемъ деревенскомъ устройствѣ. Оно не подворное, а долевоe. Изъ этого долевого разви-лось и общинное и подворное.

Что описываемая въ веревныхъ книгахъ деревенская организація представляетъ общій типъ древней русской организаціи, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Но почему она не дворовая? Вотъ это надо было доказать автору, чего онъ, однако, не сдѣлалъ. Да едва ли это и можно доказать. Веревныя книги описываютъ деревни по дворамъ и указываютъ земли каждаго двора. Принадлежащія каждому двору участки очень дробны, но все же это дворовыя участки: они собственностъ владѣльцевъ отдѣльныхъ дворовъ. Эти участки возникли изъ дѣлежа первоначальнаго двора между наслѣдниками его обладателя. Это признаетъ и авторъ, хотя выражаетъ это немножко туманно, говоря о какихъ-то развалинахъ какой-то послѣдней стадіи родового быта. Дѣло гораздо проще. Отецъ умеръ, первоначальный дворъ-деревня раздѣлился между его сыновьями. Получились доли земли въ каждомъ участкѣ и возникли особые дворы. А такъ какъ каждый наслѣдникъ получилъ свой участокъ въ собственностъ, то онъ можетъ его отчуждать. Такимъ образомъ, владѣльцами долей могутъ быть и не родственники. Все это могло совершаться не только въ XV и въ XVI вѣкахъ, но и прежде и послѣ, и что-

¹⁾ Стр. 214. Ошибимъ сдѣлать маленькую поправку. Веревныя книги не даютъ основанія говорить о поляхъ и коняхъ; этихъ словъ въ нихъ нѣтъ. Также точно автору не слѣдовало бы говорить „о совмѣстномъ владѣніи дворовъ“ и „обязательномъ сѣвооборотѣ“. Въ веревныхъ книгахъ показано не совмѣстное, а раздѣльное владѣніе каждаго двора. Но мы должны признать, что прибавка такихъ понятій, какъ конь и совмѣстное владѣніе, облегчаетъ уподобленіе старой деревни—деревнѣ общинной.

бы это совершалось, вовсе не нужно, чтобы распались послѣднія стадіи родового быта. Авторъ самъ говоритъ: „пока деревня равна двору, чтобы ни представлялъ собою этотъ дворъ, все-таки не можетъ быть рѣчи ни о какой сложной поземельной организаціи. Такая возможность наступаетъ только съ момента раздробленія первоначальнаго двора, то-есть большой семьи, печища“ 219. И затѣмъ, въ видѣ примѣра, приводитъ раздѣльный актъ шести братьевъ: въ дѣлежѣ былъ одинъ дворъ-деревня, послѣ дѣлежа получилась деревня въ шесть дворовъ или въ шесть долей. Такъ какъ каждому брату были отведены отдѣльные участки, то и съ раздѣленіемъ не получилось никакой сложной организаціи, могущей служить прототипомъ общиннаго владѣнія; получился самый обыкновенный видъ общаго, а не общиннаго владѣнія. Каждый братъ владѣетъ своей долей на себя и можетъ ее продавать. Ихъ доли не имѣютъ ничего общаго съ долями участниковъ общиннаго владѣнія.

Авторъ находится въ очевидномъ недоразумѣніи. По веревнымъ книгамъ каждый владѣлецъ деревенской доли имѣетъ клочокъ въ каждой разновидности земли. Это похоже на извѣстное всѣмъ намъ распредѣленіе деревенскихъ земель между крестьянами-общинниками. Но сходство чисто внѣшнее, по существу же эти порядки совершенно различны. Доли веревныхъ книгъ не равны между собой, онѣ отчуждаются, наследуются и т. д., то-есть, состоятъ въ частной собственности своихъ владѣльцевъ, если они своеземцы; если же они сидятъ на государственныхъ земляхъ, то отношеніе ихъ къ этимъ землямъ нѣсколько иное, на что мы указали въ своемъ мѣстѣ; но все же и они распоряжаются. Это внѣшнее и поверхностное сходство авторъ принялъ за сходство по существу, а потому и усмотрѣлъ въ немъ прототипъ позднѣйшаго общиннаго владѣнія.

Усматривая въ долевымъ владѣніи прототипъ позднѣйшаго общиннаго, авторъ полагаетъ, что старинныя доли имѣютъ всѣ свойства долей сего послѣдняго, что онѣ равны (220) и передѣляются; право отчуждать эти доли, котораго онъ не можетъ не признать, существенно противорѣчить сближенію старыхъ долей съ долями общинниковъ, а потому онъ старается представить его въ нѣкоторомъ особомъ свѣтѣ.

Разберемъ каждое изъ этихъ положеній.

Доли участниковъ, говоритъ авторъ, равны. Онѣ могутъ быть равны только въ одномъ случаѣ: если отецъ умеръ безъ завѣщанія, тогда имѣніе его дѣлится поровну между сыновьями. Но если онъ оставилъ завѣщаніе, онъ могъ назначить дѣтямъ и не равныя участки.

Эти участки затѣмъ переходятъ къ дѣтямъ дѣтей. Если они сначала и были равны, при слѣдующемъ переходѣ они дѣлаются неравными, ибо трудно думать, чтобы у каждаго изъ сыновей было равное число наслѣдниковъ. Съ владѣніемъ крестьянъ-общинниковъ даже и въ томъ случаѣ, когда доли случайно равны, здѣсь ровно ничего нѣтъ общаго.

Общинныя земли передѣляются отъ времени до времени. Мы хорошо знаемъ, при какихъ условіяхъ это дѣлается. Авторъ утверждаетъ, что каждый участникъ въ веревной долѣ могъ требовать передѣла, если находилъ, что доставшаяся ему доля не соответствуетъ его правамъ. „Если, продолжаетъ онъ, въ родственную схему вложить посторонніе элементы, которые постоянно въ нее входили, то получается прототипъ нашего общиннаго передѣла“ 221.

„Посторонніе элементы, входящіе въ родственную схему“, это постороннія лица, дѣлающіяся чрезъ покупку долей, дареніе и пр. совладѣльцами деревни. Въ примѣръ такого поступленія „въ родственную схему посторонняго элемента“ авторъ и приводитъ тотъ „любопытный документъ“ начала XVII вѣка (1602), который мы уже разбирали на стр. 242.

Допустимъ, что наслѣдники, разъ подѣлившись, нашли раздѣлъ невыгоднымъ и требуютъ новаго. Кто читалъ комедію Тургенева „Завтракъ у предводителя“, тотъ хорошо знаетъ, какія трудности представляетъ раздѣлъ наслѣдниковъ, какъ легко они дѣлаются недовольными и какъ склонны они требовать вѣчныхъ передѣловъ. Тѣмъ скорѣе надо допустить, что постороннее лицо, пріобрѣта часть въ волчѣй деревнѣ, будетъ еще менѣе сговорчиво, чѣмъ братья и другіе родственники; наконецъ, допустимъ, что на практикѣ возникаютъ безконечныя споры о передѣлахъ. Что же будетъ общаго въ этихъ передѣлахъ наслѣдниковъ, если они и будутъ допущены, съ передѣлами крестьянъ-общинниковъ? Ровно ничего, кромѣ слова передѣлъ. Это опять недоразумѣніе ¹⁾.

¹⁾ Раздѣлъ наслѣдниковъ—дѣло величайшей трудности; во все время онъ былъ источникомъ всякихъ недоразумѣній и вражды между родственниками. Это хорошо понималось и у насъ въ древности, а потому принимались мѣры къ тому, чтобы разъ произведенный раздѣлъ потомъ уже не передѣлывался. „Соучастники дѣлажа договаривались впередъ лишними землями другъ друга не уравнивать, не передѣлываться и не переразвиваться, новаго дѣла другъ на другѣ не спрашивать ни мѣ самими, ни дѣтямъ ихъ“. Беремъ это свидѣтельство у г-жи А. Ефименко. 221.

Вопросъ „о передѣлахъ для уравниенія владѣній“ чрезвычайно занимаетъ г-жу Ефименко, что очень понятно; это вопросъ для нея чрезвычайной важности. Она возвращается къ нему на 227 стр. Здѣсь авторъ обращаетъ вниманіе читателя на выраженіе древнихъ памятниковъ: „уравниваться по купчимъ крѣпостямъ“, и для доказательства своей мысли о передѣлахъ приводитъ извлеченіе изъ дѣла конца XVII вѣка о такомъ уравниеніи. Двое крестьянъ деревни Настасьиной требовали отъ двухъ другихъ совладѣльцевъ той же деревни „равности ораемыхъ земель и сѣнныхъ покосовъ“. Совладѣльцы ихъ отвѣчали: „по старымъ крѣпостямъ ровняться готовы“. Вслѣдствіе этого отправлены были на мѣсто старожилыцы съ письменными крѣпостями, купчими и дѣльными, и сравнили земли „въ правду по Евангельской заповѣди Господни“. Что это такое? Владѣльцы общей деревни владѣютъ своими участками по крѣпостямъ. Съ теченіемъ времени произошло нарушеніе границъ этого владѣнія. Двое совладѣльцевъ требуютъ ихъ уравнять. Не беремся рѣшать, что они понимаютъ подъ своей „равностью“. Мало ли чего могутъ домогаться истцы! Но судъ, согласно съ заявленіемъ отвѣтчиковъ, приказываетъ развести межи по купчимъ крѣпостямъ и раздѣльнымъ актамъ. Что здѣсь общаго съ уравниеніемъ участковъ общинныхъ владѣльцевъ и ихъ передѣлами? Ровно ничего.

Право дольщиковъ отчуждать свои доли не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Оно хорошо извѣстно г-жѣ Ефименко. Но это право не укладывается въ рамки позднѣйшаго общиннаго землеустройства. Какъ же быть? Это проявленіе права частной собственности г-жа Ефименко пытается ослабить такимъ соображеніемъ: „Но и при продажѣ выдѣленнаго деревенскаго участка все-таки продается не такая-то опредѣленная земля, находящаяся въ такихъ-то межахъ, а лишь идеальная доля или доли“ 224. Это утвержденіе ни на чемъ не основано и совершенно непонятно. Всякій продаетъ только то, что онъ имѣетъ; если онъ имѣетъ идеальную долю, онъ продаетъ идеальную долю; если произошелъ раздѣлъ, владѣлецъ продаетъ, что ему досталось по раздѣлу, и при купчей передаетъ покупщику и свою раздѣльную грамоту. Сама же г-жа Ефименко приводитъ извлеченіе изъ только что упомянутаго нами дѣла конца XVII вѣка, въ которомъ старожилыцы ходятъ по межамъ не только съ купчими, но и съ „дѣльными“, то-есть съ раздѣльными актами, по которымъ спорщики владѣютъ своими участками. Да и что же это былъ бы за порядокъ, если бы съ каждымъ отчужденіемъ раздѣльные акты

уничтожались? При такомъ порядкѣ и жить было бы нельзя. Здѣсь опять довольно крупное недоразумѣніе.

Нарисовавъ картину древней деревни, прототипа позднѣйшей общинной деревни, съ равными долями, съ правомъ передѣла и т. д., г-жа Ефименко не могла обойти молчаніемъ складниковъ и сябровъ. Она говоритъ о тѣхъ и другихъ, но о складникахъ больше, чѣмъ о сябрахъ, которыхъ касается лишь мимоходомъ.

Мы уже знаемъ, что долевая организація старинной деревни развивается у г-жи А. Ефименко „на развалинахъ той послѣдней стадіи родового быта, которая называется у юго-западныхъ славянъ задругой, а на сѣверѣ — печищемъ“. Въ этомъ утвержденіи г-жа Ефименко довольно близко подходитъ къ мнѣнію, давно уже высказанному о нашей современной общинѣ барономъ Гакстгаузенемъ.

Деревня, родоначальница общинной, представляется г-жѣ А. Ефименко „кровой, родовой клѣточкой“ 222. Вотъ въ этой-то кровной, родовой клѣточкѣ и возникаетъ складство, „всецѣло сохраняя старую кровную схему“. Оно трехъ видовъ. Первый видъ представляютъ явленія искусственной семьи, образчикъ которой даетъ „любопытный документъ начала XVII вѣка (1602)“, нами уже разобранный. Мы видѣли, что здѣсь договоръ объ общемъ хозяйствѣ, въ которомъ слово складничество даже и не упомянуто, былъ принятъ авторомъ за образованіе искусственной семьи. Тутъ нѣтъ искусственной семьи и никакой „кровой схемы“. Два человѣка живутъ въ одной деревнѣ и ведутъ общее хозяйство. Они, конечно, положены въ одну обжу, и въ этомъ смыслѣ складники.

„Складничество много типа (второй видъ) представляютъ посторонніе элементы, вошедшіе не въ семью, а въ кровную родовую клѣточку деревни; оно было развито въ высшей степени“. Возникаетъ оно въ силу приобрѣтенія покупкой и другими способами долей деревни посторонними людьми. „Въ этомъ случаѣ, говоритъ авторъ, союзъ родственниковъ замѣщался союзомъ складниковъ, сосѣдей, сябровъ, сохраняя подъ собою всецѣло старую кровную схему“ 221—225. Это совершенно вѣрно. Всякій, приобрѣтавшій долю или жребій деревни и попадавшій, такимъ образомъ, въ ту же обжу или соху, становился складникомъ совладѣльцевъ; только кровная схема тутъ не при чемъ. Складничество обуславливалось здѣсь не родствомъ, котораго и не было, а положеніемъ въ одну обжу.

Сябрь въ приведенной цитатѣ поставленъ рядомъ со складникомъ, онъ отнесенъ къ союзу не родственниковъ, а постороннихъ лицъ. Это не-

правильно и по отношенію къ сябрамъ и по отношенію къ складникамъ. Мы видѣли, что и сябрами и складниками могутъ быть и родственники и постороннія лица.

А вотъ третій видъ складничества. „Мы уже говорили выше, читаемъ у автора, что при раздѣленіи кровнаго союза родственники почти никогда не дѣлились нѣкоторыми видами угодій, а оставляли извѣстную часть ихъ въ нераздѣльномъ пользованіи“ 228. Владѣльцы этихъ нераздѣльныхъ угодій и суть складники. Это можно допустить, но и здѣсь складники не потому, что не раздѣляли угодій, а потому, что живутъ въ одной деревнѣ. Они были бы складники и въ томъ случаѣ, если бы раздѣлили угодья.

Въ доказательство своихъ взглядовъ на существованіе трехъ видовъ складничества, авторъ не привелъ ни одного документа, изъ котораго было бы видно, что складникомъ называется человекъ потому, во-первыхъ, что ведетъ съ другимъ общее хозяйство; во-вторыхъ, что купилъ часть чужой деревни; въ-третьихъ, что не раздѣлялъ общихъ луговъ. Полагаемъ, что и нельзя привести такого документа: во всѣхъ трехъ случаяхъ нѣтъ никакой складчины. Назвать который либо изъ этихъ случаевъ складчиной было бы противно смыслу слова. Складываются у нихъ только подати, а потому они всѣ одинаково и складники ¹⁾).

Въ только что приведенной цитатѣ есть выраженіе, которое нельзя пройти молчаніемъ; оно многое объясняетъ въ нашемъ спорѣ. „При раздѣленіи кровнаго союза, говоритъ авторъ, угодья не дѣлятся“. А когда же это дѣлится кровный союзъ, и каковы его части? Напримѣръ: союзъ родителей и дѣтей? Никогда! Не кровный союзъ дѣлится тамъ, гдѣ выше авторъ говоритъ о дѣлѣжѣ, а имущество (кровныхъ) родственниковъ. Мы указали нѣсколько недоразумѣній автора; теперь всѣ ихъ можно свести къ одной причинѣ, нѣкоторой неясности юридическихъ понятій, въ данномъ случаѣ очень понятной, и которую никто въ вину г-жѣ А. Ефименко не поставитъ. Несмотря на нѣкоторыя недоразумѣнія, она исполнила очень

¹⁾ „Нераздѣльное пользованіе угодьями, говоритъ г-жа А. Ефименко, называется на языкѣ сѣверныхъ актовъ складствомъ, соучастники его — складники“... 229. Къ сожалѣнію, она не приводитъ и не указываетъ ни одного изъ этихъ любопытныхъ сѣверныхъ актовъ. Но что у складниковъ, какъ ододеревенцевъ, могутъ быть общія угодья, это дѣло довольно обыкновенное, только тутъ нѣтъ никакой складчины.

почтенный трудъ, который пользуется совершенно заслуженной извѣстностью и имѣетъ не мало послѣдователей.

Хотя кровные союзы могутъ только уничтожаться, а не дѣлиться на части, но что же такого было въ нашей старой деревнѣ кровнаго, что постоянно заставляетъ г-жу А. Ефименко говорить о ея кровномъ характерѣ, хотя бы она была населена даже и не родственниками, а посторонними членами? Миѣ кажется, предполагаемое происхожденіе долей и только. Однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ способовъ возникновенія долей деревни, этого первоначальнаго цѣлаго, которое потомъ дѣлится на половины, трети и т. д., является дѣлежъ деревни между дѣтьми ея устроителя. Вотъ и все кровное, что есть въ долевой организаціи автора, то-есть, первоначально доли принадлежатъ родственникамъ; но эти родственники владѣютъ своими долями совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и постороннія лица, то-есть, общее владѣніе, возникающее изъ дѣлежа наслѣдства, нисколько не отличается отъ всякаго другого общаго владѣнія, какъ бы оно ни возникло. А съ другой стороны, раздѣлъ наслѣдства есть ли единственный способъ возникновенія первоначальныхъ долей? Конечно, нѣтъ. Деревня можетъ быть устроена не однимъ хозяиномъ, а двумя пріятелями, но не родственниками. При этомъ условіи съ самаго начала будутъ двѣ доли и не непременно равныхъ, такъ какъ участіе учредителей можетъ быть и не равное. Проф. Лучицкій приводитъ примѣръ устройства мельницы четырьмя сябрами, причемъ половина дохода шла одному, казаку Гарбузу, а трое остальныхъ, родные братья Яценки, получали каждый по $\frac{1}{3}$, а вмѣстѣ тоже половину. Итакъ, особенно настаивать на исключительно кровномъ характерѣ первоначальной деревни и ея долей едва ли есть достаточное основаніе. Она изстари могла возникать въ силу совокупной дѣятельности постороннихъ людей, не родственниковъ.

Переходимъ къ изслѣдованію проф. Лучицкаго.

Онъ ставитъ себѣ гораздо болѣе тѣсную задачу. Предметъ его изслѣдованія сябры и ихъ землевладѣніе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Малороссіи XVIII вѣка. Мы привели уже мнѣніе автора о томъ, что тогда разумѣли малороссы подъ словомъ сябрь, прим. на стр. 249. Но затѣмъ авторъ говоритъ, что слово сябрь имѣло и иной смыслъ и посвящаетъ свою статью разслѣдованію этого иного смысла. Съ точки зрѣнія этого иного смысла слово сябрь представляется далеко не такимъ простымъ: „лишь мало по малу и съ большимъ трудомъ автору удалось собрать нѣкоторую, сравнительно весьма незначительную

часть данныхъ, способныхъ пролить свѣтъ на организацію сябринаго землевладѣнія, имѣющую большой интересъ и значеніе не для одной только исторіи Малороссіи, но еще быть можетъ гораздо большее для исторіи послѣдовательной смѣны формъ землевладѣнія вообще" I 70. Итакъ, владѣніе сябровъ не есть просто весьма обыкновенный видъ общей собственности, а нѣкоторая особая форма землевладѣнія, занимающая свое опредѣленное мѣсто въ исторіи послѣдовательнаго развитія этихъ формъ.

„Сябринное землевладѣніе, говоритъ авторъ, основано на родственномъ кровномъ началѣ... Это начало кровной связи, лежащее въ основѣ сябринаго землевладѣнія, выступаетъ во всѣхъ тѣхъ весьма многочисленныхъ случаяхъ, гдѣ мы съ нимъ встрѣчаемся... Всякій разъ, когда дѣло идетъ о сябринныхъ участкахъ, они носятъ въ актахъ совершенно ясное и опредѣленное названіе, прямо указывающее на родовой характеръ сябринства. Вездѣ встрѣчаемъ совершенно одинакія выраженія: отчина, вутчина, вутчицкія, сябринскія части. Это землевладѣніе обязано своимъ возникновеніемъ распаденію единой и цѣльной сложной семьи..." I 85—87, II 49.

Вотъ въ чемъ заключается отличительный признакъ этой особой исторической формы землевладѣнія: сябры родственники. Теперь припомнимъ, что авторъ говоритъ въ началѣ своего изслѣдованія. Онъ приводитъ тамъ иное значеніе слова сябрь, по которому сябрь—простой пайщикъ, участникъ въ общемъ владѣніи, а таковымъ можетъ быть и не родственникъ. Въ примѣръ авторъ привелъ извѣстныхъ уже намъ казака Гарбуза и братьевъ Яценковъ. Онъ полагаетъ, что этотъ примѣръ „особенно рельефно обрисовываетъ характеръ и смыслъ сябринства" I 74. Итакъ, сябрами могутъ быть родственники и не родственники, и то и другое особенно характерно для сябринства. Сябринное землевладѣніе, слѣдовательно, не непременно основано на родственномъ, кровномъ началѣ. Для того, чтобы выяснитъ себѣ, что такое сябрь, надо взять черты, принадлежащія всѣмъ сябрамъ, а не сябрамъ только родственникамъ. Черты, всѣмъ принадлежащія, и будутъ характерны для сябра вообще. Можно быть сябромъ, не будучи родственникомъ; слѣдовательно, родственное, кровное начало не есть отличительный признакъ сябринства.

Затѣмъ авторъ приводитъ нныя черты, характеризующія сябринное землевладѣніе, какъ особую историческую форму. Такъ какъ такая форма, за слятіемъ сябровъ родственниковъ и неродственниковъ, исчезаетъ, то мы могли бы и не разсматривать характерныя черты

не существующей формы. Но мы на нихъ остановимся, потому что авторъ строитъ свое зданіе на новомъ архивномъ матеріалѣ, до сего времени не обнародованномъ и придаетъ ему особое значеніе.

Кровное сябринное землевладѣніе, какъ мы уже знаемъ, авторъ выводитъ изъ распадѣнія семьи, причемъ, конечно, происходилъ раздѣлъ имущества. „Но, говоритъ авторъ, въ то время, когда при раздѣлѣ обыкновеннаго имущества дѣло шло о раздѣлѣ безповоротномъ, о переходѣ паевъ въ полную собственность отдѣлившагося лица, при раздѣлѣ сябринномъ мы наталкиваемся на явленія совершенно иного характера. Сходный по формѣ, сябринный раздѣлъ рѣзко различался по существу отъ чисто родового раздѣла въ его позднѣйшей формѣ. И прежде всего раздѣлъ сябринный или подѣлъ не уничтожалъ общности имущества. Земля по прежнему оставалась и послѣ раздѣла въ общемъ владѣніи, считалась общою, носила именно это названіе“ II 38.

Вотъ новая особенность сябриннаго землевладѣнія: раздѣленные земли продолжаютъ оставаться въ общемъ владѣніи. Что же это за раздѣлъ? Сябринный раздѣлъ, утверждаетъ авторъ, рѣзко различается отъ родового раздѣла. Родовой раздѣлъ есть, конечно, раздѣлъ родового имущества. А какое имущество дѣлятъ сябры? Авторъ утверждаетъ, что сябры произошли изъ распадѣнія сложной семьи, стало быть они дѣлятъ имущество, доставшееся отъ предковъ, то-есть тоже родовое. Выходитъ, что родовое не есть родовое. Но авторъ прибавляетъ „родовой раздѣлъ въ позднѣйшей формѣ“. Это надо было бы пояснить. Безъ поясненія читатель долженъ оставаться въ совершенномъ недоумѣніи, что это за раздѣлы родового имущества въ древнѣйшей и позднѣйшей формѣ, и какимъ образомъ имѣнія сябровъ, полученные отъ родителей, не суть родовыя. Нѣтъ ли тутъ какого-нибудь недоразумѣнія ¹⁾?

Авторъ говоритъ совершенно опредѣленно, что сябринный раздѣлъ есть раздѣлъ, который ничего не дѣлитъ, а все остается по прежнему въ общемъ владѣніи. Это трудно понять, но авторъ утвер-

¹⁾ На стр. 37 т. II авторъ приводитъ случай „раздѣла родового имущества“. Это настоящій раздѣлъ, при которомъ „знаки крестовые на землѣ положены“. Раздѣлъ произвели два брата и три сестры, которые до того времени, по словамъ автора, жили совмѣстно и совокунно. Они, конечно, сябры. Они дѣлятъ „родовое имущество“, а потому у нихъ настоящій раздѣлъ съ особыми мѣжами. У сябровъ же, утверждаетъ авторъ, нѣтъ настоящаго раздѣла. Мы находимъ въ какомъ то заколдованномъ кругѣ, изъ котораго нѣтъ выхода.

ждаетъ: „Безконечный рядъ актовъ, относящихся къ сябрамъ, не оставляетъ на этотъ счетъ ни малѣйшаго сомнѣнія... Вотъ что читаемъ, продолжаетъ онъ свои доказательства, въ одной купчей с. Неданчицъ, купчей, относящейся уже къ концу XVIII вѣка, къ 1782 году: „Продаемъ земли наслѣдніе, намъ спадшіе, которое наши части поименовать и смежности написать за немѣніемъ съ сябрами правой раздѣлки невозможно“. „И это повторяется постоянно, продолжаетъ авторъ, въ описяхъ говорится, что всѣ сябры имѣютъ участіе въ нераздѣльныхъ сябринныхъ угодьяхъ“ 385.

Теперь все ясно. Тутъ чистое недоразумѣніе. Продавецъ 1782 г. не можетъ обозначить границъ, потому что „правнаго раздѣла еще не было произведено“, онъ продаетъ свою идеальную часть, а не раздѣленную. Авторъ не различаетъ идеальной части отъ части, отведенной въ натурѣ, а люди XVII вѣка это различали. Онъ говоритъ о раздѣлѣ, гдѣ раздѣла еще не было, а продолжалось общее владѣніе идеальными частями. Эти идеальныя части могли, однако, продаваться, какъ и у насъ. Итакъ, архивные матеріалы не дали автору ничего новаго, они подтверждаютъ только то, что мы и раньше могли знать.

Еще особенность. Рѣшивъ, что раздѣлъ не есть раздѣлъ, авторъ говоритъ о ежегодныхъ передѣлахъ въ сябринныхъ нераздѣльныхъ земляхъ II 42 — 44. Это можно допустить, но это не представляетъ ни малѣйшей особенности, которая давала бы поводъ говорить о какой либо вновь открытой стадіи историческаго развитія въ области землевладѣнія. Въ чемъ тутъ дѣло? Наслѣдники не раздѣляли доставшейся имъ земли, пользуются ею сообща; какъ же имъ ею пользоваться? Это можно сдѣлать на множество разныхъ способовъ. Они могутъ сообща обрабатывать землю и дѣлить продуктъ, а могутъ временно взять участки въ разныхъ мѣстахъ и обрабатывать ихъ за свой счетъ; а такъ какъ качество участковъ можетъ быть неодинаково, то они могутъ мѣняться ими отъ времени до времени. По нашимъ памятникамъ общими лугами владѣльцы пользовались погодно. Такой же случай, въ доказательство своей мысли, приводитъ и почтенный авторъ. Одинъ изъ сябровъ закладываетъ свой пай сѣнокоса: „кои сѣнокосы каждый годъ ходя между сябрами порознь“. Совершенно, что у насъ. На этомъ основаніи авторъ и дѣлаетъ свое заключеніе о ежегодныхъ передѣлахъ „по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ сябринныхъ ассоціаціяхъ“. Это, конечно, заключеніе ошибочное: луга могутъ переходить изъ рукъ въ руки ежегодно, а не пашенныя

земли при трехпольномъ хозяйствѣ. Итакъ, способы общаго пользованія землями могутъ быть различны, но они имѣютъ мѣсто, пока земли не раздѣлены. Авторъ же совсѣмъ не допускаетъ раздѣла. Это недоразумѣніе. Его матеріалы говорятъ о несостоявшемся еще раздѣлѣ. Одно такое свидѣтельство мы уже привели, а вотъ другое, тамъ же. Кто то продаетъ доставшуюся ему четвертую часть въ полѣ пахатномъ, сѣнокосахъ, озерахъ, дубравахъ и т. д., „чего всего по яснымъ смежникамъ за нераздѣломъ показать не возможно“. Раздѣлъ не произведенъ, а потому и невозможно продавцу межъ показать. Но отсюда слѣдуетъ, что раздѣлъ общихъ земель возможенъ и въ Малороссіи. Въ случаѣ „правнаго“ раздѣла, конечно, никакого уже передѣла не бываетъ, потому что въ немъ нѣтъ болѣе надобности. Словомъ, вездѣ, какъ у насъ въ Новгородѣ, и нигдѣ нѣтъ невозможной формы землевладѣнія съ раздѣломъ, который ничего не дѣлать.

Авторъ и еще возбуждаетъ нѣкоторые вопросы для выясненія этой совершенно новой формы сябринаго землевладѣнія. Напримѣръ: „спрашивается теперь, говоритъ онъ, каковъ же былъ размѣръ той идеальной доли пользованія, которая принадлежала каждому изъ членовъ сябровства?“ (II 45) и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, а мы будемъ утверждать, что такого вопроса и поставить-то нельзя. Сябры родственники получаютъ свои земли отъ распаденія сложной семьи. Допустимъ, какъ желаетъ авторъ, что они остаются при идеальныхъ доляхъ и производятъ только такой раздѣлъ, который ничего не дѣлать. Величина ихъ доли въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ будетъ разная, ибо она опредѣляется слѣдующими двумя всегда разными условіями: количествомъ доставшагося имущества и числомъ наслѣдниковъ. Если осталось два наслѣдника, то у каждого будетъ по $\frac{1}{2}$ наслѣдства, три — по $\frac{1}{3}$, четыре — по $\frac{1}{4}$ и т. д. Если одинъ изъ этихъ наслѣдниковъ умретъ, то у его наслѣдниковъ будутъ дроби отъ этихъ дробей. Во второмъ поколѣніи получится великое разнообразіе размѣра частей и совершенно случайное, которое никакъ нельзя опредѣлить впередъ по какимъ-либо общимъ основаніямъ.

Взглядъ проф. Лучицкаго на сябровъ не совершенно совпадаетъ со взглядомъ г-жи А. Ефименко. Оба согласны, что это совладѣльцы; но затѣмъ они далеко расходятся. У г-жи А. Ефименко сябры не родственники, а постороннія лица, приобретающія доли въ деревнѣ, „этой кровной ячейкѣ“. У проф. Лучицкаго это кровные родственники. Нельзя не пожалѣть, что онъ не обратилъ вниманія на это

коренное разнорѣчіе съ авторомъ, заслугамъ котораго отдаетъ должное признаніе (42).

И третій ученый, на которомъ намъ надо остановиться, видитъ въ сябрахъ совладѣльцевъ.

Г. Лаппо-Данилевскій не занимается спеціально изслѣдованіемъ о сябрахъ. Его перу принадлежатъ „Критическія замѣтки“ по поводу сочиненія покойнаго проф. Варшавскаго университета, А. И. Никитскаго: „Исторія экономическаго быта Великаго-Новгорода“. Въ этихъ замѣткахъ критику пришлось коснуться сябровъ и складниковъ. Онъ говоритъ о нихъ съ величайшею осторожностью. О спорныхъ вопросахъ онъ почти ничего не утверждаетъ, онъ касается ихъ, въ большинствѣ случаевъ, предположительно, а иногда ограничивается даже просто вопросомъ. Эта крайняя осторожность и нерѣшительность свидѣтельствуешь о томъ, на сколько дѣло неясно и, пожалуй, даже запутано.

Всѣ согласны, что сябры совладѣльцы. Но этимъ простымъ отвѣтомъ наши историки не довольствуются. Они ищутъ глубокихъ историческихъ корней этого явленія и думаютъ, что эти совладѣльцы владѣютъ не такъ, какъ совладѣльцы вообще, а съ какими-то особенностями. Не свободенъ отъ этого увлеченія и третій авторъ, къ разбору мнѣній котораго мы теперь и приступаемъ.

Въ складникахъ проф. Лаппо-Данилевскій усматриваетъ разновидность сябровъ: „это ассоціація, говоритъ онъ, которая имѣютъ между собой много общаго“ 27. Остановливаясь на вопросѣ объ условіяхъ возникновенія этихъ ассоціацій, онъ полагаетъ, что эти условія съ теченіемъ времени мѣнялись. „Съ извѣстною долею вѣроятія, говоритъ авторъ, можно предположить, что въ основѣ сябринства и складства лежали первоначально родственныя отношенія“. ...„Съ теченіемъ времени подобнаго рода товарищества стали слагаться и на другой почвѣ“ 24. На стр. 28, на которую авторъ здѣсь ссылается, читаемъ: „союзы сябровъ и складниковъ легко приравнять къ поземельной артели“. Таково другое основаніе, развивающееся съ теченіемъ времени.

Что касается перваго основанія „родственныхъ отношеній“, то для выясненія его историческихъ корней авторъ обращается къ римскимъ юридическимъ древностямъ. Указавъ на фактъ совокупной продажи общаго имущества братьями и другими родственниками, авторъ продолжаетъ такъ: „Но перечисленіе (въ купчихъ) такихъ лицъ (братьевъ и другихъ родственниковъ), которыя могли быть его (про-

давца) совладѣльцами въ моментъ совершенія договора, невольно вызываетъ вопросъ: не были ли они не только дѣеспособными, но и правоспособными контрагентами заключаемой сдѣлки? Не были ли они *sui heredes* въ древнѣйшемъ смыслѣ этого термина, не почитались ли „*etiam vivo patre quodammodo domini*“? 18. Вотъ въ какую глубь вѣковъ заводятъ автора наши купчія, совершаемыя отъ нѣсколькихъ совладѣльцевъ, то-есть слобовъ. Но надо отдать ему справедливость; онъ здѣсь еще осторожниѣе, онъ и предположительно не рѣшаетъ вопроса, а говоритъ только, что вопросъ возникаетъ невольно.

Сколько мы знаемъ, почтенному автору до сихъ поръ еще никто не отвѣтилъ на этотъ невольный вопросъ. Мы позволимъ себѣ сдѣлать первую въ этомъ родѣ попытку. Но прежде необходимо исправить опечатку, вкравшуюся въ первый вопросъ. Дѣеспособность обусловливается правоспособностью, а не наоборотъ; правоспособнымъ человѣкъ дѣлается отъ рожденія (если онъ не рабъ и пр.), дѣеспособнымъ онъ становится съ теченіемъ времени, когда наступаютъ тѣ условія, послѣдствіемъ которыхъ является дѣеспособность. А потому, если уже авторъ непременно хотѣлъ предложить свой невольный вопросъ, надо было сказать: не только правоспособными, но и дѣеспособными, а не такъ, какъ напечатано.

На этотъ первый вопросъ отвѣчаемъ такъ: изъ того, что человѣкъ совершаетъ какой либо актъ, нельзя еще дѣлать заключенія ни о его правоспособности, ни о его дѣеспособности. Актъ продажи и пр. можетъ быть совершенъ и лицомъ, неимѣющимъ ни того, ни другого. Въ данномъ же случаѣ вопросъ о правоспособности и дѣеспособности совершенно неразрѣшимъ. Мы имѣемъ много актовъ, гдѣ поименованы участники, но ни въ одномъ случаѣ мы не знаемъ, достигли они совершеннолѣтія или нѣтъ, были они въ здоровомъ умѣ или нѣтъ и т. д. Скажемъ болѣе, мы даже хорошо не знаемъ, чѣмъ обусловливалась въ то время дѣеспособность лицъ. Поставленный авторомъ вопросъ неразрѣшимъ. Даже мы затрудняемся понять, почему онъ нашелъ нужнымъ спросить, были ли право- и дѣеспособны никому неизвѣстныя лица, именъ которыхъ онъ и самъ не приводитъ. Не все ли это равно?

На второй вопросъ надо тоже отвѣчать отрицательно. Институтъ „своихъ наслѣдниковъ“ чисто римскій; у насъ ничего подобнаго не было. Если мы даже и допустимъ, что и у насъ были „необходимые“ наслѣдники въ римскомъ смыслѣ, то все же ничего не получится для уясненія возбужденнаго авторомъ вопроса. Римскіе *sui heredes* по

смерти наслѣдодателя могли раздѣлиться, какъ и наши. Ихъ общее владѣніе также легко прекращалось, какъ и нашихъ сонаслѣдниковъ.

На третій вопросъ, по отношенію къ древнему русскому праву, отвѣчаютъ различно. Есть изслѣдователи, которые думаютъ, что у насъ въ древности собственность принадлежала не отцу семейства, а семьѣ. Мы не раздѣляемъ этого мнѣнія и имѣли не разъ случай въ этомъ смыслѣ высказаться. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, какая же тутъ связь съ сѣбрами? Мы не имѣемъ ни одного документа, гдѣ бы сыновья были названы сѣбрами отца. Сѣбрами называются, между прочимъ, и родственники, но родственники, оказавшіеся на лицо за распадомъ семьи, то-есть, по смерти отца (или отцовъ, родныхъ братьевъ, жившихъ не въ раздѣлѣ), а не при его жизни. Но автора занимаетъ не этотъ спорный вопросъ исторіи русскаго права, а изреченіе римскаго юриста. Римскіе юристы говорятъ, что дѣти, при жизни родителей, считались *quodammodo domini*, но тѣ же юристы хорошо знаютъ, что вполнѣ хозяевами дѣти становились только по смерти отца. А пока отецъ былъ живъ, то, по древнѣйшему праву, онъ имѣлъ неограниченную власть не только надъ имуществомъ, но и надъ дѣтьми, и имѣлъ право лишить ихъ наслѣдства. Нѣтъ возможности найти какую-либо связь между приводимой авторомъ цитатой и нашими совладѣльцами, которые совмѣстно продаютъ свою общую собственность ¹⁾.

¹⁾ Въ сноскѣ къ разбираемому мѣсту авторъ говоритъ: „Вопросъ этотъ (?), кажется, до сихъ поръ окончательно не выясненъ въ древне-германскомъ правѣ, хотя и рѣшается утвердительно въ англо-саксонскомъ; смогри O. W. Holmes, The Common law, pp: 342, 344, 346“. Намъ чрезвычайно заинтересовало это указаніе на разработку поставленнаго для русскихъ ученыхъ вопроса въ западной литературѣ, и мы послѣдовали совѣту автора и посмотрѣли въ Гомса. Къ сожалѣнію, въ этомъ мѣстѣ у автора опять оказалась прискорбнѣйшая опечатка. На указанныхъ страницахъ Гомса мы нашли обѣ латинскія цитаты нашего автора и указаніе на споры нѣмецкихъ ученыхъ, только спорятъ они не о томъ, и цитаты и споры приводятся Гомсомъ совсѣмъ по другому поводу. Въ главѣ, изъ которой взяты приведенныя въ смыслѣ нашего ученаго страницы, Гомсъ занимается вопросомъ о томъ, какъ объяснить переходъ долговыхъ обязательствъ отъ лицъ, ихъ заключившихъ, къ третьимъ, и полагаетъ, что этотъ переходъ въ римскомъ правѣ совершился чрезъ посредство универсальнаго наслѣдованія. Вотъ по какому поводу онъ приводитъ на стр. 342 тѣ цитаты римскаго права, которыя находимъ и у нашего автора. Затѣмъ, на стр. 346, Гомсъ говоритъ: „Англійскій наслѣдникъ (въ недвижимостяхъ) не есть универсальный сукцессоръ. Каждый клочокъ земли достается ему, какъ отдѣльная и специфическая вещь. Тѣмъ не менѣе, въ этой стѣсненной сферѣ онъ несомнѣнно представляетъ лицо своего предка. Разныя

Такимъ образомъ, предположеніе автора о первоначальной родственной основѣ сибрства и складства не получаетъ подѣ его перомъ никакихъ новыхъ устоевъ. Его невольные вопросы суть невольныя недоразумѣнія, въ которыхъ ни Гомсъ, ни нѣмецкіе ученые, ни римское право нисколько не виноваты.

Родственные отношенія—это первоначальная основа. Съ теченіемъ времени, утверждаетъ авторъ, такія же товарищества начинаютъ слагаться на артельныхъ началахъ, то-есть, на началахъ договора. Что общее владѣніе сибровъ возникаетъ двояко: путемъ наслѣдованія и договора, это совершенно вѣрно; но что второй способъ появился лишь съ теченіемъ времени, это догадка, въ пользу которой нельзя привести никакихъ положительныхъ данныхъ. Можно думать, что захваты земель и ихъ воздѣлываніе двумя и болѣе пріятелями столь же древни, какъ и установленіе какого-либо опредѣленнаго порядка наслѣдованія, если еще не древнѣе.

Предполагаемая авторомъ послѣдовательность явленій сильно колеблется и имъ самимъ. На стр. 27 читаемъ: „Ассоціаціи сибровъ и складниковъ, можетъ быть, различались другъ отъ друга скорѣе способомъ приобрѣтенія земельного имущества, чѣмъ пользованія имъ. Сябры владѣли сообща унаслѣдованною землею. Въ основѣ складства лежитъ, напротивъ, повидимому, обоюдостороннее соглашеніе, направленное на приобрѣтеніе имущества общими средствами“...

Когда же это они такъ различались? Надо полагать, что здѣсь указано постоянное различіе сибрства и складства, а если такъ, то и въ древнѣйшее время общее владѣніе возникало не только изъ наслѣдства, но и изъ договора, что и будетъ вѣрно, но только не согласно съ указанной авторомъ послѣдовательностью явленій: утверждаемое авторомъ на 24 стр. трудно согласить съ тѣмъ, что онъ говоритъ на 27.

Мнѣніе автора о различіи сибрства и складничества грѣшитъ и въ другомъ отношеніи. Оно не согласно съ нашими памятниками. Онъ утверждаетъ, что сябры владѣютъ наслѣдованными отъ предковъ землями; а наши источники называютъ сябрами и не родственниковъ, которые могли наслѣдовать земли предковъ, а совершенно

мнѣнія были высказаны о томъ, замѣчается ли то же самое въ древне-германскомъ правѣ, или нѣтъ. Докторъ Лабандъ говоритъ—да, Зомъ высказываетъ противоположное мнѣніе“ и т. д. Нѣмецкіе ученые спорятъ, да совсѣмъ о другомъ. Такъ наше любопытство и не было удовлетворено!

постороннихъ людей, волостныхъ крестьянъ и монастыри; они сябры, но, конечно, не наследовали свои земли отъ общихъ предковъ.

На стр. 24, тамъ же, гдѣ авторъ утверждаетъ, что въ основѣ складства первоначально лежали родственныя начала, читаемъ: „Извѣстны также весьма любопытные случаи перехода семейнаго союза въ складство“. Чрезвычайно оригинальная мысль: семейный союзъ переходить въ товарищество. Къ сожалѣнію, авторъ не объясняетъ, что это за переходъ, какъ онъ происходитъ. Повидимому, онъ считаетъ это самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, а потому ограничивается указаніемъ своихъ источниковъ и только. Онъ дѣлаетъ ссылку: на г-жу Ефименко, у которой, будто бы, на стр. 222-й приведенъ любопытный случай перехода семейнаго союза въ складство, на изслѣдованіе проф. Лучицкаго о сябрахъ, и на Рус. Ист. Библ., т. XIV, стр. 339 и 602.

У г-жи Ефименко на 222 стр. изложенъ тотъ „любопытный документъ начала XVII вѣка (1602 г.)“, о которомъ мы уже не разъ говорили. Это договоръ о веденіи общаго хозяйства ¹⁾. У проф. Лучицкаго самое слово складство, кажется, ни разу не употребляется; онъ говоритъ только о сябрахъ, и ничего не знаетъ о переходѣ семьи въ складство. Въ Ист. Биб. на стр. 339 напечатана явка Васи Ирополова „на брата своего и на складника, Федора Незговорова, въ томъ, что онъ вытравилъ за рѣкой его овесъ и причинилъ ему великіе убытки“. На стр. 602 напечатана другая явка Тимофейки Григорьева на складника своего на Коробицу да на его родныхъ племянниковъ въ томъ, что они сына его, Мишку, „почали бить полѣномъ по хребту и по ногамъ, и бивъ его, едва жива оставили, да животъ пограбили на полъ третья рубля денегъ, да съ головы шапку въ полъ-сема алтына“ и т. д. Тутъ тоже незамѣтно никакого перехода семейнаго союза въ товарищество. Можетъ быть, все это опе-

¹⁾ Авторъ „Критическихъ замѣчаній“ проявляетъ нѣсколько излишнюю беззаботность по отношенію къ мнѣніямъ своихъ предшественниковъ. Онъ утверждаетъ, что г-жа Ефименко на 222 стр. приводитъ „любопытный случай перехода семейнаго союза въ складство“. А г-жа Ефименко, приводя этотъ любопытный случай, говоритъ совсѣмъ другое: это не переходъ семьи въ складство, а образованіе новой искусственной семьи. Эти два мнѣнія взаимно исключаютъ одно другое. Но авторъ не нашелъ нужнымъ высказаться по этому поводу. Если на основаніи одного и того же памятника можно говорить и да и нѣтъ, то что же такое будетъ наука? Не можетъ же авторъ думать, что его мнѣніе и мнѣніе г-жи Ефименко согласны.

чатки? Но допускаемый авторомъ въ текстѣ переходъ семейнаго союза въ товарищество, конечно, не опечатка. И вотъ по поводу этого утвержденья мы считаемъ нелишнимъ сказать, что это нѣчто совершенно новое и до сего времени въ наукѣ не слыханное. До сихъ поръ въ наукѣ шла рѣчь о юридической конструкціи семейнаго союза, о его возникновеніи и прекращеніи и только; о переходѣ семейнаго союза въ какія-либо товарищества, въ акціонерныя общества и т. д., никто никогда еще не говорилъ, и можно думать, что это нѣчто невозможное, а потому автору слѣдовало бы свою мысль обставить съ большимъ снисхожденіемъ къ весьма понятному недоумѣнію читателя.

Краткость есть великое достоинство ученаго, но у г. Лаппо-Данилевскаго она переходитъ въ прискорбную недосказанность, порождающую одни недоумѣнія. На стр. 25-й онъ даетъ такую характеристику сябровскаго землевладѣнія. „Сябры представляются намъ товариществомъ, которое владѣетъ землею въ одной межѣ. На эту землю сябры имѣютъ, повидимому, одну <купную (общую) грамоту>; каждый сябрь пользуется, однако, своимъ участкомъ земли, но распоряжаться имъ, помимо всего товарищества, не можетъ. Поэтому на судѣ <все сябры становятся въ одномъ мѣстѣ>, хотя крестъ цѣловать долженъ одинъ <во всѣхъ сябровъ>, то-есть, за все товарищество“.

Для автора это, надо думать, все ясно и не требуетъ доказательства, но для читателя тутъ, что ни утвержденье, то большой вопросъ. Сябры, какъ уже знаетъ читатель, владѣютъ, по мнѣнію автора, унаслѣдованною землею; въ этомъ случаѣ нѣтъ никакого „товарищества“, они случайные совладѣльцы; почему же автору все сябры представляются товариществомъ? „Продавать, говоритъ авторъ, нельзя безъ согласія всѣхъ.“; а что намъ дѣлать съ тѣми купчими сябровъ, которыя совершаются безъ малѣйшаго указанія на согласіе всего товарищества? Но авторъ допускаетъ, что „продать можно съ согласія товарищества“. Прекрасно; сябрь продалъ свой участокъ и выдалъ покупщику купчую; у покупщика будетъ особая купчая, а авторъ утверждаетъ, у всѣхъ—одна? Если сябры случайные совладѣльцы, что допускаетъ и авторъ въ другомъ мѣстѣ, а не здѣсь, то какъ можетъ такой случайный совладѣлецъ на судѣ цѣловать за всѣхъ? Онъ можетъ ихъ всѣхъ выдать противной сторонойъ, такъ какъ интересы случайныхъ совладѣльцевъ далеко не всегда совпадаютъ? А авторъ это утверждаетъ, ссылаясь на Псковскую судную грамоту, выраженіе которой приводитъ въ ковычкахъ: „все сябры становятся въ одномъ мѣстѣ“. Надо думать, что онъ понимаетъ, что это

значить „стать въ одномъ мѣстѣ“, а для читателя это можетъ показаться совершенно непонятнымъ. Всѣ выиграли бы, и наука, и читатели, если бы авторъ не былъ такъ скупъ на объясненія.

Ученымъ дано понимать и недосказанное, они могутъ довольствоваться и намеками, но въ видахъ популяризаціи научныхъ истинъ желательно, чтобы они не очень углубляли кладезь своей учености: не слѣдуетъ дѣлать его недоступнымъ для средняго читателя.

В. Сергѣевичъ.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ

ЧАСТЬ СССХХХІІІ.

1901.

ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія „В. С. Балашевъ и К^о“, Наб. Фонтанки, 95.

1901.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. Высочайшія награды	3
II. Высочайшіе приказы	6
III. Министерскія распоряженія	8
IV. Опрежденія Ученаго Комитета Мин. Нар. Пр.	9.
V. Опрежденія Особаго отдѣла Ученаго Комитета Мин. Нар. Пр. .	9:
VI. Опрежденія Отдѣленія Ученаго Комитета Мин. Нар. Пр. по техническому и профессиональному образованію	10
Открытіе училищъ	10
 В. И. Сергѣевичъ. Древности русскаго землевладѣнія. 3. . . .	29.
А. С. Вязигинъ. Идейнаа подготовка церковно-общественныхъ преобразованій XI вѣка. I.	35
Е. О. Вудде. Изъ исторіи русскаго литературнаго языка конца XVIII и начала XIX вѣка	38.
Е. Ф. Шмурло. Посольство П. Меневія къ папскому двору. Т—П. .	41.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

В. В. Смиловскій. Критико-библіографическій обзоръ Пушкинской юбилейной литературы 1899 года	46
С. Н. Вранловскій. Три новыя книги о Дальнемъ Востокѣ	48
Ю. А. Булаковскій. О. Браунъ. Разысканія въ области гото-сла- вянскихъ отношеній. I. Готы и ихъ сосѣди до V вѣка. Періодъ первый: готы на Вислѣ. С.-Пб. 1899	50.
Н. Н. Дебольскій. Сергій Шумаковъ. Обзоръ грамотъ коллегіи экономіи. Вып. I. М. 1899. Обзоръ бѣжецкихъ алатырскихъ актовъ. Вып. II. М. 1900. Тексты и обзоръ бѣлозерскихъ актовъ	62
— Книжныя новости	63

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

М. Азбукинъ. Учебникъ по русской грамматикѣ	2
И. И. Орезневскій. Объ изученіи роднаго языка вообще и особенно въ дѣтскомъ возрастѣ	2
В. Покровский. В. Г. Вѣлинскій, какъ критикъ и создатель исторіи новой русской литературы	2
П. Н. Ситловъ. Учебникъ ботаники	3
Д. Иловайскій. Краткіе очерки Русской исторіи	3
Д. Иловайскій. Руководство къ Русской исторіи	4

(Ом. 3-ю стр. обложки).

ДРЕВНОСТИ РУССКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ.

3. Хозяйственное пользованіе землями ¹⁾.

Новгородскія писцовыя книги конца XV вѣка представляютъ единственный въ своемъ родѣ матеріалъ для изученія боярскаго и крестьянскаго хозяйства. Въ нихъ подробно описано и то и другое, указано, сколько въ каждой деревнѣ высѣвалось хлѣба, сколько косилось сѣна, что крестьяне платили владѣльцу за предоставленную въ ихъ пользованіе землю—деньгами, хлѣбомъ, мясомъ и пр. Встрѣчаются указанія и на количество прислуги свободной и несвободной. Въ писцовыхъ книгахъ позднѣйшаго времени такія свѣдѣнія совершенно отсутствуютъ. Уже въ новгородскихъ книгахъ 1539 года помѣщичій доходъ показанъ только въ итогахъ для цѣлыхъ имѣній, а не по отдѣльнымъ деревнямъ. Въ московскихъ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка помѣщичій доходъ вовсе не показывается, и даже пашня господская не отдѣляется отъ крестьянской. Есть описи, въ которыхъ не только дворы и ихъ населеніе не указано, но и деревни приведены только общимъ числомъ ²⁾.

¹⁾ *Продолженіе.* См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за октябрь 1900 г.

²⁾ И старыя новгородскія книги не вездѣ одинаково написаны. Встрѣчаются деревни, въ которыхъ доходъ не указанъ, напримѣръ, въ I т. на ст. 93, 147, 150, 208, 451 доходъ не указанъ въ монастырскихъ деревняхъ, на ст. 612, 652, 684, 756, 781—у владыки, 152—у своеземцевъ. Причины такого различія намъ неясны; это, можетъ быть, описки. Въ примѣръ чрезвычайной краткости московскихъ описей можно указать на списокъ платежной книги Медынскаго уѣзда, I 882. Но московскія описи писались съ разными цѣлями, а потому очень различны по своему содержанію. Въ описяхъ дворцовыхъ и монастырскихъ деревень встрѣ-

Новгородскіе порядки не были хорошо извѣстны въ Москвѣ. Для переселенія въ Новгородъ московскихъ служилыхъ людей оказалось нужнымъ выяснитъ доходность новгородскихъ деревень. Этимъ и объясняется, можетъ быть, указанная особенность старой новгородской описи.

Мы уже имѣли случай говорить о томъ, что новгородскія писцовыя книги описываютъ старое новгородское хозяйство, хотя въ моментъ описи въ новгородскихъ деревняхъ жили новые хозяева, москвичи. Что мы имѣемъ дѣло съ новгородскимъ хозяйствомъ, это не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Рядомъ съ деревнями новыхъ помѣщиковъ описываются деревни старыхъ своеземцевъ. Эти описи ничѣмъ существеннымъ между собою не различаются, потому, конечно, что новые помѣщики хозяйничаютъ по старому, какъ хозяйничали своеземцы. Старый доходъ, который постоянно указывается въ описяхъ, есть доходъ сведенныхъ въ Москву своеземцевъ; новый—доходъ новыхъ владѣльцевъ, но онъ тотъ же, что и старый, и отличается отъ него лишь нѣкоторыми прибавками и то не всегда. Во множествѣ случаевъ новые владѣльцы живутъ въ тѣхъ же домахъ, гдѣ жили старые, пашутъ ту же землю и получаютъ тотъ же доходъ. Нѣкоторыя новости хозяйства московскихъ людей всегда легко различить; онѣ будутъ въ своемъ мѣстѣ отмѣчены.

Остановимся прежде всего на размѣрѣ владѣній новгородскихъ своеземцевъ. Минимумъ ихъ опредѣляется легко: это одна деревня въ одинъ дворъ и въ двѣ коробы посѣва ржи, что составить, при вѣсѣ коробы въ 7 пудовъ ¹⁾, отъ одной до двухъ десятинъ въ полѣ ²⁾.

чаемъ даже указаніе на доходъ, но очень краткое, въ итогахъ только. Писцовыя книги Рязанскаго края, изданныя подъ редакціей В. Н. Сторожева, также очень кратки, доходы не указываются, помѣщичья земля не отдѣлена отъ крестьянской; есть описи, въ которыхъ дворы и люди не указаны.

¹⁾ Въ опредѣленіи вѣса новгородской коробы мы слѣдуемъ покойному проф. Никитскому: „Къ вопросу о мѣрахъ древней Руси“, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1894 апрѣль. Къ другимъ заключеніямъ пришелъ по этому вопросу проф. Ключевскій, „Русскій рубль“, Чтенія 1889 I. Онъ различаетъ новгородскую и московскую четверть. Новгородская четверть XVII вѣка, по его мнѣнію, вѣсила 12 московскихъ пудовъ (14 нынѣшнихъ); старая же новгородская четверть была на половину меньше, она вѣсила, слѣдовательно, 6 пудовъ, а коробы—12. Никитскій подвергаетъ заключенія московскаго профессора тщательному разбору. Мы находимъ его возраженія достаточно убѣдительными. Нельзя, однако, сказать, чтобы всѣ свидѣтельства памятниковъ о древнихъ мѣрахъ были совершенно разъяснены.

²⁾ Полагаемъ, что въ періодъ составленія новгородскихъ писцовыхъ книгъ

Максимальный же размѣръ владѣній не представляется никакой возможности опредѣлить. Богатые люди владѣли землями не только въ разныхъ погостахъ, но и въ разныхъ пятинахъ, а мы не имѣемъ описи и половины всѣхъ погостовъ и пятинь. Ограничимся указаніемъ размѣровъ владѣній 2—3 богатыхъ владѣльцевъ, случайно попавшихъ намъ на глаза ¹⁾).

Квашнинъ Алексѣй владѣлъ сельцомъ и 43 деревнями въ одномъ погостѣ въ Боровицкомъ уѣздѣ; это была волость его имени. Ржи, господской и крестьянской, высѣвалось на его земляхъ 178 коробей, что составитъ на нашу мѣру отъ 103 до 155 десятинъ въ одномъ полѣ.

Купецъ Шалимовъ Степанъ владѣлъ въ трехъ погостахъ, въ уѣздахъ Валдайскомъ и Крестецкомъ, селомъ и 48 деревнями съ посѣвомъ до 280 коробей, что составитъ отъ 163 до 245 десятинъ въ полѣ.

Овиновъ Захаръ владѣлъ въ одномъ мѣстѣ, въ Боровицкомъ уѣздѣ, 49 деревнями съ посѣвомъ 288 коробей, что составитъ немного больше.

Есиповъ Василій въ трехъ погостахъ, въ уѣздахъ Вышневолоцкомъ и Валдайскомъ, владѣлъ двумя селами и 59 деревнями съ такими же посѣвомъ 289 коробей.

Ив. Вас. Захарычъ-Ляцкъ въ трехъ погостахъ, въ Крестецкомъ уѣздѣ, владѣлъ двумя сельцами и 97 деревнями съ посѣвомъ 452 коробей, что составитъ около 300 десятинъ въ полѣ.

въ Новгородѣ примѣнялась уже трехпольная система хозяйства, хотя, можетъ быть, и не вездѣ. Вотъ наши основанія. Въ грамотѣ великаго князя Василія Ивановича отъ 1512 года на Бѣлоозеро говорится уже о трехъ поляхъ; а Бѣлоозеро еще въ XIII вѣкѣ было окружено новгородскими владѣніями. А. Э. I № 156. Въ самой старой писцовой книгѣ XVI вѣка, напечатанной Калачовымъ, I 1—8, три поля въ монастырскихъ волостяхъ Ярославскаго уѣзда общераспространенное явленіе. Итакъ, трехпольная система въ 1-й половинѣ XVI вѣка въ мѣстностяхъ Бѣлоозера и Ярославля—дѣло обыкновенное. Въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ выраженіи „три поля“ мы не встрѣтили. Но въ новгородскихъ пятинахъ воздѣлываются озимые и яровые хлѣба. Мѣрою запашки служить указаніе на посѣвъ ржи. Въ описаніи каждой деревни говорится, сколько высѣвается ржи и сколько собирается сѣна. Этихъ двухъ данныхъ совершенно достаточно для опредѣленія платежной способности деревни. За указаніемъ посѣва ржи и числа копенъ сѣна всегда слѣдуетъ опредѣленіе количества обжахъ. О количествѣ посѣва ярового хлѣба нигдѣ не говорится. Думаемъ потому, что оно опредѣлялось посѣвомъ ржи и было извѣстно. Это два поля; при двухъ поляхъ, по всей вѣроятности, было и третье, паровое, съ начала XVI вѣка вездѣ упоминаемое.

¹⁾ Новгородскія писцовыя книги до сихъ поръ не имѣютъ указателей. Они представляютъ, такимъ образомъ, очень недостаточно подготовленный для ученыхъ работъ матеріалъ.

Наконецъ самымъ богатымъ изъ встрѣтившихся намъ владѣльцевъ является Иванъ Овиновъ, сынъ вышеприведеннаго Захара. Владѣнія его находились въ двухъ пятинахъ, въ уѣздахъ Новгородскомъ, Вышневолоцкомъ, Крестецкомъ и Петербургскомъ, и состояли изъ села и 132 деревень съ высѣвомъ въ Петербургскомъ уѣздѣ—до 2.600 нудовъ, а въ остальныхъ—до 3.500, что составитъ для Петербургскаго уѣзда отъ 216 до 288 десятинъ въ полѣ, а въ остальныхъ отъ 291 до 388, а виѣстѣ отъ 507 до 676 десятинъ въ одномъ полѣ обработанной земли ¹⁾.

Приведенное количество пахатной земли надо утроить и прибавить къ итогу еще нѣкоторое количество земли на луга, лѣса, выгоны, огороды, и все же мы будемъ далеки отъ дѣйствительныхъ максимальныхъ размѣровъ владѣній новгородскихъ бояръ, ибо они могли имѣть еще столько же въ другихъ пятинахъ, описъ которыхъ до насъ не дошла.

Хозяйство во всѣхъ новгородскихъ имѣніяхъ велось по одному общему шаблону. Громадное большинство земель сдавалось въ наемъ крестьянамъ, а рядомъ съ этимъ владѣльцы имѣли и собственное хозяйство. Начнемъ съ послѣдняго.

Каждый владѣлецъ имѣлъ въ одной изъ деревень свой домъ, для жилья, а очень многіе изъ нихъ, если не всѣ, вели и свое особое сельское хозяйство въ этой деревнѣ. Это особое хозяйство было не велико. Въ большинствѣ случаевъ оно ограничивается хозяйствомъ одной деревни, въ которой жилъ самъ хозяинъ и земля которой пахалась на него. На земляхъ извѣстнаго уже намъ своеземца Ивана Куз. Орефина, во всѣхъ деревняхъ, пахалось подъ рожь отъ 50 до 65 дес. Онъ самъ жилъ въ сельцѣ Иванковѣ, гдѣ имѣлъ свой дворъ; кромѣ этого двора въ сельцѣ было еще три двора; въ нихъ жили его люди, которые на него и пахали. Рожью засѣвали они отъ 6 до 8 десятинъ, всего, слѣдовательно, господской запашки въ трехъ поляхъ было отъ 18 до 24 десятинъ. Сѣна косилось на господина 30 копевъ. Вотъ типическій образецъ всѣхъ новгородскихъ господскихъ хозяйствъ. Богатые отъ болѣе бѣдныхъ различаются только тѣмъ, что имѣютъ деревни съ своимъ хозяйствомъ въ разныхъ мѣстахъ, но они очень рѣдко выходятъ изъ типа одnodеревенскаго или двороваго хозяйства. Въ каждой мѣстности у богатыхъ людей по

¹⁾ I 78, 100, 321, 333, 577, 604, 814; II 10, 15, 198, 211, 263, 273, 276, 279, 413, 452; III 375, 423, 445, 489, 622, 658, 877; *Временникъ*, XI 364, 394, 399.

одной деревнѣ съ своимъ хозяйствомъ. Но встрѣчаются и такіе—среди мелкихъ своеземцевъ владѣльцы, которые не считаютъ нужнымъ оставлять за собой цѣлую деревню, а довольствуются ея частью. Въ Сеглинскомъ погостѣ Деревской пятины жили своеземцы братья Омины, Иванъ и Якушъ. Въ ихъ общемъ владѣніи состояло 7 деревень съ поствомъ отъ 18 до 23 десятинъ въ полѣ. Младшій братъ, Якушъ, велъ хозяйство въ цѣлой деревнѣ съ поствомъ отъ 5 до 7 десятинъ въ полѣ; а старшій довольствовался половиною деревни того же размѣра, другую же половину сдавалъ крестьянину, съ котораго получалъ доходъ. I 479.

Намъ встрѣтилась только одна деревня, въ которой жилъ старый владѣлецъ, но своей запашки не имѣлъ. Это Петруша Кипровъ. Онъ жилъ въ селѣ Дворищѣ, которое было населено не его людьми, а крестьянами, съ которыхъ онъ получалъ доходъ. I 285. Собственного хозяйства, значить, у него здѣсь не было. Но, конечно, могло быть въ другомъ мѣстѣ. Въ виду того, что плата зерномъ и другими сельскими продуктами за аренду земли была чрезвычайно распространена, слѣдуетъ, однако, допустить, что могли быть такіе владѣльцы, которые, хотя и жили въ деревнѣ, по своего сельскаго хозяйства не вели: они все необходимое могли получать отъ крестьянъ.

Московскіе помѣщики въѣхали въ новгородскія деревни и размѣстились въ домахъ прежнихъ владѣльцевъ. Писцы дошедшихъ до насъ книгъ описываютъ хозяйство этихъ новыхъ помѣщиковъ и только упоминаютъ о старыхъ и ихъ прежнемъ доходѣ. Но это старое хозяйство въ большинствѣ случаевъ, по крайней мѣрѣ, не успѣло еще очень измѣниться. По размѣрамъ господскаго хозяйства и по его отношенію къ крестьянскому, — оно еще старое, новгородское.

Мы имѣли случай привести владѣнія купца Степана Шалимова. Великій князь взялъ на себя его волость въ Бологовскомъ погостѣ. Вотъ описаніе села, въ которомъ жилъ самъ Степанъ: „Село Медвѣдово: дворъ староста О. Васковъ, за тѣмъ 5 дворовъ крестьянъ, сѣютъ ржи 20 коробей, а сѣна косятъ 100 копенъ, 8 обжа. Старога дохода не было: пахалъ ихъ Степанъ съ братомъ своими людьми на себя“.

Съ селомъ Медвѣдовымъ произошла громадная перемѣна. Прежде тутъ было господское хозяйство. Изъ селѣ жили самъ Степанъ, его братъ и ихъ люди. Государь свелъ Степана съ братомъ, и они захватили съ собой своихъ людей. Село опустѣло. Великій князь не отдалъ его никому въ помѣстье, а оставилъ за собой, т. е. предоста-

вилъ въ пользованіе крестьянъ изъ платежа оброка. На готовыя мѣста немедленно нашлись жильцы: въ домѣ боярскомъ, по всей вѣроятности, помѣстился староста, въ людскихъ дворахъ крестьяне. А размѣръ хозяйства въ селѣ Медвѣдевѣ остался тотъ же: крестьяне пашутъ тѣ же 8 обожъ, которыя прежде пахалъ для себя Степанъ Шалимовъ съ братомъ.

То же надо сказать о селахъ и деревняхъ, перешедшихъ къ помѣщикамъ.

Деревни Артемія Яковлевича Плотцова перешли къ кн. Семену Дмитріевичу Пріимкову. Въ описи читаемъ: „Село Ильинское, а въ немъ дворъ кн. Семеновъ, а въ немъ самъ живетъ; а людей его — 6 дворовъ, на князя сѣютъ ржи 6 коробей, а сѣна косятъ 200 копенъ, 3 обжы. Старого дохода не было, жилъ въ немъ Артемій Плотцовъ“. Изъ далѣе приведеннаго въ описи итога узнаемъ, что Артемій Плотцовъ пахалъ на себѣ тѣ же три обжи. Размѣръ собственнаго хозяйства и здѣсь не измѣнился. I 358.

Иногда бывають и перемѣны, но это особенно въ описи оговаривается. Волость извѣстнаго уже намъ А. В. Квашнина отдана кн. Бор. Сем. Горбатову. Онъ водворился въ сельцѣ, гдѣ жилъ Квашнинъ, и въ его домѣ, а людей своихъ помѣстилъ въ дворахъ, гдѣ жили люди Квашнина. Но онъ не ограничился его запашкой, а припустилъ къ селу еще двѣ деревни. Тутъ произошло расширеніе хозяйства, слитіе трехъ деревень въ одну. Появленіе новыхъ людей, слѣдовательно, приводило, иногда, къ нѣкоторому увеличенію господской запашки. Это расширеніе выражалось двояко: во 1-хъ, присоединеніемъ къ господскому селу или деревнѣ одной или двухъ смежныхъ деревень, что носило наименованіе припуска; во 2-хъ, помѣщеніемъ своихъ людей на крестьянскихъ участкахъ въ деревняхъ, которыя до того сдавались крестьянамъ ¹⁾). Но это рѣдкіе случаи. Да и въ этихъ случаяхъ едва-ли можно видѣть московскую новостъ. Новгородскіе бояре, по всей вѣроятности, дѣлали то же. Если оказывалось пужно, они увеличивали свою запашку присоединеніемъ сосѣднихъ деревень; а если крестьянскія деревни пустѣли, они пахали ихъ наѣздомъ или сажали тамъ своихъ людей для пашни на себя. Итакъ. новыя помѣщики ведутъ хозяйство по типу новгородскихъ своеземцевъ, къ которымъ и возвращаемся.

¹⁾ I 118, 252, 546, 575; II 25, 31, 57, 211, 248, 558; III 99. Здѣсь и случаи господской пашни наѣздомъ въ опустѣвшихъ деревняхъ.

Мы сказали, что собственное хозяйство своеземцевъ, бояръ и бояришекъ, вращается, за ничтожными исключеніями, въ предѣлахъ деревни. Они оставляютъ за собой одну, двѣ, много три деревни въ разныхъ мѣстахъ. У Степана Шалимова, при 163 — 245 десятинахъ запашки въ полѣ, за нимъ оставалось только одно село съ запашкой на него отъ 11 до 17 десятинъ въ полѣ. Василій Есиповъ оставилъ за собой два села и въ каждомъ изъ нихъ имѣлъ по двору, но собственное его хозяйство въ обоихъ селахъ не шло далѣе 15—22 десятинъ въ полѣ. У И. В. Захарыча-Ляцка, при общей запашкѣ, простиравшейся до 300 десятинъ въ полѣ, собственная запашка только вдвое превышала запашку Орефина. Наконецъ, у Ивана Овинова, при общей запашкѣ отъ 500 до 676 десятинъ въ полѣ, собственное хозяйство ограничивалось однимъ селомъ, гдѣ на него пахали отъ 7 до 10 десятинъ.

Нельзя, однако, сказать, что защищаемое нами положеніе, что большинство землевладѣльцевъ, если не всѣ, имѣли свое пахатное хозяйство, такъ и бросается въ глаза при чтеніи писцовыхъ книгъ. Тамъ можно встрѣтить множество волостей, при описаніи которыхъ вовсе не упоминается о собственномъ хозяйствѣ владѣльца. Это объясняется разсыпанностью владѣній отдѣльныхъ лицъ. Имѣнія Есипова описываются на 131, 321, 333 и 814 столбцахъ I т.; его же собственное хозяйство упоминается только въ двухъ мѣстахъ, на 321 и 814 ст.; имѣнія Плотнова Артемія—на 339 и 358, а его собственное хозяйство только на 358; имѣнія Доможирова Михаила описываются въ четырехъ мѣстахъ (550, 551, 606, 704), а собственное его хозяйство было только въ одномъ мѣстѣ (606). То же надо сказать и о другихъ владѣльцахъ; а такъ какъ у насъ есть не всѣ описи, то собственнаго хозяйства мы можемъ у многихъ изъ владѣльцевъ и вовсе не отыскать. Но если и можно допустить, что нѣкоторые владѣльцы не имѣли своего пашеннаго хозяйства,—они всѣ имѣли деревенскіе дворы, въ которыхъ и жили. Эти дворы были центромъ управленія и мѣстомъ, гдѣ хранилось зерно и другіе сельскіе продукты, доставляемые крестьянами за аренду земель. На это указываетъ и терминъ „сведенные“ бояре и бояришки. Откуда они сведены? Они сведены съ своихъ имѣній, гдѣ жили. Но это, конечно, не значить, что они жили тамъ безвыѣздно. Мы уже знаемъ, что нѣкоторые имѣли свои дворы не въ одномъ, а въ двухъ-трехъ мѣстахъ; другіе имѣли городскіе дворы въ Новгородѣ: на Варяжской улицѣ, Иваровой, Нутной, Разважьи, Кузюдемьянской и проч., и въ другихъ го-

родахъ и раздѣляли свое мѣстопробываніе между городомъ и деревней.

Новые владѣльцы, понаѣхавшіе изъ Москвы, повели хозяйство по новгородскому образцу. У cadaго изъ нихъ былъ свой дворъ въ деревнѣ съ своимъ хозяйствомъ ¹⁾). Въ большинствѣ случаевъ это были старые боярскіе дворы, но нѣкоторымъ пришлось обзавестись своими новыми. Это потому, что число новыхъ владѣльцевъ не совпадало съ числомъ старыхъ, и между новыми владѣльцами надо было произвести новое распредѣленіе земель, можетъ быть, болѣе уравнительное. Эти вновь заведенные дворы всегда легко узнать. При ихъ описаніи не упоминается о томъ, что прежде тамъ жилъ старый владѣлецъ, и что дохода съ деревни ему не шло, а на оборотъ, указывается доходъ, который онъ получалъ; деревня, слѣдовательно, прежде была отдаваема крестьянамъ въ наемъ.

Переходимъ къ вопросу о томъ, какими средствами велось собственное хозяйство старинныхъ бояръ и бояришекъ. Въ писцовыхъ книгахъ есть совершенно ясныя указанія на то, что старое хозяйство велось руками холоповъ. Въ описяхъ нерѣдко говорится, что въ деревнѣ, гдѣ теперь живетъ помѣщикъ, прежде жилъ такой-то „со своими людьми“. „Свои люди“ это холопы. О купцѣ Шалимовѣ написано: „старого дохода не было: пахалъ 8 обожъ своими людьми на себя“. Старый доходъ идетъ съ крестьянъ, въ этомъ же селѣ крестьянъ не было, земля обрабатывалась на господина его людьми. То же сказано о деревнѣ Кузьмы Космынина, отданной Ивашкѣ Кудрину: „жилъ въ ней Куземка со своими людьми“. Также жилъ въ своей деревнѣ со своими людьми Федоръ Селезневъ, Дмитрій Плотцовъ и другіе (I 241, 799, 867). Въ этомъ же смыслѣ надо понимать и болѣе краткія выраженія писцовъ: „старого дохода не было, былъ изъ старины дворъ боярскій“, или: „старого дохода не было, жилъ самъ такой-то“. Эти выраженія имѣютъ тотъ же смыслъ: земля въ наймы не отдавалась, крестьянъ въ деревнѣ не было, тамъ жилъ владѣлецъ со своими людьми, хотя, можетъ быть, своей запашки и не имѣлъ.

Спрашивается, работали ли крестьянѣ на господскихъ запашкахъ? Отвѣчать на этотъ вопросъ не легко, потому что писцамъ не было

¹⁾ Но и между помѣщиками мы встрѣтили одного, который имѣлъ въ селѣ Болоболовѣ свой дворъ, но своего сельскаго хозяйства не велъ. I 346. Это тоже рѣдкій случай. Трудно понять, какъ нѣкоторые изслѣдователи утверждаютъ, что „особеннаго хозяйства не было у помѣщиковъ“. См. объ этомъ П. А. Соколовскаго, Очеркъ исторіи сельск. общины, 83.

повода говорить объ этомъ. Но при описаніи хозяйства новыхъ помѣщиковъ, чѣмъ они, собственно, и заняты, имъ приходится указывать и на крестьянскія работы. Изъ описанія этого новаго хозяйства видно, что помѣщики обрабатываютъ свои запашки тоже холопами, какъ дѣлали новгородцы ¹⁾, но что встрѣчается и крестьянская барщина, хотя довольно рѣдко и въ небольшихъ размѣрахъ. Напримѣръ: „Селцо Гарусово, а въ немъ дворъ Андреевъ (помѣщикъ), а въ немъ живетъ самъ; а христьянъ 3 двора, сѣютъ ржи на Андрея съ сыномъ 8 кор.; сѣютъ ржи на себя 3 кор.; стараго дохода гривна..., а новаго дохода 5 денегъ...“ ²⁾. Здѣсь есть барщина на помѣщика. Но была ли барщина на сведенаго боярина? Надо думать, что нѣтъ. Опъ самъ въ этомъ селѣ не жилъ и получалъ съ него доходъ. Оно сдалось, значитъ, крестьянамъ. Новый владѣлецъ поселился самъ и завелъ свое хозяйство, къ которому привлекъ 3 двора крестьянъ, такъ какъ своихъ людей у него не было. Но за это ему пришлось уменьшить денежный оброкъ съ гривны до 5 денегъ.

Итакъ, у новыхъ помѣщиковъ встрѣчается барщина. Къ ней обыкновенно привлекаются крестьяне той деревни или селца, гдѣ живетъ владѣлецъ. Встрѣтили мы одинъ случай привлеченія къ барщинѣ и цѣлой волости. Вотъ этотъ случай. „Селцо Великой Дворъ на озерѣ на Коломнѣ. Дворъ самъ Ивашко Трубицынъ (помѣщикъ) съ братією, дворъ ихъ же человекъ Никонецъ, сѣютъ ржи 13 коробей..., а пашутъ на нихъ то село волостью; а дохода съ него не было: изъ старины былъ дворъ боярской“ I 78. Въ этомъ селѣ земля никогда не отдавалась въ аренду, тамъ всегда жилъ бояринъ, а потому дохода съ нея не было. Если была господская запашка, то она производилась холопскимъ трудомъ. А, можетъ быть, и прежній владѣлецъ привлекалъ цѣлую волость къ обработкѣ своей запашки? На этотъ вопросъ нельзя отвѣчать отрицательно. Это вещь возможная.

Но вотъ случай, въ которомъ барщина при сведеныхъ боярахъ выступаетъ совершенно ясно. „Въ деревнѣ въ Налцехъ, въ вопчей, на дву жеребяхъ, на Гридинскомъ да на Матвѣевскомъ, Ивановыхъ дѣтей Налесскихъ (сведеные бояре): дворъ самъ Петрушка (помѣщикъ), а хрестьянъ—2 двора, сѣютъ ржи на Петрушку 9 коробей, на себя 8 коробей; стараго дохода не было, а жили сами Гридко да Матвѣйко; а дохода ~~имѣтъ~~ съ хрестьянъ гривна денегъ...“ I 523.

¹⁾ I стол. 27, 56, 88, 107, 118, 131, 191, 262, 263, 265, 285 и пр.

²⁾ I 18, еще такіа же свидѣтельства: 52, 188; IV 118, 120.

Доходъ на крестьянъ положенъ *ими* только; эти крестьяне, значить, и прежде тутъ жили, но дохода не давали. Надо думать, что они несли одну барщину за арендуемую ими землю, а новый владѣлецъ обложилъ ихъ еще и доходомъ. Другой такой случай встрѣчаемъ въ „Оеклинской деревнѣ, Ивановской жены Маркова“; тамъ тоже, по всей вѣроятности, была барщина, такъ какъ при прежней владѣлицѣ въ ея деревнѣ жили крестьяне, а дохода ей не давали ¹⁾).

Итакъ, можно думать, что барщина на помѣщиковъ не есть новостъ. Была барщина и у новгородцевъ, но очень не большая. Большой и не могло быть въ виду незначительности господской запашки.

Новые люди, такимъ образомъ, чрезвычайно легко вошли въ новгородскіе порядки. Но можно ли утверждать, что эти порядки были для нихъ совершенно новые, что въ московскихъ земляхъ въ концѣ XV вѣка сельское хозяйство строилось совсѣмъ по другому образцу? Московскихъ писцовыхъ книгъ конца XV вѣка мы не имѣемъ. Книги же XVI вѣка чрезвычайно скудны хозяйственными свѣдѣніями. Но кой гдѣ и въ нихъ можно найти указанія, совершенно переносящія насъ въ новгородскій бытъ. Въ описи волости Захожья (въ Тверскомъ уѣздѣ) читаемъ: „За Андреемъ да за Иваномъ да за Михайломъ за Васильевыми дѣтми Ломакова село Лукьяновское, а въ немъ дворъ боярской пусть, а людей Ломаковыхъ 5 дворовъ, пашни въ полѣ 52 чети... Къ тому же селу деревни: деревня Бортниково, во дворѣ самъ Андрей, во дворѣ люди его, пашни... Деревня Оси-никъ, во дворѣ самъ Иванъ Ломаковъ, во дворѣ его люди, пашни“...

¹⁾ I 507—509. Въ III т. на стр. 81 встрѣчаемъ одно сомнительное свидѣтельство: „Деревня Горки вонче (вел. князю) съ Вежытцкимъ монастыремъ, на великаго князя половинѣ: дворъ, въ большомъ Давыдовскомъ, Митя Ильинъ (крестьянинъ)...; а стараго дохода не шло: пахали на Давыда; а новаго доходу давали оброкомъ“... Здѣсь дѣло идетъ объ общей деревнѣ Давыда Нерадова съ монастыремъ, отобранной на великаго князя. Стараго дохода не было, пахали на Давыда. Но кто пахалъ? Судя по описи, крестьянинъ Митя Ильинъ и др. Митя Ильинъ живетъ въ большомъ дворѣ прежняго помѣщика. Это новый жилецъ. Прежде тамъ, конечно, жилъ самъ Давыдъ съ своими людьми, и на него пахали эти его люди, а потому и дохода не было. Писецъ очень сократилъ свою опись, а вслѣдствіе этого и вышла неясность. Но въ итогѣ онъ поправился. Тамъ сказано: „А съ 4 обожъ доходъ не шолъ, пахали на стараго боярина да и его люди“. Проф. Н. Д. Бѣляевъ, издавшій вторую половину описи Вотской пятины, говоритъ: „почти во всей книгѣ нѣтъ образцовъ, чтобы крестьяне воздѣлывали землю на владѣльца“. *Временникъ*, XI 79. Свидѣтельствъ, дѣйствительно, немного, но воздѣлываніе надо допустить.

За тѣмъ идетъ 14 деревень, въ которыхъ живутъ крестьяне, а не люди, а за ними: „деревня Станищо, во дворѣ самъ Михайло, во дворѣ люди его, пашни“... Въ концѣ еще четыре деревни съ крестьянами. Это совершенно то же, что и въ Новгородѣ: господское хозяйство ограничивается отдѣльными деревнями. У каждого владѣльца по деревнѣ, населенной его людьми (у Михайлы—двѣ), эти люди и пахутъ на своихъ господъ съ прибавкой, можетъ быть, крестьянскаго труда. Въ остальныхъ деревняхъ крестьяне. Доходъ съ нихъ не указанъ. Но весьма вѣроятно, что они пахутъ и на себя и даютъ Ломаковымъ доходъ, какъ и въ Новгородѣ, а, можетъ быть, и помогаютъ ихъ людямъ въ работѣ. I 41—42. Новгородскіе порядки не составляли новости для московскихъ людей. Весьма вѣроятно, что это были общіе порядки для всей русской земли и удержались и послѣ паденія Новгорода.

Итакъ, древнѣйшее собственное сельское хозяйство богатыхъ людей, о которомъ мы только имѣемъ точныя свѣдѣнія, было незначительно и велось, главнымъ образомъ, невольнымъ трудомъ.

Переходимъ къ обзору хозяйства путемъ сдачи земель въ наймы. Здѣсь надо различать два случая: 1) сдачу крестьянамъ пашенныхъ участковъ и 2) сдачу отдѣльных мѣстъ только подъ дворы безъ пашенныхъ земель.

Сдача въ наймы крестьянамъ деревень (или ихъ частей) составляла главный способъ эксплуатаціи новгородскихъ поземельныхъ владѣній. Для собственной обработки владѣльцы удерживали одну, много двѣ, три деревни, все остальное сдавалось крестьянамъ. Эта сдача происходила непосредственно отъ землевладѣльца въ руки крестьянъ-работниковъ. Не имѣемъ ни малѣйшихъ указаній на существованіе какихъ либо крупныхъ сьемщиковъ, которые играли бы роль посредниковъ между собственниками и крестьянами. Каждый крестьянинъ бралъ у землевладѣльца столько земли, сколько ему было нужно, и заключалъ съ нимъ порядную. До насъ не дошло ни одной порядной времени древнѣйшихъ новгородскихъ писцовыхъ книгъ. Но порядныя XVI вѣка пишутся и на цѣлую деревню, и на ея части. Полагаемъ, то же было и ранѣе. Поэтому деревня не представляла непременно одно цѣлое крестьянское хозяйство. Но, конечно, были деревни, въ которыхъ велось одно общее хозяйство, несмотря на то, что тамъ былъ не одинъ, а нѣсколько дворовъ. Таковы деревни, въ которыхъ сидѣли крестьяне-родственники или и постороннія лица, но снявшія деревню вмѣстѣ, для общаго хозяйства. Деревни, въ которыхъ сидѣли

крестьяне-родственники, можно думать, составляли большинство тогдашнихъ небольшихъ деревень. Для крестьянъ-родственниковъ весьма можно допустить, если и не всегда, то въ значительномъ числѣ случаевъ общее хозяйство, особенно въ небольшихъ деревняхъ, въ два, три двора, а такихъ большинство.

Но и крестьяне родственники далеко не всегда вели общее хозяйство. Интересный примѣръ отдѣльнаго хозяйства однопоселенцевъ крестьянъ родственниковъ даетъ опись Вотской пятины. Въ погостѣ Климецкомъ-Тесовскомъ описана деревня Веряжино. Она принадлежала двумъ фамиліямъ, Кречетниковымъ и Веряжскимъ. Кречетниковы были представлены тремя семьями: родными братьями Гаврилой да Минкой Кузмиными, да Матюхомъ Ивановымъ, вѣроятно, двоюроднымъ ихъ братомъ, тоже Кречетниковымъ. Фамилія Веряжскихъ была представлена шестью семьями: Андрейкой Ивашкинымъ, Алексѣйкой Прокоповымъ, Тимохой, Ѳедкой и Миней Матюшкиными да Дмитрохомъ Перфуровымъ, все Веряжскіе. Это рѣдкій случай, гдѣ кромѣ личныхъ именъ и отчества писецъ привелъ и фамилію. Всѣ трое Кречетниковыхъ, конечно, родственники; тоже и Веряжскіе, среди нихъ есть три родныхъ брата — Матюшкины, всѣ остальные, по всей вѣроятности, двоюродные. Деревня—Веряжино носить фамильное наименованіе Веряжскихъ. Ее устроилъ, надо думать, предокъ теперешнихъ владѣльцевъ, можетъ быть, ихъ дѣдъ, по его имени она и названа. Кречетниковъ, дѣдъ настоящихъ владѣльцевъ, по всей вѣроятности, былъ его товарищъ. Девять поименованныхъ владѣльцевъ—сидятъ на своей землѣ, они своеземцы, но они сами пахутъ, а потому они тѣ же крестьяне. Вотъ почему порядокъ ихъ владѣнія можетъ бросить свѣтъ и вообще на крестьянское деревенское владѣніе.

Какъ же владѣли эти родственники, сидя въ одной и той же деревнѣ? Каждый изъ нихъ имѣлъ свой дворъ. и потому въ деревнѣ было 9 дворовъ. Это большая деревня. Каждый изъ родственниковъ, за исключеніемъ двухъ, велъ свое особое пашенное хозяйство. Это видно изъ того, что каждый дворъ положенъ въ обжи отдѣльно отъ другихъ, кромѣ Ѳедки да Минки: у нихъ особые дворы, но оба положены вмѣстѣ въ одну обжу. Они, по всей вѣроятности, ведутъ общее хозяйство; всѣ другіе разное и различное по величинѣ: Матюкъ и Дмитрохъ сидятъ на одной обжѣ каждый, Андрейко и Алексѣйко па полуторѣ каждый, Тимоха, Гаврилка и Минка на двухъ каждый, III 78. Ясно, что и родственники, живя въ одной деревнѣ, могутъ вести разное хозяйство; тѣмъ скорѣе посторонніе люди. И

такъ, старая деревня не представляетъ непремѣнно общаго хозяйства, хотя таковое и можно допустить и, можетъ быть, во многихъ даже случаяхъ.

Эта новгородская старина живетъ и въ XVII вѣкѣ. На крайнемъ сѣверѣ конфискованныя у новгородцевъ земли не были розданы въ помѣстья, а остались за крестьянами. Изъ хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи писцовыхъ книгъ по Кеврольскому уѣзду видно, что крестьяне владѣютъ своими участками „по дѣловымъ актамъ“ съ братьей своей, что они продаютъ, закладываютъ и даже завѣщаютъ свои участки. Сыновья, по смерти отца, дѣлятъ свои участки и составляютъ особые „дѣловые“ записи, по которымъ и владѣютъ. Это, конечно, исключаетъ общее хозяйство даже такихъ близкихъ родственниковъ, какъ родные братья. Но гдѣ такого раздѣла не сдѣлано, тамъ можетъ быть общее хозяйство ¹⁾.

Для пополненія картины древняго землевладѣнія прибавимъ еще одну подробность. Минка Кречетниковъ, обработывавшій своими руками наслѣдственный участокъ въ двѣ обжи въ деревнѣ Веряжино, имѣлъ въ томъ же погостѣ деревню Гривско въ одинъ дворъ съ по-сѣвомъ въ четыре коробы, которую и отдавалъ въ аренду крестьянину Тарасову. Ш 77. У Тимохи Веряжскаго, кромѣ наслѣдственной доли въ деревнѣ Веряжино, была еще доля въ деревнѣ Куболѣ, которую онъ тоже сдавалъ въ аренду. Крестьяне, какъ и бояре, сдаютъ свои земли въ наймы; крестьянское землевладѣніе отличается отъ боярскаго только размѣрами. Крестьяне, какъ и бояре, могутъ имѣть поземельную собственность; какъ и бояре, они завѣщаютъ ее, дѣлятъ, продаютъ и т. д. Это ихъ личная собственность.

Не смотря на то, что жители деревни могли вести и отдѣльное

¹⁾ Беремъ эти свѣдѣнія изъ статьи г. Иванова „Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія на сѣверѣ въ XVII вѣкѣ“, помѣщенной въ Трудахъ Археолг. ком. Имн. моск. арх. общества. Т. I выи. III 414. Почтенный авторъ изъ приводимыхъ имъ свѣдѣній дѣлаетъ такой выводъ: „Субъектомъ, основаніемъ владѣнія котораго служили старина, писцовыя книги и крѣпости, былъ дворъ, подъ которымъ понимался не одинъ только наличный составъ живущихъ въ немъ семей и товарищей, а рядъ преемственно связанныхъ поколѣній родственниковъ“. Нельзя сказать, чтобы этотъ выводъ хорошо согласовался съ приводимыми авторомъ данными. Если братья могутъ дѣлиться и продавать свои участки постороннимъ лицамъ, то при чемъ же тутъ „рядъ преемственно связанныхъ поколѣній родственниковъ“? Несмотря на совершенную неожиданность выводовъ, авторъ имѣетъ уже послѣдователей. См. объ этомъ „Обзоръ исторіи рус. права“ проф. Владимірскаго-Буданова, 556.

и общее хозяйство, посѣвъ ржи и доходъ въ деревняхъ показывается всегда для всей деревни вмѣстѣ, а не порознь для каждого отдѣльнаго хозяйства. Надо думать, что это дѣлается въ удобствахъ писцовъ, для облегченія ихъ труда, а не потому, чтобы каждая деревня, сколько бы дворовъ въ ней ни было, непременно имѣла общую запашку.

Показаніе посѣва ржи и дохода особо для каждого двора чрезвычайно осложнило бы дѣло писца. По всей вѣроятности, крестьяне каждой деревни говорили ему уже въ готовыхъ итогахъ число дворовъ и людей, свой посѣвъ, доходъ помѣщика и число обожъ, онъ это и записывалъ. Для его цѣли большія подробности и не были нужны. Надо было указать доходъ стараго владѣльца, а это достаточно опредѣлялось итогомъ дохода съ деревни. Въ московскихъ писцовыхъ книгахъ и этого не писали. Вышеприведенный случай деревни Веряжкино, гдѣ обжи показаны не для всей деревни, а для каждого двора, едва ли не единственный. Къ сожалѣнію, мы не замѣтили другихъ подобныхъ. Но посѣвъ ржи и для этой деревни показанъ въ общихъ итогахъ, хотя отдѣльные дворы имѣютъ разный посѣвъ, а потому и положены въ разное число обожъ. Только въ общихъ деревняхъ, т. е. деревняхъ, принадлежавшихъ разнымъ собственникамъ, крестьянское хозяйство описывается по отдѣльнымъ дворамъ, а не въ итогахъ для цѣлой деревни. Крестьяне разныхъ владѣльцевъ, хотя бы жили и въ одной деревнѣ, никогда не ведутъ общаго хозяйства.

Иногда, но очень рѣдко, посѣвъ и доходъ указывается не для одной, а для двухъ и даже трехъ деревень. Думаемъ, что и это есть дѣло удобства писца, а не свидѣтельство объ общемъ хозяйствѣ двухъ или трехъ деревень. Когда нѣсколько деревень составляютъ одно хозяйство, тогда писцы говорятъ: такая-то деревня припущена въ поле къ такой-то. Такое соединеніе деревень встрѣчается, какъ мы видѣли, въ господскомъ хозяйствѣ, но могло быть и въ крестьянскомъ. Въ хозяйствѣ крестьянъ мы дѣйствительно замѣтили одинъ такой случай. I 509. Онъ произошелъ съ согласія помѣщика и является увеличеніемъ количества арендуемой крестьянами земли.

Итакъ, въ этомъ пунктѣ новгородскія писцовыя книги не вполне соответствуютъ дѣйствительности. Они показываютъ въ общемъ итоги посѣвъ и доходъ и для такихъ деревень, дворы которыхъ вели разное хозяйство и вносили разные платежи въ пользу владѣльца земли.

Съ этою оговоркою переходимъ къ описанію отношеній съемщи-

ковъ пахатныхъ участковъ къ землевладѣльцамъ. Оно будетъ сдѣлано не по отдѣльнымъ крестьянскимъ хозяйствамъ, а по цѣлымъ деревнямъ, которыя, однако, во многихъ случаяхъ представляютъ не разныя, а одно хозяйство ¹⁾).

По количеству снимаемой земли деревни представляютъ очень разныя величины даже въ одной и той же мѣстности и у одного и того же владѣльца. Рядомъ стоятъ деревни, высѣвающія 14 и 77 пудовъ ржи, 21 и 119; есть деревни съ посѣвомъ до 280 пудовъ. Даже деревни, имѣющія одно и то же число дворовъ, обрабатываютъ разное количество земли. Деревни съ однимъ дворомъ высѣваетъ то 7 пудовъ, то 14, 27, 56 и даже 84. Землевладѣніе одного крестьянскаго двора превышаетъ владѣніе другого отъ 2-хъ до 14-ти разъ.

И такая разница встрѣчается въ одной и той же волости, т. е. въ одномъ мѣстѣ и у одного владѣльца ²⁾). Въ виду вольнаго найма земель отдѣльными земледѣльцами эти различія совершенно понятны.

Какъ различна мѣра снимаемыхъ крестьянами участковъ, такъ различна и наемная за нихъ плата. Эта плата носитъ наименованіе „дохода“. Книжки различаютъ старый доходъ и новый. Старый доходъ—есть доходъ прежнихъ владѣльцевъ, сведенныхъ бояръ и бояришекъ. Что старый доходъ есть доходъ сведенныхъ бояръ, это слѣдуетъ изъ приведеннаго выше выраженія: „а стараго дохода не было, пахали на Степана“; а иногда такъ прямо и говорится: „а стараго дохода шло Ивану Петрову три барана“ и т. д., а этотъ Иванъ Петровъ и есть сведенный бояришекъ, Чашниковъ ³⁾). Новый доходъ—есть доходъ въ моментъ описи.

¹⁾ Архимандритъ Сергіѣй (Тихомирновъ) въ чрезвычайно детальномъ изслѣдованіи Новгородскаго уѣзда въ предѣлахъ Вотской пятины по писцовой книгѣ 1500 г. дѣлаетъ подсчетъ дворовъ, приходящихся на одну деревню. Изъ 1073 селеній, оказавшихся въ этой части пятины, болѣе 280 селеній имѣли только по 1 двору, болѣе 300—по 2, болѣе 150—по 3. Итакъ, болѣе 630 деревень изъ 1073 состояли изъ 1, 2, много 3-хъ дворовъ. Надо думать, что во многихъ случаяхъ это дворы родственниковъ, отца съ сыновьями и родными братьями; во многихъ случаяхъ они ведутъ общее хозяйство; а слѣдовательно во многихъ случаяхъ описи писца совершенно соответствуетъ дѣйствительности. Изслѣдованіе арх. Сергія напечатано въ Читеніяхъ за 1899 г.

²⁾ Такія разнообразныя данныя читатель легко можетъ найти въ новг. писц. книгахъ. Лишь для примѣра крайностей указываемъ: I 63 волость Шилова монастыря; III 39 волость, что была за владыкою, 113 волость Настасьи Григорьевой, 157 волость Якова Коробова, 329 волость Александра Самсонова.

³⁾ III 23. Въ I т. на ст. 322 старымъ доходомъ, вѣзется, названъ доходъ,

Надо различать два вида господскаго дохода: обыкновенный и чрезвычайный. Сперва о первомъ.

Начнемъ съ обозначенія тѣхъ предметовъ, которыми взимался доходъ обыкновенный. Онъ взимался: 1) деньгами, 2) хлѣбомъ и 3) разными другими предметами крестьянскаго хозяйства, которымъ усвоится наименованіе „мелкаго дохода“.

Денежный доходъ опредѣлялся въ новгородской валютѣ. Писцовыя книги знаютъ—денгу. Это серебряная монета вѣсомъ въ 18 долей. Четырнадцать такихъ денегъ составляютъ гривну; 210—рубль. Кромѣ денегъ, гривенъ и рублей, новгородскимъ писцовымъ книгамъ извѣстны еще: полъ денги и четверецы ¹⁾.

Въ доходъ хлѣбомъ шла часть урожая всѣхъ воздѣлываемыхъ въ мѣстности сортовъ хлѣба. Писцовыя книги говорятъ о доходѣ рожью, овсомъ, пшеницею, ячменемъ, горохомъ, коноплей. Мѣра этого дохода опредѣлялась различно. Во 1-хъ, нѣкоторымъ количествомъ зерна, опредѣляемымъ въ существовавшихъ тогда мѣрахъ сыпучихъ тѣлъ. Въ Новгородѣ въ это время были въ ходу слѣдующія мѣры: коробья (полъ кади или окова), которую можно считать въ 7 пудовъ вѣса для ржи, полъ коробья (четверть кади) и четвертка коробья или четка (осмина кади). Такой хлѣбъ носитъ наименованіе „посопнаго“ хлѣба, а способъ его уплаты—„поспомъ“: „а хлѣба поспомъ 5 коробей ржи“.

Въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ встрѣчаемъ такія цѣны зерна: коробья ржи—10 денегъ, овса — 5, ячменя — 7, пшеницы и хмѣлю—1 гривна, III 84, 346. Эти цѣны указаны на случай замѣны деньгами дохода „поспомъ“, а потому ихъ можно считать нормальными. Коробья гороху и коробья конопли (виѣстѣ) цѣнились въ 2 гривны 4 деньги. I 11.

Другой способъ дохода хлѣбомъ состоялъ въ предоставленіи земле-владѣльцу извѣстной части урожая. Эта часть опредѣлялась различно, самую малую мѣру составляла пятина ($\frac{1}{5}$), затѣмъ шла: $\frac{1}{4}$ $\frac{1}{2}$ и, наконецъ, $\frac{1}{2}$ полovie. При этомъ, надо думать, часть урожая уплачивалась не зерномъ, а снопами, которые отсчитывались на полѣ, до своза во дворъ. Въ крестьянскихъ порядныхъ XVII вѣка встрѣчаемъ

установленный помѣщикомъ, но не настоящимъ, а его предшественникомъ, переведеннымъ на другое мѣсто.

¹⁾ Писцы дѣлаютъ иногда ошибки въ итогахъ, какъ деревень, дворовъ и обожъ, такъ и денегъ, а потому у нихъ не всегда приходится на рубль 210 денегъ.

особое условіе: „во всякомъ хлѣбѣ довати пятый снопъ, а къ выдѣлу и къ замолоту мнѣ его, помѣщика, звать, а до выдѣлу ни какова хлѣба не связить“¹⁾. Это превосходная иллюстрація новгородскихъ порядковъ конца XV вѣка.

Мелкій доходъ слагался изъ всѣхъ остальныхъ предметовъ крестьянскаго хозяйства въ самомъ широкомъ смыслѣ слова; сюда входило и ткачество, и рыболовство, и охота, и другіе промыслы. Среди предметовъ мелкаго дохода встрѣчаемъ: печеный хлѣбъ—ковригами, масло—ковшами, медъ, сыръ, мясо—говяжье—окороками и лопатками, бараны—цѣликомъ и частями, части свинины, куры—цѣликомъ и половинами, яйца—десятками, отъ одного до 12, пиво—бочками, овчины—цѣлыя и половины, пряжа, полотно, топоры, косы, сошники, сковороды, дрова и лучина—возами, сѣно, ленъ пятками, а пятокъ составлялся изъ пяти горстей, хмель—коробьями, солодъ, рыба, тетерева и зайцы. Нѣкоторые изъ предметовъ мелкаго дохода встрѣчаются чрезвычайно рѣдко. Тетеревовъ и зайцевъ мы видѣли только одинъ разъ, II 199. Доходъ топорами, косами, сошниками и другими издѣліями изъ желѣза взимался только тамъ, гдѣ была добыча желѣзной руды, и съ крестьянъ, занимавшихся ея разработкой и выдѣлкой. Въ писцовыхъ книгахъ они называются кузнецами. Разработкой желѣзной руды тогда занимались въ погостахъ Вотской пятины: по верховьямъ Невы, по рѣкѣ Назьѣ, впадающей съ Юга въ Ладожское озеро, по Финскому заливу, въ предѣлахъ Ямбургскаго уѣзда, и по рѣкѣ Талдогѣ, впадающей въ рѣку Суму. Пряжа и полотно принадлежать также къ очень рѣдкимъ предметамъ дохода. Чаще всего встрѣчаются: сыръ, масло, бараны, овчины, куры, яйца, ленъ.

Для предметовъ мелкаго дохода мы нашли въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ такія цѣны: баранъ—4 деньги, пятокъ льну—5 денегъ, козна сѣна стоитъ 1½ деньги, бочка пива—1 гривна, калачъ—1 деньга, хлѣбъ—½ деньги, лопатка баранья—½ деньги, 100 яицъ—3 деньги, полоть мяса 7 денегъ²⁾.

¹⁾ Дьяконовъ, Акты I № 15, 29, 32; 1629—1644. Въ последнемъ документѣ крестьянинъ обязывается церковный пятинный хлѣбъ обмолатить прежде своего. Можетъ быть, и въ старину молотѣба лежала на крестьянахъ. Это весьма вѣроятно.

²⁾ I 11, II 736, III 167, 306, 346. Въ нов. II 736 встрѣчаемъ нѣкоторые различія: баранъ оцѣненъ въ 7 денегъ, возъ сѣна тоже въ 7 денегъ. Это, вѣроятно, описка. Сыръ по Опѣжской грам. 1536 года стоимъ—1 деньгу.

Переходимъ къ вопросу о томъ, чѣмъ опредѣлялась наемная плата и какъ она была велика для отдѣльныхъ деревень. Плата отдѣльныхъ деревень имѣетъ крайне индивидуалистическій характеръ. Она бываетъ различна при однихъ и тѣхъ же условіяхъ. Число дворовъ въ деревнѣ на размѣръ платы, кажется, не имѣло никакого вліянія. Но можно замѣтить связь между размѣромъ платы и размѣромъ деревенскаго хозяйства, которое было тѣмъ зажиточнѣе, чѣмъ было больше количество высѣваемаго хлѣба. Плата, обыкновенно, возрастаетъ съ возрастаніемъ количества высѣваемаго хлѣба. Это очень понятно. Но и здѣсь встрѣчаются уклоненія, которыя мы объяснимъ ниже. Войдемъ въ нѣкоторыя подробности.

Мы выше перечислили виды крестьянскихъ повинностей. Въ отдѣльныхъ случаяхъ встрѣчаются то всѣ виды, то только нѣкоторые изъ нихъ. Есть деревни, которыя платятъ и деньги, и посопный хлѣбъ, и часть урожая, и мелкій доходъ. Въ другихъ—отпадаетъ то часть урожая, то посопный хлѣбъ, то деньги, то мелкій доходъ. Есть деревни, которыя платятъ только долю урожая и мелкій доходъ. Иногда весь доходъ господина ограничивается одной долей урожая, это встрѣчается при половьи; но и это не общее правило, ибо и половники, иногда, платятъ и деньги и мелкій доходъ, а иногда и посопный хлѣбъ и мелкій доходъ. Наконецъ, нѣкоторыя деревни обложены только деньгами.¹⁾

Размѣръ платы при одномъ и томъ же числѣ обожъ, дворовъ и количества высѣваемыхъ коробей ржи—нерѣдко былъ неодинаковъ, и не только въ разныхъ мѣстностяхъ, но въ одной и той же мѣстности и даже въ одной и той же волости, т. е. у того же владѣльца. Для примѣра возьмемъ деревни въ 1 обжу, въ 1 дворъ и въ 3 коробки посѣва и ограничимся тремя погостами Вышневолоцкаго уѣзда.

У Никиты Бабкина крестьянинъ съ такой деревни платилъ 4 деньги, четку ржи и четку овса; переводя все на деньги, получимъ—8 денегъ. Никифоръ Хмелевъ за то же получалъ: 7 денегъ, изъ хлѣба пятину, четку ржи, четку овса, солодъ, $\frac{1}{2}$ барана, лопатку баранью, курицу, сыръ, $\frac{1}{2}$ овчины, $3\frac{1}{2}$ горсти льну. Денегъ будетъ 17 да кромѣ того $\frac{1}{6}$ урожая, курица и $\frac{1}{2}$ овчины, для перевода которыхъ

¹⁾ Доказательства можно найти чуть не на каждомъ столбцѣ писцовыхъ книгъ. Приведемъ только болѣе рѣдкіе случаи. Доля урожая и посѣвъ съ другими видами I 62, II 74, 357. Одни деньги—I 18, II 68, III 313, 329. Половники только половье—I 508, II 34, 37, III 83, 156, 166; половники—деньги и мелкій доходъ III, 10; они же посопный хлѣбъ и мелкій доходъ III 188, 213.

на деньги данныхъ не имѣемъ. Разница болѣе чѣмъ вдвое. Извѣстный намъ Овиновъ, сынъ, получалъ еще больше. За деревню тѣхъ же размѣровъ ему платили: 7 денегъ, коробью ржи и овса и полчетки пшеницы, что составить 24 деньги; со вдовы Ѳеодорки онъ получалъ то же, но при меньшемъ посѣвѣ (въ 2¹/₂ коробы). А Зинововъ получалъ еще больше. При тѣхъ же деньгахъ и поспѣ онъ бралъ еще сыръ да три горсти льну, что составить 27 денегъ съ ¹/₂. Разница крайнихъ случаевъ доходить почти до четверной платы за участокъ земли той же мѣры ¹).

Не одинакова плата и у одного и того же владѣльца; разница достигаетъ здѣсь, иногда, также весьма значительныхъ размѣровъ. Въ Настасьинской волости, жены Ивана Григорьева, двѣ деревни платили только деньги и поровну, по 2 гривны съ ¹/₂, а между тѣмъ одна имѣла посѣвъ въ 4 коробы при одномъ дворѣ и была положена въ одну обжу, а другая высѣвала 8 коробей при 3-хъ дворахъ и была положена въ двѣ обжи. Хозяйства очень различны, государственныя повинности—тоже, а наемная плата одинакова. Рядомъ съ этими деревнями была деревня съ 15 коробьями посѣва при 4 дворахъ и 5 обжахъ; она платила: 2 грив., хлѣба поспомъ 6 кор. ржи, ¹/₂ кор. пшеницы, 3 четки ячменя, 2 барана, на деньги всего 9 грив. 8 ден. Между двумя крайними платежами и среднимъ нѣтъ ни малѣйшаго соответствія: деревня въ 8 коробей посѣва обложена несоразмѣрно легко. Въ другихъ случаяхъ разница бываетъ ничтожная: при всѣхъ равныхъ одна деревня даетъ курицу, другая половину и т. д. ²).

¹) Т. I 11—12, 58, 80, 90.

²) Т. I 72; III 118.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ деревенскихъ платежей, расположивъ ихъ по мѣрѣ возрастанія количества высѣваемыхъ коробей ржи. Волость Степ. Шалимова въ Вологовскомъ пог. Деревской пятины I 100.

Коробы. Дворы. Обжи.			Д О Х О Д Ъ.		
2	1	1	4 деньги съ ¹ / ₂ , изъ хлѣба пята, сыръ, баранья лопатка, ¹ / ₂ овчины, 3 ¹ / ₂ горсти льну.		
4	1	2	8 ¹ / ₂ денегъ, изъ хлѣба пята, 2 сыра, 2 б. л., 1 овч., 1 пятакъ льну.		
5	2	2	9 денегъ, изъ хлѣба пята, 2 с., 2 б. л., 2 ов., 1 п. л.		
—	—	—	то же, но 1 овчина.		
5	3	2	8 ¹ / ₂ денегъ, то же, но 2 овчины.		
5 ¹ / ₂	3	2	9 ден., изъ хл. пята, 2 с., 2 б. л., 1 ¹ / ₂ овч., 1 п. л.		
—	2	—	то же, но 1 овч.		

Откуда всё эти различія? Порядныя описанныхъ въ концѣ XV вѣка крестьянъ, конечно, были заключены ими въ разное время, нѣкоторыя изъ нихъ могли быть заключены еще ихъ дѣдами и прадѣдами. А въ разное время, конечно, были и разныя условія спроса и предложенія земель. Отсюда и различія. Хотя право свободнаго перехода и могло смягчать эти различія, но, надо думать, на практикѣ оно встрѣчало значительныя препятствія въ привычкѣ къ насиженому мѣсту и въ выгодахъ и удобствахъ, представляемыхъ благоустроеннымъ хозяйствомъ, а потому крестьяне и мирились легко съ

6 ¹ / ₂	2	3	12 ³ / ₄ ден., изъ хл. пят., 4 с., 4 лоп. бар., 2 овч., 1 ¹ / ₂ в. л.
6 ¹ / ₂	3	3	13 ден. и то же.
7	—	—	то же.
—	—	—	то же, но 1 ¹ / ₂ овч.
—	4	—	то же.
9	3	4	1 грив. 4 ден., хлѣбъ, ср. и бар. л.
—	—	—	то же, но 2 овч. и 2 пат. льну.
10	—	—	то же.
—	5	—	то же.
10 ¹ / ₂	8	—	то же.
—	—	—	13 ¹ / ₂ ден., хлѣба поспомъ 8 коробей ржи, 8 кор. овса, 2 ¹ / ₂ кор. пшеницы, 2 ¹ / ₂ кор. ячменя, 4 овч., 10 сыр., 8 п. съ гор. льна.
11	4	4	то же.

Волость Щилова монастыря въ Посонскомъ пог. Деревской пат. I 63.

Коробы. Дворы. Обжи. Д О Х О Д Ъ.

3	1	1	3 денги, ¹ / ₂ кор. ржи и ¹ / ₂ кор. овса.
—	2	—	то же.
5	1	2	5 ден., 3 четки ржи и ³ / ₄ овса.
—	2	—	5 ден., ¹ / ₂ кор. ржи и овса.
—	3	—	6 ден. 3 четки ржи и овса.
—	2	—	3 ден., ¹ / ₂ кор. ржи и овса.
—	—	—	7 ден., 3 четки ржи, 1 кор. овса.
6	3	3	7 ден., 1 кор. ржи и овса.
7	—	—	6 ден., 3 четки ржи и овса.
—	—	—	6 ден., 1 кор. ржи и овса.
7	4	—	7 ден., то же.
—	1	—	то же.
8	4	—	то же.
9	—	5	10 ден., 1 ¹ / ₂ кор. ржи и овса.
13	—	6	то же.
15	7	7	1 грив., 2 ¹ / ₂ кор. ржи и овса.
—	8	—	7 ден., 1 ¹ / ₂ кор. ржи и овса.
17	9	—	1 грив., 2 кор. ржи и овса.

указаннымъ неравенствомъ. Самые же крупные случаи неравенства могутъ имѣть особый источникъ. Вновь приходящіе крестьяне садилась, обыкновенно, на льготѣ и первое время ровно ничего не платили. Въ писцовыхъ книгахъ такъ и обозначается: „старого дохода не было: сѣли ново“. Можно думать, эти новоселы не сразу входили въ свой полный платежъ, а начинали съ уменьшеннаго. Въ имѣніи Д. Козонскаго была деревня въ 5 дворовъ и въ 11 коробей посѣва. Они старого дохода не платили, потому что сѣли ново. Новый доходъ съ нихъ уже шелъ, но всего въ размѣрѣ четверти урожая изъ хлѣба и хмеля. А старые крестьяне, при посѣвѣ въ 2¹/₂ коробы, въ этомъ имѣніи платили при той же четверти еще 7 денегъ и мелкій доходъ, II 34. Весьма вѣроятно, что и сведенные бояре поступали такъ же; такъ и могла возникнуть та несоразмѣрность платежей съ размѣрами хозяйства, на которую мы указали.

Общее правило найма земель, по всей вѣроятности, было такое: чѣмъ больше снималось земли, тѣмъ была выше и плата. Но въ разное время, смотря по спросу и предложенію, плата за землю опредѣлялась различно; новоселы же не сразу входили во всю плату, а постепенно.

Рядомъ со свѣтскими своеземцами, о хозяйствѣ которыхъ до сихъ поръ шла рѣчь, владѣютъ землями духовныя учрежденія: владыка, монастыри, церкви. Хозяйство ихъ представляетъ нѣкоторыя незначительныя особенности.

Несмотря на богатство владыки и нѣкоторыхъ монастырей и на то, что къ описанію ихъ владѣній, находившихся въ разныхъ погодъ и разныхъ пятинахъ, писцамъ приходилось обращаться по многу

Деревни Гр. Секерина въ Ручьевскомъ пог. Деревской пят. II 356.

Коробы. Дворы. Обжи.

Д О Х О Д Ы.

1 ¹ / ₂	1	1	изъ хлѣба четверть, четка ячменя, четка овса, ¹ / ₂ барана, 1 сыръ, 2 гор. льна, 10 яицъ.
2	—	—	то же.
2 ¹ / ₂	—	—	то же, но 1 бар., 2 сыр., 4 гор. л., 20 яицъ.
3	—	—	то же, но ¹ / ₂ бар., 1 сыр., 2 гор. л., 10 яицъ.
—	2	—	то же, но 20 яицъ.
4	2	2	изъ хлѣба четверть, ¹ / ₂ короб. ячменя, ¹ / ₂ кор. овса, 1 бар., 2 сыр., 4 гор. л., 20 яицъ.
4 ¹ / ₂	—	—	то же.
5	—	—	то же.
9	6	4	изъ хлѣба четверть, 1 кор. ржи, 1 кор. овса, 2 бар., 4 сыр., 8 гор. л., 40 яицъ.

разъ, мы не встрѣтили ни одного указанія на существованіе собственнаго сельскаго хозяйства у духовныхъ учреждений, за исключеніемъ самыхъ бѣдныхъ церквей, владѣнія которыхъ не выходили за предѣлы одной деревни. У монастырей были по деревнямъ свои дворы, въ которыхъ жили ихъ ключники, но они не вели пашеннаго хозяйства за счетъ монастыря. Нѣкоторые изъ нихъ вовсе не занимались пашней, другіе пахали, но на себя, а не на монастырь. Такіе дворы встрѣчаются въ деревняхъ Хутынскаго монастыря, Колевскаго, Валаамскаго, Николая Чудотворца и друг.; ихъ дворы—всѣ безъ пашни; пашенные же всѣ у крестьянъ. Въ деревняхъ владыки встрѣчаются также дворы его поселскихъ, но собственной запашки мы не видали и у него ¹⁾).

Только самыя бѣдныя церкви имѣли собственное сельское хозяйство. Мы разумѣемъ деревенскія церкви на погостахъ и въ монастырскихъ и владычныхъ волостяхъ. Къ этимъ церквямъ приписывалось небольшое количество земли, гдѣ клиръ и хозяйничалъ. Но хозяйство это не походило на господское. Попъ, дьяконъ, пономарь, сторожъ, просвирня—сѣяли и пахали собственными руками ²⁾. Но не мало было и такихъ церквей, клиръ которыхъ не имѣлъ надобности пахать.

У владыки и монастырей было, однако, значительное скотоводство. Писцовыя книги упоминаютъ о ихъ конюшенныхъ дворахъ, о дворахъ ихъ коровниковъ и объ особыхъ пожняхъ, которыя косятъ для нихъ крестьяне барщиной ³⁾).

Изъ молчанія писцовыхъ книгъ о собственномъ сельскомъ хозяйствѣ духовныхъ учреждений слѣдуетъ ли заключать, что такого хозяйства у нихъ и вовсе не было? Это—едва ли.

Памятники XIV вѣка говорятъ уже о собственномъ хозяйствѣ монастырей и даже о крестьянской барщинѣ на ихъ земляхъ. Изъ грамоты митрополита Кипріяна Константиновскому монастырю видно, что у монастыря было свое нахатное хозяйство и что монастырскіе крестьяне не только воздѣлывали „игуменовъ жеребій земли“, но строили монастырскія хоромы, ставили стѣну вокругъ монастыря, оплетали его сады, забивали ѣзъ, ходили съ неводами и пр. А. Э. I № 11, 1391 годъ.

Если мы не находимъ въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ свѣ-

¹⁾ *Временникъ* XI 193, 251; XII 64, 69; Новог. и. кн. I 17, 708; III 28, 65.

²⁾ Нов. пис. кн. I 321, 346, 612; III 82, 471; *Временникъ* XII 179.

³⁾ III 8, 28, 453, 454.

дѣній о собственномъ сельскомъ хозяйствѣ духовныхъ учреждений, то, можетъ быть, только потому, что до насъ дошли не всѣ книги. Во всякомъ случаѣ, если такое хозяйство и было, оно не могло быть велико, какъ и хозяйство частныхъ лицъ. Оно также должно было имѣть одно-деревенскій типъ и, по всей вѣроятности, ограничивалось одной—двумя деревнями, ближайшими къ учрежденію.

Именно такой характеръ имѣетъ собственное хозяйство духовныхъ учреждений по московскимъ писцовымъ книгамъ начала XVI вѣка. Въ древнѣйшей изъ напечатанныхъ описей земель Троице-Сергіева монастыря (1545 г.), въ Ярославскомъ уѣздѣ, въ монастырской волости Черемхѣ и Закоторскомъ станѣ монастырю принадлежало 49 деревень и починовъ да 3 займища живущихъ—(пустошей не считаемъ)—съ запашкой въ 989 четвертей земли. Собственное же хозяйство монастыря велось только въ одномъ селѣ Коприно, на Волгѣ, и всего на 20 четяхъ.

Чудовъ монастырь по описи 1573 г., въ Васильцовѣ станѣ Московскаго уѣзда, въ трехъ мѣстахъ имѣлъ 4 сельца и 10 деревень, крестьянской пашни съ перелогомъ тамъ было 2.221 четверть, свое же хозяйство монастырь имѣлъ только въ двухъ селахъ, въ одномъ пахалъ 118 четей, въ другомъ 25, а всего 143 чети на 2.221 четь крестьянской запашки.

Могло быть такое же одnodеревенское хозяйство и у духовныхъ учреждений Новгорода.

При слабомъ развитіи собственнаго сельскаго хозяйства, духовныя учрежденія извлекали доходъ изъ своихъ земель сдачею ихъ въ наймы. Въ этомъ отношеніи они слѣдовали тому же порядку, какой наблюдался у частныхъ лицъ. Писцовыя книги даютъ богатѣйшій матеріалъ для изученія мѣры обложенія крестьянъ свѣтскими лицами и духовными учрежденіями и степени зажиточности тѣхъ и другихъ крестьянъ. Онѣ давно напечатаны и ждутъ разработки.

По особенностямъ жизни свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, многіе предметы мелкаго дохода, которые мы перечислили, совсѣмъ не были нужны для лицъ духовнаго званія, а потому ихъ мелкій доходъ долженъ отличаться отъ дохода свѣтскихъ лицъ. Такъ, кажется, было и въ дѣйствительности. Мы встрѣтили массу деревень духовныхъ учреждений, которыя вовсе не платили мелкаго дохода; другія платили, но далеко не всѣ его виды были въ употребленіи. Перѣдко въ доходъ поступали: ленъ, сыръ, сѣно; чаще и по значительному числу—яйца; встрѣчаются бараньи лопатки и ниво.

Доходъ съ владѣчныхъ земель шелъ владѣцѣ, съ монастырскихъ — монастырю, а съ церковныхъ не церкви, а попу. Такова была точка зрѣнія и плательщиковъ и писцовъ и такъ и писалось въ книгахъ. Особенно великъ былъ доходъ архангельскихъ поповъ на Городищѣ. Въ Деревской пятинѣ въ двухъ погостахъ имъ принадлежало двѣ волости одного и того же имени Смерда; въ этихъ волостяхъ числилось 288 деревень. Въ доходъ архангельскимъ попомъ шло: 2 р. 5 гр. и 4 деньги, 256 коробей ржи, 94 коробки овса, 250 хлѣбовъ, 250 бараньихъ лопатокъ и 30 пятковъ льну. Эта городищенская церковь представляетъ, однако, исключеніе. Владѣнія другихъ церквей далеко не достигали такихъ размѣровъ. Иванъ Васильевичъ взялъ обѣ волости на себя и отмѣнилъ доходъ архангельскихъ поповъ.

Кромѣ перечисленныхъ видовъ дохода, встрѣчаются еще нѣкоторые, которые мы, по рѣдкости ихъ, называемъ чрезвычайными. Они немногочисленны. Сюда относятся: поклонъ и даръ.

Подъ „поклономъ“ надо разумѣть приношеніе, дѣлаемое съ особымъ почтеніемъ, съ поклономъ. Въ какихъ случаяхъ оно дѣлается, это не всегда ясно. Но вотъ случай, допускающій удовлетворительное объясненіе. Въ писцовой книгѣ Вотской пятинны читаемъ: „А стараго доходу шло: двѣ денги, поклону за сыръ полъ денги, пятокъ льну“ и т. д. Сыръ стоитъ деньгу, здѣсь же онъ замѣненъ — половиной денги, за это, по всей вѣроятности, и дѣлается поклонъ.

„Даромъ“ называлась нѣкоторая приплата къ обыкновенному доходу. Перечисливъ старый доходъ, писецъ продолжалъ: „дару: четка гороху, четка конопель, 6 копенъ сѣна“, I 9. Въ какомъ случаѣ прибавлялся этотъ даръ, неясно. Но несомнѣнно, что онъ еще болѣе увеличивалъ разнообразіе повинностей, на которое мы указывали. Однѣ деревни давали даръ, другія нѣтъ. Даръ брали и монастыри: „а опричь того (обыкновеннаго дохода) давали игумену со всея волости дару полтину новгородскую, а слугамъ шло дару двѣ гривны новгородскія“¹⁾.

¹⁾ I 11, 40; II 805; III 213.

Въ концѣ второй половины писцовой книги Деревской пятинны находимъ нѣсколько волостей, описаніе которыхъ представляетъ особенности. Въ нихъ не указано прежнихъ владѣльцевъ, сведеныхъ бояръ, а деревни раздѣлены тамъ на десятки. Такимъ особымъ способомъ описаны волости Морева и Велела и погостъ Холмскій. Эти волости и погостъ составляли вотчину литовскаго виходца, кн. Фед. Ив. Бѣльскаго. Онъ прибѣжалъ въ Москву въ 1482 году (Воскр.) и тогда же, по словамъ лѣтописца, получалъ въ вотчину городъ Дѣманъ да

Описавъ пашенное хозяйство и свѣтскихъ и духовныхъ собственниковъ, мы можемъ теперь спросить, какъ владѣли крестьяне предоставляемой въ ихъ пользованіе земель, было у нихъ общинное землевладѣніе. или нѣтъ? Общинное землевладѣніе, сомнительными благами котораго наши крестьяне пользуются еще и теперь, предполагаетъ наличность общины, члены которой имѣютъ равное право на пользованіе общинной землей. Въ описываемое нами время, какъ мы видѣли, крестьянской общины не существовало. Были только отдѣльные крестьяне, которые, по особому договору, и занимали господскія земли. Это вѣдь всякаго сомнѣнія. А если это такъ, то не можетъ быть и рѣчи объ общинномъ пользованіи землями.

Но крестьяне не непременно въ одиночку снимали господскія земли, они могли соединяться для этого въ товарищества, человека по 2, по 3, а можетъ быть, и болѣе. Такіе товарищи могли вести общее хозяйство. Общее хозяйство могло возникнуть и другимъ путемъ. Крестьянинъ могъ одинъ снять деревню. Такихъ деревень множество. Но по смерти его, у него могло остаться 2—3 и болѣе сыновей. Сыновья могли продолжать жить въ старой деревнѣ, раздѣляться и вести каждый особое хозяйство, а могли вести и общее.

Мореву и со многими волостями. Городъ Дѣманъ въ писцовыхъ книгахъ не описанъ, а потому и нельзя сказать, въ чемъ выразилось здѣсь господство дятловскаго князя; но волости описаны и слѣдъ его пребыванія виденъ. Въ моментъ описанія данныя князю Ѡ. И. Бѣльскому деревни ему уже не принадлежали, онѣ были отобраны на вѣх. князя; часть ихъ онъ удержалъ за собой, а другую роздалъ въ помѣстья. О старомъ доходѣ говорится, что онъ шелъ кн. Ѡ. Бѣльскому. Въ волости Вележъ на погостѣ остался еще его дворъ, въ который и въѣхалъ новый помѣщикъ. Дальнѣйшій слѣдъ хозяйства кн. Бѣльскаго сохранился въ указанномъ дѣленіи деревень на десятки. Какое они имѣли при немъ значеніе, этого не видно, но въ моментъ описи они уже распались. Одни деревни Погостскаго и Жабенскаго десятка князь удержалъ за собой, а другія роздалъ въ помѣстья (708, 721 и 787); деревни другихъ десятковъ розданы разнымъ лицамъ въ помѣстья. Сохранилось только наименованіе деревень по десяткамъ. Деревень съ хозяйствомъ кн. Бѣльскаго не видно; всѣ деревни были въ арендѣ у крестьянъ, которые платили ему обыкновенный доходъ. Въ одномъ только итогѣ упоминается неизвѣстный намъ видъ дохода „коневщина“ (735). Раздѣленіе деревень на десятки, по всей вѣроятности, и было причиной, почему при ихъ описаніи не упоминаются старшие новгородскіе владѣльцы. Данныя кн. Бѣльскому волости, конечно, принадлежали разнымъ и очень многимъ владѣльцамъ. Привода деревни въ десятки, онъ нарушилъ ихъ старое распредѣленіе по владѣльцамъ, а потому десятки и замѣнили прежнихъ владѣльцевъ въ дошедшей до насъ описи. Это единственный примѣръ описи, гдѣ не упомянуты имена старыхъ владѣльцевъ, сведенныхъ бояръ и бояршишекъ.

Итакъ, однодеревенцы могли вести раздѣльное и общее хозяйство, но ни въ какомъ случаѣ не общинное, ибо не было общины. Общинное и общее не одно и то же. Въ общинѣ каждый членъ имѣетъ равное право на пользованіе землей; при общемъ — не непременно равное. Умеръ отецъ, у сыновей равное право наследства, если отецъ не распорядился иначе; онъ могъ, вѣдь, оставить дѣтямъ и не поровну. Но если дѣти получили и поровну, во второмъ поколѣніи непременно возникнетъ неравенство, ибо нельзя рассчитывать на то, что у каждаго сына будетъ одинакое число наследниковъ. Но если бы это и случилось, это будетъ равенство случайное, въ общинѣ же оно необходимое. То же надо сказать и о доляхъ товарищей. Въ началѣ онѣ могли быть равныя, но не непременно; при дѣтяхъ же равенство это легко нарушается. Общинное владѣніе обязательно, общее — дѣло свободы. Итакъ, въ старыхъ деревняхъ могло быть частное и общее хозяйство, но никогда не общинное. Этотъ выводъ предполагается всѣми описанными порядками.

Какъ велось это общее хозяйство, этого мы не знаемъ. Источники не входятъ въ такія подробности, не имѣющія значенія для той цѣли, для какой составлялись писцовыя книги. Можно, однако, думать, что оно велось тогда совершенно такъ же, какъ ведется и теперь. Если наследники и товарищи были пріятеля, любили другъ друга и жили дружно, они могли вести общее хозяйство въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова и даже жить въ одномъ дворѣ и ѣсть изъ одной чашки. Если они не уживались вмѣстѣ и ссорились, они, конечно, дѣлились и оставляли въ общемъ владѣніи самое необходимое, выгоны, а иногда луга, раздѣляя сѣно въ копнахъ или пользуясь ими погодно, примѣры чему мы уже видѣли. Въ старое время жили либо въ любви, либо въ ненависти, какъ мы дѣлаемъ это и теперь. Любовь во всѣ времена порождаетъ и поддерживаетъ согласную жизнь вмѣстѣ и общее владѣніе; ненависть всегда ведетъ къ раздѣленію. Общинное владѣніе одною цѣнью скрываетъ и любовь и ненависть.

Мы уже знаемъ, что сельское хозяйство, которое вели новгородскіе бояре, не составляло новости для новыхъ людей, переведенныхъ изъ Москвы въ Новгородъ. Источники ничего не говорятъ о томъ, какъ пользовались москвичи у себя, на низу, тѣми землями, которыя оставались у нихъ за собственной обработкой; но судя по тому, какъ и въ этомъ отношеніи они легко вошли въ новгородскіе порядки, надо думать, что и эта статья новгородскаго хозяйства

не была для нихъ новостью. Весьма многіе изъ нихъ удержали новгородскіе порядки безъ всякихъ измѣненій и получали тотъ же доходъ, какой шелъ ихъ предшественникамъ. Писцы очень часто, перечисливъ старый доходъ, говорятъ: „А новый доходъ по тому жъ“. Нѣкоторые увеличили размѣръ стараго дохода. Это увеличеніе дѣлалось въ мѣрѣ чрезвычайно различной. Иногда оно достигало очень большихъ размѣровъ. Приведемъ два примѣра. Старая собственница, Настасья, жена Ивана Григорьева, брала съ деревни въ 4 двора и въ 15 коробей посѣва—10 гривенъ, а съ другой деревни въ 3 двора и въ 20 коробей посѣва—9 гривенъ съ полу деньгой; новый помѣщикъ, Григ. Вас. Картамазовъ, сталъ получать съ первой деревни—17 грив. и 3 ден., а со второй—19 грив. и 2¹/₂ деньги, III 113. Громадное увеличеніе, достигающее 100⁰/₁₀₀; несмотря на это, крестьяне остались на своихъ мѣстахъ. Весьма вѣроятно, что 3 и 4 двора, составлявшіе эти деревни, были населены родственниками и людьми зажиточными, которые вели общее хозяйство. Чтобы не ломать хорошо обставленнаго хозяйства, они и согласились на прибавку. Свободой перехода пользовались далеко не такъ легко, какъ это можетъ показаться людямъ, стоящимъ далеко отъ крестьянскаго дѣла. И теперь есть поговорка: три раза переѣхать съ квартиры все равно, что разъ погорѣть. А переѣхать съ крестьянскаго хозяйства во много разъ труднѣе. Чѣмъ крестьянское хозяйство богаче, тѣмъ переходъ труднѣе. Вотъ почему въ писцовыхъ книгахъ конца XV вѣка и не замѣтно сколько-нибудь чувствительнаго перехода крестьянъ. Весьма распространенное мнѣніе о бродяжничествѣ крестьянъ при свободномъ переходѣ ихъ—далеко не соответствуетъ дѣйствительности. Для точнаго отвѣта на вопросъ о передвиженіи крестьянъ вообще и по случаю перемѣщенія владѣльцевъ, новгородскія писцовыя книги даютъ богатый матеріалъ, который тоже ждетъ еще разработки.

Для полноты картины замѣтимъ, что 2—3 помѣщика ввели новыя виды чрезвычайныхъ доходовъ. Васюкъ Григ. Чеховъ ввелъ какой-то новый сборъ за повозъ. Объ немъ писецъ говоритъ: „А Васка взялъ впервые лѣта 7004 съ 20 обожъ за повозъ, съ обжи по 4 денги“. I 55. Ивашка Широносовъ и Ивашка Корсаковъ брали съ своихъ крестьянъ доходъ за какое-то „постоаніе“, II 312, 313. Вотъ и всѣ новости московскихъ людей. Трудно думать, что новгородское хозяйство не было ихъ собственнымъ хозяйствомъ.

Но великій князь Иванъ Васильевичъ не все раздавалъ помѣщикамъ, значительную часть конфискованныхъ имѣній онъ оставилъ за

собой. Въ хозяйствѣ этихъ деревень произошли большія перемѣны, имѣвшія важныя послѣдствія. Въ имѣніяхъ, оставленныхъ за великимъ княземъ, новый доходъ опредѣляется не по деревнямъ, а для всей волости сведенаго боярина. Этотъ новый доходъ называется „оброкомъ“ и почти всегда переводится на деньги. Великій князь получаетъ только деньги; къ нему не идетъ ни поспѣ, ни доля урожая, ни мелкій доходъ. Изъ этого порядка встрѣчаются исключенія, но очень рѣдко. Крестьяне платятъ „оброкомъ“, отсюда и волости стали называться оброчными. Къ этому оброку иногда причитаются обожныя деньги, иногда нѣтъ. При сличеніи оброка со старымъ доходомъ, цифры иногда почти сходятся, иногда оброкъ меньше стараго дохода, иногда больше ¹⁾. Но не величина оброка важна въ данномъ случаѣ, а иной способъ его исчисленія: оброкъ назначается огульно на цѣлое имѣніе. Этимъ создается у насъ впервые крестьянская волостная община. Какъ бы ни былъ оброкъ по суммѣ близокъ къ старому доходу, онъ всегда другой или потому, что въ имѣніи измѣнилось число дворовъ, или потому, что къ оброку прибавлена обожная плата, которая прежде вовсе не входила въ доходъ. Угодья старыхъ владѣльцевъ записываются теперь за ихъ крестьянами и облагаются особымъ оброкомъ тоже огульно, на всю волость. Во всѣхъ этихъ новостяхъ надо разобраться. Прибавки надо какъ-нибудь распределить по дворамъ, угодья тоже, пустые дворы тоже. Это все новые вопросы, которые должны быть теперь разрѣшены всѣми крестьянами волости сообща. Прежде не было такихъ общекрестьянскихъ вопросовъ. Теперь они появляются. Иванъ Васильевичъ создалъ въ Новгородѣ крестьянскую общину. Она появляется здѣсь впервые въ самомъ концѣ XV вѣка.

¹⁾ Вотъ для примѣра нѣсколько старыхъ доходовъ, переведенныхъ въ оброкъ. Имѣніе въ 8 деревень приносило стараго дохода 18 гривенъ, оброкъ 14½ грив. и со включеніемъ обожной дани. Имѣніе въ 3 деревни, считая доли въ общихъ деревняхъ, старый доходъ 8 грив., оброкъ и съ обожной данью—6½ грив. Имѣніе въ 2 деревни, старый доходъ 3 грив. 2 д., оброкъ и съ обожной данью 2½ грив. Имѣніе въ 37 деревень, старый доходъ—9½ руб., 1 грив. и 2 д., оброкъ 5 руб. 2 грив. 1 д., но безъ обожной дани. Имѣніе въ 181 деревню, старый доходъ 10½ руб., 11 грив., 10½ денегъ, оброкъ 18 руб., 2½ грив., 1½ д., безъ обожной дани. Имѣніе въ 50 деревень, старый доходъ 4 руб. 2½ грив., оброкъ—9½ руб. и 6 д. со включеніемъ обожной дани, такъ платили по первой описи, а по настоящей назначено 11 руб. съ причисленіемъ сюда и платы за рыбную ловлю. Имѣніе въ 74 деревни, старый доходъ—12 руб. 4½ грив.; оброкъ—11½ руб. 1½ грив. и 5 д. безъ обожной дани. I. 40, 130, 157, 177, 216, 394.

Что же это за общины, какъ онѣ велики? Каждое конфискованное имѣніе или, какъ тогда говорили, каждая волость и волостка составили особую общину. Были большія общины въ 50, 70, 100 и болѣе деревень, и маленькія въ 2—3 деревни. Иногда нѣсколько боярскихъ волостей соединились въ одну волость великаго князя. На первыхъ порахъ онѣ, конечно, еще не завели того общиннаго хозяйства, которое составляетъ такую гордость нашихъ общинниковъ; это хозяйство явилось послѣдствіемъ нѣкоторыхъ другихъ правительственныхъ мѣръ, о которыхъ рѣчь будетъ на своемъ мѣстѣ. Но въ моментъ составленія вторыхъ описей, которыя находятся у насъ въ рукахъ, уже появились и земли и воды, которыми пришлось распоряжаться крестьянскимъ общинникамъ, и появилась необходимость распредѣлять между собою платежи съ этихъ земель и водъ ¹⁾.

¹⁾ Вотъ примѣръ новаго порядка крестьянскихъ платежей. Въ Вотской пятинѣ, въ погостѣ Никольскомъ-Будковскомъ, нѣсколько боярщинъ соединено имѣтѣ въ одну волость. По описаніи отдѣльныхъ деревень съ обозначеніемъ стараго дохода, читаемъ: „И всего оброку положено на ту волость денгами и за хлѣбъ и за намѣстничъ кормъ 19 рублентъ съ полтиною и 4 гривны и полъ четвортѣ денги, то и съ поземщикомъ, опричь обожныхъ дани“. А далѣе: „А пустошей и селящъ и луговъ въ той волости равныхъ же бояръ: (слѣдуетъ перечисленіе), а даны тое же волости крестьяномъ въ тотъ же оброкъ“. Наконецъ: „А великаго князя оброкъ въ той волости всѣхъ боярщинъ крестьяномъ, денги и хлѣбъ, разметывать межъ собою по пашнѣ“. III 278—291.

Здѣсь мы наблюдаемъ случай: 1) созданія великимъ княземъ новой волости изъ разныхъ боярщинъ, 2) надѣленіе крестьянъ этой волости землями и угодьями прежнихъ бояръ, 3) обложеніе этихъ крестьянъ, которые прежде ничего не имѣли общаго,—оброкомъ въ общей суммѣ, который они должны сами раскладывать между собой по количеству воздѣлываемой каждымъ землѣ.—О равенствѣ воздѣлываемыхъ участковъ пока еще нѣтъ рѣчи. Но и это современемъ придетъ.—До введенія этихъ новыхъ порядковъ, владѣльческія волости, а только такія и были, не имѣли никакихъ общихъ дѣлъ. Единственное общее дѣло, какое создавали себѣ волости въ старое время, состояло въ наймѣ пустыхъ деревень. Но и это встрѣчается чрезвычайно рѣдко. Мы замѣтили два случая и то въ монастырскихъ и церковныхъ волостяхъ. I 176, 210. Деревни же всегда имѣли одно общее дѣло: раскладку обожной дани. Обожная дань клалась на цѣлую деревню, а въ деревнѣ могли быть дворы, которые вели особое хозяйство, могли быть поземщики, которые хотя пашни не имѣли, но пользовались выгономъ, землей подъ огороды и дворы, а потому могли быть тоже привлекаемы къ платежу. Раскладка обожной дани составляла общее дѣло всей деревни. За указаннымъ исключеніемъ, мы отрицаемъ какія либо общія дѣла волостныхъ крестьянъ по землевладѣнію, а не по управленію вообще. Необходимо отличать вопросы общаго управленія и землевладѣнія. Въ области управленія крестьяне, можетъ быть, имѣли какія-нибудь

Кромѣ оброчныхъ великаго князя крестьянъ, въ новгородскихъ пятинахъ появились въ то же время дворцовые крестьяне. Они называются такъ потому, что приписаны ко дворцу великаго князя и состояли въ особомъ управленіи. Ихъ вѣдалъ дворецкій, которому и сообщались переписныя книги этихъ крестьянъ. Вотъ почему дворцовыя земли и не описывались вмѣстѣ съ оброчными, съ отданными въ помѣстья и съ своеземцевыми землями.

Нѣкоторые изъ крестьянъ, приписанныхъ ко дворцу, существенно отличались отъ оброчныхъ. Это тѣ, которые работали на великаго князя, пахали на него особую пашню. До конфискаціи — барщина явленіе довольно рѣдкое. Съ конфискаціей барщина распространяется. Но она не освобождала крестьянъ и отъ оброка; они продолжали платить за хлѣбъ, т.-е. за прежній доходъ. У дворцовыхъ барщинныхъ крестьянъ возникло, такимъ образомъ, еще свое особое общее для всей крестьянской общины дѣло: распредѣленіе общихъ работъ. Но пашню пахали нѣкоторые только дворцовые крестьяне, другіе оставались на одномъ оброкѣ. А потому и дворцовые крестьяне называются „оброчными“. Какъ оброчныя, такъ и приписанныя ко дворцу населенныя крестьянами земли раздаются въ помѣстья ¹⁾).

Таковы нововведенія для крестьянъ, оставленныхъ великимъ княземъ за собой. Эти нововведенія были новостью для новгородскихъ крестьянъ, но не для крестьянъ великаго князя. Къ конфискованнымъ имѣніямъ эти нововведенія, конечно, давно уже примѣнялись въ Москвѣ. Они не были выдуманы для Новгорода. Управленіе княжескими деревнями тѣмъ порядкомъ, какой существовалъ въ господскихъ имѣніяхъ, было очень неудобно: оно отличалось крайней сложностью

общія дѣла. Они могли участвовать на судѣ, избирать какихъ либо цѣловальниковъ и т. д. Но все это возможно и безъ поземельной общины.

¹⁾ Приводимъ нѣсколько выписокъ изъ рукописной книги дворцовыхъ волостей, содержаніе которой мы привели въ первой статьѣ.

4. А пашутъ тѣ крестьяне (дворцовые) на великаго князя 2½ десятины. А оброку на нихъ за обежную дань и за хлѣбъ 3½ руб. новгородскихъ.

36 об. Царя и великаго князя села и деревни дворцовыя, которыя царя и великаго князя пашню пашутъ и которыя не пашутъ.

45 об. Въ Корытинской волости села и деревни великаго князя дворцовыя оброчныя.

251. Книги дворцовыхъ волостей Шелонской пятины писъма Матв. Ил. Валуева, лѣта 7007, которыя приписаны ко дворцу ново.

248. Обжи, приписанныя ко дворцу, пожалованы лѣ 7048 г. Якову и Андрею Квашиннымъ къ ихъ старому помѣстью.

и очень затрудняло контроль. Правительству легче было имѣть дѣло съ общинами, чѣмъ съ отдѣльными хозяйствами, и оно, конечно, замѣняло старый порядокъ новымъ, какъ только въ рукахъ его стали сосредоточиваться значительныя владѣнія. Поэтому первые зародыши общинъ крестьянскихъ въ волостяхъ великаго князя могутъ восходить даже къ XIV вѣку.

Новгородскія дворцовыя села и деревни были очень удалены отъ Москвы. Это удаленіе должно было отразиться и на сборахъ съ нихъ; сборы эти были здѣсь очень упрощены. Въ дворцовыхъ имѣніяхъ, ближе расположенныхъ къ Москвѣ, они гораздо болѣе приближались къ обыкновенному господскому доходу. Вотъ для примѣра доходъ съ дворцоваго имѣнія Тверского уѣзда: „А оброку крестьянамъ платити въ великаго князя казну, въ Дворцовый приказъ, 6 руб. и 7 алт. съ денгою, да посопнаго хлѣба 55 четъи ржи, 23 четъи овса; да мелкаго доходу платити во дворецъ: съ выти по барану, по полтю мяса свиного, по 2 сыра кислыхъ, по 2 гривенки масла коровья, по 2 куровъ, по 40 яицъ, по сожени дровъ, по копыѣ сѣна“ и т. д. II 293. Знакомая намъ картина. Московскій государь получаетъ со своихъ крестьянъ совершенно такой же доходъ, какой получали и новгородскіе своеземцы. Тутъ и деньги и послѣ и мелкій доходъ, только исчисляется онъ иначе, онъ идетъ не съ деревень, а съ вытей. Но о вытяхъ рѣчь будетъ послѣ. Здѣсь же насъ интересуетъ только то, что и въ Москвѣ княжеское хозяйство конца XVI вѣка имѣетъ всѣ свойства новгородскаго боярскаго XV-го. Могло ли быть построено на иныхъ началахъ хозяйство московскихъ вотчинниковъ, тверскихъ и иныхъ удѣловъ? Это очень сомнительно. Домосковская старина вездѣ одна и та же. Она далеко заходитъ и въ московское время.

Крестьянскія деревни могли пустѣть и въ силу права свободы крестьянскаго перехода и по другимъ причинамъ. Спрашивается, что дѣлали владѣльцы съ такими временно опустѣвшими деревнями? Пользованіе такими пустыми деревнями было очень различно. Иногда владѣльцы пахали ихъ на себя — наѣздомъ, т.-е. не заселяя ихъ, а посылая на эти земли въ рабочее время своихъ людей. Такія извѣстія имѣемъ о помѣщикахъ, но то же, по всей вѣроятности, дѣлали и новгородскіе бояре ¹⁾). Случалось, что владѣльцы отдавали такія де-

¹⁾ I 546—547, II 385, 797, 866.

ревни желающимъ крестьянамъ, которые тоже пахали ихъ наѣздомъ ¹⁾).

¹⁾ I 546 и сл., II 488, 788.

Въ описи Деревской пятины находимъ такое извѣстіе: „Деревня Трофимово, дворъ Родиононикъ Прокошевъ, пашетъ половину той деревни...; а другую половину той деревни пашетъ Якимко Ляхновъ наѣздомъ“ I 536. Якимко Ляхновъ снимаетъ въ этой же волости цѣлую деревню Оедосьино, гдѣ у него дворъ, въ которомъ онъ живетъ, и 3 коробы посѣва ржи. Но ему этого мало, и онъ снимаетъ еще полъ сосѣдней деревни. Новое доказательство того, что даже въ небольшихъ деревняхъ крестьяне ведутъ не общее, а разное хозяйство. И этого Ляхнову мало. При описаніи слѣдующей деревни читаемъ: „Селище Жатопо а памуть его тѣ же крестьяне на розѣмъ“... Тѣ же крестьяне, Прокошевъ и Ляхновъ, памуть деревню на разѣмъ. Это значитъ, деревня пуста и воздѣлывается жителями сосѣднихъ деревень „на разѣмъ“, т. е. кто себѣ что ваялъ. Это тоже пашня наѣздомъ, ибо Ляхновъ живетъ въ дер. Оедосьино, а Прокошевъ въ Трофимонѣ, гдѣ у нихъ свои дворы. Ляхновъ и Прокошевъ въ дер. Трофимово и въ селищѣ Жатопо ведутъ разное хозяйство, а не общее, и каждый изъ нихъ платитъ особо за наемъ земли, а между тѣмъ эта плата показана для обоихъ въ общемъ итогѣ. Ясное указаніе на то, что писцы складываютъ вмѣстѣ разные хозяйства.

Г. Рожковъ въ своемъ трудѣ о сельскомъ хозяйствѣ Московской Руси высказываетъ такое мнѣніе о пашнѣ наѣздомъ. „Пахать землю наѣздомъ значило эксплуатировать ее не расчетливо, хищнически, безъ правильнаго сѣвооборота, истощая почву. Что такое пониманіе этого выраженія правильно, это всего лучше доказывается отношеніемъ правительства къ наѣзжей пашнѣ: она вся причисляется въ писцовыхъ книгахъ къ пашнѣ, лежащей въ пустѣ, не подлежащей обложенію налогами... Кромѣ того, нѣрѣдки и прямые указанія источниковъ на пахоту наѣздомъ, какъ явленіе регрессивное съ хозяйственной точки зрѣнія. Ограничимся однимъ примѣромъ: по акту 1501 г. одинъ монастырь владѣлъ въ Переяславскомъ уѣздѣ 13 деревнями; эти деревни „запустѣли небреженіемъ прежнихъ игуменовъ, потому что прежніе игумены тѣ монастырскія земли пораздавали въ оброкъ приказнымъ людямъ, сокольникамъ и конюхамъ; и тѣ приказные люди тѣ деревни пахали наѣздомъ и отъ того тѣ ихъ села и деревни запустѣли“. 64.

Все это разсужденіе, хотя оно пошло уже въ научный оборотъ и приводится въ назиданіе читателя почтенными критиками г. Рожкова, есть плодъ недоразумѣнія, проистекающаго отъ неправильнаго пониманія источниковъ. „Пашня наѣздомъ“ вовсе не обозначала нѣкотораго регрессивнаго способа обработки земли. Крестьянинъ Ляхновъ, конечно, совершенно такъ же обрабатывалъ землю въ дер. Трофимово и Жатопо, какъ и въ дер. Оедосьино. Разница въ томъ, что дер. Оедосьино онъ занималъ цѣликомъ и тамъ жилъ, а въ двухъ другихъ деревняхъ онъ бралъ только участки земли и тамъ никто не жилъ, онѣ были пустыя, а потому и могли быть разобраны по частямъ и воздѣлываемы наѣздомъ. Деревни запустѣли не потому, что тамъ было регрессивное хозяйство, а потому что крестьяне ушли. Регрессивное же хозяйство могло быть и не въ пустыхъ деревняхъ, а при наличности крестьянъ, если они плохо воздѣлывали землю. Къ пашнѣ, лежащей въ пустѣ, писцы причисляютъ не плохо воздѣланную, а не населенную:

Духовныя учрежденія также отдавали пустыя деревни крестьянамъ ¹⁾).

Это все, надо полагать, новгородская старина. Новость, можетъ быть, представляетъ слѣдующій случай. Кн. Юр. Конст. Оболенскій между разными волостками получилъ и волостку Кузьмы Перебатаго; въ одной изъ деревень этой волостки прежде жилъ самъ Кузьма. Она не понадобилась князю Оболенскому для житья, и онъ велѣлъ пахать ее на себя „згономъ крестьянъ“ I 356. Половину другой деревни пахалъ на себя наѣдомъ крестьянинъ той же волостки. Это, впрочемъ, единственный случай, гдѣ мы встрѣтили „сгонъ“ крестьянъ. Не надо ли подъ сгономъ понимать крестьянскую „помочь“ и теперь хорошо извѣстную?

Второй способъ извлеченія дохода землевладѣльцами заключался въ сдачѣ небольшихъ участковъ земли подъ дворы лицамъ, не занимавшимся хлѣбопашествомъ. Такими сѣмщиками были люди очень разныхъ профессій и очень различнаго социальнаго положенія. Мы встрѣчаемъ здѣсь торговыхъ людей и разныхъ промышленниковъ и ремесленниковъ: рыболововъ, епанечниковъ, кузнецовъ, кровопуска, солеваровъ, сапожниковъ, а рядомъ съ ними и людей, не имѣвшихъ никакого опредѣленнаго занятія, напримѣръ, казаковъ ²⁾. Такъ какъ эти люди занимались своими промыслами и ремеслами, а не хлѣбопашествомъ, то въ писцовыхъ книгахъ они, обыкновенно, обозначаются подъ именемъ „непашенныхъ людей“, при чемъ не всегда,

она могла быть и хорошо воздѣлываема, да теперь брошена и не населена. „Приказные люди пахали монастырскія деревни наѣдомъ и отъ того они запустили“. Совершенно вѣрно, но только это значить не то, что думаетъ авторъ. Приказные люди взяли на оброкъ уже пустыя деревни и не переехали въ нихъ жить, такъ какъ они имѣли уже опредѣленное мѣсто жительства; они наѣзжали только для обработки земли. Вотъ что значить деревни „позапустили“. Этого бы не случилось, если бы они поселили тамъ крестьянъ, хотя бы эти крестьяне работали и хуже приказныхъ людей, пахавшихъ наѣдомъ.—Почтенный авторъ очень далеко отъ пониманія тѣхъ отношеній, изученіе которыхъ избралъ своей спеціальностью.

¹⁾ Архангельскіе поны, которымъ принадлежали двѣ волости Смерда, въ одной изъ нихъ сдавали пустую деревню крестьянину сосѣдней деревни, Исаку Ескину; тутъ же обозначенъ и доходъ, который они получили съ него; а въ другой волости сдавали 8 пустыхъ деревень—всей волости. I 504, 176. Воскресенскій монастырь сдавалъ въ небольшой волости въ 7 деревень — одну пустую деревню тоже всей волости. I 210. Вязитскій-Никольскій монастырь сдавалъ свою пустошь не всей волости, а двумъ деревнямъ III 56.

²⁾ I 457, 816; II 686, 751; IV 125, 586; *Временникъ* XI 33—42, 190, 841.

однако, говорится, чѣмъ же собственно они занимаются; даже чаще не говорится. Ихъ отличительная черта въ томъ, что они непашенные люди. Занятіе же какимъ либо ремесломъ или промысломъ не составляло существеннаго ихъ признака. Тѣми же промыслами и ремеслами занимаются и пашенные крестьяне. Среди нихъ мы даже замѣтили болѣе разнообразіе ремеслъ; между крестьянами мы встрѣтили: кузнецовъ, бочечниковъ, швцовъ, ведерниковъ, гончаровъ, овчинниковъ, деготниковъ, лучниковъ, сѣдельниковъ, ямщиковъ и домниковъ (отъ домница—печь). Полагаемъ, что это различіе случайное. Писцамъ не было надобности обозначать, чѣмъ именно занимается пашенный или непашенный человѣкъ. Непашенный человѣкъ болѣе чѣмъ пашенный нуждался въ какомъ-нибудь промыслѣ, ибо онъ долженъ былъ и прокормить себя и заплатить за наемъ земли, а между тѣмъ писцы весьма рѣдко обозначаютъ этотъ промыселъ.

Включая въ себя съ одной стороны торговцевъ, рыболововъ, соледобытчиковъ и подобныхъ имъ, а съ другой — казаковъ, не имѣвшихъ опредѣленныхъ занятій и существовавшихъ, можетъ быть, сельскими работами на сосѣднихъ господскихъ и крестьянскихъ земляхъ, безпашенные люди представляли очень пестрый классъ; между ними были и весьма состоятельные и очень бѣдные. Въ писцовой книгѣ Шелонской пятины читаемъ: „Да за Митею же (помѣщикъ, Татищевъ) живутъ худые люди безъ пашни, на поземѣ: дворъ Якушъ Степановъ, сапожникъ, дворъ Ивашка Минихъ, казакъ, дворъ Лукерка проскурница“. Въ обществѣ, гдѣ всѣ ходятъ въ лаптяхъ или на босу ногу, сапожникъ, конечно, не могъ очень разбогатѣть.

По худые или пѣты были безпашенные люди, они всѣ платили владѣльцу за наемъ земли; эта плата носила наименованіе позема. дворы ихъ — назывались поземными, а сами они поземщиками (III 279, 290). Плата, обыкновенно, опредѣлялась деньгами и съ каждаго двора особо, но приводилась въ итогахъ для всѣхъ дворовъ. Худые поземщики помѣщика Татищева платили ему за 3 двора 7 денегъ. А были и хуже ихъ: Оеклѣ Марковой поземщики платили по 1 деньгѣ съ двора (1508). Помѣщику Ст. Порховскому четырнадцать дворовъ платили позему 4 гривны 6 денегъ, съ двора по 4¹/₂ деньга; это уже значительная плата. Надо думать, что у этихъ поземщиковъ былъ же какой-нибудь промыселъ, а писцы вовсе не нашли нужнымъ сказать, чѣмъ они занимались, III 424. Фил. Логиновъ, торговый человѣкъ, сѣлъ на церковной землѣ безъ пашни; за свой дворъ онъ платилъ

попу позему двѣ гривенки темьяну; да еще съ рядовичами, что на рѣкѣ на Ижорѣ, давалъ въ ихъ оброкъ двѣ деньги. Врем. XI 341. У Θεодоры, жены Вас. Глазоемцева, въ одной деревнѣ, кромѣ крестьянъ, было 4 безпашенныхъ двора, въ которыхъ жили кузнецы. Они платили за дворы 5 грив. 10 денегъ, съ двора по 1 грив. 6 денегъ. Крестьяне той же деревни, съ посѣвомъ въ 5 коробей на дворъ, платили съ двора только на 9—10 денегъ больше этихъ безпашенныхъ людей (III 503). Кузнецы, жившіе въ деревнѣ г-жи Глазоемцевой, были очень зажиточные люди, богаче многихъ крестьянъ.—Поземщики занимались иногда и пашней. Въ Деревской пятинѣ, на погостѣ у св. Егорія, на землѣ, конфискованной великимъ княземъ у Ивана Маркова, было 8 дворовъ поземщиковъ, за эти дворы они платили великому князю поземъ. Но кромѣ того, они пахали сосѣднее селище на разѣмъ, т.-е. сколько кому было нужно. I 412.

Для полноты картины замѣтимъ, что поземщики въ обжи не клались; это потому, что въ обжи кладется пахатная земля, а они люди не пашенные. Но это не значитъ, что они не несутъ повинностей. Въ писцовыхъ книгахъ о поземщикахъ — рыболовахъ не разъ говорится, что они обложены оброкомъ на великаго князя „за обежную дань“ ¹⁾).

Изъ того, что писцовыя книги не всегда говорятъ о платежѣ безпашенными людьми оброка вмѣсто обежныхъ денегъ, еще не слѣдуетъ, что они не участвуютъ въ платежѣ этихъ денегъ. Обежные деньги платили деревни, и деревенскіе дворы, конечно, сами распределяли между собой эту тягость. Дворы безпашенные стояли на земляхъ деревни, пользовались выгонами и, разумѣется, имѣли ого-

¹⁾ *Временникъ* XI 33, 42; XII 74.

На стр. 341 *Временникъ* XI читаемъ: „Великаго князя рядокъ у Клетей, на рѣкѣ на Ижорѣ, отъ Невы 7 верстъ, а живутъ въ немъ торговые люди, пашни у нихъ нѣтъ (идеть перечисленіе 8 дворовъ), а оброку давали по старому писму 12 грив. А новаго оброку положено на нихъ за обежную дань и за намѣстничъ кормъ полтина“.

На 181 стр. *Временника* XII непашенные рыболовы положены въ луки, а луки тѣ же обжи.

Въ Шелонской пятинѣ въ погостѣ Опоцкомъ на конфискованной великимъ княземъ у Ростокіна монастыря землѣ сидѣло 12 дворовъ не пахотныхъ людей. Они промышляли торговь и извозомъ. Еще до конфискаціи за дворы они платили въ монастырь поземъ, а за промыслъ давали великому князю 2 гривны. IV 162.

роды. Нѣкоторые изъ поземщиковъ были богаче крестьянъ. Почему бы такіе сравнительно богатые люди не привлекались однопашенцами къ участию въ платежѣ обожной дани? Такъ какъ безпашенные рыболовы съ своихъ промысловъ платили даже особый оброкъ вмѣсто обожной дани, то мы не видимъ причины, почему бы пашенное население деревни должно было освобождать достаточныхъ владѣльцевъ непашенныхъ отъ участія въ уплатѣ обожной дани. Между непашенными были и очень бѣдные; если эти „худые люди“ и не привлекались къ платежу обожной дани, что возможно, это не составитъ все-таки отличительнаго признака безпашенныхъ людей, такъ какъ и крестьяне освобождались отъ тягла, если приходили въ худое состояніе.

Московскіе писцы половины XVI вѣка, переписывая тѣ же новгородскія земли, начинаютъ наряду съ „непашенными людьми“ и „поземщиками“ употреблять новое слово „бобыли“. Что бобылями они называютъ тѣхъ же непашенныхъ людей, это видно изъ того, что ихъ бобыли, какъ и поземщики, даютъ господамъ „поземъ“ (IV 288, 293). Но такъ какъ въ этихъ позднѣйшихъ книгахъ доходить по деревнямъ не указывается, а только въ итогахъ, то и о бобыляхъ въ большинствѣ случаевъ говорится коротко: а бобылей дворовъ столько то, безъ пашни. Итакъ, бобыль это новое московское наименованіе для тѣхъ же безпашенныхъ людей, которые занимаютъ землю подъ дворы. Среди этихъ бобылей мы встрѣчаемъ знакомыхъ уже намъ кузнецовъ, рыболововъ и пр. (IV 416, 478, 509).

Эти позднѣйшія книги даютъ возможность нѣсколько пополнить наши свѣдѣнія о непашенныхъ людяхъ. Между ними и теперь есть люди достаточные. Опоцкому монастырю бобыли платятъ по 1 грив. съ двора. Эти монастырскіе бобыли люди не пашенные, но они берутъ у монастыря землю изъ оброку и пашутъ ее наѣздомъ¹⁾. Это значитъ, что они живутъ не на нанятой землѣ, а въ монастырской деревнѣ; а на взятую въ оброкъ землю только паѣзжаютъ для сельскихъ работъ. То же дѣлаютъ и крестьяне, принимая землю въ чужихъ деревняхъ; по занятіямъ бобыли, иногда, тѣ же крестьяне. Чѣмъ занимаются монастырскіе бобыли въ деревнѣ, гдѣ живутъ, этого, къ сожалѣнію, писецъ не говоритъ.

Изъ только что приведеннаго свидѣтельства видно, что бобыли

¹⁾ Неволинъ, О пятинахъ и погостахъ, Прилож. стр. 116.

занимаются пашней; а съ другой стороны, конечно, и крестьяне могут нанимать дворовыя мѣста, оставаясь крестьянами ¹⁾).

Въ писцовыхъ книгахъ московскихъ уѣздовъ XVI вѣка встрѣчаемъ оба термина, и непашенныхъ людей и бобылей. Подъ этими названіями появляются тѣ же ремесленные и промышленные люди, что и въ Новгородѣ: швецы, сапожники, кузнецы, пастухи, калачники, земскіе дьячки и даже кабатчики, а между ними и бѣдныя вдовы.

Въ описяхъ дворцовыхъ крестьянъ XVI вѣка встрѣчаемъ указанія и на обложеніе непашенныхъ людей повинностями. Напримѣръ: „С. Борки... дворъ непашенный, а живетъ въ немъ сапожникъ, а оброку съ него въ годъ гривна, пошлинъ денга“ II 313. При описаніи села Лотошина Микулинскаго уѣзда находимъ и любопытное разъясненіе порядка обложенія непашенныхъ людей: „и писцы... тѣ непашенные дворы пооброчили, потому что въ сошномъ писмѣ не пригодятся, а прежде сего были въ оброкъ жъ, а платили оброку на годъ по 46 алтынъ по 4 денги, а нынѣ оброку имъ платити въ великаго князя казну, въ Дворцовой Приказъ, за ямскія и за приметныя денги, и за мелкій доходъ, и за нынѣ за всякія подати на годъ по 2 руб. и по 13 алт. и по 5 ден., съ двора по гривнѣ, да пошлинъ дворецкаго и дьячихъ 4 алт. съ полуденгой, съ рубля по 10 ден.; а съ волостными имъ людьми, съ пашенными крестьяны, съ селчаны и съ деревенщики, не тянути... а разводити имъ тотъ оброкъ межъ себя самимъ по животомъ и по промысловъ и по дворомъ“. II 335. На бобыляхъ лежатъ и ямскія и приметныя деньги и нѣкоторыя другія подати, какъ и на крестьянахъ, но раскладываются иначе: не по сохамъ, ибо у нихъ нѣтъ земли, а по животамъ, и промысламъ, и по дворамъ. Полагаемъ, то же дѣлалось и въ Новгородѣ съ обожною данью. Это дѣлается и въ XVII вѣкѣ. По Сотной

¹⁾ Любопытное указаніе на такое соединеніе крестьянства и бобыльства въ одномъ лицѣ находимъ въ напечатанной В. Н. Сторожевымъ Сотной грамотѣ дворцоваго села Вологодскаго уѣзда 1592 года. Тамъ описаны сперва пашенные крестьянскіе дворы; въ числѣ владѣльцевъ одного такого двора показанъ Олешка Терентьевъ. А затѣмъ идетъ описаніе дворовъ, мѣстъ дворовыхъ и огородовъ, но безъ пашни. Одно такое мѣсто дворовое и одно мѣсто огородное показаны за тѣмъ же Олешкой Терентьевымъ. Опъ въ одно и то же время и крестьянинъ и бобыль. Волог. Губ. Вѣд. за 1898 г. № 23. Въ этой Сотной рѣчь идетъ о непашенныхъ дворахъ, съ нихъ берутъ поземъ, терминъ бобыль не употребляется, все это—какъ въ Новог. писц. книгахъ конца XV вѣка. Я никогда не видалъ Волог. Губ. Вѣд. и, конечно, ничего бы этого не зналъ, если бы почтенный В. Н. Сторожевъ любезно не сообщилъ мнѣ оттиска напечатанной имъ грамоты.

1627 года крестьянамъ черныхъ волостей предписывалось верстаться „по пашиѣ и по угоды“, а бобылямъ „по промыслѣ и по животѣ“. Невольнѣ, Прилож. 131.

Но почему писцы XVI вѣка стали замѣнять старые термины, непашенные люди и поземщики, совершенно опредѣленные и ясные, новымъ—бобыли, и что значить бобыль? Бобыль и въ старину, конечно, имѣлъ то же значеніе, что и теперь, это—одинокій, бѣдный человѣкъ. Примѣненіе такого термина для обозначенія непашенныхъ людей вообще—свидѣтельствуетъ о нѣкоторой неточности писцовъ XVI вѣка. Непашенные люди не были же непременно одиночками; они, конечно, имѣли семьи, а многіе изъ нихъ были богаче крестьянъ. Какъ же пришли писцы къ такому не совсѣмъ правильному обобщенію? Писцы были московскіе люди, а потому возникаетъ вопросъ, не имѣло ли какого особаго значенія въ Москвѣ слово бобыль? На этотъ вопросъ проливаютъ довольно яркій свѣтъ документы, напечатанные г. Дьяконовымъ въ I выпускѣ Актовъ, относящихся къ исторіи тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ. Эти документы составлены въ XVII вѣкѣ, по порядку, о которомъ они свидѣлствуютъ, не новый, а старый; они говорятъ намеками объ отношеніяхъ всѣмъ хорошо извѣстныхъ и, конечно, давно установившихся. Мы имѣемъ въ виду порядны въ бобыли. Это удивительнѣйшіе документы.

Въ Москвѣ человѣкъ могъ сдѣлаться по договору бобылемъ, въ бобыли тамъ поступаютъ, и для этого даютъ на себя „бобыльскую оброчную запись“, по которой обязываются „жить въ оброчныхъ бобыляхъ“, вести себя тихо, смирно, корчмы не держать и т. д., бобыльской оброкъ платить и государевы всякія подати, по раскладу, тоже платить, и „всякое сдѣланье бобыльское съ бобыли дѣлать виѣстѣ“ № 35, 1644 годъ.

Ясно, московскій бобыль совсѣмъ не то, что новгородскій поземщикъ. Тотъ нанимаетъ подъ дворъ землю, на которой и живетъ, вотъ и все; онъ съемщикъ участка земли подъ дворовое строеніе. Московскій бобыль обязывается всякое сдѣланье дѣлать и оброкъ еще платить. Это не наемъ участка земли, а поступленіе въ услуженіе да еще съ обязанностью платить оброкъ. До сихъ поръ все ясно. Но тутъ же начинается и неясность. За что бобыль обязывается и служить и платить? Объ этомъ ни слова ни въ одной порядной! Сколько онъ долженъ платить оброку?—тоже не говорится. Какое онъ долженъ дѣлать сдѣланье? Въ приведенной порядной и объ этомъ

ничего не сказано. „Съ бобыли дѣлать вмѣстѣ“, вотъ какое сдѣлье. Намъ это непонятно; а тогда это было всѣмъ понятно и потому, конечно, что дѣло шло объ отношеніяхъ давно сложившихся, которыя и надобности не было опредѣлять ближе.

Удивительныя отношенія: всѣ обязанности на сторонѣ бобыля, а на сторонѣ господина только права. Положеніе хуже кабазнаго. Тотъ получаетъ деньги, а за % съ нихъ обязывается только служить; бобыль ничего не получаетъ, за то обязывается и служить и оброкъ платить и безсрочно; но господинъ не обязывается его держать, стало быть можетъ прогнать, когда захочетъ.

Другія порядныя прибавляютъ къ указаннымъ новыя черты. Изъ № 37 узнаемъ, что бобыль живетъ у господина во дворѣ. Это много разъясняетъ. Бобылю, значить, даютъ пристанище, его кормятъ, одѣваютъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ еще далѣе отходитъ отъ новгородскаго поземщика. Жить во дворѣ господина, значить жить на чужихъ хлѣбахъ; новгородскіе же поземщики, хотя живутъ на чужой землѣ, по своимъ хозяйствомъ. Для помѣщенія московскихъ бобылей у господъ при ихъ дворахъ были особые бобыльскіе дворы, въ которыхъ бобыли и жили (№ 23). Отсюда, вмѣсто того, чтобы сказать „бью челомъ въ бобыли“, можно было сказать: „бью челомъ во дворъ“. Такъ и говоритъ Ѳедька Ивановъ, сынъ крестьянскій, что онъ „билъ челомъ во дворъ ко князю Ивану Елецкому“, а изъ послѣдующаго видно, что онъ порядился къ нему въ бобыли. № 51. Изъ того же № узнаемъ, что бобыли дѣлаютъ „пашенное и всякое господское дѣло“. Итакъ, московскій бобыль слуга въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова: онъ и пашетъ, и коситъ, и лошадей стережетъ, и во дворѣ служитъ и т. д., онъ дѣлаетъ всякое господское дѣло, а дѣлу этому конца нѣтъ. Какъ же онъ еще оброкъ платитъ? Откуда взять денегъ на оброкъ, если все время отдано господину, а самъ бобыль ничего не имѣетъ: живетъ въ господскомъ дворѣ и ѣстъ господскій хлѣбъ? Въ № 51 находимъ выраженіе, которымъ можно воспользоваться для отвѣта и на этотъ—практически чрезвычайно трудный вопросъ.

№ 51 очень сложенъ по содержанию. Ѳедька Ивановъ, поступившій уже въ бобыли къ князю Ив. Елецкому, бьетъ ему челомъ во крестьяне, на крестьянскій участокъ, и по этому поводу говоритъ: „А пока мѣста я, Ѳетка, за нимъ, за князь Иваномъ, живу въ бобыляхъ... и пойду отъ него, князя Ивана, изъ двора, и мнѣ, Ѳеткѣ, давать

на всякъ годъ зъ бобыльства по полтинѣ денегъ оброку за пашенномъ и за всякое ево дѣло". Это все объясняетъ.

Оброкъ является здѣсь только въ видѣ неустойки на тотъ случай, когда бобыль уйдетъ со двора господина и перестанетъ на него работать. Теперь понятно. Итакъ, условіе объ оброкѣ, который бобыль обязывается платить, въ дѣйствительности есть только предоставленіе господину права, въ случаѣ ухода бобыля, требовать съ него ежегодной платы! Это неустойка, но въ формѣ чрезвычайно невыгодной для бобыля. Она даетъ господину право сдѣлать изъ бобыля все, что угодно: онъ можетъ заставить его работать, а можетъ и на оброкъ посадить, а можетъ требовать и того и другого.

Надо думать, что на такихъ условіяхъ въ бобыли поступали очень бѣдные люди.

Но въ бобыли поряжаются и мастеровые. Въ 1649 году къ Бог. Ив. Самарину порядился въ бобыли Ив. Ивановъ, портной мастеръ. Его порядная интересна въ томъ отношеніи, что въ ней приняты нѣкоторыя мѣры къ огражденію правъ бобыля. Онъ обязывается „за оброкъ“ шить четыре недѣли въ году, съ Покрова Богородицы, на Самарина и его сына. Оброкъ здѣсь замѣненъ работой и совершенно определенной не только по роду и времени, но даже и по лицамъ, въ пользу которыхъ работа совершается: онъ шьетъ только на Самариныхъ, отца и сына. Затѣмъ бобыль выговариваетъ себѣ свободу промышлять, гдѣ желаетъ „рукодѣліемъ портнаго мастерства“. № 45 И здѣсь не сказано, за что онъ будетъ четыре недѣли работать на Самарина. Но ясно, что и онъ работаетъ вмѣсто оброка, т. е.—если не будетъ работать, то долженъ будетъ платить оброкъ. Оброкъ—опять неустойка.

Порядная другого портного, а вмѣстѣ съ тѣмъ и плотника, написана безъ всякихъ оговорокъ какихъ-либо его правъ: онъ обязывается и оброкъ платить и всякое сдѣланье съ бобылями дѣлать. № 36

Вотъ что такое московскіе бобыли. Это слуги, находящіеся въ худшемъ положеніи, чѣмъ кабальные люди. Но есть и черта сходства между ними. Кабальные, въ силу указовъ конца XVI вѣка, остаются въ зависимости только по смерти господина. Тоже и бобыли. Они даютъ „бобыльскую оброчную запись“ извѣстному лицу и, конечно, со смертью его освобождаются отъ принятыхъ обязательствъ. Тутъ нѣтъ займа, а потому нѣтъ и основанія оставаться въ зависимости отъ наследниковъ.

Надо теперь выяснить, что же заставляетъ московскихъ бобылей

ставить себя въ такія тяжелыя условія? Причины этому разныя, по различію людей, поступающихъ въ бобыли. Въ бобыли поступаютъ бѣдные люди, которымъ пить, ѣсть нечего;—и не бѣдные, напримѣръ, ремесленники, которые могутъ себя прокормить. Бѣдные люди, по безвыходности своего положенія, поступаютъ на полную волю господина. Но они сами выбираютъ господина; они знаютъ, къ кому поступаютъ; они, стало быть, имѣютъ увѣренность, что за избраннымъ господиномъ имъ будетъ все же лучше, чѣмъ на свободѣ. Вотъ почему они и отдаются на всю его волю.

Въ другомъ положеніи ремесленные и мастеровые люди. За что они продаютъ свою свободу? Какъ люди ремесленные, а не пашенные крестьяне, они принадлежать, по всей вѣроятности, къ какому-нибудь ряду, посаду, городу и должны нести всѣ повинности наряду съ посадскими, денежныя и натуральныя; эти послѣднія повинности, состоявшія въ службахъ по кабацкимъ таможеннымъ дѣламъ и пр., были очень обременительны. Поступая на службу частнаго господина, бобыли не освобождаются отъ платы государевыхъ податей и, какъ мы видѣли, въ своихъ записяхъ берутъ на себя обязанность платить ихъ по раскладкѣ, но они уходятъ отъ службъ. Вотъ за что. Надо думать, портной Иванъ Ивановъ принимаетъ на себя обязанность работать на гг. Самариныхъ четыре подѣли въ году. Остальное время у него все свободно; его не пошлютъ ни въ рогаточные сторожа, ни въ кабацкіе цѣловальники, ни въ таможи, ни въ проводники съ подводами и т. д. потому, что онъ живетъ въ бобыляхъ въ господскомъ дворѣ.

Мы имѣемъ еще одинъ удивительнѣйшій документъ. „Три посадскихъ человека города Ярославля поручились въ томъ, что бобыль стряпчаго Лар. Андр. Адищева, Ѳома Матвѣевъ, будетъ, за нихъ порукою, жить въ Ярославлѣ, никуда не съѣдетъ, ни за кого не заложится, а господину своему (Адищеву) будетъ платить по шести рублей оброку въ годъ“ № 65. Онъ будетъ платить за то, что будетъ жить въ Ярославлѣ! Чистѣйшій обходъ закона и ничего больше. Бобыль Ѳома Матвѣевъ будетъ жить въ Ярославлѣ, дѣлать все, что ему угодно, но какое онъ будетъ тянуть тягло и по какой раскладкѣ будетъ платить государевы подати, это не будетъ зависѣть отъ ярославцевъ, потому что онъ бобыль Адищева. Вотъ за что онъ будетъ платить стряпчему Адищеву шесть рублей ежегодно. Надо полагать, въ этомъ бобыльствѣ скрывается запрещенный институтъ закладничества.

Съ прикрѣпленіемъ крестьянъ и съ развитіемъ барщины, которая

въ XVII вѣкѣ должна была сдѣлать большіе успѣхи, было постановлено начало къ совершенному смѣшенію крестьянъ съ бобылями: бобыль пашеть на господина и крестьянинъ дѣлаетъ то же. Послѣдствіемъ этого явились порядныя въ бобыли и въ крестьяне безразлично. Въ 1645 году архіепископскій стряпчій „положилъ передъ владыкой порядную записъ и поставилъ за записью жонку, вдову съ дѣтьми, и сказалъ: та вдова съ дѣтьми порядилась жить въ Троицкой вотчинѣ въ бобыляхъ или во крестьянехъ, гдѣ ей великій господинъ преосвященный псковскій и изборскій укажетъ“ № 34, 1645. А вотъ еще документъ. Старинный крестьянинъ рядится на старую свою деревню въ бобыли и обязывается пашню пахать, пожни косить, подати государевы платить и т. д., все, какъ крестьянинъ. А въ концѣ говорить: „и впредь я въ бобыльствѣ и во крестьянствѣ крѣпокъ“ № 18, 1630. Въ силу развитія господской власти уже въ половинѣ XVII вѣка теряется различіе между крестьяниномъ и бобылемъ: господинъ можетъ сдѣлать изъ бобыля крестьянина, а изъ крестьянина бобыля. А такъ какъ непашенные люди подати платятъ не съ сошнаго письма, а по животамъ и промысламъ, а эти животы и промыслы могутъ быть у бобылей очень невелики, то господамъ при переноси выгодно показывать крестьянъ бобылями. Правительство обратило на это вниманіе еще въ началѣ XVII вѣка и въ дозорныхъ книгахъ 1628 года предписывало новоприбылыхъ крестьянъ и бобылей класть въ живущее тягло и въ четвертную пашню „кому на чемъ мочно впредь жити и государевы всякія подати платити“. Неволинъ, Приложение 375.

Московское бобыльство оказывается явленіемъ весьма сложнымъ. Почему же новгородскіе писцы XVI вѣка стали такъ называть поземщиковъ? Надо думать, что въ жизни между тѣми и другими были черты сродства. Юридически это два совершенно разныхъ состоянія: поземщики нанимаютъ небольшіе клочки земли, московскіе бобыли суть слуги, они обязываются ко всякимъ услугамъ и къ платежу оброка. Бѣдные новгородскіе поземщики, жившіе въ господскихъ деревняхъ, по всей вѣроятности, нанимались въ работы сельскія и всякія другія къ владѣльцамъ земли. Эти работы дѣлались по особому договору, а не въ силу того, что поземщики снимали небольшіе участки земли, но тѣмъ не менѣе они работали на господина. Вотъ фактъ, сближающій поземщиковъ съ московскими бобылями. Въ виду такого чисто внѣшняго сродства, московскіе писцы и принимали къ непашеннымъ людямъ терминъ бобылей.

Наконецъ, укажемъ и на то, что въ XVII вѣкѣ слово бобыль

употреблялось и въ обыкновенномъ разговорномъ смыслѣ бѣдняка, которому ѣсть нечего. О такомъ бобылѣ говорятъ дозорныя книги Деревской пятины 1620 г., онъ „кормился въ міръ“ ¹⁾).

Выяснивъ положеніе бобылей въ XVII вѣкѣ, остановимся ближе на двухъ-трехъ записяхъ писцовыхъ книгъ XVI-го. Изъ нихъ можно видѣть, что бобыли XVII вѣка существовали въ Новгородѣ и въ Москвѣ уже въ XVI. Въ описаніи сельца Гористова, гдѣ жили сами помѣщики, братья Шишкины, читаемъ: „А бобылей: дворъ человекъ ихъ, дьякъ Семенка, дворъ Ивашко поваръ, безъ пашни“. Что это за бобыли? Это несомнѣнно прислуга Шишкиныхъ, ихъ дьякъ и поваръ; но они не рабы, а свободные люди, бобыли; полагать надо, они поступили въ бобыли, дали на себя оброчную бобыльскую запись. У помѣщика Пустошкина также въ деревнѣ, гдѣ онъ самъ жилъ, были 2 двора „людей его: дворъ человекъ его Васюкъ, дворъ Власка бобыль“. Люди—это холопы, человекъ Васюкъ—холопъ; Власка же отмѣченъ эпитетомъ бобыль, онъ, слѣдовательно, не холопъ, а служить по бобыльской записи; но такъ какъ онъ „слуга“, то писцы и его отнесли къ разряду „людей“ помѣщика.

Въ описи села великаго князя Семена Бекбулатовича Тверского, гдѣ онъ самъ жилъ, читаемъ: „за ручьемъ пять дворовъ: сокольника, мельника, тонкопрядицы, конюха, разсылщика, а живутъ въ крестьянскихъ дворѣхъ, а пашня тѣхъ дворовъ была припущена въ великаго князя пашню“. Это тоже непашенные люди; они бобылями не названы, но они тоже слуги великаго князя, хотя и не были его холопами.

¹⁾ У Неволлина, 369.

Непашенные дворы бобылей упоминаются еще и въ описяхъ XVII вѣка. И. Н. Миклашевскій дѣлаетъ извлеченіе изъ описи Успенскаго монастыря (1652), въ которой упоминаются „58 дворовъ непашенныхъ бобылей“ и въ ихъ числѣ дворы: иконника, чеботарей, гончаровъ, кожевниковъ, бондарей, овчинника и даже маслика, 136. Трудно сказать, кто это, непашенные люди въ смыслѣ поземщиковъ, или московскіе бобыли-слуги. Скорѣе послѣднее. Но въ описяхъ даже конца XVII вѣка можно встрѣтить бобылей совершенно въ смыслѣ новгородскихъ поземщиковъ конца XV. Въ переписной книгѣ Толвуйскаго погоста 1671 года читаемъ: „Деревня Николщина, а въ ней живутъ бобыли непашенные (2 двора), пашни нѣтъ, кормится работою“. Жители новгородскаго быта конца XV вѣка безъ всякихъ измѣненій доживаютъ до конца XVII. Московскіе писцы называютъ ихъ только своимъ словомъ, это бобыли, а въ старину писали непашенные люди. А. до Ю. Б. № 139, стр. 242. Приведенное свидѣніе беремъ изъ описи земель Никольскаго Вязицкаго монастыря, которыя въ 1671 г. были конфискованы на великаго государя. Конфискація новгородскихъ земель продолжается и въ концѣ XVII вѣка.

На какомъ же основаніи они служатъ? Можно думать, тоже по бобыльской записи ¹⁾. Въ описи Шелонской пятины конца XVI вѣка (1581) находимъ свидѣтельство о томъ, что на монастырской землѣ было дворцовъ безпашенныхъ 24 двора, что они даютъ оброку съ дворца по гривнѣ, а дѣлаютъ въ монастырь пять дней въ году. Здѣсь и оброкъ и дѣло, какъ въ XVII вѣкѣ, но дѣло очень небольшое. Эти бобыли гораздо ближе къ поземщикамъ XV вѣка, чѣмъ къ московскимъ бобылямъ XVII. Неволищъ, Приложение 116.

Для пополненія этой небольшой картины стариннаго сельскаго хозяйства, необходимо остановиться нѣсколько ближе на его дѣятеляхъ. Мы уже знаемъ, что собственное хозяйство новгородцевъ и, въ значительной мѣрѣ, новыхъ владѣльцевъ—велось, главнымъ образомъ, руками холоповъ. Чтò такое холопы и каково ихъ положеніе, объ этомъ была рѣчь въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь насъ интересуетъ вопросъ о числѣ холоповъ и ихъ деревенской дѣятельности. Новгородскіе сведенные бояре и бояришки увели съ собою въ Москву своихъ людей, а потому писцовыя книги не сохранили свѣдѣній ни о числѣ ихъ, ни о дѣятельности. Описывая старое, они говорятъ коротко: „жилъ такой-то съ своими людьми“, или „на такого-то пахали его люди“, да, при перечисленіи стараго дохода, приводятъ доходъ ключниковъ, вотъ и все. Болѣе подробныя свѣдѣнія даютъ они о людяхъ новыхъ владѣльцевъ. Мы ими и воспользуемся; существенныхъ различій тутъ быть не можетъ.

Наша древность отличается чрезвычайно незначительнымъ развитіемъ рабства. Мы уже имѣли случай указать въ другомъ мѣстѣ на это явленіе. Московскіе князья, умирая, обыкновенно, отпускаютъ на волю всѣхъ своихъ холоповъ. Фактъ невозможный, если бы богатство князей обуславливалось рабскимъ трудомъ. Не отличается большимъ развитіемъ и рабство у частныхъ владѣльцевъ. Весьма нерѣдко весь холопскій составъ хозяйства новгородскихъ помѣщиковъ ограничивается однимъ—двумя дворами. Если считать на дворъ по 4 человѣка, получимъ на хозяйство отъ 4 до 8 холоповъ, считая стариковъ и дѣтей. Иногда число людскихъ дворовъ возрастаетъ до 5, 6, 8. У князя Семена Пріимкова было 6 дворовъ, у князя Ивана Пужбальскаго—8, у князя Дмитрія Пріимкова тоже 6, но это въ двухъ мѣстахъ, да у сыновей его, Баламута да Воина, по одному

¹⁾ Новгородскія писцовыя книги, IV 316, 407; ср. еще 257, 408, 430; Писцовыя книги XVI вѣка, подъ редакціей Калачова, II 360.

двору. Такъ не великъ составъ холоповъ даже у лицъ княжескихъ фамилій.

Право имѣть холопа принадлежало всякому свободному, и мы встрѣчаемъ холоповъ не только у помѣщиковъ, но у посадскихъ и даже у крестьянъ. Въ Шелонской пятинѣ у помѣщиковъ Самаринныхъ Квашинныхъ, Григорія и Степана Ивановичей, была деревня Песцово, въ два двора, въ одномъ дворѣ жилъ крестьянинъ Ивашко Якимовъ, а въ другомъ *его человекъ*, Митка. Но если у самихъ помѣщиковъ людей было немного, то у крестьянъ это случай чрезвычайно рѣдкій. Онъ встрѣчается, однако, и на Московской территоріи въ XVI вѣкѣ. Въ черной волости Тверскаго уѣзда была деревня Якимцово въ 4 двора, въ одномъ жилъ крестьянинъ Бориско, а въ другомъ „*Борисковы люди*“.

Это небольшое число слугъ было призвано къ самой разнообразной дѣятельности. Они служили въ домѣ господина, вели его переписку, управляли его деревнями, они же пахали, сѣяли, косили. У помѣщика Сомы Линева въ числѣ слугъ были: дьякъ, поваръ, садовникъ. Къ сожалѣнію, такіа отмітки писцовъ очень рѣдки. Можетъ быть, они скупы на нихъ потому, что въ описываемое время не было специализація должностей. Дьякъ, поваръ, садовникъ не только дѣлали свое дѣло, писали, разводили сады, стряпали, но въ рабочую пору пахали и косили. О перечисленныхъ трехъ именно сказано: „сѣютъ ржи на Сому 14 коробей“. Въ числѣ холоповъ были, конечно, и люди годные только для сельскихъ работъ; они отмічаются словомъ „страдникъ“, но и это не часто ¹⁾.

Самое высокое положеніе среди слугъ занимали ключники, они же поселскіе, а иногда называются и тивунами. Ключники и тивуны извѣстны уже Русской Правдѣ. По общему правилу это несвободные люди. Они назначаются для сбора доходовъ съ крестьянъ, храненія сельскихъ продуктовъ и другихъ хозяйственныхъ дѣйствій. Живутъ они въ особыхъ дворахъ, нерѣдко пашенныхъ, и занимаются сельскимъ хозяйствомъ, но на себя, а не на господина. Они не облагаются никакимъ сборомъ въ пользу господина, а за свой трудъ по управленію получаютъ съ крестьянскихъ дворовъ особый доходъ. Нѣкоторые владѣльцы имѣли только одного управляющаго, ключника

¹⁾ I 27, 56, 88, 107, 118, 131, 194, 252, 263, 285, 353, 358, 470, 546, 574; II 19, 30, 43, 198; III 725; IV 437; Времен. XII 13. Дьяконовъ, Акты II № 70, 1642. Холопы называются страдниками и въ московскихъ писцовыхъ книгахъ. Калачовъ II 126.

или посельскаго, другіе и ключника и посельскаго. Ключникъ, надо думать, стоялъ въ этихъ случаяхъ выше, у него—ключи; посельскій, можетъ быть, былъ нуженъ для разъѣздовъ по деревнямъ—и сбора повинностей на мѣстахъ. Доходъ этихъ управителей былъ очень различенъ. У новгородца Григ. Секерина ключникъ получалъ съ двора съ большимъ посѣвомъ 2 бараньихъ лопатки и 2 овчины, съ меньшимъ по одной; у кунцовъ Шалимовыхъ ключникъ и посельскій получали съ большихъ посѣвовъ—по 1 и $\frac{3}{4}$ коровы ржи и овса, по 4 сыра, по 2 бараньихъ лопатки, по 4 горсти льну.—Въ описяхъ встрѣчается немало деревень, въ которыхъ этотъ доходъ вовсе не показанъ. Вѣроятно, тамъ не было ни ключниковъ, ни посельскихъ; а, можетъ быть, крестьяне исключали въ своихъ рядныхъ этотъ расходъ. Иногда прямо пишется „поселья нѣтъ“.

Ключники и посельскіе, гдѣ они были, не непременно назначались въ каждую волость, ихъ назначали и одного на нѣсколько волостей. Въ такихъ случаяхъ для нихъ устраивались особые дворы для пріѣзда ¹⁾.

Малое развитіе рабства дѣлало необходимой ту фермерскую систему хозяйства, которая была у насъ въ древности преобладающей. За небольшимъ исключеніемъ 2—3 деревень, всѣ земли сдавались въ насъ крестьянамъ. Наряду съ свободными людьми, которые вели полное крестьянское хозяйство, были и такіе, которые довольствовались наймомъ небольшихъ участковъ земли подъ дворы и огороды и кормили себя торговлей, ремеслами и промыслами. Живя въ тѣхъ же селахъ и деревняхъ, гдѣ жили и земледѣльцы, они своимъ трудомъ и услугами пополняли недостаточно развитой рабскій трудъ. Это поземщики и бобыли. Поземщики работали въ качествѣ наймитовъ. Наймиты извѣстны уже Русской Правдѣ. Она называетъ ихъ закупамъ.

Крестьяне, которые снимали чужія земли, также нуждались иногда въ помощникахъ. Они тоже могли обращаться къ рабскому труду, но это очень рѣдкіе случаи. Гораздо чаще находимъ указанія на обращеніе ихъ къ труду свободныхъ людей, которые сами не были въ состояніи вести своего самостоятельнаго хозяйства. Эти свободные люди, работавшіе въ чужомъ хозяйствѣ, встрѣчаются въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ подъ именемъ захребетниковъ.

¹⁾ I 26, 641, 708, 484, 851; III 28; Времен. XI 132.

Терминъ „захребетника“ чрезвычайно выразителенъ. Онъ указываетъ на человѣка не самостоятельнаго, а живущаго за чужимъ хребтомъ. Но что такое этотъ чужой хребетъ? Это символъ человѣка, который живетъ своимъ хребтомъ, т. е. гнетъ спину на работѣ, живетъ трудами рукъ своихъ. Это крестьянинъ или поземщикъ, но не своеземецъ, который живетъ доходомъ съ земли, не прикладывая къ ней рукъ. Согласно съ этимъ мы встрѣчали захребетниковъ только у крестьянъ да поземщиковъ, а не у помѣщиковъ. Смотри по достатку крестьянина, захребетникъ его живетъ или въ одномъ съ нимъ дворѣ или въ особомъ. Но не всегда крестьянинъ, нуждавшійся въ подспорномъ трудѣ, былъ въ состояніи имѣть своего отдѣльнаго захребетника. Не рѣдки случаи, когда нѣсколько дворовъ имѣютъ одного общаго захребетника. Въ такихъ общихъ захребетникахъ надо видѣть несомнѣнное указаніе на то, что эти дворы ведутъ общее хозяйство. Эти общіе захребетники всегда живутъ въ особыхъ дворахъ ¹⁾).

Захребетники, конечно, жили у крестьянъ по поряднымъ; они тоже наймиты. Но ни одна изъ такихъ порядныхъ не дошла до насъ, а потому условія ихъ найма остаются неизвѣстными.

Кромѣ захребетниковъ встрѣчаемъ еще подворниковъ. Это что-то очень пестрое. Они были и у крестьянъ, и у своеземцевъ, и у помѣщиковъ.

Подворники крестьянъ, надо думать, то же, что захребетники, только иначе названы. Они живутъ и въ однихъ дворахъ съ крестьянами и въ особыхъ, и состоятъ при одномъ хозяинѣ и при многихъ. Въ монастырской волосткѣ была деревня Захаровъ Дворъ. Въ этой деревнѣ было два двора, Васки Якушова да Ѳедки Захарова, и у нихъ нять подворниковъ, которые жили съ ними въ однихъ дворахъ. Ѳедоръ Захаровъ, конечно, устроитель деревни, которая по его имени и названа; Василій Якушовъ—его товарищъ. Они ведутъ общее хозяйство и довольно большое, у нихъ 98 пудовъ посѣва ржи, это составитъ для Деревской пятины отъ 8 до 12 десятинъ въ полѣ. Ихъ подворники, конечно, у нихъ работаютъ по найму, это тѣ же захребетники.

¹⁾ I 2, 10, 18, 42, 52, 53, 56, 64; II 707, 725, 728, 771; IV 162. Обыкновенно, писцы, назвавъ дворъ крестьянскій или нѣсколько дворовъ, продолжаютъ такъ: „а захребетникъ его“ или „а захребетникъ ихъ“. Но иногда захребетникъ называется безъ обозначенія чей онъ. Это, конечно, недописка. Захребетникъ всегда у кого-либо за хребтомъ.

Съ такимъ же характеромъ являются подворники и у нѣкоторыхъ своеземцевъ, напримѣръ, въ деревнѣ Исаково живутъ своеземцы Аверкіевы, 4 брата, въ одномъ дворѣ, а другой дворъ занимаетъ ихъ подворникъ, Палка, сѣютъ они ржи 11 коробей. Ихъ подворникъ, конечно, сѣетъ на нихъ. Но есть своеземцы, у которыхъ подворники напашутъ на себя и дадутъ своеземцамъ доходъ, какъ и крестьяне. Есть монастырскіе дворы, въ которыхъ живутъ подворники и сѣютъ на себя; другіе подворники живутъ въ помѣщичьихъ дворахъ и своеземцевыхъ и платятъ имъ поземъ ¹⁾).

Связать всѣ эти факты въ одно цѣлое довольно трудно. Но кое-что ясно. У крестьянъ подворникъ только другое названіе для захребетника. Почему захребетнику можно дать это другое названіе? Захребетникъ, хотя бы онъ жилъ и въ особомъ дворѣ, работаетъ на своихъ хозяевъ не только въ полѣ, но и въ ихъ дворѣ, работаетъ у нихъ по двору, отсюда онъ подворникъ.

Подворники своеземцевъ и помѣщиковъ, которые сѣютъ, напашутъ и дадутъ доходъ и поземъ, могутъ быть поряжаемы и къ работамъ по двору, въ этомъ ихъ различіе отъ крестьянъ и поземщиковъ въ собственномъ смыслѣ слова; по этому признаку они и могутъ называться подворниками ²⁾).

Рядныя подворниковъ до насъ тоже не дошли.

¹⁾ I 13, 37, 215, 345, 681, 808, 810 и сл.; II 600.

²⁾ Отъ подворниковъ надо различать дворниковъ. Эти послѣдніе встрѣчаются въ старыхъ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ при описаніи городовъ, но не селъ и деревень. Для уясненія ихъ роли характерно описаніе города Орѣшка. Тамъ есть дворы своеземцевъ на посадѣ, въ которыхъ живутъ сами своеземцы. Въ этихъ дворахъ дворники нѣтъ. А есть тамъ же 19 дворовъ своеземцевыхъ же, но своеземцы въ нихъ не живутъ, они, по всей вѣроятности, живутъ въ деревняхъ; въ этихъ дворахъ живутъ дворники. Итакъ, эти дворники XV вѣка совѣѣли не то, что петербургскіе XIX-го. Они не для работъ по двору, а живутъ во дворѣ и охраняютъ этотъ дворъ въ отсутствіе хозяина. Кто они? Они могутъ быть и холопы и свободные. При маломъ развитіи рабства, они въ большинствѣ случаевъ свободные люди. А житье свободныхъ промышленныхъ людей въ чужихъ городскихъ дворахъ можетъ подрывать промыслы тѣхъ кто живетъ въ своемъ домѣ. Они могутъ выдавать себя за зависимыхъ людей, за работъ, и не отбивать городского тягла. Вотъ почему объ этихъ дворникахъ въ писцовыхъ книгахъ говорится: „а дворники съ горожанами тануть“. Времен. XI 118. Попог. пис. кн. I ст. 158 упоминаетъ дворника въ волости великаго князя въ старомъ боярскомъ дворѣ. Это мѣсто не ясно. Въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка упоминаются дворники въ монастырскихъ дворахъ въ деревняхъ. Калачовъ II 328. Это то же, что Орѣховскіе дворники.

Можно сомнѣваться, чтобы въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ были обозначены всѣ захребетники и подворники, которые были въ дѣйствительности. Точному обозначенію количества населенія деревни писцами, кажется, не придавалось значенія. Въ описъ деревни входитъ описаніе дворовъ, какъ хозяйственныхъ единицъ, количества посѣва, обжа, дохода владѣльца, а не населенія деревни, которое коротко представляется наименованіемъ однихъ домохозяевъ. При такомъ характерѣ описи, не было особой надобности вводить въ нее захребетниковъ и подворниковъ, особенно тѣхъ, которые жили въ однихъ дворахъ съ хозяевами. Въ дѣйствительности и захребетниковъ и подворниковъ, надо думать, было больше, чѣмъ въ книгахъ указано.

Обращеніе крестьянъ къ вольнонаемному труду можно наблюдать и въ XVII вѣкѣ. Изъ одной псковской порядной въ бобыли, составленной въ 1628 году, узнаемъ, что „мужикъ“, порядившійся въ бобыли, жилъ передъ тѣмъ нѣкоторое время у крестьянина. Какъ же онъ у него жилъ? Конечно, какъ захребетникъ или подворникъ¹⁾.

Теперь хорошо было бы выяснить доходность новгородскихъ нивъ и тягость или относительную легкость крестьянскихъ платежей. Къ сожалѣнію, мы не въ состояніи этого сдѣлать. Мы указывали размѣры (приблизительно) крестьянскихъ участковъ и падающіе на нихъ платежи. Платежи эти, за исключеніемъ нѣкоторыхъ статей, легко перевести на деньги въ тогдашней валютѣ и на вѣсъ серебра. Эти указанія не трудно и значительно увеличить: матеріалъ для нихъ даетъ каждая страница писцовыхъ книгъ. Но идти далѣе мы не можемъ. Мы не находимъ возможности сказать, какую современную цѣнность представляла тогдашняя гривна или рубль и этимъ перевести на понятныя намъ величины крестьянскія повинности XV-го вѣка. Попытки, сдѣланныя для перевода цѣнности стариннаго рубля на наши, представляются намъ не достаточно убѣдительными²⁾.

Крестьянскія повинности были чрезвычайно неравномѣрны. Даже у одного и того же владѣльца и въ одной и той же мѣстности одни крестьяне платили много, другіе, при томъ же количествѣ земли, мало: однимъ было тяжело, другимъ легко. Эта разрозненность крестьянскихъ интересовъ, можетъ быть, и была причиной, что до насъ не

¹⁾ Дьяконовъ, Акты I № 7.

²⁾ См. объ этомъ статью проф. Ключевскаго, Русскій рубль XVI — XVIII вѣка въ его отношеніи къ нивѣшнему. Чтенія за 1884 г. кн. 1.

дошло отъ того времени никакихъ жалобъ на тягость крестьянскихъ повинностей. По крайней мѣрѣ, въ настоящую минуту я не могу припомнить никакихъ данныхъ въ этомъ смыслѣ.

Недовольство же землевладѣльцевъ своимъ положеніемъ оставило свой слѣдъ въ лѣтописныхъ запискахъ конца XV вѣка, т. е. какъ разъ того времени, когда составлялись новгородскія писцовыя книги. Но оно было высказано не новгородцами, а ихъ ближайшими сосѣдями, псковичами.

Въ 1485 году въ Псковѣ произошло острое столкновение между крестьянами (смердами) и землевладѣльцами. Изъ разсказа лѣтописца объ этомъ, къ сожалѣнію слишкомъ краткаго, можно, однако, вывести, что причиной столкновения было желаніе землевладѣльцевъ установить урочныя работы, т. е. барщину. Надо думать, что имѣлось въ виду опредѣлить эти работы общимъ постановленіемъ и дать крестьянамъ „урокъ“, т. е. законное опредѣленіе. Противъ этого возстали крестьяне. Нѣкоторые изъ нихъ были схвачены, биты, одинъ, а можетъ быть и болѣе, казнены, многіе заключены въ тюрьму. Въ это столкновение, по вызову псковичей, долженъ былъ выѣхать самъ князь великій, Иванъ Васильевичъ. Онъ выслушалъ обѣ стороны и рѣшилъ дѣло въ пользу крестьянъ. Пославъ отъ бояръ онъ высказалъ свое неудовольствіе, велѣлъ имъ схваченныхъ смердовъ отпустить и „жить по старинѣ“. Жить по старинѣ—т. е. безъ урочныхъ работъ, а такъ, какъ жили въ Новгородѣ и вездѣ.

Что введеніе урочныхъ работъ, т. е. барщины, было поводомъ къ столкновенію, это мы выводимъ изъ слѣдующаго невѣроятнаго разсказа лѣтописца. Послѣ того, какъ великій князь „отдалъ псковичамъ вины ихъ о смердахъ, нелюбе отложилъ и велѣлъ жить по старинѣ“, вотъ какой случай, по разсказу лѣтописи, произошелъ во Псковѣ.

„И потомъ, по малѣ времени, прилучися нѣкому попу у Норовскихъ смердовъ чести грамоти, и найде тую грамоту, како смердамъ изъ вѣковъ вѣчныхъ князю данъ даяти и Пскову и всякіи работы урочныи по той грамотѣ имъ знати; а о той грамотѣ смердьи всей земли смятенѣе бысть, что они, потавивши грамоти, не потягнуша на своя работы, а псковичемъ не свѣдущемъ о нихъ, како отъ начала бысть, а они обольстиша князю великому, и о томъ все по криву сказаша. И таковую грамоту смердъ исторже у попа изъ рукъ и скры“. Вслѣдствіе этого поповскаго открытія законченное было столкновение бояръ со смердами снова разгорѣлось.

Что псковичи не знали, „како отъ начала бысть“, т. е., каковы были старинныя отношенія крестьянъ къ землевлдѣльцамъ, это, конечно, дѣло невозможное. Весь этотъ рассказъ—есть сочиненіе сторонника боярской партіи, желавшей установить барщину. Но съ какою цѣлью надо было сочинить такой невѣроятный рассказъ? Это очень ясно. Великій князь, выслушавъ крестьянъ и увидавъ, что требованіе землевлдѣльцевъ есть новшество, велѣлъ жить по старинѣ. Сторонники урочныхъ работъ захотѣли доказать, что барщина есть старина. Отсюда—открытіе „нѣкоего попа“, имѣющее цѣлью доказать, что урочныя работы существуютъ „изъ вѣковъ вѣчныхъ по грамотѣ“. Только эта грамота въ руки не далась, смердъ ее изорвалъ. Объ открытіи „нѣкоего попа“ все-таки было доведено до свѣдѣнія великаго князя. Но онъ остался при прежнемъ мнѣніи. „И князь великій, ярымъ окомъ воззрѣвъ, рече: давно ли азъ вамъ о смердахъ выны отдахъ? а нынѣ на то же наступаете“? ¹⁾. Тѣмъ и кончилось это столкновение. Время для всеобщей барщины еще не наступило.

Съ установленіемъ обязательной службы для своеземцевъ и вотчинниковъ и съ точнымъ опредѣленіемъ размѣровъ этой службы, особенно сильно должны были почувствоваться землевлдѣльцами неудобства описанныхъ хозяйственныхъ порядковъ. Свои люди оказались нужными не только для пашни, работъ и услугъ по дому, но и для сопровожденія въ походахъ; а ихъ и для одного хозяйства было не много. Далѣе, фермерская система пользованія землями была менѣе выгодна, чѣмъ барщинная, но перейти на барщину, при свободномъ крестьянствѣ, не зависѣло отъ воли землевлдѣльца. У кого было много земель, тотъ могъ легко справиться съ своими служебными обязанностями; но людямъ мало-земельнымъ приходилось очень тяжело. Такое положеніе дѣлъ должно было вызывать жалобы на недостатокъ рукъ, на неудобства свободного перехода крестьянъ и стремленіе къ его ограниченію и совершенной отчужденію. Прикрѣпленіе крестьянъ и переходъ отъ подворной аренды къ большимъ деревнямъ съ барщиннымъ хозяйствомъ могъ быть желателенъ и для крупныхъ собственниковъ, но особенно стремиться къ нему должны были мелкіе владѣльцы.

¹⁾ Псков. II 1485. Мы имѣли уже случай коснуться этого столкновения въ I т. Древностей, но съ другими цѣлями; сдѣланную тамъ мимоходомъ на стр. 167 характеристику этого столкновения надо исправить согласно сказанному теперь въ текстѣ.

Этотъ мотивъ прикрѣпленія крестьянъ ясно слышится въ указахъ, въ которыхъ рѣчь идетъ объ ограниченіяхъ крестьянской свободы. Въ указѣ царя Василія Шуйскаго читаемъ: „Царь Федоръ Ивановичъ, по наговору Бориса Годунова, не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ, выходъ крестьянъ приказалъ“¹⁾. „Старѣйшіе бояре“ были, значитъ, про-

¹⁾ Карамзинъ первый высказалъ сомнѣніе въ подлинности этого указа „по слогу и выраженіямъ необыкновеннымъ въ бумагахъ того времени“. Х вѣ. 349. Но это сомнѣніе не мѣшало ему вѣстѣ съ Татищевымъ признавать отиѣну правительствомъ Юрьева дня и именно въ царствованіе Федора Ивановича. Погодинъ, приписывая отиѣну Юрьева дня обстоятельствамъ, а не Борису, допускаетъ возможность указа, но вступленіе къ нему считаетъ подложнымъ. *Рус. Бесѣда*, 1858, № 129. Вотъ это вступленіе:

„Лѣта 7115 (1607) марта въ 9 день государь царь и великій князь Василій Іоанновичъ всея Русіи съ отцомъ своимъ Гермогеномъ патріархомъ, со всемъ освященнымъ соборомъ и со своимъ царскимъ синклитомъ, слушая доклада Помѣстной избы отъ бояръ и дьяковъ, что переходомъ крестьянъ причинились великія кромы, ябеды и насилія немощнымъ отъ сильныхъ, чего де при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ не было, потому что крестьяне выходъ имѣли вольный; а царь Федоръ Іоанновичъ, по наговору Бориса Годунова, не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ, выходъ крестьянамъ приказалъ, и у кого колимъ тогда было, книги учинилъ, и послѣ отъ того начались многія вражды, кромы и тяжи. Царь Борисъ Федоровичъ, видя въ народѣ волненіе велие, тѣ книги оставилъ и переходъ крестьяномъ далъ, да не совѣтъ, что судьи не знали, како по тому суды вершити, и нынѣ въ томъ учинились распри и насилія, и многими разоренія и убійства смертныя, и многіе разбои, и по путемъ грабленія содѣлшася и содѣлаются“. Судебникъ по рукописи Татищева, стр. 240.

Таковъ докладъ Помѣстнаго приказа, а далѣе слѣдуетъ царскій приговоръ, но не въ духѣ доклада: запрещеніе Юрьева дня, причина столькихъ бѣдствій, не только не отиѣняется, но для сыска крестьянъ назначается болѣе продолжительный срокъ, чѣмъ тотъ, какой былъ прежде, а именно—15 лѣтъ.

Противникомъ Карамзина и Погодина выступилъ Костомаровъ и превосходно разъяснилъ неосновательность сомнѣній и полную недокананность мнѣнія о подлогѣ вступленія. Въ этой же статьѣ авторъ приводитъ рядъ совершенно вѣрныхъ соображеній о томъ, что указъ 1597 года о пятилѣтней давности сыска бѣглыхъ крестьянъ непременно предполагаетъ отиѣну Юрьева дня. Архивъ истор. и практ. свѣдѣній, 1859, кн. II. Мы вполне присоединяемся къ его мнѣнію и очень сожалѣемъ, что эта превосходная статья имѣла такъ мало вліянія на послѣдующую литературу. Незамѣтно даже, чтобы сторонники противоположнаго мнѣнія, въ такомъ обиліи появившіеся въ концѣ XIX вѣка, были хорошо съ нею знакомы.—Языкъ указа 1607 г., дѣйствительно, можетъ быть подмоленъ и испорченъ. Но противорѣчіе доклада указу ничего не говоритъ противъ подлинности какой-либо части намятника. Докладъ составленъ въ Помѣстномъ приказѣ и есть мнѣніе его членовъ. Указъ же выражаетъ волю государя, который могъ руководствоваться совершенно иными соображеніями. Не повторяя такъ хорошо сказаннаго Костомаровымъ, прибавимъ только одно соображеніе.

тивъ запрещенія свободы выхода; могли быть противъ этой мѣры и всѣ находившіеся въ ихъ положеніи, т. е., всѣ сильные люди. Въ чью же пользу были закрѣплены крестьяне? Въ пользу мелкихъ служилыхъ людей, которые составляли ядро войска. Собственный голосъ этихъ мелкихъ служилыхъ людей ясно слышится въ указѣ 1642 года. Въ ихъ челобитьи отъ 1641 года написано: „Бѣгають изъ-за нихъ старинные ихъ люди и крестьяне въ государевы дворцовые и въ черныя волости и села, и въ боярскія помѣстья и вотчины, и въ патриарши, и въ митрополичьи, и въ архіепископли, и въ епископли, и въ Троицкіе и въ иныхъ разныхъ монастырей, и за бояръ, и за стольниковъ, и за стряпчихъ, и за дворянъ московскихъ, и всякихъ чиновъ

Если Погодинъ утверждаетъ, что вступленіе есть актъ подложный, то, надо думать, оно написано не членами Помѣстнаго приказа, а какими-либо другими лицами. Совершая этотъ подлогъ, составители вступленія, конечно, не шутили, писали не для забавы, а для достиженія какой-либо выгодной для нихъ цѣли. Съ какой же цѣлью они совершили этотъ подлогъ? Что есть во вступленіи такого, что могло бы имѣть практическое значеніе и вести къ достиженію какого-либо интереса для учинителей подлога? Составители доклада весьма настаиваютъ на ябедахъ, насиліяхъ, враждѣ, тяжбахъ, убійствахъ и разореніяхъ, причиняемыхъ „переходомъ крестьянъ“, т. е., существующими правилами о переходѣ. Эти указанія свидѣтельствуютъ о томъ, что они не были сторонниками послѣднихъ правилъ, имъ не нравилась отиѣна Юрьева дня, и только. Что отиѣна Юрьева дня могла быть причиной волненій и безпорядковъ, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Но какая можетъ быть преступная цѣль въ утвержденіи всѣмъ извѣстнаго факта? И придумать нельзя. Далѣе, они утверждаютъ, что волненіе, вызванное отиѣной Юрьева дня, вынудило Бориса дать переходъ, но не всѣмъ. Это частичное возстановленіе не рехода повело, по ихъ мнѣнію, еще къ большимъ замѣшательствамъ, и судьи не знали, какъ рѣшать возникающія изъ указовъ Бориса тяжбы. Что Борисъ возстановилъ въ 1601 и 1602 году переходъ крестьянъ, это подтверждается его указами; что эти указы произвели на практикѣ замѣшательство, это весьма вѣроятно, такъ какъ въ новыхъ указахъ Бориса дѣйствительно не легко было разобраться. Здѣсь опять нѣтъ никакого преступнаго умысла, который объяснилъ бы необходимость подлога. Остается смысла на Бориса, утверждающая, что онъ провелъ отиѣну Юрьева дня, не обращая вниманія на мнѣніе старѣйшихъ бояръ. И въ этомъ невозможно видѣть побужденія къ подлогу. Убѣдилъ Борисъ царя Феодора отиѣнить Юрьевъ день или нѣтъ, это совершенно безразлично для составителей подложнаго вступленія. Смысломъ на этотъ фактъ не достигаются рѣшительно никакія цѣли—ни добродѣтельными, ни преступными. И такъ, нѣтъ ни малѣйшихъ основаній думать, что вступленіе есть актъ подлога, для такого дѣйствія обстоятельства дѣла не представляютъ ни малѣйшей почвы. Остается думать, что оно написано членами Помѣстнаго приказа и содержитъ въ себѣ совершенно достовѣрные факты. Всѣ приведенные въ немъ факты дѣйствительно вѣрны, и члены Помѣстнаго приказа, сочувствующіе свободѣ перехода, дѣйствительно могли ихъ привести, чтобы побудить царя къ соответствующей мѣрѣ. Но это имъ не удалось.

за помѣщиковъ и за вотчинниковъ, на льготы. И тѣ многіе помѣщики и вотчинники и монастыри ихъ бѣглымъ людямъ и крестьяномъ на пустыхъ мѣстахъ слободы строить, а ихъ помѣстья и вотчины отъ того ставятся пусты. И тѣжъ ихъ бѣглые люди и крестьяне, выживъ за тѣми людьми урочные годы и надѣясь на тѣхъ *сильныхъ* людей, гдѣ кто учнетъ жити, приходя изъ за тѣхъ людей, и достальныхъ людей и крестьянъ изъ за нихъ подговариваютъ, и дома ихъ поджигаютъ и разоряютъ всякимъ разореніемъ. Да на тѣхъ же ихъ бѣглыхъ крестьянъ и бобылей, хотя укрѣпiti ихъ впередъ за собою, имали на нихъ судныя записи и всякія крѣпости въ большихъ ссудахъ и займѣхъ, и иные помѣстными и вотчинными землями и всякими угодами, и людьми, и крестьяны завладѣли насилствомъ". А. И. Ш, № 99, п. XXXIII. Это чистѣйшая хозяйственная война сильныхъ людей со слабыми. Сильные люди, имѣя и денегъ много и земель, побѣждаютъ слабыхъ и переманиваютъ отъ нихъ крестьянъ. Такая война могла происходить и до отиѣны Юрьева дня. Очень понятно, теперь, почему „старѣйшіе бояре“ были противъ предложенія Бориса царю Феодору.

Послѣдствіемъ этого челобиття была очень важная мѣра. Всѣ ссудныя записи и всякія крѣпости въ ссудахъ и займахъ, выданныя перешедшими крестьянами, объявляемы ничтожными и взысканію не подлежащими: „не принимай чужихъ крестьянъ, не давай имъ ссуды“. Маленькіе люди просили большаго, они просили о полной отиѣнѣ урочныхъ лѣтъ. Это ходатайство ихъ не было удовлетворено. Указъ 1642 г. назначаетъ 10-лѣтнюю давность для иска бѣглыхъ крестьянъ.

Сочинять же это вступленіе лицамъ постороннимъ и послѣ совершившагося уже факта не имѣетъ ни малѣйшаго смысла, къ этому нѣтъ ни малѣйшаго побужденія.

Распоряженіе слѣдующаго за докладомъ указа о 15 лѣтней давности для сыска бѣглыхъ крестьянъ ничего не представляетъ собой невѣроятнаго и тоже прекрасно разъяснено Костомаровымъ. Мы прибавимъ только, что установленная указомъ давность не представляется исключительной. Въ указѣ 1642 года встрѣчаемъ ту же 15-лѣтнюю давность для сыска вывозныхъ крестьянъ. А. И. Ш, стр. 111.

Еще менѣе вѣроятно предположеніе проф. Бѣляева. Онъ думаетъ, что подѣлка совершена въ XVIII вѣкѣ. Крестьяне на Руси, 103. Кому и какой могъ быть интересъ сочинять въ XVIII вѣкѣ указъ объ ограниченіи крестьянскаго выхода для XVII вѣка? Считая весь указъ подложнымъ, проф. Бѣляевъ въ доказательство своего мнѣнія, между прочимъ, указываетъ на то, что указъ будто бы смѣшиваетъ крестьянъ съ холопами. Такого смѣшенія въ указѣ нѣтъ.

К. П. Побѣдоносцевъ не отрицаетъ подлинности указа 1607 г., но полагаетъ, что онъ оставался безъ исполненія и потерялъ силу. Ист. из. и ст. 13. Это возможно.

Неудобства отъ свободы крестьянскаго выхода испытывались не одними только мелкими служилыми людьми, но и государевыми богомольцами. Жаловались и они. Правительству нельзя было не обратить вниманія на эти жалобы, онѣ затрогивали весьма существенные для него интересы. И вотъ съ XV уже вѣка начинается рядъ распоряженій, которыми право выхода крестьянъ въ пользу нѣкоторыхъ владѣльцевъ ограничивается, а иногда даже и вовсе отменяется. Самый древній извѣстный намъ случай отмены свободы крестьянскаго выхода сдѣланъ въ пользу Троице-Сергіева монастыря. Великій князь Василій Ивановичъ дозволилъ этому монастырю не выпускать наличныхъ (въ моментъ указа) крестьянъ изъ села Присѣкъ, Бѣлозерскаго уѣзда, и изъ всѣхъ монастырскихъ селъ Углицкаго уѣзда. А. И. I № 59, 1455.

Судебники устанавливаютъ одинъ срокъ крестьянскаго выхода; это существенное ограниченіе крестьянской свободы; но выходъ и послѣ этого, по общему правилу, остается правомъ крестьянъ. Только въ концѣ XVI вѣка отменяется Юрьевъ день, но и это не было еще окончательнымъ закрѣпленіемъ крестьянъ, оставались еще урочные годы. Этотъ послѣдній обломокъ крестьянской свободы былъ отмененъ только въ половинѣ XVII вѣка. Обо всемъ этомъ мы имѣли случай говорить раньше и подробнѣе. Не повторяя сказаннаго, мы воспользуемся теперь только данными такихъ памятниковъ, на которые намъ не пришлось раньше указывать.

Общій срокъ крестьянскаго выхода впервые установленъ судебникомъ 1497 года, но правительство примѣняло его къ рѣшенію частныхъ случаевъ и раньше. Въ 1466/78 году игуменъ Троице-Сергіева монастыря, Спиридоній, жаловался великому князю на то, что монастырскіе крестьяне вышли „сей зимы о Сборѣ“. Великій князь приказалъ посадить ихъ по старымъ мѣстамъ, гдѣ кто жилъ, до Юрьева дни до осенняго.

Въ Судебникахъ данъ общій законъ о порядкѣ крестьянскаго выхода. Что этотъ общій законъ дѣйствуетъ повсемѣстно, за исключеніемъ лишь тѣхъ селъ и деревень, для которыхъ дѣйствіе его отменено специальными правительственными распоряженіями, это видно изъ слѣдующихъ памятниковъ.

Въ 1555 году крестьяне черныхъ становъ Ржевы Пустой били челомъ государю и сказывали, что дѣти боярскіе Ржевскіе и иныхъ присудовъ „вывозать за себя во христьяне“ крестьянъ изъ черныхъ деревень „не по сроку, а по вся дни, безпошлинно“.

Наша старина знаетъ „выходъ“ и „вывозъ“ крестьянъ. Юридически тутъ нѣтъ никакого различія; фактически же большое. Выходъ—дѣло трудное. и мы видѣли, что новгородскіе крестьяне остаются на своихъ мѣстахъ, несмотря на значительное увеличеніе ихъ повинностей. Чтобы выйти, надо пріискать новое мѣсто, надо явиться съ предложеніемъ своего труда, при неизвѣстности, какъ это будетъ принято. Время же, для пріисканія новой деревни или части ея, дается небольшое, всего двѣ недѣли. Вывозъ совершается по инициативѣ желающаго помѣстить у себя крестьянина. Мѣсто готово, крестьянинъ нуженъ господину, онъ самъ предлагаетъ ему переѣздъ, самъ за нимъ пріѣзжаетъ, помогаетъ ему. Это гораздо удобнѣе для крестьянина. Случалось даже, что землевладѣльцы вступали въ бой изъ-за крестьянъ: новый яляется вывозить, старый не пускаетъ, дѣло доходить до драки. Приведенный документъ даетъ прекрасную картину такихъ столкновеній. „А какъ ден изю Ржевскихъ изъ нашихъ деревень, продолжаютъ крестьяне свое челобитье, пріѣдутъ къ нимъ (къ дѣтямъ боярскимъ) отказщики съ отказомъ въ срокъ крестьянъ изъ за нихъ отказывать въ наши черныя деревни, которыя христьяне похотятъ идти жити въ тѣ наши черныя деревни, и тѣ ден дѣти боярскіе тѣхъ отказщиковъ бьютъ и въ желѣза куютъ, а хрестьянъ ден изъ за себя не выпускаютъ, да поймавъ ден ихъ мучать и грабятъ и въ желѣза куютъ, и пожилое ден на нихъ емлютъ не по Судебнику, рублевъ по пяти и по десяти. И отказать ден имъ хрестьянина изъ за тѣхъ дѣтей боярскихъ не мочно“.

Судебники опредѣляютъ одинъ срокъ въ году для отказа крестьянъ, уплату пожилаго и за повозъ, и пошлинъ государевыхъ: „пока мѣста была рожь въ земли, платить со ржи“. Вотъ и все, никакихъ другихъ условій для выхода не требуется. При этихъ условіяхъ можетъ уйти всякій крестьянинъ. Такова и практика. Крестьяне черныхъ деревень жалуются на то, что крестьянъ вывозятъ не въ срокъ и безошлинно, и только. Вывозятъ въ срокъ и съ уплатой пошлинъ, значить, можно. Подъ пошлинами они, по всей вѣроятности, разумѣютъ всякіе платежи и пожилое, если приходилось его платить.

На приведенное челобитье послѣдовало такое распоряженіе. Велѣно было дать „подѣлчегу или кого пригождъ, и велѣли ему съ выборными головами изъ за тѣхъ дѣтей боярскихъ и изъ за (свое) земцевъ крестьянъ въ наши черныя деревни отказывать по сроку, а выходъ бы тѣмъ крестьянамъ платить по указу“. Крестьянскій выходъ по-

ставленъ здѣсь подъ охрану особаго чиновника и безъ всякихъ ограниченій, кромѣ указанныхъ въ Судебникѣ. Это въ 1555 году.

Въ 1558 г. удѣльный князь Владиміръ Андреевичъ даетъ судную грамоту крестьянамъ Замосковской волости въ Вохнѣ. Это актъ законодательства удѣльнаго князя. Въ этой грамотѣ повторяется, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, статья Судебника о крестьянскомъ выходѣ. Удѣльный князь опускаетъ прибавку второго Судебника о сборѣ за повозъ. Эта статья, значитъ, имѣетъ силу не только въ предѣлахъ великаго княженія, но и въ удѣлахъ; въ удѣлѣ Владиміра Андреевича съ уменьшеніемъ поборовъ съ выходящихъ крестьянъ.

Въ 1561 игуменъ Соловецкаго монастыря съ братіею далъ грамоту крестьянамъ села Пузырева въ Бѣжецкомъ Верхѣ. Въ этой грамотѣ написано: „А по грѣхомъ, кому не поживется, и похочетъ пойти изъ волости вонъ, и на томъ имати похоронное сполна а его выпускать по сроку“.

Московскія писцовыя книги XVI вѣка сохранили драгоцѣнныя указанія на выходъ крестьянъ согласно Судебнику изъ дворцовыхъ волостей Тверскаго уѣзда. Эта книга написана между 1579 и 1581 годомъ. При описи нѣкоторыхъ деревень писцы обозначаютъ вышедшихъ крестьянъ, но различно. Объ однихъ говорится „выбѣжалъ“, о другихъ „вывезли“, о третьихъ „вышелъ“. О тѣхъ, которые вышли, встрѣчаются такія опредѣленія: „Титко да Митко вышли по сроку, пошлины ималъ Юрья Кармановъ у ржи, да Михалко Васильевъ вышелъ за Никиту за Романовича въ Турчино по отказу, пошлины платилъ Юрью Карманову“. Это выходъ по Судебнику, тутъ и срокъ, и отказъ, и пошлина у ржи. Выбѣжавшіе, это ушедшіе безъ соблюденія правилъ Судебника. Что касается вывезенныхъ, то и они, въ данномъ случаѣ, кажется, всѣ были вывезены безъ соблюденія правилъ, ибо ничего не говорится ни о срокѣ, ни объ уплатѣ пошлинъ. Правила Судебника дѣйствуютъ 25 лѣтъ спустя по его изданіи и наканунѣ отмѣны Юрьева дня ¹⁾.

Итакъ, статья Судебниковъ о крестьянскомъ выходѣ не мертвая буква; это дѣйствующее право во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, которымъ не дано особыхъ. специальныхъ указовъ. Правительство не останови-

¹⁾ Доп. къ А. И. I № 56, 1555. А. Э. I № 88, 1466; № 257, 1558; № 258, 1561; Балаховъ, II 291, 300. Издатель относитъ эту книгу къ концу XVI вѣка; это совершенно вѣрно; первая страница даетъ возможность опредѣлить и болѣе точно время ея написанія: послѣ 1579 и до 1581 гг.

лось на первомъ опредѣленіи порядка крестьянскаго выхода, появившемся въ Судебникѣ 1497 года. При изданіи второго Судебника оно нашло нужнымъ нѣсколько измѣнить эти правила. Измѣненіе произошло въ пользу господъ. Размѣръ пожилаго былъ увеличенъ и установленъ новый сборъ съ выходящихъ крестьянъ за повозъ. И на этомъ правительство не остановилось. Прибавочный сборъ за повозъ оно нашло, надо думать, излишнимъ. Въ грамотѣ великаго князя крестьянамъ Переяславскаго уѣзда отъ 1556 статья Судебника повторяется, но съ опущеніемъ прибавки о повозѣ. Итакъ, общее правило свободы крестьянскаго перехода не исчезло и во второй половинѣ XVI вѣка. Правительство неоднократно повторяетъ правило перваго Судебника, дополняя и измѣняя его. Правило это, какъ мы видѣли, осуществляется на практикѣ въ самомъ концѣ XVI вѣка. Окончательное прикрѣпленіе крестьянъ совершилось въ силу распоряженія двухъ памятниконъ, послѣдовавшихъ почти одновременно: писцоваго наказа 1646 года и Уложенія. Въ ст. 8 гл. XI Уложенія находимъ распоряженіе о томъ, что бѣглыхъ крестьянъ и бобылей, по суду и сыску, должно отдавать съ женами и дѣтьми и со всѣми животы и съ хлѣбомъ стоячимъ и молоченымъ—тѣмъ господамъ, отъ кого они бѣжали. „Но владѣнія за тѣхъ крестьянъ на прошлые годы до сего Уложенія не указывать“, т. е., не взыскивать денегъ за все то время, которое бѣгле жили за другими господами, и причинили тѣмъ убытокъ своимъ настоящимъ господамъ. Почему? „Потому, отвѣчаетъ та же статья, что о томъ по нынѣшній государевъ указъ государевой заповѣди не было, что никому за себя крестьянъ не принимать, а указаны были бѣглымъ крестьяномъ урочные годы“.

Такова точка зрѣнія редакторонъ Уложенія. До самой половины XVII вѣка не было запрещенія принимать чужихъ крестьянъ, и стало быть не было и полнаго прикрѣпленія, а были урочные годы, которые могли покрыть уходъ крестьянина. Такъ смотрятъ редакторы Уложенія, а наши ученые конца прошлаго вѣка утверждаютъ, что крестьяне были прикрѣплены еще въ половинѣ XVI вѣка. Полагать надо, что они очень ошибаются.

Мысль о крестьянской свободѣ жива еще въ половинѣ XVII вѣка и даже въ семидесятихъ его годахъ. Отмѣна крестьянскаго выхода повела къ новому порядку поступленія въ крестьянство. Свободные крестьяне въ старину рядились во крестьянство. Едва нѣтъ выхода, порядная не имѣетъ смысла. Поэтому Уложеніе устанавливаетъ записку въ крестьяне. Желающій жить за кѣмъ-либо въ крестьянахъ

обращается въ установленныя для этого учрежденія. Его спрашиваютъ, кто онъ? Если окажется, что его можно отдать во крестьяне, его *занимаютъ* за извѣстнымъ господиномъ и *отдаютъ* ему въ крестьянство. XI 20.

Несмотря на этотъ новый порядокъ, крестьяне и въ XVII вѣкѣ продолжаютъ рядиться во крестьянство. Они не только рядятся, но рядятся на срокъ, на 10 лѣтъ, и это въ 1665 году; другіе рядятся до смерти господина. Эти крестьяне ровно ничего не знаютъ о крѣпости по писцовымъ книгамъ. Но о воспрещеніи выхода они знаютъ, а потому и вносятъ въ свои порядныя новое условіе. Въ старыхъ порядныхъ срокъ не обозначался, жили, пока правилось. Выходъ по старымъ поряднымъ отмѣненъ, и вотъ новая практика вносить поправку, порядная пишется на срокъ, а по истеченіи срока, конечно, крестьянинъ свободенъ; такъ думаетъ крестьянинъ, порядившійся на срокъ.

Есть и такія порядныя, въ которыхъ сами господа признаютъ за крестьянами право уйти, „если имъ не пожилется“, или если они съ ними будутъ дурно обращаться. Одни владѣльцы предоставляютъ такое право ухода крестьянину на условіи посадить на свое мѣсто другого, другіе и безъ такого условія.

Крестьяне знаютъ объ отмѣнѣ выхода, но они думаютъ, что это временная мѣра и вѣрятъ въ то, что послѣдуетъ вновь разрѣшеніе выхода. Поэтому они пишутъ порядныя, въ которыхъ обязываются сидѣть на землѣ господина „до государевыхъ выходныхъ лѣтъ“ не далѣе! Будетъ, значить, такое время, когда послѣдуетъ разрѣшеніе выхода. Государь запретилъ выходъ, но онъ можетъ и разрѣшить его.

Не одни крестьяне помнятъ волю крестьянскую и выговариваютъ ее въ своихъ порядныхъ; есть и господа, которые стоятъ на той же точкѣ зрѣнія. У Семена и Бориса Семеновичей Нелединскихъ жилъ изстари въ крестьянахъ Рычко, Тимофеевъ сынъ, Бураковъ. Въ 1676 году ему не пожилось у нихъ („прижилось“, т. е., наскучило, надоѣло), и онъ пошелъ отъ нихъ вонъ. Нелединскіе даютъ ему грамоту, въ которой предоставляютъ идти, куда хочетъ, на всѣ четыре стороны, и обязываются дать ему скосить посѣянную имъ рожь, и скрѣпляютъ свое обязательство неустойкой въ 30 рублей.

Заклучимъ этотъ экскурсъ въ XVII вѣкъ изложеніемъ содержанія любопытнѣйшаго документа отъ 22-го апрѣля 1670 года. За Воскресенскимъ монастыремъ въ Андреевской деревнѣ, Московскаго уѣзда, живетъ въ крестьянахъ въ теченіи 16 лѣтъ Ивашко Якимовъ,

съ женой и дѣтьми. 22-го апрѣля 1670 года онъ налъ у монастыря ссуды 10 рублей и обязался „жить съ женой и дѣтьми за монастыремъ въ Андреевской деревнѣ, той ссуды не снести и ни за кого не заложиться. А буде онъ, Иванъ, жить не учнетъ или за кого заложится и ссуду снесетъ, тогда воленъ монастырь ту ссуду на немъ взять, а крестьянство и впредь крестьянствомъ“. Что это такое? это не ссуда, а продажа себя съ женою и дѣтьми *старымъ* крестьяниномъ въ вѣчные крестьяне монастырю. Старый крестьянинъ, жившій за монастыремъ 16 лѣтъ, непроченъ монастырю; чтобы укрѣпить его, падо взять съ него особую запись. Мы не имѣемъ порядной, на основаніи которой Иванъ Якимовъ сѣлъ въ 1654 году на монастырскую землю. По всей вѣроятности, тамъ была какъ-нибудь ограждена его свобода; и вотъ послѣдствія этого остатка старины, не гармонирующаго съ новымъ порядкомъ вещей. Крестьянинъ, подъ видомъ ссуды, продается въ крестьяне. Очень многіе прямо съ этого начинаютъ. Берутъ ссуду и отдаются вѣчно въ крестьяне. Ссуда получаетъ здѣсь совершенно новое значеніе, неизвѣстное старинѣ ¹⁾.

Возвратимся на прежнее.

Изъ документовъ XVI вѣка мы знаемъ, что крестьяне, садясь на владѣльческія земли, брали у землевладѣльцевъ подмогу. Старыя новгородскія писцовыя книги тоже упоминаютъ „подможныя деньги“, хотя рѣдко. Деньги эти были даны новгородцами. При конфискаціи земель, эти крестьянскіе займы, по всей вѣроятности, были великимъ княземъ уплочены сведеннымъ боярамъ и бояришкамъ. Говоримъ это на томъ основаніи, что великій князь даритъ новымъ помѣщикамъ эти перешедшіе къ нему крестьянскіе долги, опредѣляя и $\frac{1}{10}$, какой они должны получать съ должниковъ. Этотъ $\frac{1}{10}$ не великъ, въ одномъ случаѣ онъ 5 съ небольшимъ, въ другомъ—6. Въ XVI вѣкѣ подмога была безпроцентнымъ долгомъ и погашалась не уплатой занятой суммы, а исполненіемъ принятыхъ на себя крестьяниномъ обязательствъ; заемъ же денегъ былъ долгъ процентный, погашавшійся уплатой занятой суммы. Было ли такое различіе въ Новгородѣ, это не ясно. Задолженность новгородскихъ крестьянъ, въ виду рѣд-

¹⁾ Любопытные документы, на которыхъ основано предшествующее изложене, напечатаны г. Дьяконовымъ въ его Актахъ, I № 24, 26, 31, 42, 48, 50, 59, 60, 69 и друг.; II 37. Тутъ же и ссуды въ новомъ смыслѣ: № 49, 56, 58, 62, 63, 64, 68 и др.

кости случаевъ, въ которыхъ упоминается подмога,—была ничтожная¹⁾.

Въ заключеніе представимъ обзоръ литературы затронутыхъ нами вопросовъ. Это дастъ намъ возможность пополнить сказанное съ нѣкоторыхъ новыхъ точекъ зрѣнія, а иногда войти въ объясненіе и совершенно новыхъ явленій, которыхъ, по ходу нашего изслѣдованія, намъ не пришлось коснуться.

В. Сергѣевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ II, 86; III. 601, 803.

Въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка и другихъ памятникахъ того же времени встрѣчается слово жалець. Этимъ словомъ обозначаются всѣ живущіе и гдѣ бы то ни было. Помѣщики—суть жальцы, крестьяне, посадскіе тоже. Въ Москвѣ живетъ нѣмецъ, онъ тоже жалець. Не то ли же самое означаетъ болѣе древній терминъ: жити люди?

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ
ЧАСТЬ СССХХХІV.

1901.
МАРТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „В. С. Балашевъ и К^о“. Наб. Фонтанки, 95.
1901.

СОДЕРЖАНИЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. Высочайшія повелѣнія	3
II. Высочайшія награды	7
III. Высочайшіе приказы	25
IV. Министерскія распоряженія	38
V. Опредѣленія Ученаго Комитета Мин. Нар. Пр.	69
VI. Опредѣленія Особаго отдѣла Ученаго Комитета Мин. Нар. Пр.	73
VII. Опредѣленія Отдѣленія Ученаго Комитета Мин. Нар. Пр. по техническому и профессиональному образованію	80
Открытіе училищъ	80
Второе дополненіе къ каталогу учебныхъ руководствъ и пособій	1—24

Ив. А. Тихомировъ. О составѣ западно-русокихъ, такъ-называет- ныхъ литовскихъ лѣтописей	1
В. И. Сергѣевичъ. Древности русскаго земледѣлія. 3 (про- долженіе)	37
А. М. Ону. Наказы третьяго сословія во Франціи въ 1789 году. Глава третья (продолженіе)	72

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Ф. Ф. Ольденбургъ. Забѣтки по статистикѣ начальнаго образова- нія въ Россіи	103
Вл. И. Фармаковский. Объясненія къ замѣткамъ г. Ольденбурга	140
Р—къ. Славяновѣдѣніе и его пропаганда въ русскомъ обществѣ	156
В. В. Смиловскій. Критико-библиографическій обзоръ Пушкинской юбилейной литературы 1899 года. II (продолженіе)	176
Н. В. Ястребова. Хорваты. Съ приложеніемъ карты Хорватіи, Славоніи и Далмаціи. Очеркъ А. Л. Липовскаго. С.-Пб. 1900	199
А. И. Соболевскій. Изъ исторіи отреченной литературы. Тре- петники. Лопаточники. М. Сперанскій. 1899—1900 гг.	215
Ө. А. Браунъ. Отвѣтъ профессору Ю. Кулаковскому	218
— Книжныя новости	233

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

А. И. Невзленовъ. Исторія русской словесности	1
И. Пастернакъ. Учебникъ Всеобщей географіи	4
Олмстедъ Ф. Томпсонъ. Элементарные уроки по электричеству и магне- тизму	7
Ж. Вертрамъ. Алгебра	12

(Ом. 3-ю стр. обложки).

ДРЕВНОСТИ РУССКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ.

3. Хозяйственное пользованіе землями ¹⁾.

Самый старый вопросъ, котораго мы коснулись, это вопросъ о происхожденіи современнаго общиннаго землепользованія (землевладѣнія) крестьянъ. Онъ поднятъ былъ болѣе сорока лѣтъ тому назадъ и до настоящихъ дней продолжаетъ раздѣлять нашихъ ученыхъ на два лагерь, сторонниковъ исконной древности этой формы крестьянскаго землевладѣнія и ихъ противниковъ. Честь постановки вопроса принадлежитъ Б. Н. Чичерину. Отправной точкой послужили ему мнѣнія, высказанныя барономъ Гакстгаузеномъ и Тенгоборскимъ о происхожденіи современной крестьянской общины. Оба автора приводятъ ее въ связь съ древнѣйшимъ патріархальнымъ бытомъ славянъ. Профессоръ Чичеринъ ставитъ себѣ задачу изслѣдовать, дѣйствительно ли такъ далеко восходятъ корни современной поземельной общины, и даетъ на этотъ вопросъ отрицательный отвѣтъ. По его мнѣнію крестьянская община въ современномъ ея видѣ не есть исконное явленіе нашей исторіи, она возникла весьма поздно, на глазахъ исторіи и въ силу правительственныхъ распоряженій. Противникомъ ему выступилъ профессоръ Бѣляевъ. Онъ доказывалъ, что современная община можетъ быть наблюдаема въ памятникахъ XVI и даже XV вѣка, а корни ея восходятъ къ самой глубокой древности, но искать ихъ надо не въ патріархальной собственности, а въ собственности договорныхъ общинъ ²⁾.

¹⁾ Продолженіе. См. февральскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ.

²⁾ Статьи Чичерина были напечатаны въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, за 1866 г., кн. 3, 4 и 12, и перепечатаны въ его *Опытахъ по исторіи русскаго права*; Бѣляева въ *Русской Бесѣдѣ* за тотъ же годъ кн. 1 и 2.

Оба автора много потрудились на поприщѣ изученія нашей исторіи и много сдѣлали для разъясненія ея судебъ. Съ именемъ каждаго изъ нихъ соединяется представленіе о цѣльномъ взглядѣ на нашъ древній историческій бытъ. Изученіе ихъ трудовъ, въ которые они вносили много знанія, искреннее убѣжденіе и глубокую любовь къ дѣлу, всегда будетъ поучительно. Кто же изъ нихъ правъ и кто заблуждался въ этомъ спорѣ о происхожденіи современной поземельной общины? Оба были правы и оба заблуждались.

И правда и заблужденія ихъ объясняются тогдашнимъ состояніемъ нашихъ источниковъ. Главный матеріалъ, на основаніи котораго могъ быть разрѣшенъ вопросъ, новгородскія писцовыя книги, тогда не былъ еще извѣстенъ; была напечатана только вторая половина описи Вотской пятины. И Чичерину и Бѣляеву пришлось основываться на иныхъ матеріалахъ, которые, однако, получаютъ полную ясность только изъ писцовыхъ книгъ. При такой неполнотѣ матеріала каждому изъ авторовъ приходилось прибѣгать къ области догадокъ и дорисовывать неполную картину на основаніи своихъ общихъ представленій о характерѣ нашего древняго быта.

Ихъ статьи по спорному вопросу не ограничиваются изслѣдованіемъ одного вопроса объ историческихъ корняхъ современной поземельной общины, они спорятъ и о древности общины, какъ административной единицы, касаются вопроса о бѣлыхъ и тяглыхъ земляхъ, объ обособленіи селъ отъ городовъ и т. д., и въ своихъ изысканіяхъ доходятъ до XVII и XVIII вѣка. У меня же дѣло идетъ только о землепользованіи крестьянскихъ общинъ въ періодъ древнѣйшихъ новгородскихъ писцовыхъ книгъ. Мы ограничимся, поэтому, разборомъ ихъ мнѣній только въ тѣсныхъ предѣлахъ нашего собственнаго изслѣдованія.

Профессоръ Чичеринъ не отрицаетъ древности поземельныхъ общинъ. „Я не отвергаю, говоритъ онъ, исконное существованіе общины въ Россіи. Общины всегда были, есть и будутъ, у насъ, какъ и вездѣ“ 140. Но, останавливаясь на особенностяхъ нашей современной общины, онъ проводитъ рѣзкую границу между ней и первоначальной, которая, какъ онъ думаетъ, была вездѣ. „Въ настоящее время, читаемъ у него, каждый членъ сельской общины обязанъ платить подати и нести повинности наравнѣ съ другими, для чего ему и дается равный съ другими участокъ. Въ древней Россіи, напротивъ того, мы видимъ отношенія совершенно свободныя. Община не имѣла никакой власти надъ членами; послѣдніе не имѣли никакихъ

обязанностей, пока не получали во владѣніе извѣстнаго количества земли, соразмѣрно съ которымъ и несли тягло. Величина участка опредѣлялась не общимъ надѣленіемъ, а свободнымъ договоромъ, предложеніемъ и требованіемъ. Новый поселенецъ или бралъ предложенную ему землю, или выбиралъ себѣ пустой участокъ по желанію, и выговаривалъ себѣ льготы, величина которыхъ зависѣла также отъ предложенія и требованія: чѣмъ тяжелѣе было для общины лежавшее на землѣ тягло, тѣмъ труднѣе было перезвать къ себѣ новыхъ поселенцевъ, которые бы помогли ей въ уплатѣ, тѣмъ большія выгоды она, разумѣется, имъ предоставляла“ 97... „Передѣлъ земли можетъ установиться только тогда, когда земли становится мало, и люди не могутъ уходить съ мѣста и искать новыхъ поселеній. Но въ то время, о которомъ мы говоримъ, земли было вдоволь, люди же не только свободно уходили съ мѣста, но постоянно переходили съ мѣста на мѣсто. Какъ же тутъ образоваться передѣлу“ 99... „Если московскіе князья въ договорахъ своихъ обязывались не покупать земель черныхъ людей, находившихся въ общемъ ихъ владѣніи, то, значить, послѣдніе имѣли право ихъ продавать“ 103. Позднѣе „запрещено было тяглые двory продавать бѣломѣстцамъ. А не смотря на это, тяглые люди продолжали продавать свои двory и участки бѣломѣстцамъ, общины продолжали на это жаловаться, и правительство нерѣдко узаконяло такое нарушеніе закона, потому что оно было слишкомъ глубоко вкоренено въ нравахъ. Продажи эти совершались, собственно, отдѣльными лицами, противъ воли общинъ и даже безъ ихъ вѣдома“ 104... „Однимъ словомъ, въ прежнее время князь, община и отдѣльные крестьяне распоряжались землями свободно, тогда какъ теперь мы видимъ совершенно противное: теперь казенныя земли приписаны къ общинамъ, какъ постоянное ихъ владѣніе; общины не могутъ ни мѣняться ими, ни продавать ихъ; отдѣльные крестьяне лишены права распоряжаться своими участками. Въ чемъ же сходство стараго быта и новаго?“ 106... „Итакъ, если съ одной стороны общины могли свободнѣе распоряжаться пустыми участками, нежели въ настоящее время, то съ другой стороны тѣмъ же правомъ пользовались и отдѣльные члены; существенной же черты нынѣшняго сельскаго быта—подчиненія личнаго владѣнія общинному, мы въ древней Россіи не находимъ“ 108.

Нельзя лучше изобразить различія между поземельной общиной, возникшей въ конфискованныхъ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ частныхъ владѣніяхъ, и современной. Но на конфискован-

ныхъ земляхъ зарождаются первыя права поземельной общины, а потому совершенно правъ и И. Д. Бѣляевъ, когда говоритъ: „Община не только раздавала участки своихъ земель крестьянамъ, но и защищала свои земли отъ присвоенія ихъ посторонними людьми или вѣдомствами, подавала челобитныя судьямъ или государю, тягалась за свои земли на судъ и вообще была хозяйномъ своихъ земель“ I 112.

Въ приведенныхъ нами извлеченіяхъ оба автора совершенно правы. Находящіеся въ ихъ распоряженіи матеріалъ даетъ основаніе говорить и о наличности нѣкоторыхъ правъ общины на конфискованныя и предоставленныя въ ихъ пользованіе земли, и о неполнотѣ этихъ правъ, такъ какъ отдѣльные члены общины, на имя которыхъ были записаны ихъ участки, распоряжались ими самостоятельно. Не имѣя подъ руками старыхъ новгородскихъ писцовыхъ книгъ, оба автора и не подозрѣвали, что изучаемыя ими явленія самаго недавняго происхожденія, что они возникли не ранѣе XIV вѣка на конфискованныхъ у частныхъ владѣльцевъ земляхъ. Новорожденная община не успѣла еще выработать никакой опредѣленной организаціи, и нѣтъ возможности точно разобраться въ полномочіяхъ общины и провести опредѣленную границу между ея правами и правами ея отдѣльных членовъ, а потому совершенно справедливо и то, что говорить о правахъ отдѣльных членовъ общины Б. Н. Чичеринъ, и то, что мы выписали изъ статьи И. Д. Бѣлева о правахъ цѣлой общины. Случалось и то, и другое. И профессоръ Чичеринъ не отрицаетъ, что община могла защищать судомъ приписанную къ ней землю, но причину этого видитъ единственно въ царскомъ тяглѣ (106); и профессоръ Бѣляевъ не отрицаетъ, что отдѣльные члены общины продаютъ земли, но думаетъ, что они продаютъ не общинныя земли, а свои собственныя (I 118). Отсутствіе положительнаго матеріала породило догадки и неразлучныя съ ними ошибки и недоразумѣнія.

Что профессоръ Чичеринъ не отвергаетъ исконнаго бытія поземельной общины и не только у насъ, но вездѣ, это неудивительно. Въ половинѣ истекшаго столѣтія таково было господствующее мнѣніе и въ западной литературѣ, съ которою нашъ авторъ былъ хорошо знакомъ. Допуская исконное бытіе общины, онъ дѣлаетъ только уступку господствующему направленію науки, нѣкоторые представители котораго шли гораздо далѣе его. Сдѣлаемъ не большой экскурсъ въ западную литературу того времени. Это было время глубокой вѣры въ древность поземельной общины даже въ томъ видѣ, въ какомъ она наблюдается теперь у насъ. Лѣтъ 60 тому назадъ преобладало

мнѣніе, что у германцевъ съ древнѣйшихъ временъ существовала „марка“ въ смыслѣ общинной земли. Однимъ изъ самыхъ крайнихъ представителей этого направленія былъ Мауреръ, издавшій въ 1856 г. введеніе въ исторію марки, а вслѣдъ за тѣмъ и самую исторію марки. Авторъ съ особенной любовью останавливается на мысли о томъ, что общинное владѣніе, въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова, было первоначальной и самой распространенной формой поземельныхъ отношеній въ Германіи. Во время, предшествовавшее великому переселенію народовъ, въ общинномъ владѣніи, по его мнѣнію, состояли не одни только лѣса и луга, но и поля. Общее поле дѣлилось на участки по числу членовъ общины; каждый изъ нихъ получалъ по равному участку. Чтобы это первоначальное равенство не нарушалось съ теченіемъ времени, были ежегодные передѣлы. Такимъ образомъ, общинное устройство обезпечивало каждому германцу постоянное и одинаковое участіе въ пользованіи земель. Этотъ исконный порядокъ подвергся существенному измѣненію въ періодъ великаго переселенія народовъ. На новыхъ мѣстахъ поселенія общинный элементъ представляется значительно ослабѣвшимъ. Поля стали поступать въ частную собственность, общеніе же удержалось только за лѣсами и лугами. Съ того же времени появилось и неравенство въ распредѣленіи земель. вмѣстѣ съ этимъ и значеніе общины, какъ административное, такъ и поземельное, начало падать.

Нельзя идти далѣе въ защитѣ исконной древности современныхъ порядковъ русскаго общиннаго землевладѣнія, хотя авторъ объ нихъ и не говорить.

Два года позднѣе появилось изслѣдованіе по исторіи сельскаго населенія во Франціи Дареста-де-ла-Шаванна, въ которомъ онъ касается и Россіи. Найдя у германцевъ, временъ Цезаря, общинное хозяйство съ правильнымъ ежегоднымъ передѣломъ земель, онъ продолжаетъ: „это учрежденіе всего долѣе удержалось на востокѣ и сѣверѣ Европы. Его слѣды очевидны въ государствахъ скандинавскихъ. Оно поддерживается и теперь въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Россіи, въ которыхъ и до сихъ поръ неизвѣстна частная собственность. Возникновеніе общины объясняетъ ея управленіе. Начальникъ занимаетъ мѣсто отца. Другіе члены общины относятся къ нему, какъ дѣти. Онъ опредѣляетъ каждому степень его участія въ общихъ работахъ и общихъ доходахъ. Эта простота устройства долгое время существовала у галловъ и кельтовъ въ Великобританіи; она встрѣчается теперь у такихъ народовъ, которые, какъ, напримѣръ,

русскіе, стоятъ ближе, чѣмъ мы, къ древнимъ преданіямъ: каждая изъ ихъ общинъ и теперь еще управляется старостою или патриархомъ, который, при содѣйствіи совѣта, опредѣляетъ каждому его участокъ и работу“.

Исконную древность общиннаго землевладѣнія признаютъ: Рошерь, Вайцъ, Зомъ, Лавле, Мэнъ, Гарсонне и много другихъ крупныхъ представителей западной науки. Это направленіе и до сихъ поръ еще пользуется значительнымъ авторитетомъ въ нашей литературѣ.

Въ восьмидесятыхъ годахъ французскій ученый, Фюстель-де-Куланжъ, поставилъ себѣ ту же задачу, надъ которой 30 лѣтъ ранѣе его работалъ русскій профессоръ, Б. Н. Чичеринъ. Въ статьѣ, посвященной германской маркѣ, онъ даетъ отвѣтъ на вопросъ: въ самомъ ли дѣлѣ древность германской марки восходитъ такъ далеко, какъ обыкновенно объ этомъ думаютъ? Онъ даетъ на этотъ вопросъ отрицательный отвѣтъ. Германская поземельная марка не есть исконное явленіе нѣмецкой исторіи, она возникла сравнительно поздно, не ранѣе XII вѣка. Статья Фюстель-де-Куланжа написана съ тѣмъ глубокимъ знаніемъ дѣла и съ тѣмъ мастерствомъ изложенія, какимъ отличаются всѣ его труды. Приведемъ главные его положенія.

Ни одинъ древній авторъ, касавшійся событій первыхъ столѣтій среднихъ вѣковъ, ничего не знаетъ о деревенскихъ общинахъ, которымъ принадлежали бы земли на общинномъ правѣ.

Первоначальный смыслъ слова марка — знакъ, примѣта (*signe, marque*). Въ памятникахъ VI вѣка оно употребляется для обозначенія границы государства и частныхъ владѣній. Оно синонимъ латинскаго *terminus*. Въ памятникахъ VI и VII вѣка оно никогда не употреблялось для обозначенія общинныхъ земель. Въ памятникахъ VIII и IX вѣка слово марка, продолжая обозначать границу, начинаетъ употребляться и для обозначенія всего того, что находится въ границахъ, т.-е. цѣлаго владѣнія. Такъ пограничныя территоріи называются марками: *marca Hispanica*. Также марками называются и частныя владѣнія. И въ этомъ отношеніи слово марка синонимъ съ словомъ *terminus*, которое тоже служитъ для обозначенія не только границы владѣнія, но и цѣлаго владѣнія. Эти владѣнія наследуются, продаются и т. д., они — частная собственность. Не слѣдуетъ думать, что въ примѣненіи къ частному владѣнію словомъ марка обозначаютъ только земли необработанныя, лѣса, пастбища. Оно обозначаетъ безразлично и обработанныя и необработанныя земли.

Въ этомъ смыслѣ марка синонимъ виллы; а вилла обозначаетъ частную собственность. Большинство людей, населяющихъ марку-виллу, рабы. Въ числѣ сотенъ документовъ, въ которыхъ марка означаетъ виллу, нѣтъ ни одного, гдѣ бы она означала общинную землю. Нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на раздѣлъ земель марки среди ея населенія.

Но есть земли общія (*communia*, *communis*). Что это? Земли каждого частнаго владѣнія дѣлились на три части. Одна обрабатывалась на господина; другая сдавалась въ пользованіе разныхъ лицъ, рабовъ и свободныхъ, и на разныхъ условіяхъ. За тѣмъ оставались неводдѣланныя земли. Эти земли предоставлялись владѣльцемъ въ безраздѣльное пользованіе людей, которые сидѣли въ его виллѣ, рабовъ и свободныхъ, для разныхъ цѣлей (выпуска скота, корма свиней желудями и пр.) и на разныхъ условіяхъ. Самъ владѣлецъ тоже пользовался этими землями. Вотъ это и суть тѣ общія земли, о которыхъ говорятъ памятники. Они входятъ въ составъ частной собственности. Но и они до XIII вѣка не называются марками, это *communia*, а не марка. Это—общее пользованіе населеніемъ виллы землями господина, которое онъ призналъ за благо имъ предоставить.

Наконецъ, памятники говорятъ и объ общей собственности въ недвижимостяхъ. Были общія земли, общія лѣса. Это земли и лѣса, которые принадлежали, напримѣръ, двумъ братьямъ, владѣвшимъ нераздѣльно одной виллою, или и двумъ постороннимъ лицамъ, виллы которыхъ были смежны, а лѣса не раздѣлены. Въ первомъ случаѣ вся вилла общая, во второмъ лѣса общіе, пока не состоится раздѣлъ.

Авторъ заключаетъ свое изслѣдованіе такъ: на пространствѣ VII вѣковъ, съ V по XII столѣтіе, не встрѣчается никакихъ указаній на то, что марка обозначаетъ землю, принадлежащую всѣмъ ¹⁾.

¹⁾ Fustel de Coulanges, *Recherches sur quelques problèmes d'histoire*, второе изданіе, 1894 г. III. De la marche germanique. Къ вопросу о древнѣйшей формѣ землевладѣнія у германцевъ относится и другая его статья, тамъ же: II *Recherches sur cette question: Les Germains connaissaient-ils la propriété des terres?* Второю томъ его исторіи политическихъ учрежденій древней Франціи: *L'alleu et le domaine rural* представляетъ богатѣйшее изслѣдованіе поземельныхъ отношеній въ эпоху Меровинговъ.

Съ западной литературой старониковъ исконной древности общиннаго землевладѣнія мы познакомились еще въ 1861 г. Труды ихъ показались намъ неубѣдительными. Разбирая сочиненіе Маурера въ статьѣ, напечатанной въ *Журналіи Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1864 г. ч. CXV, мы доказывали, что дѣйствительный ходъ развитія общиннаго землевладѣнія былъ совершенно

Возвращаемся къ профессору Чичерину. Онъ не отвергаетъ общины. Онъ доказываетъ только, что „съ теченіемъ времени измѣнялась у насъ форма общиннаго быта. Сначала была патріархальная община, потомъ владѣльческая и наконецъ государственная“. Вотъ какую длинную исторію пережила наша община! Разсмотримъ отдѣльныя стадіи ея развитія.

Вотъ что говоритъ авторъ о древнѣйшей изъ нихъ. „У насъ нѣтъ положительныхъ извѣстій о древнѣйшемъ общинномъ устройствѣ нашего отечества. Но общая аналогія и ближайшее родство съ другими славянскими племенами дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ предположеніе, что и у насъ существовали тѣ же гражданскія формы, какъ и у другихъ. Самое раздѣленіе русскихъ славянъ на племена указываетъ на господство естественной, кровной связи между людьми. Гдѣ народное единство основывается на союзѣ племенномъ, тамъ всѣ гражданскія отношенія вытекаютъ изъ отношеній естественныхъ или патріархальныхъ. Съ племенемъ неразлученъ и родъ; это меньшая его единица, а гдѣ есть родъ, тамъ есть родовая собственность. Это общій фактъ, который получаетъ подтвержденіе и въ русской исторіи. Нераздѣльная собственность, какую мы видимъ первоначально въ княжескомъ родѣ, даетъ намъ право думать, что то же существовало и въ остальныхъ. При томъ же у насъ до сихъ поръ

обратный тому, какой принимаетъ этотъ авторъ. Мауреръ и другіе сторонники разсматриваемаго взгляда полагаютъ, что черты общиннаго хозяйства, наблюдаемыя въ XII вѣкѣ, составляютъ лишь слабый остатокъ господствовавшаго въ древности хозяйства. Въ дѣйствительности же общинное хозяйство съ регламентаціей общиннаго пользованія въ западной Европѣ не составляло ископаемаго явленія, а вновь возникло въ длинный промежутокъ времени съ X по XVI вѣкъ. Возражая въ этомъ направленіи Мауреру, я почти исключительно пользовался тѣмъ матеріаломъ, который приведенъ у него и съ полнымъ довѣріемъ принялъ его положеніе о томъ, что населеніе марки владѣло землями. Я утверждалъ только, что это владѣніе первоначально не было общиннымъ, и что черты общиннаго хозяйства появляются не ранѣе X вѣка. Это мое мнѣніе перешло и въ I т. Юридич. древ. Я теперь совершенно присоединяюсь къ приведенному мнѣнію Фюстель-де-Куланжа, съ которымъ познакомился уже по выпускѣ въ свѣтъ I т., и въ этомъ смыслѣ исправляю то, что тамъ напечатано на стр. 220 и сл.—Фюстель-де-Куланжъ такъ хорошо обставилъ свои положенія документальными данными, что мнѣнія противоположныя, основанныя единственно на догадкахъ, должны быть оставлены. Но еще въ шестидесятихъ годахъ Фюстель-де-Куланжъ держался мнѣнія очень близкаго къ мнѣнію Маурера: у германцевъ земля не составляла частной собственности, участки распредѣлялись между членами рода для обработки и передѣлялись. *La cité antique*. Пер. Е. Корша 73 сл.

сохранились остатки родовой собственности въ выкупѣ родовыхъ имуществъ" 6.

Отъ почтеннаго автора не укрылась слабость собственной его аргументаціи, а потому во второй статьѣ о томъ же предметѣ онъ говоритъ: „Впрочемъ, за исключеніемъ скуднаго лѣтописнаго свидѣтельства (живяху каждо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще каждо родомъ своимъ), у насъ не осталось никакихъ извѣстій о внутреннемъ бытѣ древней патріархальной общины. Потому, при сравненіи ея съ позднѣйшею, мы можемъ ограничиться только догадками и общими указаніями“ 95.

Итакъ, авторъ самъ признаетъ, что помимо скуднаго лѣтописнаго извѣстія у него ничего нѣтъ, кромѣ догадокъ и общихъ соображеній.

Приведенное мѣсто лѣтописи дѣйствительно не даетъ никакихъ основаній къ какимъ либо выводамъ о древнѣйшихъ формахъ землевладѣнія. Даже о самомъ родѣ нельзя изъ него сдѣлать никакихъ точныхъ заключеній. Что родственники живали вмѣстѣ и что старшіе главенствовали надъ младшими, это внѣ сомнѣнія. Но какія степени родства охватывала эта связь и въ чемъ именно и какъ выражалось владчество старшихъ, это остается совершенно неизвѣстнымъ. Можетъ быть, власть старшихъ простиралась только на тѣхъ лицъ, которыя добровольно ее признавали? При той необузданности нравовъ, какой отличаются, обыкновенно, люди на первыхъ ступеняхъ историческаго развитія и какой должны были отличаться наши предки въ VIII, IX, X вѣкѣ, это очень возможно. А разъ мы это допустимъ, мы получимъ и случаи раздѣленія рода и жизни родственниковъ въ разныхъ мѣстахъ, хотя лѣтописецъ и говоритъ, что каждый жилъ съ своимъ родомъ въ одномъ мѣстѣ. Родъ его, въ этомъ случаѣ, будетъ не большая величина, нѣчто въ родѣ семьи ¹⁾. Да и, дѣйствительно, какъ могъ старшій родственникъ цѣлаго рода удержать при себѣ всѣхъ младшихъ, если они не желали ему подчиняться? И въ наше время даже дѣти уходятъ отъ родителей, а въ началѣ исторіи, когда, по словамъ лѣтописца, люди жили звѣринскимъ образомъ и убивали другъ друга, такіе разрывы кровныхъ связей должны были совершаться гораздо легче. Законъ исторической эволюціи въ томъ и со-

¹⁾ Современныя намъ кочевыя племена не всегда живутъ большими родами. Вогулы кочуютъ небольшими семьями. Поселки ихъ состоятъ изъ трехъ, многояты юрты, и очень удалены другъ отъ друга. У карагасовъ каждая семья живетъ отдѣльно одна отъ другой. Бураты живутъ тоже отдѣльными семьями. Обработанные участки земли переходятъ по наследству.

стоитъ, что всякія общественныя связи, въ началѣ исторіи слабыя, только съ теченіемъ времени укрѣпляются; разсыпанность и разрозненность людей, характеризующая доисторическій бытъ, на глазахъ исторіи переходитъ въ сплоченность и связанность, а не наоборотъ. Это касается и родственныхъ связей.

Изъ скудныхъ свидѣтельствъ начальнаго лѣтописца о томъ, что русскіе славяне жили родами и племенами, авторъ дѣлаетъ заключеніе о наличности у нихъ родовой собственности. Вотъ и все, на чемъ утверждается его патріархальная община. О патріархальной общинѣ говорятъ очень многіе, но никто не взялъ на себя труда выяснить, что это такое. Кто въ патріархальной общинѣ субъектъ родовой собственности, какъ отдѣльные члены родовой общины ею пользуются, каковы права патріарха и каковы его отношенія къ отдѣльнымъ членамъ? Напрасно будемъ искать точныхъ отвѣтовъ на эти вопросы. Не даетъ ихъ и профессоръ Чичеринъ. Онъ ограничивается указаніемъ только одного признака: „родовая собственность нераздѣльна“. Довольно неопредѣленный признакъ. Авторъ не нашелъ даже нужнымъ пояснить, что тутъ не дѣлится, пользованіе или самая собственность? По всей вѣроятности, онъ разумѣетъ недѣлимость собственности, а не пользованія. Это тотъ же признакъ, которымъ отличается и современная крестьянская община. Тамъ нѣтъ частной собственности, нѣтъ наслѣдованія, нѣтъ права распоряженія у отдѣльных лицъ. То же, слѣдовательно, и въ патріархальной общинѣ. Кто же опредѣляетъ тамъ мѣру пользованія отдѣльныхъ членовъ рода и кто всѣмъ управляетъ? Объ этомъ ничего неизвѣстно. Остается гадать. Одинъ родоначальникъ не можетъ всѣмъ управлять, ибо у него можно допустить если не прямо противородовыя симпатіи, то желаніе предоставить любезнымъ ему членамъ рода болѣе преимуществъ, чѣмъ не любезнымъ. Поэтому надо думать, что родовою собственностью управляетъ цѣлый родъ въ совѣтѣ своихъ представителей. А это предполагаетъ весьма сложную организацію рода, при чемъ патріархальный характеръ первоначальной общины утрачивается, и она близко подходитъ къ современной крестьянской. Въ ней надо будетъ и передѣлы допустить. Какъ иначе уравнивать возникающее съ теченіемъ времени неравенство? Такимъ образомъ, правильно развивая допущенное имъ произвольное предположеніе, профессоръ Чичеринъ въ началѣ исторіи долженъ бы былъ допустить то, что отвергаетъ для XV и XVI вѣка ¹⁾. На чемъ основано допущеніе имъ у

¹⁾ Мнѣніе о томъ, что родовой патріархальный бытъ предшествовалъ госу-

насть въ древности поземельной общины? „На общей аналогіи и родствѣ съ другими славянскими племенами“... Общая аналогія, послѣ изслѣдованій Фюстель-де-Куланжа, очень много теряетъ въ своей доказательности. У другихъ славянъ мы встрѣчаемъ задружное владѣніе, т.-е. владѣніе расширенной, большой семьи, которую иногда называютъ семейной общиной. Но эта семейная община владѣетъ не „нераздѣльной собственностью“, а подлежащей раздѣлу. Каждый членъ задруги, если желаетъ, можетъ выйти изъ ея состава и получить свою часть. Это совсѣмъ другое.

Третье основаніе—„нераздѣльность княжескихъ владѣній“. Это чистое недоразумѣніе, навѣянное теоріей родового быта. Княжества не состояли въ общемъ нераздѣльномъ владѣніи рода Рюриковичей. Съ самыхъ древнихъ временъ каждый князь владѣлъ отдѣльнымъ княженіемъ въ опредѣленныхъ границахъ. Эти отдѣльныя владѣнія князьямъ не рѣдко удавалось предоставлять въ наслѣдство и своимъ дѣтямъ (Юрид. древ. т. II стр. 131—150).

До какого времени, по мнѣнію автора, простирается господство этой патріархальной общины, свойства которой никому неизвѣстны, и почему она исчезла безъ слѣда? „Съ пришествіемъ варяжской дружины, съ кореннымъ переворотомъ всего общественнаго быта, отвѣчаетъ авторъ, не могла сохраниться прежняя патріархальная община“... „Дружинное начало разрушило прежнюю родовую связь“ 94. Не одинъ авторъ придаетъ такое значеніе событію 861 года; онъ имѣетъ много сторонниковъ. И все таки это очень сомнительно. Неужели до 861 всѣ русскіе славяне жили совершенно мирно своими родами на родовыхъ земляхъ, передѣляли между собою пользованіе родовой собственностью, спокойно ее воздѣлывали, и никто изъ нихъ не ухो-

дарственному, можно назвать общепризнаннымъ въ наукѣ. Но что это за бытъ и какія въ немъ поземельныя отношенія, это очень не ясно и въ западной литературѣ, представляющей очень разнообразныя рѣшенія этого вопроса. Причина, конечно, въ скудости данныхъ. Въ римскихъ древностяхъ едва ли не всего болѣе сохранилось слѣдовъ родового быта. Но тамъ нѣтъ указаній на нераздѣльность родового имущества. По законамъ XII таблицъ родичи (*gentiles*) призываются къ наслѣдованію. Изъ этого слѣдуетъ, что имущество принадлежитъ не роду, а отдѣльнымъ его членамъ, между которыми и дѣлится. Оно наслѣдуется сперва ближайшими родственниками (*sui heredes*), потомъ слѣдующими за ними, наконецъ, болѣе отдаленными, родичами (*gentiles*). Родъ распадается на отдѣльныя семьи, изъ которыхъ въ каждой есть своя линія наслѣдниковъ. „Отношенія естественныя или патріархальныя“, на которыя ссылается авторъ, вовсе не требуютъ слѣдовательно, нераздѣльности имущества.

днѣ съ мѣста, не составлялъ разбойничьихъ шаекъ и не предавался грабежу мирныхъ жителей? Это трудно допустить. А въ такомъ случаѣ варяги принесли къ намъ менѣе новаго и неизвѣстнаго, чѣмъ, обыкновенно, думаютъ.

Но допустимъ, что угодно профессору Чичерину. Славяне мирно жили въ патриархальныхъ общинахъ, никакихъ дружинъ и насилій не было. Все это пришло съ варягами. Могъ ли ихъ приходъ измѣнить патриархальный бытъ? Или сколько. Вѣдь варяги не вошли въ составъ безчисленныхъ родовъ, населявшихъ русскую землю, ихъ для этого было слишкомъ мало; да едва ли у нихъ могло быть и такое намѣреніе. Они могли дать только примѣръ дружинной жизни; возбудить желаніе имъ подражать. Нѣкоторые члены родовъ, до варяговъ мирно занимавшіеся воздѣлываніемъ родовой собственности, — могли пойти въ дружинники. Вотъ и все. Остальные остались при своихъ мирныхъ занятіяхъ въ патриархальныхъ общинахъ. Кажется, таковы должны были быть дѣйствительныя послѣдствія прихода варяжскихъ дружинъ. Если даже варяжскіе князья, по мнѣнію автора, примѣнили славянскіе порядки къ княжескому владѣнію, то есть полное основаніе думать, что эти порядки въ жизни не могли исчезнуть, а были усвоены и варягами. Вотъ къ чему приводитъ логическое развитіе положеній автора. Никакъ нельзя думать вмѣстѣ съ нимъ, что варяжскія дружины разложили патриархальную общину, а варяжскіе князья усвоили себѣ ея порядки.

Русская Правда, написанная въ самомъ началѣ XII вѣка, но содержащая въ себѣ право XI, X и еще болѣе отдаленной древности, ничего не знаетъ ни о патриархальной, ни о какой другой общинѣ; она говоритъ только о частной собственности, которая дѣлится и наследуется, а потому надо думать, что никакой патриархальной общины и не было. Была общая собственность членовъ семьи и даже членовъ рода, которая при желаніи могла дѣлиться, и только.

За патриархальной слѣдуетъ у автора община владѣльческая. „Прежняя родовая связь исчезла, говоритъ онъ; община не была уже союзомъ лицъ, соединенныхъ естественнымъ происхожденіемъ и общими патриархальными интересами; это былъ союзъ лицъ, соединенныхъ общими повинностями въ пользу землевладѣльцевъ“ 24.

Такой общины тоже не было. Изъ писцовыхъ новгородскихъ книгъ мы знаемъ, что землевладѣльцы сдавали свои земли не общинамъ, а отдѣльнымъ крестьянамъ, и что повинности въ пользу ихъ несло каждое отдѣльное хозяйство — деревня, а не вся волостная

община, о которой тогда и понятія никто не имѣлъ. Это утверждение опять основывается на незнакомствѣ съ новгородскими писцовыми книгами, которое, конечно, нельзя поставить въ вину автору.

Наконецъ, возникаетъ современная поземельная община. Возникновение ея авторъ приписываетъ правительственнымъ мѣропріятіямъ, а потому и называетъ ее государственной. Съ этимъ мнѣніемъ автора мы согласны. Но авторъ не замѣтилъ первыхъ моментовъ возникновенія нашей общины, а потому и относитъ ихъ къ слишкомъ позднему времени. Онъ полагаетъ, что „настоящее устройство сельскихъ общинъ вытекло изъ сословныхъ обязанностей, положенныхъ на земле-владѣльцевъ съ конца XVI вѣка, и преимущественно изъ укрѣпленія ихъ къ мѣстамъ жительства и изъ разложенія податей на души“ 57. Такимъ образомъ, зарожденіе современной общины не восходитъ у него далѣе XVI вѣка, 43—45. Мы полагаемъ, что исторія ея началась гораздо раньше. Въ новгородскихъ пятинахъ первыя основы землевладѣнія крестьянскихъ общинъ заложены въ концѣ XV вѣка, а въ другихъ владѣніяхъ московскихъ князей и того ранѣе. Точно опредѣлить это время нельзя. Можно только утверждать, что возникновение землевладѣнія крестьянскихъ общинъ идетъ рука объ руку съ развитіемъ территоріи Московскаго государства и частной земельной собственности московскихъ князей. Какъ бы ни возникала эта частная собственность, путемъ купель или конфискаціи, если только она не отдавалась служилымъ людямъ, она предоставлялась въ оброчное пользованіе крестьянъ и на ней возникало владѣніе крестьянскихъ общинъ, о которомъ крестьяне выражались такъ: земля царя и великаго князя, а нашего владѣнія. Первые такіе опыты могли возникнуть уже въ концѣ XIV вѣка.

Уравненіе крестьянскихъ участковъ и передѣлы земель относятся къ болѣе позднему времени. Разсмотрѣніе этого вопроса должно происходить въ связи съ разсмотрѣніемъ государственнаго тягла крестьянъ, къ чему мы еще не приступали.

Далеко не такъ сложно мнѣніе профессора Бѣляева. Онъ вѣритъ въ исконное существованіе современной поземельной общины крестьянъ, вотъ и все.

Профессоръ Бѣляевъ раздѣляетъ мнѣніе своего предшественника о томъ, что современной общинѣ предшествовала родовая. Но эта родовая община, по его мнѣнію, уступила свое мѣсто договорной задолго еще до прибытія варяжскихъ дружинъ, 110. Не мудрено, что профессору Бѣляеву свойства этой родовой общины еще менѣе извѣстны, чѣмъ

профессору Чичерину. Что же касается договорной, то она имѣетъ у него всѣ свойства современной. Крестьянская община есть собственница своихъ земель, и только тѣмъ отличается отъ другихъ собственниковъ, что „кажется не имѣла права продавать свои земли безъ особаго разрѣшенія“ 112. У отдѣльныхъ членовъ только пользование землями. Продавать общинныхъ земель они не могутъ, передавать ихъ по наслѣдству тоже. Если въ памятникахъ говорится о продажѣ крестьянами земель и о переходѣ ихъ по наслѣдству, то это относится не къ общиннымъ землямъ, а къ землямъ, принадлежавшимъ имъ на правѣ частной собственности. Передѣлы земель также происходили, хотя и не съ самой глубокой древности, а „въ общинахъ средне-вѣковой Россіи“ 117.

Всѣ эти положенія доказываются ссылками на памятники конца XV, XVI и даже XVII вѣка. Мы уже знаемъ, что эти ссылки оправдываютъ нѣкоторыя изъ мнѣній автора. Но изъ нихъ никакъ не слѣдуетъ, что такъ было съ древнѣйшихъ временъ. Изъ писцовыхъ же книгъ видно, что все это нововведенія. Всего менѣе послуживило автору съ доказательствомъ передѣловъ. Изъ раздачи общинами пустыхъ участковъ вновь приходящимъ крестьянамъ онъ заключаетъ къ праву общинъ производить передѣлы!

Малое знакомство съ писцовыми книгами и здѣсь главная причина недоразумѣній. Полемика же автора противъ нѣкоторыхъ положеній профессора Чичерина превосходна и едва ли не лучшее, что вышло изъ-подъ его пера.

Профессоръ Бѣляевъ утверждаетъ, что родовая община смѣнилась договорной, но не объясняетъ, какъ это случилось. Мы не можемъ придумать никакихъ причинъ, которыя бы объяснили возникновеніе договорной поземельной общины. Намъ понятно возникновеніе по договору общей собственности. Два, три человѣка могутъ составить общество для очистки земли отъ лѣса и потомъ владѣть ею сообща, пока не раздѣлять. Одному человѣку нельзя справиться съ труднымъ дѣломъ вырванія корней, а потому и понятно соединеніе для этой цѣли нѣсколькихъ лицъ. Также понятно соединеніе даже большой массы людей, цѣлой „волости“, для постройки города въ видахъ общей безопасности и охраны. Не отрицаемъ мы и соединенія значительныхъ массъ людей для цѣлей охоты на звѣря и рыбу. Но зачѣмъ бы имъ соединяться для обработки земли? Организация такой обработки большой массою людей дѣло чрезвычайно трудное и легко можетъ вести ко множеству споровъ и пререканій. Такая обра-

ботка легче дается одному, много двумъ-тремъ пріятелямъ. Нельзя не пожалѣть, что почтенный авторъ не высказался, какія же это причины вызвали образованіе договорной общины въ то время, когда на ней не лежала еще никакія повинности, а земли было болѣе, чѣмъ нужно.

Принявъ въ этомъ интересномъ спорѣ участіе и авторъ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, С. М. Соловьевъ ¹⁾. Статья его отличается значительнымъ сочувствіемъ къ общему направленію профес. Чичерина и очень рѣзкими замѣчаніями по адресу профессора Бѣляева. Но почтенный историкъ не находитъ возможнымъ присоединиться ко всему, что говоритъ и Б. Н. Чичеринъ. Онъ находитъ совершенно ошибочнымъ его мнѣніе о томъ, что князья Рюриковичи, завоевывая Русскую землю, обращали ее въ свою собственность ²⁾. Его возраженія идутъ и дальше.

Очень понятно, что творецъ теоріи родового быта князей Рюриковичей съ совершеннымъ сочувствіемъ относится къ мысли о томъ, что первоначально была у насъ родовая община. Но ему не нравится раннее ея исчезновеніе съ приходомъ варяжскихъ дружинъ. „Совершенно справедливо, говоритъ онъ, что сельская община не могла оставаться на той ступени, на которой она находилась въ IX вѣкѣ; но изъ этого еще нисколько не слѣдуетъ, чтобы въ продолженіи своей исторической жизни русская сельская община потеряла всѣ черты, которыя могли бы напоминать намъ о ея первоначальномъ видѣ“ 301.

Какія же черты сохранились отъ древнѣйшихъ, до-рюриковскихъ временъ до нашихъ дней? Авторъ раздѣляетъ мнѣніе профессора Чичерина, что община изъ родовой сдѣлалась гражданской. Что же перешло изъ родовой общины въ гражданскую?

Передѣлы! Изъ этого видно, что почтенный историкъ, хотя и не даетъ описанія патріархальной общины, отправляется, однако, отъ той же догадки, какую и мы сдѣлали, исходя отъ единственнаго

¹⁾ „Русскій Вѣстникъ“, 1866, т. VI, стр. 285.

²⁾ Такое мнѣніе профессоръ Чичеринъ дѣйствительно высказываетъ, 9, 66 и сл., 72, 75. Эта мысль очень занимаетъ его, и онъ возвращается къ ней нѣсколько разъ, развивая и дополняя. Кажется, она надѣлала ему немало хлопотъ. Въ концѣ концовъ онъ приходитъ къ такому заключенію: „право собственности князя на частныя земли состояло въ сущности въ правѣ суда и дани“ 79, 82. Право суда и дани, конечно, не есть проявленіе права собственности. Такимъ образомъ, авторъ нашелъ нужнымъ отказаться отъ того, что выше нѣсколько разъ утверждалъ.

признака патріархальнаго владѣнія, указаннаго профессоромъ Чичеринимъ. Уже до Рюрика земли передѣлялись, и патріархальная община имѣла всѣ черты современной. И это при наличности совершенно иныхъ условій быта! С. М. Соловьевъ такъ и думаетъ, что передѣлы именно были вызваны условіями первоначальнаго быта, совершенно на нашъ не похожаго: „Земель было много, говоритъ онъ, поэтому она теряла свою цѣнность, стремленіе приобрѣтать ее въ неотъемлемую собственность ослаблялось, образовался взглядъ на землю, какъ на общее достояніе, наравнѣ съ воздухомъ и водою, а при такомъ взглядѣ становится легкимъ всякое измѣненіе въ земельныхъ участкахъ“ 302. Вотъ какъ возникли передѣлы, очень ужъ много было земель!

Нельзя сказать, чтобы эта аргументація была сильна. Но почтенный историкъ совершенно послѣдователенъ. Непонятно только, почему онъ прямо не присоединяется къ профессору Бѣляеву. Въ защитѣ древности современной общины онъ идетъ даже далѣе его. У Бѣляева передѣлы только въ средневѣковой Россіи, у него они были еще до Рюрика. Что же касается того, что гражданской общинѣ предшествовала родовая, то этого не отрицаетъ и Бѣляевъ. Разница только во времени. Соловьевъ гораздо ближе къ Бѣляеву, чѣмъ къ Чичерину, но это осталось для него тайной, а профессоръ Бѣляевъ подвергся рѣзкимъ укоризнамъ, вмѣсто выраженій сочувствія. Таково вліяніе ученыхъ „кружковъ“.

Вопросъ, возбужденный профессоромъ Чичеринимъ, остается спорнымъ и послѣ напечатанія новгородскихъ писцовыхъ книгъ. Но изъ двухъ разобранныхъ нами мнѣній, большее сочувствіе встрѣчаетъ въ новой литературѣ мнѣніе Бѣляева и Соловьева. Въ пользу древности современной общины высказываются и авторы новыхъ самостоятельныхъ изслѣдованій вопроса, г. П. Соколовскій и г-жа А. Ефименко. Мнѣніе г-жи А. Ефименко мы уже имѣли случай привести и разобрать (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, октябрь, 1900); теперь приведемъ и рассмотримъ мнѣніе г. П. Соколовскаго, имѣющее весьма многихъ послѣдователей.

Перу г. Соколовскаго принадлежатъ два труда, появившіеся почти одновременно: Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи и Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи ¹⁾. Они дополняютъ другъ друга.

Г. П. Соколовскій внимательно изучилъ и старый матеріалъ и

¹⁾ Первый трудъ появился отдѣльнымъ изданіемъ въ 1877, второй имъ читали въ книжкахъ журнала Историческая бібліотека за 1878 годъ.

вновь напечатанный и составилъ прекрасную картину сельской общины въ XVI и XVII вѣкѣ, которая нуждается лишь въ незначительныхъ поправкахъ; но отъ его добросовѣстной ученой пытливости ускользнуло одно очень важное обстоятельство. Онъ не замѣтилъ, что описываемая имъ крестьянская община только что возникла на земляхъ, конфискованныхъ у частныхъ собственниковъ и предоставленныхъ въ прекарное владѣніе и пользованіе крестьянъ. Крестьянскія общины распоряжаются своими землями, онѣ мѣняють ихъ, отдаютъ участки новымъ поселенцамъ, у нихъ есть общіе луга, лѣса, озера, они защищаютъ свое владѣніе на судѣ и т. д.; все это вѣрно, но все это со вчерашняго дня и на земляхъ, которыя составляли частную собственность новгородскихъ бояръ и бояришекъ, а Иваномъ Васильевичемъ оставлены за крестьянами. Г-ну же П. Соколовскому все это представляется стародавнимъ, исконнымъ явленіемъ.

Вотъ его мнѣніе. Оно начинается съ догадокъ.

„Земля, занимаемая какимъ-либо племенемъ, повидимому, принадлежность всего племени, она его собственность. Черныя земли (то-есть крестьянскія общинныя) были первоначально единственнымъ видомъ земель въ Россіи. Съ теченіемъ времени право на землю переносится на князей. Когда и вслѣдствіе какихъ вліяній совершилось у насъ такое перенесеніе права на землю съ народа на государя, это неизвѣстно. Но съ XV—XVI вѣка она уже называется государевой землей. Татарское завоеваніе не мало содѣйствовало, если не возникновенію, то развитію такого взгляда. Помѣстья возникли изъ черныхъ земель, а вотчины изъ помѣстій. До самой половины XVIII столѣтія у насъ не существовало частной поземельной собственности. Частныя лица, общины имѣли на нее лишь право болѣе или менѣе постояннаго владѣнія, собственникомъ же ея признавался государь.—Происхожденіе общины, ея зародышъ таится въ дали доисторическихъ временъ. Въ предѣлахъ историческаго времени не могла выработаться такая сложная и стройная форма взаимныхъ отношеній. Первоначально волости представляли союзы погостовъ, селъ и деревень, вообще селеній, связанныхъ между собою общиннымъ владѣніемъ земель. До XV—XVI вѣка въ источникахъ можно найти лишь самыя неполныя и отрывочныя данныя объ общинѣ. Дошедшія же до насъ данныя относятся къ тому времени, когда разрушеніе волостныхъ общинъ было въ большинствѣ мѣстныхъ совершившимся фактомъ“¹⁾.

¹⁾ Экон. бытъ, стр. 5, 56, 57, 60, 77, 123, 127 и 136.

Авторъ послѣдовательно и полно развилъ здѣсь знакомую уже намъ точку зрѣнія. Западные ученые въ явленіяхъ общиннаго землевладѣнія германцевъ XII вѣка видятъ лишь слабые остатки широкаго развитія этой формы, господствовавшей у нихъ еще до великаго переселенія народовъ; то же и у нашего автора: русская поземельная община возникла въ доисторическія времена, мы наблюдаемъ ее въ періодъ вымиранія.

Изъ области догадокъ, въ пользу которыхъ нельзя привести никакихъ доказательствъ, перейдемъ къ описанію общины по памятникамъ XV—XVI вѣка, но остановимся только на тѣхъ частяхъ описанія, которыя нуждаются въ нѣкоторыхъ поправкахъ. Мы не отрицаемъ крестьянской земельной общины, созданной московскими князьями на принадлежавшихъ имъ земляхъ; на этихъ земляхъ у крестьянъ появились общіе луга, лѣса и озера, они распоряжаются ими и защищаютъ ихъ на судѣ; мы ничѣго этого не отрицаемъ, а потому и не имѣемъ надобности возражать въ этихъ пунктахъ автору.

Но онъ идетъ далѣе. Полагая, что наблюдаемые у насъ явленія общиннаго владѣнія составляютъ остатокъ глубокой старины, онъ утверждаетъ, что въ XV еще вѣкѣ погосты, села и деревни были связаны общиннымъ поземельнымъ владѣніемъ въ одно цѣлое—въ волость. „Земледѣльческое населеніе сѣверной Россіи, говоритъ онъ, въ XV—XVI вѣкѣ жило не въ одиночку, не на подворныхъ участкахъ, а группировалось въ общества, называвшіяся выставками, починками, деревнями, селами, сельцами, погостами и т. д... Союзъ нѣсколькихъ такихъ выселковъ, составлявшихъ волость, назывался нерѣдко „волостью выставкой“ или „выставкой погостомъ“. Это утвержденіе онъ сопровождаетъ пятью ссылками на Приложение къ изслѣдованію Неволіна о пятинахъ. По этимъ ссылкамъ можно подумать, что у Неволіна приведены документы, указывающіе на союзы выставокъ, починковъ, деревень и т. д. Ничего такого нѣтъ у Неволіна. Излагая содержаніе писцовыхъ книгъ, онъ приводитъ и содержащіеся въ нихъ указанія на погосты, выставки, деревни и т. д., но чтобы они составляли поземельные союзы, на это нѣтъ ни одного указанія. Деревни, починки, а въ позднѣйшихъ книгахъ выставки описываются, какъ совершенно отдѣльныя поселенія. Новые поселки сперва садятся на льготы и ничего не платятъ, а по истеченіи льготныхъ лѣтъ платятъ каждый особо за себя. Съ конфискаціи, какъ было указано, это мѣняется, и возникаетъ обложеніе по волостямъ, т. е. по прежнимъ частнымъ владѣніямъ. Но это новость, а не старина. Нѣкоторыя вы-

ставки уходили отъ своихъ метрополій за 50, 70 и даже за 80 верстъ. Неволинъ 107. Какъ же было тутъ возникнуть поземельной общинѣ?

„Погосты Новгородской губерніи, продолжаетъ авторъ, составляли прежде общины, т. е. поземельные союзы поселковъ, слѣды которыхъ находимъ еще въ XV и XVI вѣкахъ“. И опять ссылки на источники, писцовыя книги и иные.

Остановимся на погостахъ и рассмотримъ, что это такое. Древнѣйшее извѣстіе о нихъ нисходитъ ко временамъ великой княгини Ольги. Лѣтописецъ говоритъ, что она „устила по Мстѣ погосты и дани и по Лузѣ оброки и дани“. Почтенный авторъ желаетъ, чтобы мы въ погостахъ видѣли поземельные союзы поселковъ, крестьянскія общины. Извѣстіе лѣтописи не вкладывается въ такую гипотезу. Правда, оно слишкомъ кратко и можетъ вызывать разные предположенія; но думать, что Ольга учредила поземельные союзы, не представляется никакого основанія. Въ это время земли было такъ много, что каждый могъ брать ее гдѣ хотѣлъ и сколько хотѣлъ. Да и по мнѣнію автора его крестьянскія общины возникли гораздо прежде Ольги. Она, однако, по лѣтописцу, установила погосты. Это, надо думать, что-нибудь другое, а не сельскія общины. Извѣстіе лѣтописи такъ кратко, что на немъ трудно построить что-нибудь опредѣленное. Ясно только, что погосты Ольги имѣютъ какое-то отношеніе къ повинностямъ, они переплетаются съ данями и оброками. Въ изслѣдованіи Неволлина о пятинахъ приведена вся литература этого вопроса и древнѣйшія указанія памятниковъ на погосты. Мы не будемъ повторять, что имъ хорошо сказано, а прямо перейдемъ къ описанію погостовъ въ древнѣйшихъ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ. Они даютъ совершенно достаточный матеріалъ для рѣшенія вопроса о томъ, чѣмъ были погосты въ XV вѣкѣ, а слѣдовательно и много времени ранѣе.

Неволинъ уже сказалъ, что они были правительственными округами, 85. И это совершенно вѣрно. Описаніе селъ и деревень происходитъ въ предѣлахъ погостовъ. О каждой деревнѣ говорится, что она въ такомъ-то погостѣ. Такъ ведется все описаніе. Напримѣръ: „Въ Шегринскомъ погостѣ вел. князя деревни Павловскіе Мануйлова за Олешкою за Квашиннымъ“, идетъ опись деревень. А потомъ: „Въ Шегринскомъ же погостѣ вел. князя деревни Захарьинскія Овинова за Гордѣемъ за Семеновымъ сыномъ Сарыхозина“, идетъ опись деревень. А потомъ опять — „Въ Шегринскомъ же погостѣ деревни“ и т. д.

Погостъ есть округъ. Но какой? Не судебный, ибо судомъ погосты тянутся къ городамъ. Это хотя и не всегда, но много разъ обозначается. Напримѣръ: „А въ Налючскомъ погостѣ въ Курскомъ присудѣ“, „въ Дѣмонскомъ присудѣ въ Полоновскомъ погостѣ“, „въ Курскомъ присудѣ въ Устьянскомъ погостѣ“. „въ Буховскомъ погостѣ въ Ноугороцкомъ присудѣ“ и т. д. Древняя администрація вся исчерпывалась вопросами суда и повинностей, а потому на долю погостовъ, какъ административныхъ округовъ, остаются однѣ повинности. Въ этомъ смыслѣ о деревняхъ иногда пишутъ: „тянутся къ погосту Спаскому“, т. е., платежомъ повинностей.

Итакъ, всѣ села и деревни погоста составляютъ одну податную единицу. Для этого должны быть на мѣстѣ какія-либо учрежденія. Въ этомъ предположеніи Неволинъ и говоритъ, что погостъ, кромѣ округа, означаетъ еще и главное мѣсто такого округа. Это совершенно естественное предположеніе не оправдывается, однако, нашими источниками. Древнѣйшія писцовыя книги не содержатъ никакихъ указаній на какіе-либо правительственные центры въ погостахъ; мы не замѣтили ни одной погостской избы, на которыя есть указанія въ писцовыхъ книгахъ позднѣйшаго времени, и никто не указываетъ такихъ избы¹⁾. Надо думать, что погостская финансовая администрація была сведена до своего минимума.

Мы нашли только одно указаніе на административный погостскій органъ, но очень чреватое. Въ описаніи Каргальскаго погоста Вотской пятины одинъ изъ своеземцевъ названъ старостой. Думаемъ, это и есть погостскій финансовый органъ. Онъ не крестьянинъ-арендаторъ чужой земли, а землевладѣлецъ собственникъ, хотя и очень

¹⁾ Въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка, Калачовъ т. II 805, мы встрѣтили такое мѣсто при описаніи Андреевскаго села въ Тверскомъ уѣздѣ: „дворъ безнаменной, а приходятъ на него Одреевскаго села крестьяне“ (дворцовые).

Къ другимъ заключеніямъ по этому вопросу пришелъ г. Паниковъ, „Русск. Вѣстникъ“, 1898 г. XI и XII. Онъ полагаетъ, что въ погостѣ, какъ главной мѣстности округа, „находились дворы начальствующихъ лицъ, какъ выбранныхъ самими погощанами, такъ и назначенныхъ правительствомъ или же посаженныхъ помѣщиками въ качествѣ ихъ управителей“. XI. 69. Что на погостахъ иногда находились дворы правительственныхъ органовъ, волостелей и ихъ тѣнузовъ, и ключниковъ частныхъ лицъ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію и совершенно доказывается мѣстами писцовыхъ книгъ, приведенными авторомъ. Но это не погостскія власти, а власти или правительственныхъ волостей или частно-владѣльческихъ. Слѣдовало бы доказать наличность въ погостахъ—погостскихъ властей, чего авторъ не сдѣлалъ.

небогатый. Призваніе его въ органы администраціи очень понятно, въ общи положены не однѣ только земли, на которыхъ сидятъ крестьяне, но и господскія. Въ той же деревнѣ, гдѣ имѣлъ дворъ этотъ староста, было еще два двора родныхъ братьевъ, и одинъ изъ нихъ былъ попъ. Весьма вѣроятно, что староста и попъ были родственники. Можно думать, что эта деревня представляла интеллигентный уголокъ того времени.

Что указанія на старость такъ рѣдки ¹⁾, это неудивительно. Писцы описывали хозяйства, а не должности, а при томъ старосты, по всей вѣроятности, мѣнялись ежегодно, это слѣдовательно признакъ очень непостоянный и къ дѣлу неидущій. И дѣла, по всей вѣроятности, у старостъ было не очень много. Число обожъ опредѣляло правительство, а не мѣстные органы. У мѣстныхъ органовъ оставался одинъ сборъ съ раскладкой, да и въ этомъ имъ могли помогать землевладѣльцы и сами крестьяне ²⁾.

¹⁾ Мы еще встрѣтили старосту въ волости, бывшей купца Шалимова I 100. Но эта волость осталась за великимъ княземъ, а потому здѣсь староста могъ замѣнить господина, и былъ, можетъ быть, волостной, а не погостскій.

²⁾ Г. Папковъ значительно преувеличиваетъ правительственное значеніе погостовъ. Въ доказательство своей мысли о весьма широкой дѣятельности выборныхъ погостскихъ властей онъ приводитъ документы XVI и XVII вѣка, а не XV. Вотъ приводимый имъ наказъ новгородскимъ дьякамъ о сборѣ податей съ новгородскихъ пятинъ. „...Велѣно во всѣ пятинны разослати грамоты, чтобы князи и дѣти боярскія, и всѣ служилые люди, и игумены и попы и дьяки, и старосты и сотскіе и пятидесятскіе и десятчкіе, и всѣ крестьяне выбрали изъ пятинъ по сыну по боярскому, по доброму, да изъ пятинъ же выбрали человека по 3 и по 4 лучшихъ людей, да изъ погоста по человеку, а изъ малыхъ погостовъ изъ двухъ или изъ трехъ по человеку, а велѣно тѣмъ старостамъ выборнымъ собирать наши ямскія и приметныя деньги, и за посолные люди, и за емчужное дѣло, и всякія подати, по писцовымъ книгамъ, и привозить къ вамъ въ Новгородъ“... Д. кз А. И. I 94. 1556.

Этотъ документъ можно приводить въ доказательство того, что въ XVI вѣкѣ погостскія власти не удовлетворяютъ московское правительство и замѣняются выборными изъ цѣлыхъ пятинъ, а никакъ не въ доказательство широкой ихъ дѣятельности.

Дѣло идетъ о сборѣ повинностей и о доставленіи ихъ въ Новгородъ. Это предоставляется мѣстными выборными. Кто ихъ избираетъ? Всѣ жители пятинны и мѣстныя власти: старосты, сотскіе и пр. Пятинны состоятъ изъ погостовъ, мѣстныя власти суть, конечно, погостскія. И вотъ эти погостскія власти не годятся для сбора, онѣ только избиратели сборщиковъ. При этомъ маленькіе погосты соединяются въ одинъ. Погосты исчезаютъ, слѣдовательно, въ болѣе крупной единицѣ, въ пятинѣ. Въ XV вѣкѣ деревни тянули сборами къ погосту, а теперь и этого нѣтъ; произошло объединеніе сборовъ на всю пятину. Правительственное

Но погостъ, кромѣ округа, означалъ еще и мѣсто. Что это за мѣсто, это хорошо объяснили Д. В. Китаевъ да Н. Ч. С. Моклоковъ, описывавшіе въ 1500 году первую половину Вотской пятины. Въ ихъ описи есть любопытная особенность. Они начинаютъ описаніе каждаго погоста съ указанія на то, есть въ немъ погостская церковь или нѣтъ. Напримѣръ: „Погостъ Григорьевскій-Кречневскій. А церковь того погоста владычная, а писана во владычнѣ волости въ семь же погостѣ“. А вотъ описаніе самаго погоста-мѣста: „Въ Кречневскомъ же погостѣ деревни владычни. На погостѣ церковь Григорій Богословъ, да на погостѣжъ: дворъ попъ Ермола, дворъ дьякъ церковный Грихно Степанковъ, не пашутъ; а хрестьянъ (слѣдуетъ перечисленіе пяти дворовъ), а дохода владыцѣ сто и 20 яицъ, а изъ хлѣба треть“. Мѣсто, гдѣ находится погостская церковь, и называется въ описяхъ погостомъ и описывается особо со всѣмъ тѣмъ, что „на погостѣ“ находится. Эти мѣста-погосты Неволинъ и принималъ—за главныя мѣстности погоста-округа.

значеніе погостовъ, не великое и въ XV вѣкѣ, въ XVI еще болѣе падаетъ. Маленькіе погосты по 2 и по 3 соединяются въ одинъ для выбора пятиннаго сборщика, а не погостскаго.

Изъ другихъ документовъ мы знаемъ, однако, что правительственное значеніе нѣкоторыхъ погостовъ, въ указанномъ нами смыслѣ, сохраняется еще и въ XVII вѣкѣ. Изъ писцовой книги Оболяжской пятины, Заонѣжской половины, видно, что деревни Оптинскаго погоста тянутъ къ этому погосту податями и всякими мірскими разметаи, и что старосты и цѣловальники погоста раскладываютъ на деревни и выставки эти повинности. Неволинъ, О погостахъ 107 и сл.

Г. Панковъ съ большою любовью относится къ нашимъ древнимъ погостамъ и надѣлаетъ ихъ такими качествами, какихъ они вовсе не имѣли. „Изъ исторіи возникновенія погоста, говоритъ онъ, мы знаемъ о его изстари торгово-промышленномъ значеніи, а потому особенно любопытно выиснить тотъ *торговый характеръ* погоста, который за нимъ сохранился въ позднѣйшую эпоху, именно съ конца XV по XVII вѣкъ включительно“. XI 66. И затѣмъ авторъ приводитъ указаніе на существованіе въ погостахъ торговыхъ помѣщеній и ярмарокъ. Что на погостахъ жили торговые и промышленные люди, что тамъ были ихъ амбары и лавки и устраивались ярмарки, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Но это не составляетъ необходимаго признака погоста. Въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ гораздо чаще встрѣчаются погосты, въ которыхъ не было ни торговыхъ людей, ни торговыхъ помѣщеній, и все населеніе которыхъ состояло изъ 3—4 дворовъ, въ которыхъ жили: попъ, дьякъ, проскурница и церковный сторожъ. Переписная книга второй половины Вотской пятины (*Временникъ* XI и XII) описываетъ 20 погостовъ, и только на одномъ изъ 20 жилъ одинъ торговый человекъ (въ Никольско-Ижерскомъ); въ остальныхъ никто не жилъ, кромѣ причта, просвирицы и, иногда, сторожа. А тѣмъ не менѣе это были погосты. Итакъ, „торговый характеръ“ не есть принадлежность погоста.

Что такое погостская церковь? Это приходская церковь для всего погоста и при ней кладбище для похоронъ погостскихъ людей. И теперь у народа „погостъ“ означаетъ сельскій приходъ и церковь съ кладбищемъ. Даль. Въ погостахъ встрѣчаются еще частныя церкви въ селахъ и даже деревняхъ отдѣльныхъ землевладѣльцевъ; но это ихъ собственныя церкви, онѣ могутъ быть закрыты для публики; хоронить умершихъ около нихъ тоже нельзя безъ дозволенія господина. Эти церкви можно приравнять къ современнымъ домовымъ.

Устройство погостскихъ церквей было чрезвычайно разнообразно. Въ большинствѣ случаевъ онѣ находились на владѣльческихъ земляхъ: бояръ, бояришекъ, владыки, монастырей и церквей (городскихъ). Въ этихъ случаяхъ на томъ же погостѣ, кромѣ домовъ причта, иногда, былъ домъ господина, его людей, крестьянъ, поземщиковъ.

При описаніи волости извѣстнаго намъ И. В. Захарьина-Лятца прежде всего читаемъ: „На погостѣ церковь Великій Архангелъ Михаилъ; на погостѣ же дворъ попъ Павелъ, дворъ церковный дьякъ Олферко, сынъ его Ивашко, дворъ пономаръ Офонаско, дворъ проскурица Анна, сѣютъ ржи 6 коробей, а сѣна косятъ 40 копенъ, 2 обжа“. II 263.

Здѣсь на погостѣ никого нѣтъ, кромѣ причта. А на погостѣ въ деревняхъ извѣстнаго намъ Зах. Овинова живетъ самъ новый помѣщикъ и его люди, а прежде жили люди Овинова. II 196.

Погостскія церкви строились въ деревняхъ не однихъ богачей, онѣ встрѣчаются и на земляхъ небогатыхъ своеземцевъ. Своеземцу Ивашкѣ Миронникову принадлежало всего четыре деревни, а на его землѣ была погостская церковь, а на томъ же погостѣ, кромѣ дворовъ причта, было два двора его крестьянъ. II 321.

Весьма много погостскихъ церквей встрѣчается на земляхъ владычныхъ и монастырскихъ. На такихъ погостахъ весьма нерѣдко были и дворы владычныхъ и монастырскихъ крестьянъ и не пашенныхъ людей; встрѣчаются тамъ и владычныя и монастырскіе дворы¹⁾.

Встрѣчаются погостскія церкви и на земляхъ общихъ нѣсколькимъ владѣльцамъ. При этомъ также бывають на погостахъ господскіе и крестьянскіе дворы кого-либо изъ совладѣльцевъ, а иногда и каждого изъ нихъ²⁾.

Мы не можемъ останавливаться здѣсь на вопросѣ, какъ и чѣмъ

¹⁾ I 71, 451, 612, 652, 684, 753; II 393, 411, 465, 494, 578.

²⁾ Для примѣра: I 946; II 196, 498.

обеспечивалось содержаніе погостскихъ церквей и причта. Это выходитъ за предѣлы нашей задачи. Укажемъ только на то, что иногда причту отводились мѣстными владѣльцами земли, которыя имъ и воздѣлывались. Очень можетъ быть, что именно такимъ образомъ, то есть путемъ частнаго пожертвованія, возникли погостскія церкви, о которыхъ писцы говорятъ, что у нихъ пашня на церковной землѣ. Обыкновенно на такихъ погостахъ никто, кромѣ причта, не живетъ ¹⁾). Это указываетъ на то, что эти церковныя земли были не велики и сдавать въ аренду было нечего. Онѣ воздѣлывались руками причта.

Если на погостѣ жилъ самъ владѣлецъ или его ключникъ, то о принадлежащихъ ему деревняхъ говорится, что онѣ тянутъ къ погосту, то есть тянутъ къ мѣсту жительства господина платежомъ дохода.

Предоставленіе частными владѣльцами своихъ земель подъ устройство церквей и кладбищъ и для помѣщенія причта, а иногда и нахотныхъ для него земель, является дѣломъ усердія; а со стороны владыки и монастырей такое пожертвованіе входитъ даже въ кругъ ихъ христіанскихъ обязанностей по распространенію и поддержанію вѣры. Въ концѣ XV вѣка эта дѣятельность духовныхъ учреждений и частныхъ лицъ не была, однако, на высотѣ своего призванія. Встрѣчаются погосты, въ которыхъ не было ни церкви приходской, ни погоста (мѣста). Писцы иногда такъ и пишутъ: „Погостъ Заверяжье. А церкви погостскія нѣту, ни погоста“. Въ Вотской пятинѣ такихъ погостовъ безъ погостскихъ церквей—пять на 36 погостовъ. Въ Деревской пятинѣ положеніе дѣлъ было еще хуже. На 54 погоста (мы исключаемъ города и волости) въ 15 не было ни погостской церкви, ни погоста ²⁾). Не беремъ на себя рѣшать, какъ удовлетворялись духовныя потребности населенія въ этихъ случаяхъ.

¹⁾ Для примѣра: III 414, 569, 637, 680, 712, 726.

²⁾ Новогор. писцов. книги не имѣютъ указателей, а потому, для проверки нашихъ наблюденій, мы считаемъ не лишнимъ назвать тѣ погосты, въ которыхъ мы не нашли погостскихъ церквей. Въ Деревской пятинѣ погостскихъ церквей пять въ погостахъ: Посонскомъ, Бологовскомъ, Млевскомъ, Михайловскомъ, Городенскомъ, Великопорожскомъ, Боровицкомъ, Пиросскомъ, Налескомъ, Яжелобичскомъ, Локотскомъ, Островскомъ, Морозовскомъ, Холовскомъ и Новолоцкомъ.

Въ Посонскомъ пог. — погостъ-мѣсто не описывается, но тамъ есть селцо Погостъ, въ которомъ есть и церкви, въ этомъ селѣ живетъ владѣлецъ. Это частная церковь, а не погостская.

Тоже въ Бологовскомъ погостѣ; тамъ есть селцо Бологое съ церковью, въ селѣ живетъ владѣлецъ. Думаемъ, что и это частная церковь, а не погостская.

Въ Вотской пятинѣ на Дмитріевскомъ-Городенскомъ погостѣ было двѣ церкви. Въ Деревской пятинѣ, кромѣ погостскихъ церквей, мы встрѣтили еще 15 церквей частныхъ; но распредѣлены онѣ были по погостамъ очень неравномѣрно: въ нѣкоторыхъ погостахъ было по двѣ церкви, и приходская и частная, а въ другихъ ни одной.

Итакъ, ни погостская церковь, ни погостъ-мѣсто не составляютъ необходимой принадлежности погоста-округа. Онъ можетъ быть и безъ церкви приходской ¹⁾).

Заключаемъ: погостъ-округъ состоитъ изъ нѣкотораго количества владѣній частныхъ лицъ; погостъ-мѣсто, если таковое есть, — изъ приходской церкви, кладбища, дворовъ причта, а иногда и изъ нѣсколькихъ дворовъ частныхъ владѣльцевъ и ихъ крестьянъ и поземщиковъ. Ни тутъ, ни тамъ во всѣхъ 172-хъ погостахъ, полное описаніе которыхъ мы имѣемъ, не встрѣчается ни одного клочка земли,

Въ пог. Михайловскомъ тоже; тамъ есть сельцо Тимофеевское, въ немъ живетъ владѣлецъ и есть церковь во имя Николая. Это тоже частная церковь, а не погостская.

Въ описаніи Городенскаго пог. упоминаются дворы „у Николы на погостѣ“, но этотъ Никольскій погостъ находится въ Вельевскомъ погостѣ, гдѣ и описанъ.

Въ остальныхъ погостахъ нѣтъ никакихъ церквей.

Въ Вотской пятинѣ нѣтъ погостскихъ церквей въ погостахъ: Заварежскій, Антоновскій, Каргальскій, Городенскій въ Ладомскомъ уѣздѣ и Городенскій въ Корелѣ.

Два послѣднихъ погоста находились около городовъ Ладоги и Корелы, а потому Невольнъ думаетъ, что приходскія церкви ихъ были въ городахъ. Если это и принять, результатъ остается тотъ же: оба погоста своей церкви не имѣли.

Но мы не имѣемъ всѣхъ описей новгородскихъ пятинъ, а потому кто-нибудь скажетъ: погостскія церкви, которыхъ не оказалось въ дошедшихъ описяхъ, могли находиться въ недошедшихъ. Такого возраженія нельзя сдѣлать потому, что, если церковь погостская находилась гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, писецъ ея не описывалъ, но всегда упоминалъ о ней, напримѣръ: „Погостъ Никольскій съ Городища, а церковь того погоста въ Обонежской пятинѣ, за Волховомъ, на Городищѣ“. *Временникъ*, XI. 107.

¹⁾ Г. Панковъ не въ мѣру преувеличиваетъ и церковное значеніе древнихъ погостовъ. „Жители погостовъ, по его мнѣнію, были связаны въ одно живое цѣлое для совмѣстнаго отбыванія церковныхъ и гражданскихъ повинностей“. „Погосты въ качествѣ церковно-административныхъ округовъ составляли обычное явленіе“. „На сколько въ старину твердо было проведено то начало, что храмъ въ главномъ селеніи погоста составлялъ просвѣтителъный центръ церковной и общественной жизни всего округа, и что цѣльность прихода должна быть по возможности сохранена...“ и т. д. XI, 59, 61, 79. Какъ все это могло быть, когда значительное число погостовъ не имѣло ни погоста (мѣста), ни церкви!

который до конфискаціи состоялъ бы во владѣніи крестьянской общины.

На какомъ же основаніи почтенный авторъ утверждаетъ, что „погосты прежде составляли общины, то есть поземельные союзы поселковъ, слѣды которыхъ находимъ еще въ XV—XVI вѣкѣ“? Оч. ис. с. об. 77.

Вотъ его основанія. Въ виду важности ихъ для рѣшенія спорнаго вопроса, мы должны остановиться на каждомъ изъ нихъ особо.

„Земли, говоритъ онъ, состоящія въ общемъ владѣніи погоста, нерѣдко описываются въ писцовыхъ книгахъ; такъ у Неволіна (Приложеніе 339) описываются порожнія земли и угодья погоста“.

Здѣсь авторъ ссылается на писцовую книгу конца XVI вѣка (1582—1583). Но тамъ нѣтъ того, что ему угодно было прочесть. Тамъ рѣчь идетъ „о порожнихъ земляхъ царя и великаго князя, что были въ помѣстьяхъ за дѣтьми боярскими“, и затѣмъ приводится итогъ: „И всего въ Покровскомъ погостѣ порожнихъ земель...“. Эти земли находятся въ погостѣ-округѣ, но онѣ не принадлежатъ погосту, и такого субъекта правъ, какъ погостъ, у насъ никогда не было.

Далѣе у почтеннаго автора читаемъ. „Рутинскій погостъ отданъ жителямъ сосѣдняго рядка Селищю для пашни на разѣмъ за оброкъ въ волость—гривну и 5 денегъ“.

Это опять большое недоразумѣніе. Въ приведенной цитатѣ, что ни слово, то ошибка. Мы должны привести подлинное мѣсто источника. Подробный анализъ его дастъ интересную картину погостамѣста.

„Въ Рутинскомъ погостѣ великаго князя волость оброчная Ивановская Маркова. Сельцо Порѣчье“. Идетъ перечисленіе дворовъ. „А на погостѣ у Егорья Св. дворы Ивановскіе же Маркова. На великаго же князя жеребьяхъ—8 дворовъ. А позему даютъ великому князю 3 гривны и 4 деньги. Да тѣ же рядовичи пашутъ селищю¹⁾ на разѣмъ, а даютъ съ него оброку въ волость гривну и 5 денегъ“.

Неволіинъ выписалъ это (200) изъ описанія Деревской пятины, теперь уже давно напечатаннаго. Дѣло идетъ о волости, принадлежавшей Ивану Маркову и конфискованной великимъ княземъ. Крестьяне этой волости платили доходъ Маркову съ каждой деревни

¹⁾ Т. е. пустую деревню. Селище и теперь, между прочимъ, значитъ: гладко выгорѣвшее или уничтоженное, спесенное селеніе, остатки жилого мѣста. Даль.

особо. Послѣ конфискаціи, какъ это обыкновенно тогда дѣлалось, подворный доходъ господину замѣненъ общимъ оброкомъ со всей волости въ пользу князя. Волость означаетъ здѣсь — бывшее имѣніе Маркова, не больше.

Погостская церковь Св. Григорія была выстроена на общей землѣ, принадлежавшей прежде четыремъ владѣльцамъ: Ивану Маркову, у котораго на погостѣ было 8 дворовъ, Григорью Кобылину, у котораго тамъ было 3 двора крестьянъ, да 3 двора не пашенныхъ людей, Якиму Анашкину, у котораго было 10 дворовъ пашенныхъ и не пашенныхъ людей, и, наконецъ, Ивану Самсонову, у котораго было 7 дворовъ поземщиковъ. Это былъ очень населенный погостъ; жители его построились рядами и образовали цѣлыя улицы. Земли всѣхъ перечисленныхъ владѣльцевъ въ Рутинскомъ погостѣ были конфискованы на государя, но за нимъ остались только земли Маркова, а земли остальныхъ владѣльцевъ были отданы въ помѣстья: Кобылинскія—князьямъ Крапоткинымъ, Анашкинскія—Костянтинову, Самсоновскія—Отиеву, къ нимъ же пошли и ихъ погостскіе дворы. Такимъ образомъ, и послѣ конфискаціи погостъ-мѣсто остался въ общемъ владѣніи и тоже четырехъ владѣльцевъ: князя и трехъ помѣщиковъ¹⁾. Но у великаго князя только Марковскіе дворы. Это и значитъ „на жеребьяхъ великаго князя“. За великимъ княземъ остались 8 дворовъ не пашенныхъ, гдѣ жили поземщики. Они арендовали ближайшее селище, стали его пахать на разѣмъ, то есть кому сколько понадобилось, и за это, кромѣ позема, должны были платить оброкъ, какъ и всѣ крестьяне великаго князя. Этотъ оброкъ они платятъ въ волость, такъ какъ великій князь имѣетъ дѣло не съ отдѣльными дворами или деревнями, а съ цѣлою волостью, то есть съ цѣлымъ имѣніемъ Маркова.

Говоря коротко, дѣло состоитъ въ томъ, что нѣсколько поземщиковъ, живущихъ на погостѣ, нанимаютъ конфискованную великимъ княземъ землю, кому сколько нужно (на разѣмъ) и платятъ за нее оброкъ въ волость, какъ и всѣ крестьяне, сидящіе на земляхъ великаго князя. О погостѣ, кому-то отданномъ для пашни, и рѣчи нѣтъ.

Господинъ же П. Соколовскій прочелъ совсѣмъ другое: у него весь Рутинскій погостъ отданъ жителямъ сосѣдняго рядка Селище для пашни!

¹⁾ Въ краткой описи Неволгина всѣхъ этихъ свѣдѣній нѣтъ; мы беремъ ихъ изъ писцовыхъ книгъ.

Не смотря на то, что авторъ читаетъ совсѣмъ не то, что написано, онъ имѣетъ много послѣдователей ¹⁾, а потому мы должны продолжать.

На той же страницѣ послѣ только что разобраннаго мѣста о погостахъ читаемъ: „Стремленіе организовать въ подобные (?) поземельные союзы было такъ всеобще, что даже сотни и десятки, имѣвшіе первоначально чисто военное значеніе, развивались въ волостныя общины. Такъ, напримѣръ, Сумерская волость, населенная пахатными солдатами, составляла прочно организованную общину“. Затѣмъ приводится выписка изъ сотной, данной въ 1627—1628 году крестьянамъ Сумерской волости, изъ которой видно, что оброкомъ облагается цѣлая волость, а не отдѣльные дворы—деревни, что у волости есть угодья, рыбныя ловли и т. д. Все это совершенно вѣрно. Можно только сожалѣть, что авторъ доказываетъ такія права волостей ссылкой на документъ XVII вѣка. Онъ могъ бы найти совершенно однородныя явленія въ писцовыхъ книгахъ конца XV-го. Но онъ тамъ увидалъ бы, что это новыя явленія, которыя только что возникли послѣ конфискаціи, и что до конфискаціи волостями въ новгородскихъ пятинахъ назывались владѣнія частныхъ лицъ, а не общины.

Нѣсколько строкъ далѣе читаемъ: „Сумерская волость не была одиночнымъ явленіемъ. Великокняжеская волость Морева, Велела, Холмскій погостъ, судя по дѣленію на десятки, обнаруживаютъ военное происхожденіе, но въ то же время образуютъ волостныя общины. Земли каждаго десятка, въ которыхъ было отъ 6 до 16 поселковъ, состояли въ общемъ владѣніи всѣхъ его жителей и назывались десятскими землями“.

Выше мы уже имѣли случай обратить вниманіе читателя на особенность описанія деревень въ волостяхъ Морева, Велела и въ погостѣ Холмскомъ. Но эта особенность не въ томъ, въ чемъ видитъ ее почтенный авторъ. Земля вовсе не состоитъ въ общемъ владѣніи всѣхъ жителей десятка. Крестьянскіе участки описываются здѣсь, какъ и во всѣхъ пятинахъ, по деревнямъ; каждая деревня, какъ и вездѣ, составляетъ особое цѣлое, имѣетъ свой особый посѣвъ и особо платитъ съ него доходъ. Ни малѣйшихъ слѣдовъ общаго владѣнія землями всѣхъ деревень десятка.

Особенность описанія состоитъ въ томъ, что не указаны прежніе

¹⁾ Для примѣра уважемъ на изслѣдованія г. Лаппо-Данилевскаго, Организация прямого обложенія стр. 77 примѣч., и г. Папкова о Погостахъ, Рус. Вѣст. 1898, XI, стр. 63.

владѣльцы, ново и старо сведенные новгородскіе бояре и бояришки, и что деревни описываются не по ихъ владѣніямъ (волостямъ), а по десяткамъ.

Почтенный авторъ думаетъ, что дѣленіе на десятки обнаруживаетъ военное происхожденіе этихъ волостей и погоста. Это чрезвычайно рискованное утвержденіе. Во всѣхъ писцовыхъ книгахъ конца XV вѣка слово волость имѣетъ всегда одинъ и тотъ же смыслъ, это совокупность деревень, состоящихъ въ частномъ владѣніи свѣтскихъ лицъ и духовныхъ учреждений. Ни о какомъ военномъ происхожденіи этихъ волостей и рѣчи быть не можетъ. Мы знаемъ, что такое погостъ; о военномъ происхожденіи Холинскаго погоста также не можетъ быть никакой рѣчи. Предположеніе автора о военномъ происхожденіи двухъ волостей и одного погоста ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть принято. Что же представляетъ собою распределеніе по десяткамъ деревень въ этихъ мѣстностяхъ, которое нигдѣ болѣе не встрѣчается?

Этотъ вопросъ мы ставили выше и въ виду того, что такое дѣленіе на десятки нигдѣ болѣе не встрѣчается, мы полагали, что объясненіе ему надо искать въ какихъ-либо особенностяхъ этой мѣстности. Такая особенность нашлась и нами указана въ своемъ мѣстѣ. Дѣленіе на десятки введено, по всей вѣроятности, временнымъ владѣльцемъ, этихъ волостей и погоста, княземъ Бѣльскимъ. Это остатокъ его личныхъ хозяйственныхъ распоряженій. Послѣ его ухода (опись была сдѣлана, когда князь Бѣльскій былъ уже переведенъ въ другое мѣсто), осталось только введенное имъ наименованіе, самое же дѣленіе на десятки не сохранилось. Десятки распались, отдѣльныя деревни десятка розданы въ помѣстья разнымъ лицамъ. Въ моментъ описанія десятковъ уже нѣтъ, а почтенный авторъ думаетъ, что они не только продолжаютъ существовать, но даже владѣютъ со-обща землею.

На той же 77 стр. авторъ ссылается и еще на одинъ документъ, который приведенъ и въ сочиненіи Невольна (104). Въ своемъ изслѣдованіи о пятинахъ и погостахъ Невольнъ говоритъ, что „въ погостахъ были земли, состоявшія въ общемъ владѣніи всѣхъ жителей погоста“. Что въ погостахъ были земли, состоявшія въ общемъ владѣніи, это совершенно вѣрно, но что онѣ состояли въ общемъ владѣніи всѣхъ жителей погоста, это обмолвка или очень неточное выраженіе. Выше мы представили разборъ полного описанія Рутинскаго погоста. Земли этого погоста состояли въ общемъ владѣніи четырехъ собственниковъ, изъ которыхъ на погостѣ никто и не жилъ.

На погостѣ, кромѣ причта, жили только арендаторы земель этихъ собственниковъ, которые вовсе не были ихъ совладѣльцами. Для доказательства своей очень неточно выраженной мысли, Неволинъ, кромѣ писцовыхъ книгъ, ссылается еще на одну мировую, напечатанную въ А. Ю. Она безъ года, но издатели относятъ ее къ XV вѣку. Г. П. Соколовскій видитъ въ этомъ документѣ доказательство не общаго, а общиннаго владѣнія (полагаемъ, онъ различаетъ эти два вида владѣнія).

Документъ начинается съ челобитья князю: „билъ челомъ староста Азикъ, и Харагинецъ, и Ровда, и Игнатецъ, пріѣхавъ отъ своей братьи, на Василья на Матвѣева“. Но идучи къ суду, они помирились на томъ, что „Шенкурскій погостъ и земля Шенкурскаго погоста до Ростовскихъ межъ—Василью и въ вѣки. А взялъ Азикъ съ своею братьею у Василья 20.000 бѣлки, а пополнки 10 рублей“. Мировая состоялась о земляхъ, лежащихъ въ Шенкурскомъ погостѣ-округѣ и на Шенгурскомъ погостѣ-мѣстѣ. Всѣ эти земли, принадлежавшія истцамъ и ихъ братьи, поступаютъ въ частную собственность Василья, отвѣтчика. Но кто были истцы, которые уступили свои земли? Г. Соколовскій желаетъ въ старостѣ Азикѣ, Харагинцѣ, Ровдѣ и Игнатцѣ съ братьею видѣть представителей общины. Это очень сомнительно. Представители общины всегда говорятъ, что они дѣйствуютъ отъ имени всѣхъ крестьянъ, эти же являются уполномоченными только отъ своей братьи. Они, можетъ быть, и сами между собой братья, да еще осталось нѣсколько братьевъ дома. Здѣсь рѣчь идетъ, слѣдовательно, объ общей землѣ нѣсколькихъ совладѣльцевъ, частью родственниковъ. Ихъ земля находится въ разныхъ мѣстахъ Шенкурскаго погоста, на ихъ же землѣ выстроена и церковь погостская, всѣ эти земли они и передаютъ Василью. Что одинъ изъ нихъ староста, это еще не доказываетъ, что онъ общинникъ, а не частный владѣлецъ. Мы видѣли уже старосту-своеземца.

Приведенными данными въ пользу мнѣнія, что Новгородскіе погосты и волости еще въ XV—XVI вѣкѣ сохранили слѣды того, что прежде они были поземельными крестьянскими общинами, авторъ не ограничивается; на стр. 82 (Оч. ист.) онъ говоритъ: „Мы постараемся собрать всевозможныя данныя для доказательства повсемѣстности существованія деревенской общины, такъ какъ относительно этого пункта высказывалось въ литературѣ особенно много сомнѣній. За исключеніемъ усадьбы, находившейся и тогда, какъ и

теперь, въ подворномъ пользованіи, вся земля состояла не только въ общинномъ владѣніи, но и въ общинномъ пользованіи⁴.

Прежде, чѣмъ идти далѣе, автору надо было бы доказать, что старыя деревни представляли общины. Такихъ доказательствъ онъ не даетъ, да ихъ и нельзя дать, такъ какъ старинныя деревни населены или родственниками, которые владѣютъ своими участками по праву наслѣдства, или посторонними лицами, которые арендовали свои участки у землевладѣльца. И тѣ и другіе могутъ уйти съ своихъ участковъ и поселиться на новыхъ. Населеніе старой деревни,—слѣдовательно, не имѣетъ ничего общаго съ населеніемъ деревни современной. Тогда еще не было деревенской общины, а могло быть только общее владѣніе нѣсколькихъ арендаторовъ или сонаслѣдниковъ.

Не считая нужнымъ доказывать, что старинныя деревни представляли общины, авторъ доказываетъ, что онѣ владѣли землями на общинномъ правѣ. Вотъ эти доказательства: 1) припускъ одной деревни къ другой, 2) наличность полей, обрабатываемыхъ сообща. 3) равенство подворныхъ участковъ.

Припускъ земель одной деревни къ другой, какъ мы знаемъ, встрѣчается уже въ старыхъ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ. Въ нихъ говорится иногда о припускѣ помѣщиками земель пустыхъ деревень въ поле къ той деревнѣ или селу, въ которомъ они сами живутъ. Напримѣръ: „Селцо на Бѣломъ озерѣ, а въ немъ дворъ Ивановъ (помѣщика), дворъ челоувѣкъ его Борзой; да къ тому же селцу Иванъ припустилъ въ поле деревню Куплино; а на Ивана сѣбють“ и т. д. Сказано, припускается „деревня“, но это пустая деревня; это видно изъ того, что въ ней дворы крестьянъ не указаны. И такъ во всѣхъ случаяхъ, которые мы замѣтили¹⁾. А о князѣ Бор. Сем. Горбатовѣ и прямо сказано: припустилъ къ себѣ въ поле, къ селцу Гора, гдѣ самъ живетъ, двѣ деревни и нашетъ ихъ *своими людьми*. Припускъ деревень есть увеличеніе своей запашки на счетъ пустыхъ земель. То же могли дѣлать и крестьяне съ согласія землевладѣльца; для нихъ это является увеличеніемъ количества арендуемой земли. Одинъ такой случай мы уже указали въ Деревской пятинѣ (I, 509). То же происходитъ и въ XVI вѣкѣ, на писцовыя книги котораго авторъ и ссылается. Тамъ тоже рѣчь идетъ о припускѣ пустыхъ деревень къ жилымъ. Нерѣдко такъ и говорится. А

¹⁾ Нов. пис. кн. II 25, 57, 211, 248, 558.

иногда говорится, какъ и въ новгородскихъ книгахъ, о припускѣ деревни къ деревнѣ; но что дѣло идетъ о припускѣ незаселенной земли, это видно изъ того, что число дворовъ показывается въ одной только деревнѣ, именно въ той, къ которой дѣлается припускъ, а не въ припускаемыхъ. Напримѣръ: „деревня Скокова, да къ ней же припущена въ пашню деревня Усища, да деревня Селивановская, да деревня Онтоново, а въ ней крестьянъ 16 дворовъ да дворъ пустъ“ и т. д. Шестнадцать дворовъ — всѣ находятся въ деревнѣ Скоковой, а не въ 4 деревняхъ вмѣстѣ. Пустая деревня продолжала называться деревней, какъ пустошь продолжаетъ, иногда, называться пустошью, хотя тамъ уже есть населеніе. Въ писцовыхъ книгахъ встрѣчаются случаи припуска пустоши къ пустоши; конечно, та пустошь, къ которой дѣлается припускъ, имѣетъ уже населеніе, а называется по старому ¹⁾. И въ XVI вѣкѣ припускъ есть увеличеніе количества земли одной деревни на счетъ другой, ненаселенной, и ничего болѣе. Онъ не имѣетъ никакого отношенія къ порядку крестьянскаго землевладѣнія; оно остается какимъ было, а какое оно, этого изъ „припуска“ не видно.

Иначе думаетъ авторъ. Онъ полагаетъ, что въ припускѣ два, три, четыре селенія соединяли свои поля вмѣстѣ, и „что такого соединенія полей различныхъ деревень не могло бы происходить такъ часто, какъ это было въ XVI вѣкѣ, если бы право распоряженія землей принадлежало не всей совокупности жителей поселка, а отдѣльнымъ дворамъ, т. е. если бы не было общиннаго пользованія землей“. Эк. бытъ, 158, 160. По мнѣнію автора, слѣдовательно, припускъ совершается потому, что крестьяне суть общинники и, какъ таковые, сами распоряжаются своей землей, соединяютъ и раздѣляютъ свои общинные участки.

Авторъ въ истинности своего мнѣнія убѣждается изъ того, что соединеніе полей происходитъ „такъ часто“. А если бы не такъ часто? Это очень плохое основаніе. Да и какъ рѣшить, что очень часто? Никакой статистики для того времени у насъ нѣтъ.

Отъ невѣрно понятыхъ источниковъ, въ которыхъ авторъ усмотрѣлъ соединеніе двухъ населенныхъ деревень, когда рѣчь идетъ о припускѣ пустой деревни къ населенной, онъ заключилъ къ тому, что право распоряженія землей принадлежитъ всему населенію, общинѣ крестьянской. Допустимъ, но спросимъ, о какихъ это кре-

¹⁾ Послѣдніе два примѣра мы взяли у г. Соколовскаго, Эк. бытъ, 159, 160.

стьянахъ идти рѣчь въ тѣхъ памятникахъ, которыми авторъ пользовался, и въ какое время?

Извѣстія о припускѣ деревень очень многочисленны. На указанных мною страницахъ (159—160) авторъ приводитъ 28 случаевъ такого припуска. Изъ нихъ 9 случаевъ имѣли мѣсто на помѣщичьихъ земляхъ, 18 на монастырскихъ и только одинъ на бывшей помѣщичьей, отданной крестьянамъ въ оброкъ. Что касается времени припуска, то четыре случая произошли въ 1577—1578, два—въ 1584—1586, двадцать одинъ въ 1592—1593 и одинъ въ 1595—1598 ¹⁾. Итакъ, всѣ случаи припуска, кромѣ одного, имѣли мѣсто на владѣльческихъ земляхъ, а не на земляхъ царя и великаго князя, предоставленныхъ крестьянамъ въ прекарное владѣніе. Громадное большинство изъ нихъ (22) произошло послѣ отмины Юрьева дня. — Если мы пойдемъ по стопамъ автора, то должны будемъ признать, что въ помѣстьяхъ и монастырскихъ вотчинахъ „распоряжались землями“ не владѣльцы, а вся совокупность жителей поселка, и что такое ихъ право существовало и послѣ прикрѣпленія ихъ къ землѣ. Полагаемъ, что и самъ авторъ остановился бы передъ такимъ заключеніемъ, еслибъ, выбирая свѣдѣнія о припускѣ, обратилъ вниманіе на то, въ какихъ имѣніяхъ этотъ припускъ совершается и въ какое время. На владѣльческихъ земляхъ нигдѣ и никогда не принадлежитъ никакое „право распоряженія“ крестьянамъ, вездѣ распоряжается господинъ ²⁾. А послѣ прикрѣпленія онъ распоряжается не только землей, но и лицомъ своихъ крестьянъ. Въ это время развилась барщина и мѣра надѣла крестьянъ землей совершенно зависѣла отъ усмотрѣнія господина. Упоминаемые въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка припуски, конечно, совершались по приказу землевладѣльца и въ его интересахъ.

Покончивъ съ припускомъ, почтенный авторъ переходитъ къ общей обработкѣ небольшихъ участковъ земли всѣми жителями деревни.

¹⁾ Авторъ ссылается на слѣдующія стр. I отд. пис. кн. XVI вѣка, изданное подъ редакціею Калачова, которое тогда уже было ему извѣстно, а на свѣтъ появилось только въ 1896: 123, 268 (1584—6), 278 (1593—4), 370, 553, 560, 585 (1577—8), 638 (1595—8), 664, 678, 683, 687, 690, 709, 710, 711, 726, 763, 767, 775 (1592—3), 787—791 (1592—4), 816, 833, 888, 845, 895 (1592—3).

²⁾ Богатые монастыри предоставляли, иногда, своимъ крестьянамъ право мѣнять между собой свои дворы и земли и даже продавать ихъ, тоже между собой, но съ доклада приказнику, а не своевольно. А. Э. I, № 258, 1561. Грамота Соловецкаго монастыря крестьянамъ.

Такіе случаи записаны въ писцовой книгѣ 1592—1593 года землямъ Троице-Сергіева монастыря ¹⁾. Мы не встрѣтили указаній на такую общую обработку нигдѣ въ другомъ мѣстѣ; она не встрѣчается даже въ другихъ вотчинахъ того же монастыря. Все это вмѣстѣ съ позднимъ появленіемъ такой обработки указываетъ на исключительный ея характеръ и не позволяетъ видѣть въ ней даже въ послѣднихъ годахъ XVI вѣка общаго явленія. Тѣмъ не менѣе указанія эти имѣютъ большую важность, и мы остановимся на нихъ.

Въ селѣцѣ Маринино было 32 крестьянскихъ двора. Изъ нихъ семь дворовъ сидѣли на $\frac{1}{2}$ выти каждый, шесть на $\frac{1}{3}$ каждый, одинъ на $\frac{1}{4}$, восемь на $\frac{1}{4}$, семь на $\frac{1}{6}$, два на $\frac{1}{10}$, одинъ на $\frac{7}{12}$, „да они же пашутъ сопча по мѣрѣ $\frac{15}{24}$ выти“. Каждый дворъ, следовательно, занимаетъ не одинакое количество земли, на которой лежатъ повинности, а весьма различное; разница эта простирается отъ минимума — $\frac{1}{10}$ до максимума $\frac{7}{12}$, т. е. въ $9\frac{1}{2}$ разъ большой участокъ превосходитъ маленькій. Всѣ же 32 двора пахутъ сопча менѣе $\frac{1}{2}$ выти (I 748). Выть, обозначая податную единицу, заключала въ себѣ очень разное количество земли. Какъ были велики приведенныя выти, это изъ описи не видно. Изъ другихъ описей мы знаемъ, что размѣръ вытей очень колебался, но чаще встрѣчаются выти въ 6, 7, 8 десятинъ, смотря по качеству земли. Если примѣнить эту мѣру къ данному случаю, получимъ на 32 двора общей земли менѣе 3 — 4 десятинъ въ полѣ. Въ другихъ деревняхъ общей земли больше. Въ деревнѣ Михайловское-Лопырево на 2 двора, изъ которыхъ каждый сидѣлъ на $\frac{1}{2}$ выти. общей земли было $\frac{1}{2}$ выти, т. е. немного болѣе, чѣмъ на 32 двора въ деревнѣ Маринино. Въ селѣцѣ Озерецкомъ было 3 двора, изъ которыхъ 2 сидѣли на $\frac{1}{4}$ выти каждый, а одинъ на $\frac{1}{6}$; въ общей запашкѣ была $\frac{1}{6}$ выти, т. е. гораздо менѣе, чѣмъ на 2 двора въ деревнѣ Лопырево.

Что это за земли, почему онѣ пахались сообща и въ чью пользу, и что значить „пахать по мѣрѣ“—всѣ эти вопросы еще ждутъ своего объясненія. Но что эта общая запашка не имѣетъ ничего общаго съ современной крестьянской общиной, объ исторіи которой идетъ рѣчь, — это совершенно ясно и не нуждается ни въ какихъ доказательствахъ.

„Но самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ общиннаго пользованія землей, говорить на слѣдующей страницѣ авторъ, служить от-

¹⁾ Пис. кн. подъ ред. Калачова I 781—787.

существованіе неравенства подворныхъ участковъ". Отсутствие неравенства означаетъ, конечно, равенство подворныхъ участковъ. Это до такой степени противорѣчитъ источникамъ, что авторъ нашелъ нужнымъ немедленно за этия утвержденіемъ допустить и неравенство подворныхъ участковъ, но не большое, въ трое! Мы имѣли уже случай говорить о размѣрахъ дворовыхъ участковъ, а потому и не будемъ болѣе останавливаться на этомъ „самомъ убѣдительномъ доказательствѣ". Ни о какомъ равенствѣ дворовыхъ участковъ и рѣчи быть не можетъ ¹⁾.

Мы не пойдемъ далѣе за г. П. Соколовскимъ. Сказаннаго, полагаемъ, довольно для характеристики его ученыхъ приемовъ и того увлеченія идеей глубокой древности современнаго общиннаго быта, которое, перѣдко, мѣшаетъ ему читать то, что написано въ источникахъ. Но передѣловъ земли онъ не усматриваетъ ранѣе XVII вѣка. Они явились у него какъ слѣдствіе прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ (Очер. ист. 93).

В. Сергѣевичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

•

¹⁾ Въ Экономическомъ бытѣ на стр. 156 авторъ, въ подтвержденіе своей мысли, приводитъ нѣсколько данныхъ, изъ которыхъ видно, что одинакое число дворовъ положено въ одинакое число обжаъ, и отсюда заключаетъ, что дворы имѣли равное количество земли. Что отдѣльные дворы перѣдко могли занимать одинакое количество земли, этого, конечно, никто не будетъ отрицать. Но весь способъ доказательства автора не вѣренъ. Онъ отирается отъ обжа, какъ показателя количества дворовой земли. Это не правильно. Кто читалъ писцовыя книги, тотъ знаетъ, что одно и то же количество земли можетъ быть положено и въ 2 и въ 3 обжа. Во-вторыхъ, изъ того, что 10 дворовъ положены въ 10 обжаъ, вовсе не слѣдуетъ, что всѣ дворы занимаютъ по равному количеству земли. Писцовая книга Новгорода приводитъ итоги по цѣлой деревнѣ, а слагаемые остаются неизвѣстными. Считать ихъ равными плохой научный приемъ.— Въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка, изданныхъ подъ редакціей Калачова, иногда показаны земли, на которыхъ сидятъ отдѣльные дворы; эти участки то равны между собой, то нѣтъ.

Доказательства автора въ пользу деревенской общины и г-жа А. Ефименко находятъ неубѣдительными. „Только предвзятая идея, говоритъ она, можетъ придать рѣшающее значеніе хотя бы доводамъ, сгруппированнымъ г. Соколовскимъ въ пользу существованія деревенской общины". И возражаетъ на каждый изъ трехъ его доводовъ, хотя и съ другой точки зрѣнія, чѣмъ мы. Крест. Землевл. 211.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССХХІV.

1901.

АПРѢЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія „В. С. Балашевъ и К^о“. Наб. Фонтанки, 95.

1901.

СОДЕРЖАНІЕ.

Николай Павловичъ Боголѣповъ (некрологъ). III—X

П РА В И Т Е Л Ъ С Т В Е Н Н Ы Я Р А С П О Р Я Ж Е Н І Я .

I. Именные Высочайшіе указы, данныя Правительствующему Сенату.	81
II. Высочайшія повелѣнія	81
III. Высочайшіе приказы	87
IV. Мѣнстерскія распоряженія	94
V. Опредѣленія Ученаго Комитета Мин. Нар. Пр.	113
VI. Опредѣленія Особаго отдѣла Ученаго Комитета Мин. Нар. Пр. .	123
VII. Опредѣленія Отдѣленія Ученаго Комитета Мин. Нар. Пр. по техническому и профессиональному образованію	129
Открытіе училищъ	130
О конкурсѣ на соисканіе преміи П. Т. Рѣзвого за лучшую исто- рію Финляндіи для народа	131
Второе дополненіе къ каталогу учебныхъ руководствъ и пособій .	25—64

Н. А. Рожковъ. Политическія партіи въ Великомъ Новгородѣ XII—XV вѣковъ	241
Е. Н. Щепенинъ. Русско-австрійскій союзъ во время Семилѣтней войны. Глава III (продолженіе)	287
В. Н. Сергѣевичъ. Древности русскаго землевладѣнія. 3 (окон- чаніе)	328
М. В. Рубцовъ. Къ вопросу о „Рожденіи“ Трифона Коробейни- кова въ Ов. Землю въ 1582 году	359
М. Н. Карпинскій. Разногласіе въ школахъ новаго эмпиризма по вопросу объ истинахъ самоочевидныхъ	389

К Р И Т И К А И Б И Б Л І О Г Р А Ф І Я .

В. В. Сиповскій. Критико-библіографическій обзоръ Пушкинской юбилейной литературы 1899 года. III (продолженіе)	439
С. М. Кульбаккинъ. Новый трудъ академика Ягича:	468
Е. К. Рѣдинъ. <i>Gabriel Millet. Le monastère de Daphni. Histoire, architecture, mosaïques. Paris 1899.</i>	478
Н. О. Лосскій. <i>W. Jerusalem. Einleitung in die Philosophie. Wien und Leipzig 1899</i>	486
А. Л. Липовскій. По поводу рецензій г. Истребова	488
— Книжныя новости	491

Н А Ш А У Ч Е Б Н А Я Л И Т Е Р А Т У Р А .

Николай Зноико. Систематическій курсъ исторіи среднихъ вѣковъ . .	23
Проф Р. Випперъ. Учебникъ древней исторіи	29

(См. 3-ю стр. обложки)

ДРЕВНОСТИ РУССКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ.

3. Хозяйственное пользованіе землями ¹⁾.

Послѣ трудовъ г. П. Соколовскаго и г-жи А. Ефименко вопросъ объ исторіи поземельной общины, сколько мы знаемъ, никѣмъ не подвергался самостоятельной разработкѣ. Но его касаются очень многіе изъ нашихъ ученыхъ, заявляя сочувствіе то тому, то другому направленію.

Н. Д. Чечулинъ выступаетъ горячимъ сторонникомъ древности общиннаго землевладѣнія. Приведя мнѣніе Б. Н. Чичерина о томъ, что общинные передѣлы земель нельзя относить ко времени, предшествовавшему прикрѣпленію крестьянъ, авторъ говоритъ: „Положенія Чичерина по этому вопросу опровергнуты многими изслѣдователями“ (Города 118). Къ сожалѣнію, почтенный ученый не указываетъ, кѣмъ именно, а такое указаніе было бы особенно важно въ виду того, что и противники профессора Чичерина не находятъ возможнымъ относить передѣлы къ глубокой древности. По мнѣнію И. Д. Бѣляева они возникли „въ общинахъ средневѣковой Россіи“, а по мнѣнію г. П. Соколовскаго не ранѣе XVII вѣка. Выражая свое сочувствіе идеѣ древности передѣловъ, авторъ приноситъ и свою дань въ подтвержденіе этой мысли.

Въ описаніяхъ городскихъ огородовъ и нивъ онъ замѣтилъ обозначеніе ихъ по старому и по новому хозяину, напримѣръ: „огородъ попа Антона—Гришинскій“, „Нива Ивана Микифорова—Гавриловская Михайлова“. Останавливаясь на причинѣ такого явленія, г. Че-

¹⁾ Окончаніе. См. мартовскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1901 годъ.

чулинъ приходитъ къ мысли, что такой переходъ земель отъ одного владѣльца къ другому могъ существовать „несомнѣнно, прежде всего, при общинномъ землевладѣніи и передѣлахъ земель“, 117 стр. Такимъ образомъ г. Чечулинъ открылъ передѣлы городскихъ земель въ XVI вѣкѣ. Авторъ находится въ очевидномъ недоразумѣніи. При передѣлѣ земель прежніе участки не сохраняются, а изъ нихъ возникаютъ новые, и, обыкновенно, болѣе мелкіе; это и есть передѣлъ, вызываемый рожденіемъ новыхъ претендентовъ на общинныя земли; вновь возникающіе, такимъ образомъ, участки не могутъ быть названы по старому владѣльцу, ибо они его не имѣли; это новые участки, возникшіе въ силу передѣла старыхъ. Наименованіе участка по старому владѣльцу указываетъ не на передѣлъ, а на переходъ стараго участка къ новому владѣльцу и только. Авторъ отмѣчаетъ и случаи соединенія участковъ нѣсколькихъ старыхъ владѣльцевъ въ рукахъ одного новаго. Это тоже не передѣлъ, это дѣйствіе сложенія, а не дѣленія. Хорошо было бы разъяснить, почему въ городахъ такой переходъ совершался такъ часто, какъ утверждаетъ авторъ; у него были, говоритъ онъ, тысячи такихъ случаевъ. Къ сожалѣнію, авторъ успокоился на своемъ предположеніи общинныхъ передѣловъ городскихъ земель и оставилъ этотъ важный вопросъ стариннаго городского землевладѣнія безъ всякаго разъясненія.

Останавливается на происхожденіи общиннаго землепользованія и г. Лаппо-Данилевскій въ своемъ изслѣдованіи объ организаціи прямого обложенія. Въ этомъ первомъ своемъ ученомъ трудѣ онъ проявилъ уже всѣ тѣ свойства, которыми въ такой высокой степени отличаются его Критическія замѣчанія. Онъ и здѣсь чрезвычайно остороженъ. Чтобы не сдѣлать ошибки, онъ принимаетъ и мнѣніе объ исконной древности общины, и мнѣніе о возникновеніи ея изъ правительственныхъ мѣропріятій. Отдѣлъ, посвященный крестьянской общинѣ, начинается у него такъ: „Происхожденіе крестьянской общины слѣдуетъ, вѣроятно, объяснять расширеніемъ круга родовыхъ отношеній, въ предѣлы которыхъ стали мало по малу входить посторонніе элементы, объединяемые уже не столько кровными связями, сколько общими экономическими и духовными интересами“ 76. Мнѣніе о происхожденіи современной поземельной общины изъ первоначальныхъ родовыхъ отношеній—высказывается, какъ мы знаемъ, очень многими изслѣдователями. Выписанное нами мѣсто особенно близко подходитъ къ образу мыслей г-жи А. Ефименко, которая беретъ на себя трудъ показать, какъ „изъ кровнаго деревенскаго союза извле-

кались его кровные элементы и замѣшались посторонними" (220, 225 и въ другихъ мѣстахъ). У нашего автора встрѣчаемъ тѣ же выраженія ¹⁾. Но страницей далѣе г. Лаппо-Данилевскій присоединяется уже къ мнѣнію Б. Н. Чичерина. „Общность экономическихъ и духовныхъ интересовъ, говоритъ онъ, была слишкомъ слаба, чтобы образовать болѣе сложные общественные союзы; въ то время, когда она лишь подготавливала ихъ образованіе, послѣднее осуществилось подъ вліяніемъ судебно-полицейской и финансовой ихъ зависимости отъ государства“.

Итакъ, посторонніе элементы, начавшіе проникать въ кругъ родовыхъ отношеній, могли создать только небольшіе союзы „одного или нѣсколькихъ поселеній“, но были слабы, чтобы образовать болѣе крупныя волостныя общины. Большіе союзы созданы правительствомъ. Первое утвержденіе совершенно въ духѣ г-жи Ефименко, послѣднее въ духѣ г. Чичерина. Общинное землепользованіе, слѣдовательно, двоякаго происхожденія: въ маленькихъ поселеніяхъ — это перерожденіе доисторическаго патріархальнаго быта вступленіемъ въ него постороннихъ элементовъ, а въ большихъ волостяхъ это слѣдствіе правительственной организаціи, но не финансовой только, а и судебно-полицейской.

Въ этомъ соединеніи двухъ противоположныхъ мнѣній авторъ проявилъ не одну осторожность, мы наблюдаемъ здѣсь и извѣстную уже намъ краткость: авторъ и здѣсь не задерживается на ученыхъ вопросахъ, а скользить по нимъ съ нѣкоторой легкостью. О какой крестьянской общинѣ говоритъ онъ? О поземельной или объ административной? Одна можетъ быть безъ другой; административная можетъ быть даже древнѣе поземельной. Этого вопроса почтенный ученый, кажется, не выяснилъ себѣ. Судя по началу, у него идетъ рѣчь о поземельной общинѣ. Деревня г-жи А. Ефименко, отъ мнѣнія которой онъ отправляется, составляетъ „одно *поземельное* цѣлое“. Ея „посторонніе эле-

¹⁾ Г. П. Милюковъ относитъ нашего автора къ послѣдователямъ г. П. Соколовскаго (Спорные вопросы 26). Правда, г. Лаппо-Данилевскій охотно ссылается на г. П. Соколовскаго и даже на самыя рискованныя его положенія, напримѣръ, „на почти одинаковые размѣры подворныхъ участковъ“ и на припускъ деревень, примѣч. на 77 стр., а о г-жѣ А. Ефименко здѣсь не упоминаетъ. Но, чтобы видѣть его родство съ ея направленіемъ, ссылка на нее и не нужна, авторъ не только повторяетъ ея мысли, но даже въ ея выраженіяхъ. Г-нъ же П. Соколовскій рѣшительно заявляетъ: „Я старался доказать, что происхожденіе общины нельзя искать ни въ семьѣ, ни въ договорѣ“... Эп. 6. 125. Онъ противникъ происхожденія общины изъ родовыхъ отношеній.

менты, входящіе въ родственную сферу“, дѣлаются участниками *земле-владѣнія* первоначально „кровной родовой клѣточки“. Подъ „болѣе же сложными общественными союзами, осуществившимися подъ вліяніемъ судебно-полицейской и финансовой зависимости отъ государства“, — надо разумѣть не только поземельную, но и административную общину, ибо судебно-полицейская зависимость отъ государства могла создать только административную, а никакъ не поземельную общину. Итакъ, авторъ говоритъ о разныхъ явленіяхъ, совершенно того не замѣчая.

Далѣе, повторяя мнѣніе профессора Чичерина, онъ существенно съ нимъ расходится, не чувствуя ни малѣйшей потребности объяснить это. У Чичерина правительство организуетъ поземельную общину независимо отъ величины и сложности поселковъ, и это совершенно вѣрно. У нашего автора въ большихъ поселкахъ дѣйствуетъ правительство, а въ маленькихъ начала, указанные г-жею А. Ефименко. Но какіе поселки суть большіе и какіе маленькіе, какіе союзы суть болѣе сложные и какіе менѣе сложны, кто и когда провелъ между ними границу, и въ какихъ документахъ все это различено, объ этомъ авторъ ничего не говоритъ, и это никому не извѣстно. Все это—соображенія, не имѣющія никакого основанія въ источникахъ и придуманныя единственно для того, чтобы устроить нѣкоторый родъ перехода отъ мнѣній г-жи А. Ефименко къ мнѣнію профессора Чичерина. Думаемъ, что такое чисто механическое склеиваніе чужихъ мнѣній, взаимно одно другое исключаящихъ, ничего не разъясняетъ, а можетъ быть причиною многихъ недоразумѣній.

Профессоръ Никитскій высказывается рѣшительно и ясно. „Во всякомъ случаѣ, говоритъ онъ, если въ древности и было общинное владѣніе, оно представляетъ собою совершенно отличное явленіе отъ того, что мы разумѣемъ подъ общиной въ настоящее время“ ¹⁾.

Въ осенней (1900) книжкѣ одного ежемѣсячнаго изданія намъ случилось прочесть отзывъ о сочиненіи И. Я. Гурлянда „Ямская гоньба“. Авторъ отзыва, г. Ч., большой сторонникъ древности общиннаго землевлдѣнія, говоритъ, что г. Гурляндомъ найдены новыя данныя о передѣлахъ земель въ XVI вѣкѣ. Мы поспѣшили сдѣлать справку. Г. Гурляндъ въ приложеніи къ своему труду напечаталъ любопытныя рукописи, которыя служили матеріаломъ для его изслѣдованія. На страницѣ, на которую дѣлается указаніе г. Ч., читаемъ: „И по наказу государева боярина и воеводы...

¹⁾ „Очерки экономической жизни Новгорода“, 42.

велѣно... Паугородскіе ямскіе слободы московскіе дороги охотникомъ околородная десятинная пашня и обежныя земли..., которые земли и сѣнные покосы и угодья отдѣлены, межъ ними *поверстати и росписати* тѣ земли и сѣнные покосы и угодья за ними всѣмъ *поровну*" (21 и сл.). Извѣстіе очень интересное, но въ немъ нѣтъ никакого передѣла, а есть *надѣленіе* охотниковъ ямскихъ землею по распоряженію правительства. Для устройства ямскихъ охотниковъ отведено нѣкоторое количество земли, которое и велѣно раздѣлить между ними поровну, такъ какъ на нихъ на всѣхъ возложены одинакія обязанности по ямской гоньбѣ. Вотъ какъ появились у насъ равныя земельные участки, до которыхъ наши общинники донскиваются съ такимъ усердіемъ. Это случилось около 1589 года и по распоряженію правительства. Въ другомъ документѣ отъ 1601 года читаемъ сперва ссылку на государевъ указъ, на основаніи котораго произведенъ былъ дѣлежъ государева жалованья ямскимъ охотникамъ, разныхъ ямскихъ пустошей и полей, а за тѣмъ самый дѣлежъ: „И къ тому полю тѣмъ 20 человекамъ тѣ три пустоши *раздѣлимъ*, пашню и сѣнокошу, *пополосно, ровно*, и захожіе земли тѣхъ трехъ пустошей *раздѣлимъ пополосно, ровно*" (103). Вотъ откуда *полосы*, которыя тоже очень интересуютъ гг. общинниковъ, и которыхъ въ старыхъ новгородскихъ книгахъ нигдѣ нѣтъ. Земли раздѣлены по числу охотниковъ, т. е. по тягламъ. Въ случаѣ ухода охотниковъ была возможна новая разверстка земель (текстъ 139). Это уже близко къ нашимъ современнымъ порядкамъ. Но все это новости и въ силу правительственныхъ предписаній. Матеріалъ, сообщенный г. Гурляндомъ, чрезвычайно интересенъ, а потому мы и поспѣшили имъ воспользоваться. Но доказываетъ онъ совсѣмъ не то, что было желательно доказать г. Ч.

Мы не ставимъ себѣ задачей исчерпать всѣ существующія въ нашей литературѣ разногласія, но не потому, что выполненіе такой задачи было бы бесполезно. Оно выше нашихъ силъ. Мы ограничимся анализомъ разногласій лишь по крупнѣйшимъ вопросамъ древняго быта. Въ виду этого мы остановимся еще только на трудѣ профессора Дьяконова.

Г. М. Дьяконовъ въ своихъ послѣднихъ „Очеркахъ изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ“ подвергаетъ переработкѣ вопросъ о прикрѣпленіи крестьянъ. Въ первомъ томѣ „Юридическихъ древностей“ мы указали уже на новое направленіе въ рѣшеніи этого вопроса. Къ этому новому направленію примыкаетъ и

г. Дьяконовъ. Предполагаемый указъ конца XVI вѣка объ отиѣнѣ Юрьева дня не имѣетъ для него рѣшающаго значенія. Прикрѣпленіе крестьянъ совершилось, по его мнѣнію, ранѣе, въ половинѣ XVI вѣка, и было слѣдствіемъ не правительственныхъ распоряженій, а появленія „обычныхъ правилъ о не-выходѣ тяглыхъ людей съ посадовъ и уѣздовъ“ и „постепенной утраты права выхода крестьянами старожильцами, наиболѣе вѣроятной причиной прикрѣпленія которыхъ является крестьянская задолженность“¹⁾.

Итакъ, не правительство прикрѣпило крестьянъ, а они прикрѣпились сами собой, въ силу обычая, который лишилъ права перехода тяглыхъ крестьянъ и старожильцевъ-должниковъ.

Въ мнѣніи г. Дьяконова немного новаго: что тяглые люди еще въ XVI вѣкѣ считались крѣпостными, это высказалъ Б. Н. Чичеринъ въ 1856 году; что старожильцы не имѣютъ свободы перехода, это утверждаетъ профессоръ Владимірскій-Будановъ въ первомъ изданіи своего „Обзора исторіи русскаго права“, появившемся въ 1886 году; что задолженность причина прикрѣпленія, это доказывалъ профессоръ Ключевскій въ 1885 году. Новаго у г. Дьяконова только то, что онъ соединилъ вмѣстѣ три причины, тогда какъ его предшественники довольствовались каждый какой-либо одной. Профессоръ же Владимірскій-Будановъ, въ новомъ изданіи своего „Обозрѣнія“, настаивая на старожильствѣ, какъ причинѣ прикрѣпленія, оспариваетъ таковое же значеніе задолженности.

Возникновеніе крѣпостной зависимости—капитальнѣйшій вопросъ нашей исторіи, а потому мы никакъ не можемъ оставить безъ тщательнѣйшаго разясненія всѣхъ вызываемыхъ имъ разногласій. Разсмотримъ мнѣніе г. Дьяконова.

Авторъ утверждаетъ, что тяглые люди со второй половины XVI вѣка разсматриваются крѣпкими тяглу и правомъ перехода не пользуются (9). Такое утвержденіе вызываетъ вопросъ, что такое тяглые люди? Этому трудно повѣрить, но это такъ: авторъ или не нашелъ нужнымъ разяснить, что такое тяглые люди, или позабылъ это сдѣлать. Мы не находимъ у него ни малѣйшей попытки опредѣлить, что такое тяглые люди. Профессоръ Чичеринъ, которому онъ слѣдуетъ, говорить, что такое, по его мнѣнію, тяглые люди. Онъ считалъ земли бояръ, слугъ и духовныхъ учрежденій бѣлыми, т. е. „свободными отъ податей и

¹⁾ Формулируемъ мнѣніе автора словами его „положеній“, имъ самимъ извлеченныхъ изъ его книги.

повинностей, взимаемыхъ княземъ съ тѣхъ людей, которые поселились на его собственной землѣ". Опыты 11, 80 и сл. Только эта послѣдняя земля (княжеская) была черная, тяглая, а ея населеніе—тяглые люди. По мнѣнію Б. Н. Чичерина, только они и были прикрѣплены въ половинѣ XVI вѣка; крестьяне частныхъ владѣльцевъ продолжали сохранять свободу перехода. Кто же прикрѣпленъ по мнѣнію нашего автора? Объ этомъ можно только гадать.

Проф. Бѣляевъ возражалъ Чичерину и доказывалъ, что владѣльческія земли не были свободны отъ тягла. Онъ былъ совершенно правъ. Наша древность не знала ни земель, ни владѣльцевъ, которые были бы свободны отъ тягла по общему правилу. Освобожденіе возникало всякій разъ по особой жалованной грамотѣ, а не по общему праву. Такое освобожденіе давалось, нерѣдко, на опредѣленный срокъ. Тяглыми были всѣ крестьяне, кромѣ льготныхъ владѣній, которымъ даны жалованныя грамоты. Да и эти не всегда освобождались отъ всякаго тягла; есть жалованныя грамоты, по которымъ и за ними оставались нѣкоторыя повинности, и они были тяглые, хотя и не всѣ.

Г. Дьяконовъ, конечно, все это хорошо знаетъ. Въ его книгѣ можно встрѣтить выраженія, изъ которыхъ видно, что и онъ стоитъ на этой же точкѣ зрѣнія. Характеризуя бобылей, онъ утверждаетъ, что они люди не тяглые, въ этомъ ихъ различіе отъ крестьянъ. Всѣ крестьяне, значитъ, тяглые люди. Это совершенно вѣрно. Что же получится? Въ половинѣ XVI вѣка прикрѣплены всѣ крестьяне. Едва ли, однако, авторъ найдетъ этотъ выводъ согласнымъ съ своими намѣреніями. Онъ доказалъ больше, чѣмъ было ему нужно.

Но доказалъ ли онъ?

Проф. Чичеринъ въ доказательство своей мысли сослался на двѣ царскихъ грамоты роднымъ братьямъ Григорью и Якову Строгоновымъ. Въ 1564 году Григорій Аникеевичъ Строгоновъ билъ челомъ царю и великому князю, а сказывалъ: „въ Великой Перми, за 88 верстъ, по Камѣ рѣкѣ есть мѣста пустыя, лѣсы черные и озера дикія, а всего пустаго мѣста 146 верстъ; а прежде на томъ мѣстѣ пашни не пахиваны и дворы не стаявали, и въ цареву казну никакая пошлина не бывала". Затѣмъ Строгоновъ говорить о своемъ намѣреніи поставить на томъ пустомъ мѣстѣ городокъ, а на городкѣ пушки и пищали учинить, для береженія отъ ногайскихъ людей и другихъ ордъ, и просить царя и великаго князя о дозволеніи пашню пахать, дворы ставить, людей называть *не письменными и не татарами*, и

разсолу искать, и гдѣ найдется разсолъ, варницы ставить и соль варить.

На это челобитіе и послѣдовала государева жалованная грамота, въ которой Строгонову разрѣшалось все, о чемъ онъ просилъ, да кромѣ того давалась льгота на 20 лѣтъ отъ всякихъ податей и повинностей и въѣзда княжескихъ чиновниковъ. Строгонову дано право въѣзжать и судить своихъ слобожанъ во всемъ. Такова же и другая грамота Якову Строгонову, который нашолъ разсолъ еще подальше и просилъ отвести ему земли еще на 20 верстъ. Д. къ А. И. I № 117, 119.

Гдѣ тутъ закрѣпленіе тяглыхъ людей?

Строгонову дана льгота. И частные владѣльцы давали льготы и даже подмогу деньгами крестьянамъ, которые садились на пустыхъ мѣстахъ и брались устроить деревню; то же дѣлаетъ и царь. Но жалуемая имъ, въ надеждѣ будущихъ благъ, льгота, конечно, не должна приносить ему никакого ущерба въ настоящемъ. Поэтому и Строгоновы просятъ о дозволеніи называть людей не тяглыхъ, и царь только на этомъ условіи и даетъ льготу. Строгоновъ больше и не проситъ: онъ самъ хорошо понимаетъ, что не можетъ пользоваться льготой, принимая тяглыхъ людей. Строгоновъ не долженъ принимать тяглыхъ, но это не значить, что тяглые не могутъ отходить. Имъ не сдѣлано никакого воспрещенія. Въ свой срокъ они могутъ уйти, они могутъ забрести и на Каму; но если Строгоновъ ихъ не приметъ, имъ придется искать другого мѣста. Но имъ не возбранено сѣсть и на той же Камѣ, только не на Строгоновской льготной землѣ; но, сѣвъ на Камѣ, и они могутъ о льготѣ хлопотать. Это никому не воспрещено.

Если грамоты Строгоновымъ доказываютъ прикрѣпленіе тяглыхъ людей въ половинѣ XVI вѣка, то мы можемъ также легко доказать прикрѣпленіе ихъ въ самомъ началѣ XV вѣка.

Въ жалованной грамотѣ начала XV вѣка, данной нижегородскимъ княземъ Благовѣщенскому монастырю, читаемъ: „А тутошнихъ людей станovýchъ игуменъ въ монастырь не принимаетъ, а кого къ себѣ игуменъ призоветъ людей изъ иного княженія, а не изъ моей отчины, и тѣмъ людямъ пришлымъ ненадобѣ моя дань на 10 лѣтъ“... Причина запрещенія принимать „тутошнихъ станovýchъ людей“ та же: монастырю дана льгота только для новыхъ людей, тутошные же—сутъ тяглые, они льготой не пользуются, принимать ихъ на льготную землю значило бы причинять князю убытокъ.

Совершенно то же читаемъ въ жалованной грамотѣ отъ 1421 года, данной великимъ княземъ Васи́ліемъ Дми́тріевичемъ митрополиту Фотію: „а тутошнихъ людей волостныхъ въ ту деревню отцу моему, митрополиту, не прѣимать; а кого отецъ мой, митрополитъ, перезоветъ людей изъ иныхъ княженій, а не изъ моего вел. княженія, и тѣмъ людямъ пришлымъ на 10 лѣтъ не надобѣтъ имъ моя дань“...

До насъ дошло и еще нѣсколько такихъ грамотъ ¹⁾.

Льготныя грамоты XV вѣка различаются въ терминахъ отъ таковыхъ же XVI вѣка, но по существу совершенно одинаковы съ ними. Ни тѣ, ни другія не содержатъ запрещенія выхода тяглыми людямъ. Онѣ запрещаютъ только льготнымъ владѣльцамъ принимать къ себѣ на льготныя земли тяглыхъ крестьянъ. Но тяглые крестьяне, конечно, могутъ уходить и садиться не только на тяглыя земли, но и на льготныя, если владѣльцу не запрещено ихъ принимать. Такія льготныя грамоты дошли до насъ и отъ XIV, и отъ XV, и отъ XVI вѣка.

Въ льготной грамотѣ Отрочу монастырю отъ 1361 года читаемъ: „Архимандриту Святой Богородицы и игуменомъ, и попомъ и дьякономъ, и чернецомъ, и слугамъ монастырскимъ, и вольнымъ людямъ, не надобѣ никоторая моя дань. Тако же и сиротамъ (крестьянамъ), кто имѣтъ сѣдѣти на земли Святой Богородицы Отроча монастыря..., не надобѣ имъ ни которая дань“.

То же въ XV вѣкѣ. Въ льготной грамотѣ Троицы-Сергіеву монастырю читаемъ: „И кого игумень Спиридоной на тѣхъ земляхъ, на Троецкихъ, посадить жити людей, ипо тѣмъ его людямъ не надобѣ имъ моя дань на десять лѣтъ“... И то же въ XVI вѣкѣ. Въ льготной грамотѣ Кассіано-Учемскому монастырю читаемъ: „И кто у нихъ въ тѣхъ деревняхъ и въ починкѣхъ учнетъ жити людей, и тѣмъ ихъ людямъ къ соцкимъ и къ десяцкимъ съ тяглыми людьми ни въ какіе разметы не тянуть и пошлины съ нихъ не брать“... Такихъ льготныхъ грамотъ безъ всякихъ ограниченій дошло до насъ довольно много. Большинство изъ нихъ дано духовнымъ учрежденіямъ ²⁾. Эта бoльшая щедрость князей къ духовнымъ учрежденіямъ, чѣмъ къ свѣтскимъ людямъ, очень понятна. Свѣтскимъ людямъ даютъ князья льготы въ надеждѣ будущаго приращенія своего дохода и увеличенія земныхъ благъ, духовнымъ же учрежденіямъ—въ надеждѣ вѣч-

¹⁾ А. Э. I № 17, 20, 60, 102, 1110—76.

²⁾ Онѣ приведены въ I т. Юрид. древн. стр. 197. Изъ 23 грамотъ, не содержащихъ запрещеній принимать на льготу тяглыхъ людей, только четыре даны свѣтскимъ лицамъ.

ныхъ благъ и царствія Божія. Вотъ почему они могутъ на льготу призывать всякихъ крестьянъ, а слѣдовательно и тяглыхъ. Но такія же льготы даются и свѣтскимъ людямъ за особыя заслуги, надо думать.

На основаніи сказаннаго, мы можемъ, кажется, сдѣлать заключеніе, что проф. Чичеринъ не доказалъ своего положенія.

.. Можетъ быть, г. Дяконовъ доказалъ недоказанное его предшественникомъ? И онъ этого не сдѣлалъ.

Онъ начинаетъ свои доказательства со ссылки на тѣ же двѣ Строгоновскія грамоты, а затѣмъ приводитъ еще „цѣлый рядъ“ такихъ же льготныхъ грамотъ отъ XVI вѣка ¹⁾. Совершенно вѣрно, такихъ грамотъ можно привести цѣлый рядъ; но какъ бы ни былъ длиненъ этотъ рядъ, онъ не докажетъ прикрѣпленія тяглыхъ въ половинѣ XVI вѣка; онъ докажетъ только, что князья, предоставляя льготы, нерѣдко принимали мѣры къ тому, чтобы эти льготы не приносили ни малѣйшаго ущерба ихъ доходамъ, а въ будущемъ обѣщали бы еще и прибыль ихъ интересу.

Въ одной изъ приводимыхъ г. Дяконовымъ грамотъ читаемъ: „А называти ей (княгинѣ Телятевской) крестьянъ въ тое свое вотчину на лготу отъ отцовъ дѣтей, и отъ братьей братью, и отъ дядь племянниковъ и захребетниковъ, а не съ тяглыхъ съ черныхъ мѣстъ; а съ тяглыхъ съ черныхъ мѣстъ крестьянъ *на лготу не называть*“. Чего, кажется, яснѣе? Съ тяглыхъ мѣстъ нельзя называть на льготу; дѣло идетъ только объ огражденіи интересовъ князя. Но нашъ авторъ въ своей книгѣ ограничивается подборомъ выраженій: „называть не тяглыхъ“, а на смыслъ памятника въ цѣломъ не обращаетъ вниманія ²⁾.

Отъ своего предшественника г. Дяконовъ различается только тѣмъ, что знаетъ, что приводимые имъ запреты не были новостью: „Они ведутъ свое начало отъ XV и даже XIV столѣтія“, говоритъ онъ. Но почему же одни и тѣ же запреты въ XVI вѣкѣ доказываютъ прикрѣпленіе, а въ XV и XIV нѣтъ? Положеніе автора не

¹⁾ Свои доказательства авторъ начинаетъ съ документовъ, относящихся до посадскихъ людей. Землевладѣніе посадскихъ очень мало разработано. Привлеченіе ихъ къ вопросу о прикрѣпленіи крестьянъ составляетъ излишнее осложненіе этого вопроса. Разсмотрѣніе положенія посадскихъ очень отвлекло бы насъ отъ сельскаго населенія, которому посвящена книга автора и наше исследование.

²⁾ Авторъ ссылается на десять льготныхъ грамотъ, напечатанныхъ въ А. Э. I № 168, 210, 385, въ А. II. I № 147, 215, 295, 301, и въ Ак. о тягл. насел. № 7, 24, 25.—О трехъ ссылкахъ на рукописи мы ничего не можемъ сказать, ибо рукописи эти не напечатаны; но, судя по приводимымъ имъ выдержкамъ, онѣ ничего не представляютъ новаго.

очень удобное. Надо или согласиться съ нами, или сдѣлать еще шагъ въ томъ же направленіи и утверждать, что крестьяне были прикрѣплены еще въ XIV вѣкѣ. Авторъ не рѣшается ни на то, ни на другое, и ищетъ выхода въ чрезвычайно запутанномъ объясненіи. Послѣ только что сдѣланной выписки, онъ продолжаетъ такъ: „Но въ тѣ вѣка подобныя запреты, обращенныя къ землевладѣльцамъ, лишь доказываютъ, что мѣстныя правительства не могли принять прямыхъ мѣръ къ ограниченію крестьянскаго перехода“. Предположеніе это ни на чемъ не основано. Чтобы его сдѣлать, надо было прежде доказать, что въ XIV и XV вѣкѣ правительства, а не землевладѣльцы, стремились къ ограниченію выхода крестьянъ. А этого авторомъ не сдѣлано. Вносить въ историческія изслѣдованія совершенно произвольныя предположенія едва ли хорошій научный пріемъ. Это только запутываетъ дѣло. Льготныя грамоты имѣютъ совершенно ясный смыслъ. Онѣ даются съ точно опредѣленною цѣлью и не заключаютъ въ себѣ никакихъ скрытыхъ мотивовъ. Грамоты эти выгодны и князю и пожалованному и не содержатъ въ себѣ ни малѣйшихъ указаній на невыгоды вольнаго перехода. Изъ нихъ можно даже вывести, что крестьянскій переходъ вовсе не составлялъ такой язвы, съ которой правительству надо было бы бороться. Строгонову дана льгота на 20 лѣтъ, другимъ она дается на 5 лѣтъ, на 10. Что это значитъ? Льгота дается для поощренія земледѣльческой культуры; она дается въ томъ предположеніи, что вновь пришедшіе крестьяне, посидѣвъ на льготѣ 5, 10, 20 лѣтъ, останутся и потомъ на этой землѣ, но уже съ обязанностью нести тягло. Такое предположеніе можно было сдѣлать только въ виду населенія не очень склоннаго къ бродяжничеству. Правительство его дѣлало. Надо думать, оно не очень страдало отъ крестьянской свободы.

А далѣе: „Съ объединеніемъ Руси подъ главенствомъ Москвы такія косвенныя ограниченія сдѣлались излишними: въ рукахъ московскаго правительства было достаточно прямыхъ средствъ, чтобы устранить невыгодное явленіе выхода изъ тягла“ 7—8.

Это уже и совсѣмъ непонятно! Косвенныя ограниченія сдѣлались излишними, а у насъ „цѣлый рядъ“ такихъ ограниченій. Я никакъ не могу понять, почему было излишне запретить Строгонову сажать тяглыхъ людей на льготную землю. Ни льгота не была излишней, ни ограниченіе: льгота способствовала распространенію земледѣльческой культуры на новыя мѣста, ограниченіе избавляло князя отъ уменьшенія получаемыхъ имъ доходовъ.

Наконецъ: „Однако, старое *правило*, ограничивающее землевладѣльцевъ въ приѣмѣ тягловцевъ, продолжаетъ существовать въ XVI вѣкѣ. Оно могло сохраниться, какъ переживаніе старыхъ порядковъ; но затѣмъ, соотвѣтственно измѣнившимся условіямъ, должно было мало по малу получить иной смыслъ и содѣйствовать выработкѣ и укрѣпленію мысли, что тяглые люди свободой перехода не пользуются даже въ границахъ правилъ Судебника“.

Во-первыхъ, не было „старого правила, ограничивающаго“ и т. д.: было не общее правило, а рядъ запрещеній для отдѣльных лицъ. А рядомъ съ такими запретительными грамотами былъ еще болѣе длинный рядъ льготныхъ грамотъ безъ всякихъ запрещеній, и тоже отъ XIV, XV и отъ XVI вѣка. Нельзя не пожалѣть, что почтенный историкъ права обратилъ рядъ привилегій въ общее правило. Съ точки зрѣнія теоріи права это весьма крупное заблужденіе. Общія правила находятся въ Судебникахъ, въ жалованныхъ же грамотахъ содержатся привилегіи, и сколько бы ихъ ни было, онѣ никогда не превращаются сами собою въ общее правило.

Во-вторыхъ, ограниченія получили иной смыслъ, говоритъ авторъ. Какой же? Тотъ, что указанъ у Б. Н. Чичерина? Но вѣдь это и надо было доказать, а г. Дьяконовъ, не представивъ никакихъ доказательствъ „иного смысла“, на той же страницѣ (9) дѣлаетъ вышеприведенный выводъ, что тяглые люди крѣпки тяглу, а на 19 стр. говоритъ уже объ изыятіяхъ „изъ *обычнаго правила* не принимать мѣстныхъ крестьянъ“. Такого *обычнаго правила* не было, а были только привилегіи на льготы, которыя обусловливались непріемомъ тяглыхъ крестьянъ на льготныя земли. Эти запреты по прежнему „обращены къ землевладѣльцамъ“, а не къ крестьянамъ. А немало было льготныхъ грамотъ и безъ такихъ запрещеній.

Перейдемъ къ другому доказательству, но прежде спросимъ, зачѣмъ нужно другое доказательство, если всѣ крестьяне прикрѣплены уже въ силу одного тягла? Надо думать, что авторъ и не подозреваетъ, что доказалъ уже прикрѣпленіе всѣхъ крестьянъ. Вотъ что значитъ говорить о прикрѣпленіи тяглыхъ, не выяснивъ, что такое тяглые. Авторъ самъ не знаетъ, что онъ доказалъ.

„Почти одновременно (съ тяглыми) право выхода терняютъ и крестьяне старожилы“, говоритъ г. Дьяконовъ во второмъ положеніи, извлеченномъ имъ изъ своей диссертациі. Эта мысль доказывается на стр. 16—31 Очерковъ.

Что же такое крестьяне старожилы и какое ихъ отношеніе къ

тяглымъ людямъ. прикрѣпленіе которыхъ въ половинѣ XVI вѣка уже доказано? Старожилы, по мнѣнію автора,—что-то другое, а не тяглые люди, это ясно изъ приведеннаго положенія; но что же они такое?

Къ сожалѣнію, авторъ этого такъ же не знаетъ, какъ и того. что такое тяглые. Да едва-ли кто это и знать можетъ, такъ неясно для него значеніе старожильцевъ въ древности. Это подлинное мнѣніе автора. Вотъ его слова.

„Обычный институтъ старожильства представляетъ одно изъ любопытныхъ, но, къ сожалѣнію, мало выясненныхъ явленій общественнаго быта древней Руси... Въ своихъ основныхъ чертахъ онъ заключаетъ много неопредѣленнаго и неяснаго. Дать опредѣленный отвѣтъ на вопросы, кто считался старожильцемъ, въ чемъ заключались особенности ихъ положенія, представляется дѣломъ чрезвычайно труднымъ“. Это дѣло столь трудное, что авторъ и не беретъ его на себя. Онъ предлагаетъ только „попытку свода нѣкоторыхъ чертъ этого института“. Такъ на 16-й стр., а на 27-й, послѣ изложенія этихъ „нѣкоторыхъ чертъ“, авторъ снова говоритъ: „Выше было указано, что въ XV вѣкѣ понятіе о старожильствѣ было довольно запутаннымъ. Та же неопредѣленность остается и въ XVI вѣкѣ. Только что приведенныя грамоты 1577, 1578 и 1592 годовъ служатъ тому нагляднымъ подтвержденіемъ. Онѣ же убѣждаютъ и въ томъ, что само правительство не имѣло въ рукахъ готоваго критерія для правильнаго разрѣшенія такихъ споровъ“ (о возвращеніи старожильцевъ на прежнія мѣста).

Удивительный „обычный институтъ старожильства“; суть его никому неизвѣстна, даже московское правительство не имѣетъ подъ руками правилъ для рѣшенія споровъ о старожильцахъ. Что можемъ знать мы?

Не будемъ спорить съ авторомъ и признаемся, что и мы не имѣемъ ни малѣйшаго понятія объ „обычномъ институтѣ старожильства“; но мы хорошо знаемъ, что такое старожилы. Это очень простая вещь, не возбуждающая никакихъ вопросовъ и недоумѣній.

Приведемъ документы.

Въ жалованной грамотѣ Благовѣщенскому монастырю читаемъ: „Кого себѣ въ то село *перезовутъ люди и тутошнихъ* старожильцевъ, и тѣмъ людямъ не надобѣ моя дань... на три года; а кого призовутъ изъ иныхъ княженій, а не изъ моей отчины, и тѣмъ людямъ *пришлимъ* не надобѣ моя дань...“ (срокъ не указанъ, по недо-

осмотру пшца, но онъ другой и всегда болѣе продолжительный, чѣмъ для своихъ; это дѣлалось для привлеченія населенія изъ другихъ княженій). Кто здѣсь тутошніе старожилыцы? Всѣ крестьяне, которые въ моментъ полученія грамоты живутъ уже въ монастырскомъ селѣ; имъ противопоставляются вновь призванные: „кого перезовутъ людей“; это будутъ тѣ, которые придутъ въ село послѣ полученія грамоты, это не старожилыцы, а новики. Далѣе тѣмъ и другимъ противопоставляются крестьяне, призванные изъ иныхъ княженій, пришлые люди. Этимъ дается болѣе продолжительная льгота.

Въ грамотѣ митрополиту Фотию старожилыцы противопоставляются только призваннымъ изъ иныхъ княженій; старожилыцамъ дается льгота на 5 лѣтъ, а пришельцамъ изъ иныхъ княженій—на 15. Старожилыцы и здѣсь—всѣ, кого грамота застала на мѣстѣ.

Сравненіе этихъ двухъ грамотъ показываетъ, какъ невнимательно писались въ старину грамоты. Въ первой грамотѣ тоже идетъ рѣчь о пришлыхъ изъ иныхъ княженій, они тоже освобождаются отъ даней, какъ и свои пришлые, но въ грамотѣ опущено—на какой срокъ; во второй грамотѣ срокъ указанъ, но не сказано о своихъ пришлыхъ. Можно было ихъ принимать или нѣтъ? Это остается неяснымъ; такой пріемъ—то допускается, то нѣтъ. Допускается, иногда, даже на льготѣ.

Въ грамотѣ Кириллову монастырю читаемъ: „Кто имѣтъ жити людей въ тѣхъ пустошахъ или кого къ себѣ призвуть изъ иныхъ княженій, а не изъ нашея вотчины, или кого окупивъ посадятъ, и тѣмъ людямъ монастырскимъ, старожилыцемъ и пришлымъ и купленнымъ, не надобѣ имъ моя дань“... И здѣсь старожилецъ—крестьянинъ, котораго грамота застала на мѣстѣ, ничего больше; онъ противопоставляется пришлому и купленому, т. е. тоже пришедшему со стороны. До грамоты онъ былъ тяглый, а теперь освобожденъ.

Въ грамотѣ Троицы-Сергіеву монастырю: „И кого къ себѣ призвуть людей жити на тѣ земли старожилцовъ, которые будутъ и преже того на нихъ живали, ино имъ на 10 лѣтъ не надобѣ моя дань; а кого призвуть изъ иныхъ княженій, и тѣмъ людямъ не надобѣ моя дань на 15 лѣтъ. Такожъ тѣмъ людямъ, которые нынѣ живутъ, и пришлымъ ихъ людямъ, которыхъ перезовутъ къ себѣ,... не надобѣ моя дань“ (въ этомъ третьемъ случаѣ срокъ опущенъ, а также и квалифікація людей, которыхъ призвуть; это, конечно, „изъ моего княженія“). Въ этой грамотѣ встрѣчаются двѣ новости. Старожилыцы прежнихъ грамотъ названы здѣсь людьми, „которые нынѣ живутъ“,

т. е. въ моментъ дарованія льготы; это тѣ же старожилцы. Во-вторыхъ, старожильцами названы крестьяне, которые жили прежде да ушли. Они теперь не живутъ, но прежде жили, а потому могутъ быть названы старожильцами.

Въ грамотѣ Кириллову монастырю пришлые люди изъ иныхъ княженій названы „новиками“, а находящіеся уже на лицѣ „старожильцами“, но и тѣ и другіе одинаково тянутъ въ тотъ же оброкъ¹⁾.

Полагаемъ, смыслъ слова „старожилцы“ совершенно ясенъ: всякій находящійся уже на мѣстѣ, по отношенію къ новику, будетъ старожилецъ. Это понятіе чрезвычайно относительное: только что поселившійся, накануне дарованія льготы, будетъ уже старожилецъ по отношенію къ новику, и 20 лѣтъ прожившій—тоже старожилецъ. Тѣ же самыя льготы, которыя выпадаютъ на долю старожильцевъ, выпадаютъ и на долю новиковъ; то же надо сказать и объ обязанностяхъ.

Понятіе старожильца, конечно, сложилось не въ княжескихъ грамотахъ и не для нихъ. Оно житейское и теперь употребляется совершенно въ томъ же смыслѣ, какъ употреблялось въ XV вѣкѣ: это наши старожилы. Льготнымъ грамотамъ понадобилось перечислить и исчерпать всѣ виды крестьянъ, они и говорятъ и о старожильцахъ, и о новикахъ, и о новоприхожихъ, своихъ и чужихъ, вотъ и все. Но старожильцы, конечно, не одни крестьяне, всѣ одинаково могутъ быть въ свое время и новиками и старожилами. Поэтому, напримѣръ, свидѣтели на судѣ, если вопросъ идетъ о давнемъ владѣніи, тоже называются старожильцами. Здѣсь являются старожильцами не одни только крестьяне, а всѣ. Определеннаго срока старожильства и тутъ нѣтъ. Одни помнятъ за 20, другіе за 40, третьи за 50 лѣтъ и т. д. И всѣ они одинаково старожильцы.

Старожилецъ житейское наименованіе людей, находившихся болѣе или менѣе продолжительное время въ извѣстной мѣстности, а не юридическое понятіе, не институтъ права. Спросимъ теперь, какое отношеніе старожильцевъ къ тяглымъ людямъ?

Старожильцы-крестьяне—суть тяглые люди, кромѣ тѣхъ, кому дана льгота. Крестьянинъ прежде дѣлается тяглымъ, а потомъ уже становится старожильцемъ. Это совершенно ясно. Тяглые же у г. Дьяконова всѣ закрѣплены уже въ силу тягла. Зачѣмъ же понадобилось новое закрѣпленіе въ силу давности, да и что это за давность? Въ изслѣдованіяхъ автора много не яснаго. Онъ обладаетъ особою спо-

¹⁾ А. Э. I № 18, 21, 23, 51; Доп. къ А. И. I № 193, 201; 1410—1453.

собою крайне осложнять и запутывать самые простые вопросы и дѣлать ихъ совершенно неразрѣшимыми. Именно это произошло у него съ возникновеніемъ крестьянской крѣпости — вообще, а со старожильствомъ въ особенности.

„Старожильцы, утверждаетъ авторъ, теряютъ право перехода“. Почему? Читатель въ правѣ подумать, въ силу старожильства. Ничуть не бывало. Старожильство тутъ ни при чемъ. Нанизъ авторъ приводитъ мнѣніе проф. Владимірскаго-Буданова, высказанное по поводу 75-й статьи Псковской судной грамоты: „А старому изорнику возы вести на государя“. Кіевскій профессоръ, разбирая эту статью, приходитъ къ заключенію, что одно долговременное арендованіе чужой земли ведетъ къ увеличенію обязанностей сѣмщика земли. „Усиленіе строгости обязательствъ наемщика земли, въ силу одной давности, говоритъ онъ, есть явленіе высокаго интереса въ юридическомъ и историческомъ отношеніяхъ“. Г. Дьяконовъ, на основаніи имѣющихся у него данныхъ, пришелъ къ обратному заключенію. „Наоборотъ, утверждаетъ онъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ можно указать даже хозяйственныя привилегіи для изстаринныхъ крестьянъ и старожильцевъ (22)“, и на той же страницѣ высказываетъ такое сужденіе о послѣдствіяхъ старожильства: „Мы не можемъ указать ни одного факта въ подтвержденіе мысли, что податныя обязательства сѣмщика земли возрастали бы въ силу *одной только давности* (курсивъ оригинала), и полагаемъ, что самъ по себѣ принципъ давности не могъ бы и найти примѣненія въ договорѣ, если бы этому не содѣйствовали обстоятельства побочныя, въ родѣ, напримѣръ, хозяйственной зависимости, задолженности срочнаго арендатора собственнику земли“. Кажется, на основаніи этихъ словъ мы можемъ заключить теперь, что старожильство не ведетъ къ крѣпости. Такъ это и выражено во второмъ положеніи, извлеченномъ самимъ авторомъ изъ его книги: „Наиболѣе вѣроятной причиной прикрѣпленія старожильцевъ является крестьянская задолженность“. Стало быть, сколько бы лѣтъ крестьянинъ арендаторъ ни оставался на арендуемой имъ землѣ, онъ не теряетъ предоставленныхъ ему закономъ правъ свободы въ силу одного старожильства. А если такъ, то за чѣмъ было и вопросъ возбуждать о старожильствѣ, какъ основаніи прикрѣпленія? Дѣло не въ старожильствѣ, а въ задолженности.

Перейдемъ къ задолженности. Первый вопросъ, который здѣсь возникаетъ, есть вопросъ о связи между задолженностью и старожильствомъ, что, по мнѣнію автора, въ соединеніи ведетъ къ закрѣпленію

крестьянъ. Между задолженностью и старожильствомъ нѣтъ рѣшительно никакой связи. Старожилецъ можетъ и не быть должникомъ. А если онъ должникъ, какое вліяніе имѣетъ на его долгъ время жительства на землѣ кредитора? Ни малѣйшаго: сколько бы онъ ни просидѣлъ на чужой землѣ, это нисколько не мѣняетъ его обязательствъ по займу. Скажемъ болѣе: въ случаѣ неплатежа, онъ подлежитъ совершенно тѣмъ же послѣдствіямъ, какъ вновь пришедшій и даже совершенно посторонній человѣкъ, который сидитъ на своей собственной землѣ и запылъ деньги у сосѣда.

Пока почтенный авторъ не докажетъ, что взысканіе долговъ обусловливалось сроками старожильства крестьянъ-арендаторовъ, читатель будетъ имѣть основаніе думать, что ему самому не ясны послѣдствія того, что онъ говорить.

Въ разсматриваемомъ очеркѣ авторъ этого вопроса и не касается. Перенеся всю тяжесть доказательства прикрѣпленія старожильцевъ на задолженность ихъ, авторъ не находитъ нужнымъ пояснить, какъ случилось, что ростовая кабала привела даже къ худшимъ послѣдствіямъ, чѣмъ служилая. По служилой кабалѣ человѣкъ терялъ свободу по жизни господина, а по ростовой онъ сдѣлался вѣчнымъ рабомъ. Какъ же это случилось? Впервые эта смѣлая мысль была высказана проф. Ключевскимъ, но встрѣтила немало возраженій. При соединяясь къ мнѣнію московскаго профессора, нашъ авторъ не желаетъ знать сдѣланныхъ ему возраженій. Нельзя не пожалѣть объ этомъ ¹⁾.

Оставляя совершенно въ сторонѣ существеннѣйшій теперь для него вопросъ о задолженности, авторъ посвящаетъ еще до 50 стр. документамъ о сторожилцахъ главнымъ образомъ XVII вѣка, на который изъ 50 стр. пошло 40. Послѣ признанія автора, что причина прикрѣпленія не въ старожильствѣ, а въ задолженности, эта часть изслѣдованія теряетъ всякое значеніе въ томъ вопросѣ, о разъясненіи котораго идетъ рѣчь; а документы XVII вѣка, которымъ посвящена большая половина этой части труда, и по времени не относятся къ вопросу.

Въ обработкѣ этихъ документовъ о старожильцахъ встрѣчаемся

¹⁾ Въ слѣдующемъ очеркѣ, посвященномъ крестьянамъ новопорядчанамъ, авторъ снова обращается къ задолженности и ея послѣдствіямъ. Предлагаемое здѣсь объясненіе ограничивается одними гаданіями и предположеніями, см. стр. 80.

съ тѣмъ же недоразумѣніемъ автора чисто теоретическаго свойства, на которое уже было указано. Съ одной стороны онъ имѣетъ статьи Судебниковъ, позволяющихъ переходъ безъ всякаго различія тяглыхъ людей, старожильцевъ и новиковъ, съ другой—грамоты отдѣльнымъ лицамъ, въ которыхъ запрещается приемъ тяглыхъ, выходъ старожильцевъ и пр. Разнорѣчіе этихъ документовъ ставитъ почтеннаго ученаго въ большое затрудненіе. Онъ не знаетъ, въ чемъ же заключалось право: на стр. 6-й онъ усматриваетъ прямое противорѣчіе между специальными указами и правилами Судебниковъ; на стр. 9-й тяглые люди на основаніи льготныхъ грамотъ „не пользуются у него свободой перехода даже въ границахъ правилъ Судебника“; на стр. 16-й высказывается, на этомъ основаніи, мнѣніе о неполнотѣ правилъ Судебника въ вопросѣ о крестьянскомъ выходѣ. А дѣло очень просто. Судебники—общій законъ, жалованныя грамоты—спеціальныя указы (*privilegia*). Специальный указъ отмѣняетъ дѣйствіе общаго закона для той мѣстности и лицъ, которымъ данъ. Общій же законъ дѣйствуетъ тамъ, гдѣ нѣтъ спеціальнаго указа. Такимъ образомъ, общій законъ и спеціальныя указы превосходно уживаются рядомъ. Это хорошо было извѣстно во времена Судебниковъ, они дѣйствовали тамъ, гдѣ не было особыхъ жалованныхъ грамотъ. А ученые конца XIX вѣка этого не знаютъ. Не легко понять, какъ это могло случиться.

Великій князь Василій Васильевичъ еще въ половинѣ XV вѣка далъ жалованную грамоту Троицы Сергіеву монастырю, въ которой дозволилъ игумену не выпускать крестьянъ старожильцевъ изъ села Присѣкъ съ деревнями. Это актъ прикрѣпленія крестьянъ старожильцевъ въ половинѣ XV вѣка, но только старожильцевъ, т. е. находящихся уже на земляхъ села Присѣкъ съ деревнями, а не новиковъ; новики и послѣ этого указа могутъ садиться на земляхъ села Присѣкъ и уходить съ нихъ. Судебникъ 1497 дозволяетъ крестьянскій выходъ. Но онъ дѣйствуетъ тамъ, гдѣ нѣтъ особыхъ грамотъ, а потому старожильцы села Присѣкъ, прикрѣпленные въ половинѣ вѣка, остаются крѣпкими и послѣ Судебника. Въ 1552 году великій князь Иванъ Васильевичъ, по жалобѣ станowychъ и волостныхъ крестьянъ Важскаго уѣзда, дозволилъ имъ возить па старыя мѣста „старыхъ ихъ тяглецовъ-крестьянъ безсрочно и безошлинно“. Опять спеціальныя указы, которымъ отмѣняется для указанныхъ лицъ дѣйствіе постановленій Судебника и ничего болѣе, а г. Дьяконовъ приводитъ эти два указа и еще цѣлый рядъ имъ подобныхъ для хара-

теристики старожильства, какъ основанія закрѣпощенія, и это послѣ того, какъ самъ отказался отъ старожильской „давности“.

Что право перехода крестьянъ, предоставленное имъ Судебниками, продолжаетъ практиковаться и въ самомъ концѣ XVI вѣка, это подтверждается и писцовыми книгами, на которыя мы указали въ своемъ мѣстѣ. Специальные указы, сколько бы ихъ ни оказалось, отмѣняютъ это право только для тѣхъ мѣстностей и лицъ, въ пользу которыхъ даны.

Еще менѣе права имѣлъ авторъ ссылаться, въ доказательство своей мысли, на заявленія господъ-челобитчиковъ въ искахъ о возвращеніи на ихъ земли ушедшихъ крестьянъ о томъ, что они „ихъ старожильцы“. Мало-ли на что ссылаются челобитчики въ доказательство своихъ претензій! Неудобно-ли послушать современныхъ адвокатовъ. Да и суды, вѣдь, не всегда правильно постановляютъ свои рѣшенія. Ни то, ни другое не можетъ служить основаніемъ къ заключенію, что статья царскаго Судебника перестала дѣйствовать въ самый моментъ ея изданія или, какъ думаютъ сторонники г. Дяконова, что она была написана послѣ того, какъ право выхода перестало уже существовать для всѣхъ тяглыхъ крестьянъ ¹⁾.

Мы должны еще остановиться на четвертомъ очеркѣ г. Дяконова, посвященномъ вопросу о бобыляхъ. Это весьма объемистый очеркъ, онъ занимаетъ болѣе 30 страницъ. На стр. 221 авторъ такъ формулируетъ суть своего изслѣдованія: „Типичною и господствующею формою бобыльства мы считаемъ бобылей не пашенныхъ и не

¹⁾ У С. О. Платонова читаемъ: „Коренное населеніе тяглой черной волости—крестьяне-старожильцы, застарѣвшіе на своихъ тяглыхъ жеребьяхъ, съ которыхъ они не могли уходить, не получали права выхода и отъ землевладѣльца, когда попадали въ частное обладаніе. Эта крѣпость старожильцевъ, выражавшаяся въ потерѣ права передвиженія, была общепризнаннымъ положеніемъ въ XVI вѣкѣ“... Очерки по исторіи смуты, 166. Почтенный авторъ ссылается и на Очерки г. Дяконова и на его статью о крестьянскомъ прикрѣпленіи, появившуюся ранѣе Очерковъ, но значительно усиливаетъ его точку зрѣнія. У него появляется самостоятельная крѣпость старожильства безъ всякой задолженности. Новыхъ доказательствъ почтенный авторъ не приводитъ. Онъ ссылается всего на одинъ документъ изъ Актовъ г. Дяконова, вып. II № 24. Въ этомъ документѣ рѣчь идетъ о томъ, что нельзя перебивать съ тяглыхъ мѣстъ „на льготу“. Выборъ сдѣланъ не очень удачно: тяглыхъ нельзя перебивать на льготу—только; запрещенія же выхода тяглыхъ—нѣтъ. О старожильцахъ то же не упоминается. Трудно понять, почему почтенный профессоръ сослался на этотъ документъ, ничего не говорящій въ его пользу.

тяглыхъ, имѣвшихъ собственную усадебную осѣдлость". Изъ этой типичной и господствующей формы бобыльства авторъ исключаетъ бобылей, поступившихъ въ захребетники и пашенные крестьяне. Въ 3-мъ положеніи, самымъ авторомъ извлеченномъ изъ его труда, къ этому опредѣленію прибавлена новая черта: „Бобыли въ XVI вѣкѣ имѣли только усадебную осѣдлость, собственной запашки или самостоятельнаго хозяйства у нихъ не было, а потому они не включались въ разрядъ тяглыхъ людей“.

Вотъ что такое бобыли.

Попытка автора—дать общее опредѣленіе бобылей, хотя бы только для одного XVI вѣка, представляется намъ задачей не выполнимой. Она потому не выполнима, что бобыли не составляли одного цѣльнаго класса людей со своими особыми признаками. Въ XVI вѣкѣ бобылями назывались и люди, которые ходили межъ дворъ и питались отъ міра, и люди, которые арендовали дворы въ господскихъ имѣніяхъ, платили за нихъ оброкъ и занимались ремеслами. Между тѣми и другими очень большое разстояніе. Въ XVII вѣкѣ виды бобыльства еще болѣе осложнились. Исслѣдователь можетъ только описать всѣ эти виды, но долженъ отказаться отъ одного общаго опредѣленія.

Авторъ даетъ намъ одно общее опредѣленіе, это „не пашенные люди, у которыхъ, есть собственная усадебная осѣдлость, но собственной запашки и своего хозяйства у нихъ не было, а потому они къ тяглымъ людямъ не принадлежать“.

Ни одинъ изъ признаковъ бобыльства, приводимыхъ въ обоихъ опредѣленіяхъ, не вѣренъ. У бобылей не было собственной земли, но „собственная запашка на арендуемой землѣ“ у нихъ встрѣчается. У бобылей Опочкаго монастыря была пашня, которую они пахали наѣдомъ изъ платежа оброка. Наоборотъ „собственной усадебной осѣдлости“ у бобылей не было. Ихъ дворы всегда паходились на владѣльческой или княжеской землѣ, а не на ихъ собственной. „Самостоятельное же хозяйство“ было у очень многихъ бобылей. Дворъ съ огородомъ и выгономъ они панимали, но вели тамъ свое особое хозяйство, занимаясь ремеслами и промыслами. Рядомъ съ такими хозяйственными бобылями были бобыли, которые бродили „межъ дворъ“, а въ XVII вѣкѣ—рядились на господскіе дворы и на господскій хлѣбъ. У этихъ собственного хозяйства не было, а у первыхъ было.

„Бобыли не тяглые люди“, утверждаетъ авторъ, но и здѣсь, какъ и въ 1-мъ очеркѣ, не опредѣляетъ, что такое тягло. Тягло было разное и лежало оно не на лицѣ, а на землѣ и промыслѣ. Бобыли,

обыкновенно, пашенной земли не снимали, а потому въ обжи и сохи не клались. Но и они платили подати, которыя раскладывались по ихъ животамъ и промысламъ, о чемъ мы говорили въ своемъ мѣстѣ.

На связь бобылей новгородскихъ писцовыхъ книгъ XVI вѣка съ поземщиками тѣхъ же книгъ XV вѣка авторъ не обратилъ вниманія. Также скрылось отъ его наблюдательности и перерожденіе юридическаго положенія бобылей; первоначально поземщики и бобыли только сѣмщики усадебъ, а потомъ является важная прибавка: поступленіе въ бобыли есть поступленіе на службу и перѣдко съ пожертвованіемъ правъ личной свободы.

Обложеніе бобылей податями авторъ относитъ къ XVII вѣку, въ XVI вѣкѣ они, по его мнѣнію, люди не тяглые. Но и въ XVII вѣкѣ не всѣ бобыли тяглые. Тѣ, которые ходили „межъ дворъ“ и питались отъ міра, конечно, ничего не платили, ибо у нихъ не было ни „животовъ ни промысловъ“. Да и многіе бобыли, поступавшіе въ частное услуженіе, дѣлали это. чтобы избѣжать тягла. Вопросъ о бобыляхъ гораздо сложнее, чѣмъ это кажется почтенному автору.

Въ концѣ прошлаго года вышло въ свѣтъ изслѣдованіе г. Н. Рожкова о сельскомъ хозяйствѣ Московской Руси. Авторъ проявилъ необыкновенное трудолюбіе. Онъ не ограничился однимъ печатнымъ матеріаломъ: „главной основой его труда служатъ неизданные источники“. Черезъ его руки прошло такое множество архивнаго матеріала, что издать его въ приложеніи къ своему труду, въ видѣ оправдательныхъ документовъ, онъ нашелъ „совершенно невозможнымъ“. Къ обработкѣ архивныхъ документовъ онъ въ широкой мѣрѣ примѣняетъ статистическій приѣмъ и обогащаетъ свой трудъ множествомъ таблицъ съ вычисленіемъ среднихъ цифръ разныхъ экономическихъ явленій, напримѣръ. размѣровъ крестьянской запашки и пр. Эти выдающіяся особенности новаго труда вызываютъ на многія размышленія. Изъ интересахъ науки и послѣдователей г. Рожкова, число которыхъ весьма значительно, мы считаемъ необходимымъ остановиться на его трудѣ, такъ близко соприкасающемся съ содержаніемъ нашего послѣдняго очерка.

Кромѣ богатыхъ ссылокъ на архивный матеріалъ, другую особенность труда г. Рожкова представляютъ и самыя приѣмы изслѣдованія. Онъ не довольствуется обыкновенными способами изслѣдованія, онъ стремится достигнуть болѣе точныхъ результатовъ и выражаетъ свои выводы въ цифрахъ. Ему мало указать на нѣсколькихъ примѣрахъ, каковы были, напримѣръ, размѣры господскихъ запашекъ, онъ

желаетъ опредѣлить ихъ „абсолютные и относительные размѣры“; для крестьянскихъ запашекъ онъ отыскиваетъ среднія величины, сравниваетъ ихъ измѣненія въ теченіи вѣка и дѣлаетъ на этомъ основаніи заключенія о движеніи крестьянскаго благосостоянія. Эти выводы, выраженные въ цифрахъ, могутъ быть приняты (и уже приняты) за совершенно точные. Посмотримъ на нихъ ближе.

Въ самомъ началѣ главы, посвященной формамъ и размѣрамъ сельско-хозяйственнаго производства, читаемъ: „Первый вопросъ, подлежащій нашему рѣшенію, это вопросъ о томъ, существовала ли барская пашня и, если существовала, то каковы были ея относительные и абсолютные размѣры“? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо знать, сколько у извѣстнаго владѣльца было земель вотчинныхъ и помѣстныхъ, и сколько изъ этого числа пахалъ онъ на себя и сколько отдавалъ въ аренду крестьянамъ. Имѣетъ г. Н. Рожковъ эти данныя хотя бы о 20 владѣльцахъ XVI вѣка? Онъ не имѣетъ ни одного такого извѣстія. Какъ же рѣшать при отсутствіи данныхъ поставленный авторомъ вопросъ? Онъ ограничивается приведеніемъ нѣсколькихъ отрывочныхъ свѣдѣній о нѣкоторыхъ имѣніяхъ, въ которыхъ упоминаются господскія запашки (129—130). Вопросъ поставленъ, а отвѣта авторъ не даетъ. Это насъ нисколько не удивляетъ. Мы и не ждали отвѣта, потому что для него нѣтъ данныхъ. Мы даже сомнѣваемся въ возможности собрать такіа свѣдѣнія для XVI вѣка. Ихъ надо было бы искать въ частныхъ архивахъ. А есть у насъ такіе архивы съ полными свѣдѣніями о томъ, сколько владѣльцу принадлежало земель въ XVI вѣкѣ и какъ онъ ими пользовался? Въ писцовыхъ книгахъ, которыми пользовался авторъ, опись ведется по мѣстностямъ, а не по владѣльцамъ, и выписать изъ нихъ всѣ владѣнія извѣстныхъ отдѣльныхъ лицъ, при современномъ состояніи архивовъ, вещь невозможная. Авторъ такихъ выписокъ и не сдѣлалъ. Итакъ, „первый вопросъ, подлежащій нашему разрѣшенію“, есть вопросъ неразрѣшимый; его и ставить не слѣдовало.

Двѣ страницы далѣе авторъ переходитъ къ вопросу о хозяйскихъ запашкахъ на монастырскихъ земляхъ и утверждаетъ, что „по мѣрѣ приближенія къ концу вѣка вездѣ заводится рѣдко гдѣ существовавшая раньше монастырская пашня. Это показываетъ, говоритъ онъ въ заключеніе, таблица на стр. 134 — 7“. Утвержденіе чрезвычайно рѣшительное, но мало точное: вездѣ заводится монастырская пашня, утверждаетъ авторъ. Но что же это значитъ? Каждымъ монастыремъ въ одномъ изъ своихъ владѣній, или въ каждомъ владѣніи монастыр-

скомъ возникаетъ хозяйская запашка? Это неизвѣстно, и авторъ не чувствуетъ нисколько потребности это пояснить. Обращаемся къ таблицѣ.

Нелегкое дѣло доказать, что „рѣдко гдѣ существовавшая въ началѣ вѣка монастырская пашня въ концѣ его появляется вездѣ“. Для этого надо сравнить количество монастырской запашки, если не во всѣхъ монастырскихъ земляхъ, то въ значительномъ ихъ числѣ въ началѣ и концѣ вѣка: такое сравненіе и покажетъ возникновеніе монастырской запашки тамъ, гдѣ ея прежде не было, а слѣдовательно и оправдаетъ заключеніе автора. Но можно ли сдѣлать такое сравненіе? По печатному матеріалу — нѣтъ, его слишкомъ мало. Въ архивахъ, можетъ быть, есть такой матеріалъ, онъ не попалъ, однако, въ руки автора. Г. Н. Рожковъ составилъ таблицу, но она ровно ничего не доказываетъ. Авторъ приводитъ свѣдѣнія о 46 монастырскихъ вотчинахъ съ показаніемъ, сколько было въ каждой изъ нихъ крестьянской и монастырской пашни, и съ вычисленіемъ процентнаго отношенія. Описи этихъ вотчинъ дѣлались въ періодъ времени отъ 1558 года по 1598 г., но это все вотчины разныхъ монастырей и разныхъ вотчины. Если бы мы имѣли описаніе одной и той же вотчины въ 1558 и 1598 году, и если бы въ первомъ описаніи не было указано монастырской запашки, а во второмъ было, мы могли бы сдѣлать заключеніе, что она распространяется. Въ таблицѣ же автора нѣтъ ни одного повтореннаго описанія той же вотчины; у него собраны описанія все разныхъ вотчинъ. Такая таблица ровно ничего не доказываетъ. Изъ того, что въ нѣкоторой вотчинѣ, по описи конца вѣка, было 12 и болѣе % монастырской запашки, вовсе не слѣдуетъ, что въ этой вотчинѣ не было монастырской запашки въ 1550 году или, что она была меньше. Авторъ употребилъ не мало времени на составленіе своей таблицы, и совершенно напрасно. Нельзя не пожалѣть объ этомъ, а еще больше будемъ жалѣть, если его таблица пойдетъ въ ученый оборотъ.

Мы можемъ пополнить таблицу автора по печатному матеріалу. У него самый большой процентъ монастырская запашка дала въ вотчинѣ Троицы-Сергіева монастыря по описи 1592—93 года, — она составляла 29,5% крестьянской запашки. У Златоустовскаго монастыря, по напечатанной описи 1573 года, въ селѣ Разсудовскомъ, монастырской пашни было 10 четей, а крестьянской—12; а у Чудова монастыря, въ селѣ Борисовскомъ, по той же описи, было монастырской запашки 118 четей, а крестьянской—24. Въ первомъ случаѣ

монастырская пашня составляет 80% крестьянской, а во втором болѣе 400%. Если бы мы слѣдовали ученымъ приѣмамъ автора, мы должны были бы сдѣлать заключеніе, что съ 70-хъ годовъ XVI вѣка къ концу вѣка размѣры монастырской запашки чрезвычайно падаютъ.

Такое же значеніе имѣетъ и другая таблица, въ которой авторъ выводитъ среднее количество земли на дворъ и на одного рабочаго крестьянина въ центральныхъ мѣстностяхъ Москвы. А между тѣмъ авторъ дѣлаетъ на основаніи этой таблицы очень серьезныя заключенія. Вотъ они: „Просматривая цифры этой таблицы,—говоритъ онъ,—легко замѣтить съ 70-хъ годовъ XVI вѣка значительное уменьшеніе средней запашки на крестьянскій дворъ и на земледѣльческаго рабочаго: тогда какъ до этого времени такая запашка очень часто приближалась къ нормальной величинѣ выти, нерѣдко даже значительно превышала ее и чрезвычайно рѣдко спускалась ниже 7 четей на дворъ; съ 70-хъ годовъ 7 четей на дворъ встрѣчается только одинъ разъ, въ остальныхъ же случаяхъ средніе размѣры пашни на дворъ и рабочаго чрезвычайно низки. Это наблюденіе имѣетъ *большую цѣнность* (собственные слова автора): оно показываетъ, что параллельно регрессу въ системѣ земледѣлія шло и сокращеніе крестьянской запашки на дворъ, т. е. крестьянинъ центральной Руси дѣлался малоомощнѣе въ хозяйственномъ отношеніи, сильно разорался“ 146.

Обратимся къ таблицѣ, имѣющей по рѣшительному признанію самого автора „большую цѣнность“. За исключеніемъ 7 вотчинъ, это тѣ же вотчины, которыя приведены и въ предшествующей таблицѣ. Для сравненія взято тоже 46 монастырскихъ имѣній; изъ нихъ 19 описаны до роковаго 70 года, а остальные послѣ. Самая старая опись сдѣлана въ 1556 году, такая одна, большинство описаны въ 1562—63, такихъ 15; послѣ 70 года большинство описано въ 1592—93, такихъ 20. И здѣсь ни одно имѣніе не повторяется, это все разныя имѣнія. Собственно для сравненія берется 19 вотчинъ, описанныхъ до 1570 года, преимущественно въ 1562—63, и 27—описанныхъ послѣ 70, преимущественно же въ 1592—93. Спрашивается, въ вотчинахъ, въ которыхъ по описи 1563 года оказалось по 7 четей и болѣе на работника, сколько было въ концѣ вѣка? Этого никто не знаетъ, такъ какъ описей конца вѣка для этихъ вотчинъ у автора нѣтъ. То же надо сказать и о тѣхъ вотчинахъ, которыя описаны послѣ 70 года. Мы знаемъ, сколько тамъ приходится на работника въ 1592—93 году, но не знаемъ, сколько приходилось въ 1562—63. Можетъ быть, среднее было то же, а можетъ быть и еще меньше.

Для доказательства мысли автора ему падо было бы взять все крестьянское населеніе въ началѣ и концѣ вѣка, опредѣлить среднее на работника и сравнить. При такомъ пріемѣ дѣйствительно получились бы данныя, на основаніи которыхъ можно было бы сдѣлать точное заключеніе объ увеличеніи или объ уменьшеніи крестьянскихъ участковъ. Но такой статистики для XVI вѣка не существуетъ, авторъ ее не создалъ; онъ беретъ случайно попавшія ему подъ руку 19 вотчинъ съ населеніемъ въ 4.900 рабочихъ и сравниваетъ ихъ съ другими 27-ю вотчинами съ населеніемъ въ 9.800 рабочихъ, и отсюда дѣлаетъ заключеніе обо всемъ населеніи центральныхъ областей Московскаго государства, которыя у него простираются: на западѣ отъ губерній Смоленской, Псковской, Новгородской, Петербургской, на сѣверѣ—до Вологодской, на востокѣ—до Вятки и Прикамскихъ областей, на югѣ—до губерній Калужской, Тульской, Рязанской, Тамбовской, Пензенской и Симбирской. Пять тысячъ крестьянскаго населенія—это очень слабая статистика для сужденія обо всемъ населеніи такой обширной области, населенной одними крестьянами.

Такихъ таблицъ у автора много. Остановимся еще на одной, помѣщенной на стр. 68—69. Значеніе этой таблицы авторъ объясняетъ такъ: „Она наглядно показываетъ, какъ все болѣе и болѣе ухудшалась система полевого хозяйства на территоріи этихъ уѣздовъ. При внимательномъ просмотрѣ таблицы не трудно убѣдиться, что во-первыхъ, въ большинствѣ названныхъ уѣздовъ съ замѣчательною правильностью паровая зерновая система, господствовавшая въ шестидесятихъ годахъ XVI вѣка, смѣняется къ концу столѣтія переложной системой; во-вторыхъ, по мѣрѣ перехода къ переложной системѣ земледѣлія, вездѣ появляется пашня, паханая наѣздомъ: нарушается, слѣдовательно, и сѣвооборотъ“.

Результаты таблицы чрезвычайно серьезные; ею доказывается обратное движеніе сельскаго хозяйства, паровая система замѣняется переложной. Посмотримъ въ таблицу. Въ доказательство того, что чрезвычайно важные выводы автора вѣрны для Рузскаго уѣзда, таблица приводитъ четыре вотчины разныхъ монастырей. Три изъ нихъ описаны въ шестидесятихъ годахъ, одна въ 1598. Пашни наѣздомъ нѣтъ нигдѣ, перелогъ есть во всѣхъ, но всего болѣе въ послѣдней вотчинѣ. На этомъ основаніи дѣлается важный выводъ для Рузскаго уѣзда. Таковы же основанія въ пользу того же важнаго вывода и для другихъ уѣздовъ. Авторъ и не подозреваетъ, что собственно надо было бы сдѣлать для того, чтобы доказать его выводы. Чтобы дока-

затѣ переходъ отъ паровой зерновой системы къ переложной, надо было взять всѣ земли уѣзда и опредѣлить въ нихъ количество земель обрабатываемыхъ тѣмъ и другимъ способомъ въ шестидесятихъ годахъ и въ концѣ вѣка. Только такое сравненіе оправдало бы выводъ автора. Оно, конечно, невозможно. Такой статистики нѣтъ для XVI вѣка. Чтобы хотя нѣсколько приблизиться къ выводу, чтобы сдѣлать его хотя вѣроятнымъ, надо было взять рядъ имѣній, по возможности большой, опредѣлить въ нихъ количество земли, обрабатываемой тѣмъ и другимъ способомъ въ шестидесятихъ годахъ и въ концѣ вѣка. Если бы оказалось, что система паровая зерновая *съ этихъ имѣній* къ концу вѣка замѣняется переложной, авторъ могъ бы сослаться на такую таблицу. Составленная же имъ таблица ровно ничего не доказываетъ, кромѣ полной его неопытности по части статистическихъ выкладокъ, совершенно, впрочемъ, извинительной, ибо изученіе статистики для общихъ историковъ въ нашихъ университетахъ также не обязательно, какъ и ознакомленіе съ элементарными понятіями права.

Отъ статистики автора перейдемъ къ источникамъ, которыми онъ пользовался. Большинство этихъ источниковъ онъ видѣлъ одинъ. Почтенный авторъ хорошо понимаетъ, что это не очень успокоительно для читателя. Источники для историка то же, что природа для натуралиста, ихъ надо имѣть въ рукахъ и на глазахъ. Сослаться на то, что они лежатъ тамъ-то, этого очень мало. Ихъ надо положить передъ читателемъ. Это потому, что *erga e humanum est*. Снисходительный къ нашему труду читатель, имѣвшій терпѣніе прочитать все, что мы написали, не разъ видѣлъ, какъ ученые читаютъ въ источникѣ не то, что тамъ написано. Почтенный авторъ старается успокоить читателя указаніемъ на то, что архивы доступны для всѣхъ и это облегчаетъ провѣрку. Спорить не будемъ, но въ Москву не поѣдемъ, а обратимся къ болѣе легкому способу провѣрки, насколько авторъ правильно читаетъ источники, къ сличенію его ссылокъ на печатные источники съ тѣмъ, что въ нихъ напечатано.

Таблица, которая привела автора къ вышеуказаннымъ наблюденіямъ, имѣющимъ „большую цѣнность“ (148—151), ссылается на вотчины Троицы-Сергіева монастыря въ Дмитровскомъ уѣздѣ по описи 1592—93 года. По счету автора въ этихъ волостяхъ было крестьянской пашни 3.207,1 четверти. Чрезвычайно точный счетъ, даже 0,1 доля четверти не забыта. Въ источникѣ же написано: „И всего въ Дмитровскомъ уѣздѣ Троецкихъ вотчинъ... крестьянскія паханные сер. земли 947 чети безъ третника, да крестьянскія же худыя земли

2.917 чети съ третникомъ, да наемныя паханья сред. земли 27 чети безъ третника, да наемныя же паханья худ. земли 360 чети безъ полутретника“. Такимъ образомъ, съ наемной землей крестьяне пахали 4.241 четь, на цѣлую почти треть болѣе того, что насчиталъ асторъ.

Тамъ же приведены вотчины того же монастыря въ Рузскомъ уѣздѣ по описи того же года. У автора въ этихъ вотчинахъ крестьянской земли показано 268 четей. Въ описи читаемъ: „И всего... пашни паханья сер. земли 28 четьи, да пашни же паханья худ. земли — 287 четьи, да наѣзжія пашни худ. земли 12 четьи безъ третника, да перелогъ и лѣсомъ поросло худ. земли 1.255 четьи безъ третника, лѣсу пашеннаго 2 десятины“. Въ итогѣ безъ перелогу получится — 319 четей. на 51 четь болѣе, чѣмъ у автора. Но перелогъ тоже пашня, воздѣлываемая частями, а потому въ частяхъ не запаханыхъ зарославшая лѣсомъ. Считая половину перелога подъ пашней, крестьянской пашни получимъ—944 чети, это болѣе, чѣмъ втрое противъ того, что насчиталъ почтенный авторъ.

Тамъ же приведены вотчины того же монастыря въ Старицкомъ уѣздѣ. По счету автора въ нихъ 589,5 четей. Удивительная точность, не забыты — 0,5! Въ описи же читаемъ: „И всего... крестьянской пашни паханой сер. земли 610 чети, да перелогъ пашни 232 чети, да лѣсомъ поросло 232 чети съ осминой, лѣсу пашеннаго 49 дес., да непашеннаго лѣсу 32 дес.“. Подводя итогъ пашенной земли, получимъ 940 четей вѣсто 589, указанныхъ г. II. Рожковымъ.

Здѣсь пашенный перелогъ показанъ отдѣльно отъ того, что лѣсомъ поросло, а цифры одинакія, того и другого по 232 чети. Отсюда можно заключить, что въ перелогѣ одна половина земли пашется, а другая пускается подъ заросль.

Тамъ же далѣе приведены вотчины того же монастыря въ Углицкомъ уѣздѣ. По автору тамъ было 1.566 четей крестьянской земли. Въ описи читаемъ: „... да служни и крестьянскія пашни 1.409 четьи, да пашни же паханья паѣздомъ изъ найму 71 четь, да перелогъ пашни 991 четь, да пашни же лѣсомъ поросло 516 четьи, да пашни же паханья худ. земли — 131 четь, да перелогъ 70 четьи, да лѣсомъ поросло 42 четьи, а всего четвертныя пашни, и перелогъ, и что лѣсомъ поросло сер. земли 3.297 чет. да худ. земли 243 чети“. Итогъ писца не очень точенъ; мы сдѣлаемъ свой и не введемъ въ него пашни, поросшей лѣсомъ; за этимъ исключеніемъ получимъ пашни съ паѣзжей и съ перелогомъ 2.672 четьи противъ 1.566 четей автора. Опять разница очень значительная. Но этимъ не исчерпываются осо-

бенности итоговъ автора. Количество пашни показывается у него иногда менѣе дѣйствительнаго, а число рабочихъ болѣе. Въ разсматриваемыхъ вотчинахъ у него показано крестьянскихъ дворовъ: 515, а работниковъ 629, въ оригиналѣ же читаемъ: „6 дворовъ служнихъ, 477 двор. крестьянскихъ, а людей въ нихъ 589 человекъ“. Все другое: всѣхъ дворовъ 483, а людей 589. Если предположить, что писецъ позабылъ показать населеніе служнихъ дворовъ, то придется на 6 дворовъ много-много прибавить 12 работниковъ и получится 601 работникъ, а не 623.

Вотъ на какихъ данныхъ основаны „имѣющіе большую цѣнность“ выводы автора¹⁾.

А печатные источники, бывшіе у него въ рукахъ, дѣйствительно имѣютъ большую цѣнность. Съ итогами послѣдней описи въ нихъ сравниваются иногда итоги описи предшествующей и указывается убыль и прибыль населенія, а также и перемѣны въ количествѣ пашенной земли. Этими свѣдѣніями авторъ не заблагоразсудилъ воспользоваться, а они освѣщаютъ дѣло гораздо болѣе его изысканій и таблицъ.

Въ концѣ описи вотчинъ Троицы-Сергіева монастыря сказано, что въ 1592—93 году изъ пуста въ живущее прибыло пашни 338 четей противъ описи 1586 года. Къ сожалѣнію, писецъ не говоритъ объ измѣненіи въ количествѣ населенія; но судя потому, что число деревень осталось то же, можно думать, что прибавка пашни выпала, хотя отчасти, и на долю прежняго населенія. Здѣсь получается, такимъ образомъ, къ концу вѣка увеличеніе крестьянской запашки.

Въ концѣ описи вотчинъ того же монастыря по Углицкому уѣзду находимъ указаніе на то, что въ 1592 — 93 году, сравнительно съ 1575, произошла, наоборотъ, убыль четвертной пашни на 229 четвертей. Но эта убыль явилась вслѣдствіе ухода нѣкоторой части крестьянъ въ другія мѣста, почему ихъ деревни и починки запустѣли и лѣсомъ поросли. Количество же земли, приходящейся на остальныхъ крестьянъ, отъ этой убыли нисколько не уменьшилось. Итакъ, возможно уменьшеніе площади пахотной земли въ извѣстныхъ вотчинахъ безъ малѣйшаго уменьшенія размѣровъ крестьянскихъ участковъ.

¹⁾ Мы брали наши цифры со страницъ, указанныхъ самимъ г. Н. Рожковымъ. Ему слѣдовало бы объяснить, отъ чего его итоги расходятся съ напечатанными, но онъ этого не сдѣлалъ: мы не нашли такого объясненія въ составленныхъ имъ таблицахъ.

Такъ далеки „имѣющіе большую цѣнность“ выводы автора отъ дѣйствительности.

На 166 стр. авторъ говоритъ о складникахъ. Онъ присоединяется къ мнѣнію г-жи А. Ефименко, но дѣлаетъ ссылки на новые документы. Въ актахъ Холмогорской епархіи напечатанъ документъ о распредѣленіи работъ по поставкѣ стѣнной ограды въ Скрылевѣ. Издатель актовъ такъ его и озаглавилъ: „Память о томъ, кому и сколько дѣлать стѣннаго огорода въ Скрылевѣ“. Почтенный авторъ видитъ въ этомъ документѣ „дѣльную память на пашни“, когда дѣло идетъ о постройкѣ стѣнной ограды! Не легко и печатные-то документы читать ¹⁾).

Если возможна такая свобода выписокъ и выводовъ, въ основаніи которыхъ лежитъ печатный матеріалъ, то что происходитъ при пользованіи однимъ рукописнымъ? Этого мы, конечно, сказать не можемъ. Есть, однако, основаніе думать, что при пользованіи архивнымъ матеріаломъ наши ученые-стѣспены нисколько не меньше.

Не отрицаемъ пользы архивныхъ работъ. Но къ нимъ надо обращаться уже послѣ того, какъ исчерпано содержаніе относящихся къ вопросу печатныхъ матеріаловъ. Г. Н. Рожковъ пошелъ въ архивы немножко преждевременно. Для него есть много неизвѣданнаго и въ печатныхъ книгахъ, и не въ однихъ писцовыхъ, пониманіе которыхъ требуетъ нѣкоторой подготовки.

Изъ сдѣланнаго нами обзора литературы видно, что по нѣкоторымъ научнымъ вопросамъ было высказано два, три, четыре и даже болѣе мнѣній, взаимно одно другое исключającychъ. Чѣмъ это обусловливается: состояніемъ предмета или какими-либо иными причинами? Если состояніе предмета таково, что изученіе его съ необходимостью приводитъ къ разногласію, то, значить, нѣтъ науки русскіихъ древностей: каждый изслѣдователь можетъ говорить что ему угодно, и все это будетъ одинаково хорошо. Въ обширной области нашихъ древностей дѣйствительно есть вопросы, на которые нельзя дать рѣшительнаго отвѣта. Это всѣ тѣ, для разрѣшенія которыхъ не имѣется подходящаго матеріала и гдѣ изслѣдователю при-

¹⁾ Рус. Ист. Библ. XIV, № А. LXVIII. Этому документу очень посчастливилось въ нашей ученой литературѣ. Обратилъ на него вниманіе и г. Лаппо-Данилевскій и тоже ссылается на него въ доказательство того, что „складники иногда уравнивались при дѣлежѣ“. Критич. замѣтки 27. У него идетъ здѣсь рѣчь о дѣлежѣ поземельной собственности складниковъ!

ходится довольствоваться одними догадками. Но въ такомъ же положеніи находятся и ученые дѣятели въ области всѣхъ другихъ наукъ, которыя призваны обрабатывать виѣшній матеріалъ, при условіи его неполноты и недостаточности. По всѣмъ же вопросамъ, по которымъ имѣется достаточный матеріалъ, рѣшеніе можетъ и должно быть только одно. Почти всѣ затронутые нами вопросы имѣютъ такой матеріалъ, и только поэтому мы и рѣшились писать о нихъ. Въ чемъ же причина разногласія? Не въ предметѣ, а въ способахъ изслѣдованія и въ личныхъ свойствахъ изслѣдователей. Каковы эти способы и свойства, ведущіе къ разногласіямъ, объ этомъ снисходительный читатель можетъ судить самъ: мы представили на его благоусмотрѣніе достаточный для сего матеріалъ. Во всякомъ случаѣ это причина устранимая — для будущаго, конечно, когда мало по малу установится правильное чтеніе источниковъ и распространится болѣе или менѣе единообразная научная подготовка дѣятелей, въ настоящее время до такой степени отсутствующая, что одни изслѣдователи могутъ совершенно не понимать другихъ: такъ далеко расходятся ихъ понятія о томъ, что такое, напримѣръ, законъ общій и законъ мѣстный (*prima lex*) и каково ихъ взаимное отношеніе, что такое семейный союзъ и можетъ ли онъ переходить въ акціонерную компанію или нѣтъ, что такое товарищество и можетъ оно принимать формы семьи или нѣтъ, что такое раздѣлъ общаго имущества и дѣлитъ онъ это имущество или нѣтъ, и т. д. А это азбука, безъ которой и приступать нельзя къ чтенію памятниковъ¹⁾. Любители науки древностей могутъ поэтому не смущаться представленной нами картиной ученыхъ разногласій и продолжать свои изысканія съ надеждой придти къ единогласному разъясненію прежде всего тѣхъ явленій нашей древней жизни, которыя оставили о себѣ ясный слѣдъ въ памятни-

¹⁾ Въ нашей ученой литературѣ было высказано даже мнѣніе, что „такъ семья превращается въ товарищество, такъ договорное товарищество подчиняется формамъ семьи“. Товарищество принимаетъ формы семьи! Путемъ образованія товарищества, значить, возникаютъ союзы мужа и жены, родителей и дѣтей? Должны признаться, что мы этого совершенно не понимаемъ. А почтенному автору это, конечно, представляется совершенно натуральнымъ, и, наоборотъ, наше непониманіе должно казаться ему непонятнымъ. — Такія различія взглядовъ объясняются иногда существованіемъ у насъ разныхъ ученыхъ школъ и различіемъ ихъ научнаго направленія. А мы склонны думать, что причина указанныхъ различій не въ наличности разныхъ школъ и нѣкотораго, слѣдовательно, богатства ихъ, а въ недостаткѣ школы.

кахъ. Эти разъясненія дадутъ твердую основу и для догадокъ о временахъ и явленіяхъ быта, прямыя извѣстія о которыхъ навсегда исчезли. Наука должна выдѣлить постижимое отъ не постижимаго, объяснить первое и на основаніи полученныхъ такимъ образомъ данныхъ строить гипотезы о послѣднемъ.

В. Сергѣевичъ.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.
ЧАСТЬ СССХХХХІІІ.

1902.
СЕНТЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1902.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. Высочайшій рескриптъ	3
II. Имепные Высочайшіе указы	4
III. Высочайшія повелѣнія	5
IV. Высочайшіе приказы	7
V. Высочайшія награды	19
VI. Циркуляры министерства народнаго просвѣщенія	31
VII. Положенія о стипендіяхъ въ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія	36
VIII. Объ учебной части въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ на 1902—1903 учебный годъ	42
IX. Отъ управленія пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ	58
X. Опредѣленія ученаго комитета мин. нар. пр.	59
XI. Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр.	60
XII. Опредѣленія отдѣленія ученаго комитета мин. нар. пр. по техническому и профессиональному образованію	67

С. К. Шабинаго. Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ. I	1
К. О. Тіандеръ. Общій взглядъ на развитіе и задачи скандинавской филологіи	36
Н. М. Головачевъ. Ближайшія задачи историческаго изученія Оябрия	49
Кн. Д. Н. Цертелевъ. Идея цѣнности	69
В. И. Сергѣевичъ. Древности русскаго землевладѣнія. IV	93

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

В. Н. Модестовъ. Новый трудъ о пелазгахъ	149
Н. Т. С. Мокринскій. Наказаніе, его цѣли и предположенія. Часть 1-я и 2-я. Москва и Томскъ. 1902.	188
С. Н. Костычевъ. В. Л. Комаровъ. Флора Маньчжуріи. Томъ I. С.-Пб. 1901	207
Е. Н. Ковалевскій. Rapport du Jury International du Groupe I. Première partie. Classe I. Paris. 1902	215
А. В. Васильевъ. Византійскій пала. Изъ исторіи церковно-государственныхъ отношеній въ Византіи. Н. Суворова. Москва. 1902	220
Ч. Художественныя сокровища Россіи. Годъ первый. С.-Пб. 1901	227

См. 3-ю стр. обложки.

ДРЕВНОСТИ РУССКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ.

IV. Тягло ¹⁾).

Тягло въ древности означало не только обязанность нести государственныя повинности, но и способность къ этимъ повинностямъ. Кто же былъ способенъ въ тяглу? Способнымъ къ тяглу было все имущее, состоятельное населеніе волостей—княженій. Тягло несли люди, но не въ смыслъ „ревисской души“, а въ смыслъ людей, имѣющихъ нѣкоторое состояніе.

Люди бѣдною вовсе тягломъ не облагались: они или не несли никакихъ повинностей, или, вмѣсто тягла, платили разъ навсегда опредѣленный оброкъ. Крестьянинъ тверскаго уѣзда Григ. Лковл. Дубининъ, по описи 1580 года, такъ „оухудалъ и отемилъ“, что вовсе былъ исключенъ изъ тягла и ему дана была льгота на 2 года. По нижегородской описи 1621 года въ Нижнемъ оказалось 140 дворовъ посадскихъ людей очень бѣдныхъ; они также въ тягло не были положены. По „дворишко вдовы Просковьи Левонтьевой, жены Оконшикова“, исключенный также по бѣдности изъ тягла, былъ обложенъ, вмѣсто тягла, единовременнымъ оброкомъ въ 10 алтынг. Такихъ въ Нижнемъ было нѣсколько. Податное положеніе ихъ было гораздо легче положенія тяглыхъ дворовъ: вмѣсто разноименныхъ повинностей, тяжесть которыхъ представляла неопредѣленную величину и постоянно мѣнялась, они платили разъ навсегда опредѣленный оброкъ. Старый оброкъ уменьшали, если новая опись выясняла пониженіе бла-

¹⁾ См. апрѣльскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1901 годъ.

госостоянія. По описи Вотской пятины конца XV вѣка экономическое положеніе города Корелы оказалось понизившимся, а потому для облегченія платежа къ Корелѣ въ тотъ же оброкъ присоединили Сванскій Волочекъ, а самый оброкъ уменьшили на 3 руб. 13 грив. Сюда же относятся и предписанія на новыхъ поселенцевъ разводить всякія разметки слегка (А. Э. III № 37; 1614). Новые поселенцы еще не успѣли опериться, а потому и нуждаются въ нѣкоторомъ уменьшеніи тягла.

Теперь возникаетъ вопросъ, что же это за имущіе, состоятельные люди, которые несли тягло? По преобладанію земледѣльческаго хозяйства въ древней Руси это прежде всего люди, занимающіеся земледѣліемъ, это сельскіе хозяева. Вотъ почему всѣ древнѣйшія тяглыя единицы имѣютъ прямое отношеніе къ землѣ. Въ Новгородѣ это обжа, въ Москвѣ сохи, чети. Въ Новгородѣ обжадную дань, памѣстничій кормъ и всякое тягло тянутъ съ обжи, въ Москвѣ съ сохи. Изслѣдованіе объ обжахъ, сохахъ, четьяхъ, вытияхъ и другихъ единицахъ обложенія я отлагаю до V главы, теперь же указываю на положеніе въ обжи и сохи только какъ на необходимое условіе способности къ тяглу. Тягло тянутъ лица, земли которыхъ положены въ обжи или въ сохи.

Въ обжи и сохи кладутся, какъ мы уже знаемъ изъ предшествующаго, земли отдѣльных хозяйствъ, отдѣльных хозяевъ. Тягло, слѣдовательно, лежитъ на хозяинѣ, а не на живущихъ при немъ дѣтияхъ его, рабахъ или наемныхъ людяхъ. Тягло способенъ нести только хозяинъ двора. Въ договорной грамотѣ великаго князя Дмитрія Ивановича съ тверскимъ великимъ княземъ 1368 года читаемъ: „А на полныхъ холопахъ дани не взяти“. Это условіе повторяется и столѣтъ позднѣе (1451) въ грамотѣ великаго князя тверскаго съ великимъ княземъ московскимъ, Василиемъ Васильевичемъ. То же было и въ Новгородѣ. Въ новгородской грамотѣ 1437 г. на черный боръ читаемъ: „а кто будетъ одерповатый емлетъ мѣсячену, на томъ не взяти“. „Одерповатый“ это продавшійся „одерень“, т. е. полный холопъ. Черный боръ съ него не берется, т. е. онъ не тянетъ тягла, какъ и московскіе холопы.

Но что значитъ „береть мѣсячену“? Мѣсячена въ XV вѣкѣ значила то же, что и въ XIX-мъ. Это отсыпной господскій хлѣбъ, выдаваемый холопу, не имѣющему своего хозяйства. Холопы, которые, съ дозволенія господъ, вели свое особое хозяйство, надо думать, не лагались въ тягло.

Въ 1599 году „государь царь и великій князь Борисъ Феодоровичъ тѣхъ корелянъ, которые живутъ въ заонѣжскихъ погостахъ и государевы подати платятъ, не велѣлъ высылать въ Корелу, а велѣлъ выслать тѣхъ, которые живутъ въ захребетникахъ и подсуусѣдникахъ“ (А. Э. II № 13). Мы уже знаемъ, что захребетники и подсуусѣдники не самостоятельные хозяева; въ приведенной грамотѣ они прямо противопоставляются плательщикамъ податей. Какъ живущіе въ чужихъ хозяйствахъ, они не тянутъ своего тягла. Въ 1609 году велѣно было послать въ Целымскій уѣздъ, въ Таборы, на шашню охочихъ людей. Ихъ велѣно было прибрать отъ отца сына, отъ брата брата, отъ дядь племянниковъ, кто похочетъ идти волею, а не съ *тѣла* (А. Э. II № 133). Въ царской грамотѣ 1638 года читаемъ: „А которые люди скажутъ, что они жила въ сотняхъ и въ черныхъ слободахъ *у хозяевъ своихъ въ наймахъ* урочные годы, а въ тяглѣ не бывали, а торговали всякими товары у хозяевъ своихъ“... (А. Э. III № 279). Наконецъ, въ книгѣ сошнаго письма (1629 г.) читаемъ: „А велѣно по государеву указу и боярскому приговору класть въ живущее (въ тягло) крестьянъ и бобылей, которые живутъ *своими дворами*“ (Временникъ XVII, 40).

По этимъ свидѣтельствамъ старина держится еще и въ XVII вѣкѣ: кто живетъ въ наймахъ, а не собственнымъ хозяйствомъ, въ тяглѣ не состоитъ; тягло падаетъ только на хозяевъ. Также не хозяева дѣти при отцахъ, племянники при дядяхъ, младшіе братья при старшихъ. Хозяинъ одинъ, на немъ и лежитъ тягло. Вотъ почему погородскія писцовыя книги перечисляютъ только хозяевъ, а не все населеніе поголовно.

Итакъ, повинности лежатъ на хозяевахъ. Что это за правило, какъ и откуда оно возникло? Трудно думать, чтобы его сочинили князья и чтобы оно возникло указнымъ путемъ. Князьямъ не было ни малѣйшей причины заботиться о томъ, чтобы повинности несли только хозяева. Для нихъ тѣмъ лучше, чѣмъ больше отвѣтственныхъ плательщиковъ. Это правило есть бытовое явленіе вѣковой древности, оно плодъ народнаго обычая. Если нужно тянуть государственное тягло, то кому же его тянуть, какъ не хозяевамъ? Общественный порядокъ нуженъ для имущихъ людей, для хозяевъ; они и берутъ на себя его издержки. Ихъ дѣло устроить немущихъ безхозяйственныхъ людей такъ, чтобы и они приносили пользу. И хозяева устроили ихъ въ качествѣ своихъ рабовъ, захребетниковъ, закладчиковъ, наймитовъ. Все это не указныя явленія, а явленія народной

жизни. Эти порядки такъ просты, такъ естественны, какъ самыя простыя явленія природы. Возрастающая власть князей нашла все это уже готовымъ. Въ договорахъ, грамотахъ и указахъ князей просвѣчиваетъ бытовая жизнь народа. Но настаетъ время, когда государство перерастаетъ эту народную жизнь; тогда начинается указное творчество сверху въ однихъ областяхъ права раньше, въ другихъ позже. Разсматриваемая нами область народной жизни переходитъ въ указную весьма медленно и довольно поздно.

Такъ какъ тягло ложится на землѣ, составляющей хозяйство извѣстнаго человѣка, то отсюда понятно, что тягломъ облагаются только жилыя деревни, а не пустыя, почему-либо покинутыя своими прежними обитателями. По писцовымъ книгамъ сошнаго письма въ обжахъ и сохи, обложенныя тягломъ, кладутся только живущія деревни, живущія чети. Повинности государству идутъ съ живущихъ обжахъ, живущихъ четей пашни. Писцы говорятъ и о пустыхъ сохахъ, но представляютъ: „платить съ живущаго“ ¹⁾.

Что же такое это живущее? Новгородскія писцовыя книги говорить о жилыхъ деревняхъ и живущихъ обжахъ, но въ особии подробности о томъ, что именно надо разумѣть подъ живущимъ, не входятъ. Съ точки зрѣнія этихъ книгъ, понятіе живущаго очень простое. Живущее—суть населенная деревня, ей противопоставляется деревня не населенная, пустая. Такая не населенная деревня въ обжахъ не кладется. Она описывается въ прошедшемъ времени, напримѣръ: „А деревень пустыхъ: деревня Дмитрова—пуста, описана была обжаю“ и т. д. Пустыя деревни въ тягло не идутъ, но они могутъ быть даны желающимъ на льготу, года на три, по истеченіи которой поступаютъ уже въ тягло, какъ живущія ²⁾.

Московскія писцовыя книги входятъ въ большія подробности по этому вопросу и значительно суживаютъ понятіе живущаго. Въ живущее онѣ кладутъ не всю засѣвную землю, входящую въ составъ

¹⁾ Доказательства сказаннаго легко найти и въ писцовыхъ книгахъ, и въ другихъ памятникахъ. Только для примѣра укажемъ нѣсколько страницъ и №№. Новог. писц. кн. I, ст. 46, 765; III 645; IV, 130 сл., 539, 549; писцов. кн. XVI в. I 437, 503, 684; II 292, 832, 854, 1099, 1114, 1551, 1587; А. Ю. № 209, IV; А. Э. I, № 350; III № 139, 268; IV № 251; съ 1495 по 1682 годъ.

²⁾ Новог. писц. кн. I, 46, 62, 261, 650, 765; II, 502, 756, 823; Врем. XII, 137. Такихъ данныхъ много; приводимъ изъ нихъ нѣкоторыя только потому, что г. Дьяконовъ „полагаетъ“, что платятъ съ живущей пашни, какъ общаго правила, появились только со второй половины XVI вѣка. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1890 г. VII 222.

жилаго хозяйства, а только пашню въ предѣлахъ трехпольнаго хозяйства. Перелогъ, дикое поле, пашня паѣзжал, лѣсъ и покосъ не входятъ въ составъ живущаго. Для опредѣленія податной тягости берется въ расчетъ только количество пашенной земли въ постоянномъ трехпольномъ хозяйствѣ; этой землѣ и усвоится названіе „пашни паханой“.

Такъ, напримѣръ, у помѣщиковъ Орловскаго уѣзда. У Жд. Ив. Деменина было пашни паханой доброй земли 1 четъ да перелогъ 2 чети, да дикаго поля 20 четьи, сѣна 80 копенъ, а платилъ онъ государевы всякія подати только съ живущаго, съ четвертной пашни, съ 1 чети. Также платилъ его братья. У Док. Кондр. Золотухина было пашни паханой доброй земли 7 четьи да дикаго поля 13 четьи въ полѣ, сѣна 30 копенъ, а платилъ онъ всякія государевы подати только съ живущаго, съ четвертной пашни, съ 7 четьи.

Также облагаются и монастыри. Вас. Андр. Шильниковъ далъ Троицы-Сергіеву монастырю свою вотчину въ Муромскомъ уѣздѣ; пашни въ ней было 5 четей, лѣсомъ поросло 77 десятинъ, сѣна 220 копенъ, лѣсу не пашеннаго 10 десятинъ, а платили они съ живущаго съ пашни только съ 5 четей.

Также платили и дворовые крестьяне села Марвина Тверскаго уѣзда. Имъ было дано на выть по 8 десятинъ земли. Въ деревнѣ Вавулино на 3 двора пашни въ полѣ было 2 дес., а перелогъ пашни 4 дес., сѣна 10 коп., лѣсу кустарю—1 дес.; живущаго сочтено четъ выти, а въ пустѣ—полъ выти. Въ дер. Волково на 5 дворовъ пашни 4 дес. въ полѣ да перелогъ 8 дес. въ полѣ, сѣна 40 коп., лѣсу не было, а вмѣсто лѣсу дано имъ перелогъ пашенной земли полторы десятины; живущаго сочтено полъ выти, а въ пустѣ выть. Платили только съ живущаго, какъ и всѣ.

Въ концѣ XVI вѣка различіе пашни въ полѣ отъ пашни въ перелогѣ встрѣчается и въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ. Паханая пашня въ полѣ считается въ живущемъ, а въ перелогѣ — въ пустѣ ¹⁾).

Такое противоположеніе пашни въ полѣ пашнѣ въ перелогѣ и въ лѣсу трудно считать исконнымъ. Первоначальная пашня была вся переложная; если бы она не шла въ тягло, тогда ни одного землевладѣльца нельзя было бы и повинностями обложить. Это, конечно, нововведеніе позднѣйшаго времени, нововведеніе Москвы. Надо ду-

¹⁾ Невольникъ о пятинахъ, Приложение, стр. 70.

мать, что такое ограничительное понятіе живущаго возникло въ видахъ поощренія хлѣбопашества на новыхъ мѣстахъ. Хлѣбопашество въ деревнѣ, около двора есть, конечно, явленіе первоначальное; хлѣбопашество въ лѣсу, въ дикомъ полѣ—явленіе вторичное; чтобы поощрить такое распространеніе хлѣбопашества на новыя мѣста, оно и не клалось въ тягло. Но существо дѣла этимъ нисколько не измѣняется: облагается только живущее, т. е. воздѣлываемое, хотя и не все, а только паханая пашня въ трехпольномъ постоянномъ хозяйствѣ, а не въ переложномъ, не въ лѣсу, не въ дикомъ полѣ; облагается повинностью „паханая пашня“, а не сѣнокосъ. Но вмѣстѣ съ появленіемъ такого ограничительнаго пониманія самый терминъ „жилое или живущее“ пересталъ выражать дѣйствительное положеніе дѣла. По старымъ новгородскимъ книгамъ это—жилая деревня, а гдѣ люди пахутъ, въ лѣсу или въ полѣ, переложно или на постоянныхъ мѣстахъ, это было безразлично. По позднѣйшимъ описямъ—живущее только у деревни, а въ дѣйствительности вѣдь и перелогъ живущее, и сѣнокосъ живущее, и пашня въ лѣсу живущее. Терминъ оказался шире дѣйствительнаго своего смысла. Онъ переживаніе, остатокъ старины. Выраженіе „пусто“, примѣняемое къ пашнѣ перелогомъ, къ пашнѣ въ лѣсу, къ сѣнокосу, тоже не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Это не пустыя мѣста, а жилища. Это тоже переживаніе ¹⁾).

¹⁾ Счетъ „живущаго“ въ указанномъ московскомъ смыслѣ встрѣчается въ очень многихъ уѣздахъ по описямъ, напечатаннымъ Калачовымъ,—въ Московскомъ, Владимирскомъ, Тверскомъ, Тульскомъ, Вяземскомъ, Орловскомъ и друг. Но въ Москвѣ все было такъ разнообразно, что мы не рѣшаемся утверждать, что это былъ единственный порядокъ, не допускавшій исключеній. Отъ XVI вѣка къ намъ дошло нѣсколько документовъ, изъ которыхъ видно, что по просьбѣ землевладѣльцевъ освободить ихъ отъ платожа повинностей съ земель, опустѣвшихъ вслѣдствіе мороваго поветрія, освобождались переложныя пашни. Стало быть, онѣ были обложены. Дьяконовъ, Акты тяглаго населенія, II, 21, 24—25; 1574—5. Отъ того же времени имѣемъ указъ царя и великаго князя Ивана Васильевича новгородскимъ дьякамъ, въ которомъ предписывается, описывая живущія и пустыя обжи, писать въ живущее всѣ земли, которыя распаханы, при чемъ не дѣлается никакого различія „паханой пашни“ и перелога или пашни въ лѣсу. Д. къ А. И. I, № 94; 1556.

Можно думать, что отнесеніе той или другой пашни въ живущее и въ пусто зависѣло всякій разъ отъ особаго наказа писцамъ. Въ выписи изъ новгородской описи Сумерской волости читаемъ: А по государевѣ царевѣ и великаго князя Михаила Осодоровича всея Россіи грамотѣ, за приписью дьяка Андрея Шипова 132-го году (1621), волѣно *наказати* пашни... положить въ живущія выти... пашнѣ выти на оброкъ особно отдати..., какъ бы государственной казнѣ было прибыльнѣе, а крестьянамъ не въ тягость“ (Неволинъ. Приложеніе 129, 1627). По старымъ новгородскимъ писцо-

Но московскимъ писцовымъ книгамъ извѣстна пустота и въ старомъ новгородскомъ смыслѣ. Въ нихъ встрѣчаются цѣлыя вотчины въ пустѣ, т. е. безъ населенія. Деревни, изъ которыхъ ушли крестьяне, называются пустошами. Кромѣ такихъ оставленныхъ населеніемъ земель, въ рукахъ московскихъ государей состоитъ множество „порожнихъ земель“, которыхъ никогда не были населены. Правительству не легко было извлечь изъ нихъ какую-нибудь пользу. Служилые люди отказывались отъ нихъ „за пустомъ“ ¹⁾.

Итакъ, только земли распахиваемые были обложены тягломъ, и то не всѣ. Спрашивается, какое же употребленіе дѣлали изъ пустыхъ деревень и земель? Правительство извлекало изъ нихъ пользу разными путями. Онѣ, во 1-хъ, отдавались желающимъ, но не въ тягло, а на льготу на нѣсколько лѣтъ, на 2, на 3, на 7, съ тѣмъ, чтобы, по истеченіи льготнаго времени, лица, взявшія земли, несли съ нихъ тягло ²⁾. Во 2-хъ, мы уже знаемъ, что конфискованныя въ Новгородѣ частныя волости вел. князь Иванъ Васильевичъ предоставлялъ въ прекарное владѣніе крестьянъ. Въ этихъ волостяхъ тоже бывали пустыя деревни. Эти пустыя деревни оставлялись за тѣми же крестьянами *съ то же тягло* съ предоставленіемъ имъ права раздавать пустыя деревни новымъ поселенцамъ и тѣмъ облегчать свое тягло. Въ описи Шелонской пятины читаемъ: „Въ той же волостѣ (Григорьевской Тучина) пустыя деревни“; идетъ перечисленіе 8 деревень съ показаніемъ, сколько въ нихъ прежде было обожъ. „А не папегъ, не косить тѣхъ деревень никто.—И въ тѣхъ деревняхъ пустыхъ садятъ крестьяне

вымъ книгамъ и пашня наѣдомъ клалась въ обжи и, слѣдовательно, въ тягло (I, 536), а по московскимъ описямъ (Казаковъ I, 68) и, какъ можно заключить изъ приведенной выписки, до 1624 года наѣздъ въ тягло не шолъ; съ этого же года его можно было написать въ тягло, можно было и не писать, обложивъ особымъ оброкомъ. Что такое наѣздъ, объяснено въ *Журналѣ Министерствъ Народнаго Просвѣщенія* за 1901 г. № 2 на 324 стр. въ примѣчаніи. Московскіе порядки были весьма разнообразны.

Въ царской грамотѣ въ Великій Устюгъ отъ 1637 года къ воеводѣ и подьячому написано: „И нынѣ де вы правите съ нихъ четвертныхъ денегъ съ засѣвные чети по 40 алт., а не съ живущіе, и имъ де въ тѣхъ деньгахъ окунутся не чѣмъ“. Здѣсь засѣвные чети противопоставляются живущимъ, и этимъ объясняется тягость обложенія. Здѣсь живущія чети—но всѣ засѣвные, а нѣкоторыя только, т. е. слово это принимается въ томъ же ограничительномъ смыслѣ, какъ и во многихъ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка. Рус. Ист. Библ. XII, ст. 201.

¹⁾ Писц. кн. XVI в. I, 557, 607, 833; II, 223; А. до Ю. Б. № 135.

²⁾ Новог. пис. кн., I, 765; III, 615, 800; IV, 4, 539; Писц. кн. XVI вѣка, II, 1551, 1571.

людей себѣ въ тягло въ тотъ же оброкъ". Совершенно такой же порядокъ соблюдается и сто лѣтъ позднѣе. Въ описи дворцовыхъ крестьянъ села Марьина Тверскаго уѣзда читаемъ: „А на пустыя выти крестьяномъ называти жильцовъ на льготу, отъ отцовъ дѣтей, отъ дядя племянниковъ, а давати льготы года на 2, и на 3, и на 4, посмoтpя по пустымъ дворомъ и по пашнѣ; а кто будетъ на пустое мѣсто безъ хоромъ и на переложную землю порядитца, и тѣмъ людямъ давати льготы на 5 и на 6 лѣтъ". Это уже правительственные распоряженія, созидающія сельскую земельную общину, на что мы имѣли случай указать раньше. Правительственные распоряженія идутъ, все развиваясь, въ цѣляхъ наибольшаго обезпеченія казеннаго интереса. Въ концѣ XV вѣка пустыя земли предоставляются крестьянамъ въ тотъ же оброкъ безсрочно; въ концѣ XVI-го та же льгота дается уже только на срокъ, а какъ льгота отойдетъ, „тѣмъ крестьяномъ денежной оброкъ и посопный хлѣбъ и мелкій доходъ платити съ своею братією равно“ ¹⁾. Московская практика была чрезвычайно разнообразна. Случалось, въ 3-хъ, и такъ: пустыя земли сдавались желающимъ на оброкъ безъ всякаго обязательства тягломъ даже и въ будущемъ (Писц. кн. XVI вѣка, I, стол. 437). Итакъ, сельское хозяйство есть одно изъ условій способности къ тяглу; но однѣ земли обложены тягломъ, другія (пустыя) совершенно отъ него свободны и оплачивались оброкомъ, опредѣлявшимся по свободному соглашенію съемщика земли съ правительствомъ; наконецъ, были и такія земли, которыя не несли никакихъ повинностей и состояли во льготѣ, но это всегда временно.

Если пустыя земли тягломъ не облагались, то спрашивается, въ какомъ отношеніи къ тяглу находились земли, опустѣвшія послѣ описи; надо было тянуть съ нихъ тягло или нѣтъ? Вопросъ этотъ разрѣшался различно для земель частно владѣльческихъ и для прекарнаго владѣнія крестьянъ царя и вел. князя, которое, какъ мы уже знаемъ, возникло на земляхъ частью конфискованныхъ московскими государями у частныхъ владѣльцевъ, а частью прибрѣтенныхъ ими другими способами.

Частные собственники и владѣльцы, земли которыхъ пустѣли за смертью или уходомъ крестьянъ, обыкновенно, обращались съ просьбой объ освобожденіи ихъ отъ платежа „съ пуста“. Правительство назначало „обыскъ“, въ которомъ принимали участіе и мѣстные „добрые

¹⁾ Новогор. пис. кн., IV, 132; Писц. кн. XVI вѣка, II, 294.

люди“, и если прошеніе подтверждалось, пустыя земли исключались изъ тягла, которое надо было брать только съ живущаго ¹⁾). Но эта практика допускала исключенія, когда обстоятельства времени того требовали. Въ 1633 году съ вотчинъ Калязина монастыря приказано было взять даточныхъ людей съ живущаго и съ пуста (А. Э., III № 225). Та же участь постигла въ 1655 г. Троицкій Гледенскій монастырь. Ему велѣно было платить и за пустоту также, „какъ съ черныхъ волостей и деревень учнутъ деньги за пустоту съ живущихъ деревень собирать“ (Рус. Ист. Библ., XII, стр. 261, № 59).

Иной порядокъ наблюдался въ земляхъ прекарнаго владѣнія государевыхъ крестьянъ и посадскихъ людей. Мы уже знаемъ, что въ ихъ пользованіе предоставлялись лишнія противъ тягла пустыя деревни и выти въ тотъ же оброкъ, въ то же тягло. Обратную сторону этой льготы составляло то, что вновь оказавшаяся пустота не уменьшала ихъ тягла. Государевы крестьяне и посадскіе платили тягло и за возникшую пустоту всей волостью, всѣмъ городомъ. Таково первое возникновеніе у насъ круговой отвѣтственности крестьянъ и посадскихъ. Это—правительственное мѣропріятіе, какъ и предоставленіе крестьянамъ пустыхъ земель, можетъ быть, никому не нужныхъ. Первая круговая отвѣтственность устанавливается не для покрытія недоимокъ неплательщиковъ. Такой поруки еще нѣтъ. Всякій платитъ за себя; цѣлая волость или городъ платитъ только за пустыя деревни ²⁾).

Есть указаніе въ писцовыхъ книгахъ XVII вѣка, что пустыя выти облагались не полнымъ тягломъ, а особымъ разъ навсегда определеннымъ платежомъ. Въ выпискѣ изъ новгородскихъ писцовыхъ книгъ Сумерской волости написано: „И съ тѣхъ пустыхъ вытей платитъ крестьяномъ, по *прежнему своему уговору*, съ выти по осминѣ ржи и овса“ (Неволинъ, Приложение 129, 1622). Любопытно, правительство нашло нужнымъ войти съ крестьянами въ особое соглашеніе о платежѣ съ пустыхъ вытей.

Итакъ, появившаяся послѣ описи пустота въ живущихъ земляхъ не освобождала отъ тягла, но тягло могло быть снято въ случаѣ просьбы и обыска. Для земель же государевыхъ крестьянъ было нѣ употребленія покрытіе недоимки разложеніемъ ея на все населеніе волости или города, иногда, съ уменьшеніемъ платежа.

¹⁾ Допол. къ А. И., I № 91, 225; Дьяконовъ, Акты тягл. населенія, II №№ 18, 20, 26; Рус. Ист. Библ., II, № 37; 1556—1581.

²⁾ Неволинъ, О пятинахъ, Приложение, 127, 129, 141, 174; А. И., I, 211; А. Э. III 37; 1528—1627.

Сельское хозяйство (живущее), слѣдовательно, а не просто землевладѣніе, есть одно изъ условій тягла. Но вѣдь сельское хозяйство отдѣльных лицъ представляетъ чрезвычайно разнообразную экономическую единицу. И двѣ капли воды не совершенно похожи одна на другую, тѣмъ болѣе разныя сельскія хозяйства. Одно больше, другое меньше; одно имѣетъ угоды: рыбныя ловли, бортныя ухажьи, бобровыя гоны и т. д., другое никакихъ; одно обставлено хорошимъ хозяйственнымъ инвентаремъ, другое — очень недостаточнымъ; одно ведется съ умѣньемъ, другое находится въ рукахъ безтолковыхъ людей, которые едва кормятся отъ земли. Какъ же опредѣлялась платежная способность разныхъ хозяйствъ? Она опредѣлялась не количествомъ распаханной земли (живущаго), а экономическимъ состояніемъ всего хозяйства. Наши памятники съ самаго начала XV вѣка и по копецъ XVII-го даютъ на это совершенно ясныя и опредѣленныя указанія. Одни изъ нихъ выражаются очень коротко, другіе гораздо подробнѣе и хорошо дополняютъ первые; въ цѣломъ получается полная и чрезвычайно выразительная картина.

Въ 1410 году нижегородскій князь пожаловалъ игумена Благовѣщенскаго монастыря съ братією, освободилъ ихъ отъ всякихъ пошлинъ за исключеніемъ дани, — „а когда придетъ дань (татарская) игумень заплатитъ за своихъ... сельскихъ людей по силѣ“ (А. Э. I № 17). Выраженіе очень краткое, но, полагаемъ, достаточно ясное. Какая это сила? Конечно, хозяйственная. Совершенно такое же выраженіе находимъ въ завѣщаніи вел. князя московскаго, Василія Дмитріевича: „А тѣ волости и села, говоритъ онъ, что я далъ моей княгинѣ, сынъ мой да моя княгиня, пославъ писцовъ, опишутъ и положить на нихъ дань по людямъ, по силѣ“, т.-е. по хозяйственной силѣ людей. Та же мысль и въ завѣщаніи сына Василія Дмитріевича, Василія Темнаго: „А какъ почнуть дѣти мои, говоритъ онъ, жити по своимъ удѣломъ.... и пошлутъ писцовъ и удѣлы свои опишутъ по крестному цѣлованію да по тому писму и обложить по сохамъ и по людямъ“..., т.-е. опишутъ въ каждой сохѣ людей по ихъ силѣ.

Въ жалованныхъ грамотахъ XV вѣка, которыми льготы даются на срокъ, встрѣчаемъ то же выраженіе: „А какъ отсидятъ тѣ люди свои урочныя лѣта, и они потяпуть въ мою дань по силѣ“ ¹⁾.

Отъ конца XV вѣка къ намъ дошли первыя писцовыя книги. Въ нихъ читаемъ: „А вел. князя оброкъ въ той волости всѣхъ боярщинъ

¹⁾ А. Э. I № 18, 39 и много другихъ.

крестьяномъ, денги и хлѣбъ, разметывать межъ себя по пашнѣ“. Что это значить „по пашнѣ“? Незнакомый съ древностями подумаетъ—по размѣрамъ пахотной земли и ошибется. „По пашнѣ“ не по размѣрамъ земли, а смотря по ея достоинствамъ, урожайности и доходности. Въ Новгородѣ слово обжа употреблялось въ двоякомъ смыслѣ, въ смыслѣ мѣры земли и мѣры ея доходности. Одно и то же количество земли по мѣрѣ—по доходности могло быть обложено разное, и въ 2 и 3 и въ 4 обжи. Въ описи Деревской пятинѣ читаемъ: „Въ Демонѣ вел. князя пустошь Шарино, Андреевская Анисеева, писана была четырьмя обжами и съ того запустѣла. И нынѣ дана на льготу на 3 года, Ивашкѣ Фурсову. А отсидѣвъ урокъ, тянуть ему съ дву обожъ“. Первоначально пашня была обложена слишкомъ высоко; ее пришлось обложить вдвое легче; а количество земли осталось то же. Вотъ что значить обложить по пашнѣ ¹⁾. Такой порядокъ тягла не по мѣрѣ земли, а по мѣрѣ ея доходности, конечно, возникъ не въ XV вѣкѣ, а есть порожденіе глубокой старины. Переходъ къ болѣе определенной единицѣ,—точной мѣрѣ земли, а потомъ душѣ ревизской, есть явленіе, сравнительно, позднѣйшаго времени.

Памятники XVI вѣка гораздо полнѣе выражаютъ ту же мысль. Они говорятъ о распредѣленіи повинностей между тяглыми людьми „по ихъ животамъ и промысламъ“, т.-е., по состоянію ихъ хозяйственной обстановки и прибыльности ихъ хозяйственной дѣятельности вообще. Въ уставной грамотѣ крестьянамъ Устюжскаго уѣзда, Усецкихъ и Засецкихъ волостей читаемъ: „А собирати имъ тотъ годовой оброкъ... съ волостей по животамъ и промысламъ, какъ нынѣ тягли межъ себя разводять“. Особенно любопытны выраженія грамоты удѣльнаго князя Владиміра Андреевича крестьянамъ бобровничей полусохи: „А собирати имъ тотъ оброкъ межъ себя самимъ по пашнямъ, и по животамъ, и по статкамъ, и по промысламъ“. Этимъ обнимается вся экономическая сторона хозяйства даже въ его источникахъ. И крестьянское хозяйство имѣетъ свою исторію, крестьяне тоже наследуютъ своимъ отцамъ и дѣдамъ; ихъ платежная способность опредѣляется не ихъ личными только силами, не ихъ трудомъ, но совокупностью всего накопленнаго и ихъ предками состоянія. Но въ XVI вѣкѣ перешли и выраженія предшествующаго времени. Каменскаго стана крестьянамъ бобровыхъ деревень предписано кормъ ловчему давать „по пашнѣ: которая де-

¹⁾ Новогор. писц. кн., II, 502; III, 291.

ревня больше пашнею и угодемъ и на ту больше корму и поборовъ“ ¹⁾). Изъ пашинъ отнесены и угодыя.

Та же точка зрѣнія держится и въ теченіе всего XVII вѣка. Крестьянамъ Сумерской волости предписывается верстаться по пашнямъ и по угодыямъ, а крестьянамъ Устьянскихъ волостей—по животамъ и промысламъ, какъ иныя тягла межъ себя разводять. Особенно любопытны грамоты конца вѣка о сборѣ стрѣleckихъ денегъ. Крестьянамъ Кольскаго уѣзда велѣно окладъ стрѣleckихъ денегъ положить „на дворы, смотря по тяглу и промысламъ, и собирать такъ, чтобы богатые полные люди передъ бѣдными во льготѣ, а бѣдные передъ богатыми въ тягости не были“; крестьянамъ поморскихъ уѣздовъ предписывается чинить разверстку „по землямъ и угодыямъ“, какъ и въ XVI вѣкѣ ²⁾).

Если землевладѣльцы облагались не по размѣрамъ землевладѣнія, а по хозяйственной своей способности къ тяглу, то было совершенно послѣдовательно признать способными къ тяглу и всѣхъ другихъ хозяйственныхъ людей, которые сельскимъ хозяйствомъ не занимались, а обеспечивали себя какими-либо иными путями, напримѣръ, рыболовствомъ, разными рукодѣліями, торговлей и пр. И всѣ они считались способными къ тяглу и платили повинности. Древнѣйшіе новгородскія писцовыя книги уже описываютъ такихъ промышленныхъ людей. Они разсыпаны по всей новгородской землѣ, это безпашенные люди, такъ называемые поземщики, поздыѣе въ Москвѣ бобыли ³⁾). Сюда же относятся и жители—городовъ и посадовъ, посадскіе люди, не занимающіеся земледѣліемъ, а живущіе торговлей и всякими промыслами. Они облагаются тягломъ также по мѣрѣ животовъ своихъ и промысловъ. Въ городѣ Веневѣ на посадѣ жили торговые люди, лавки ихъ были обложены оброкомъ, а они должны были „верстаться въ тотъ оброкъ межъ себя по товару и промысламъ“. Кто читалъ писцовыя книги, тотъ знаетъ, что такихъ свидѣтельствъ можно привести много. Ограничимся немногимъ. Въ 1614 году великій государь царь и великій князь Михайлъ Федоровичъ велѣлъ переписать на свое имя жалованную уставную грамоту, данную Устюжѣ-Желѣзопольской еще царемъ Иваномъ. По этой

¹⁾ А. О. I, №№ 150, 242, 243, 257.

²⁾ Невольникъ, Прилож. 131; А. О. III, №№ 126, 243, 250; 1627—1681.

³⁾ Мы говорили о нихъ въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* № 2 за 1901 г.

грамотѣ, заходящей въ два столѣтія, посадскіе желѣзнопольскіе должны были разводить всякія повинности „по животамъ, и по промысламъ, и по позему“. Поземъ — это наемная плата за землю подъ дворъ. Въ Устюжнѣ были посадскіе, которые жили на наемныхъ мѣстахъ. Ихъ надо было облагать, справляясь и съ тою платою, которую они платили за наемъ земли. А далѣе сдѣлано еще поясненіе: „А у которыхъ у молодчихъ у посадскихъ не будетъ своей собины (т. е. своей земли), а живутъ своими дворами (т. е. своимъ хозяйствомъ на чужой землѣ), и на тѣхъ людей разводить всякіе разметы, смотря по ихъ дворамъ и кто чего стоитъ“. Итакъ, одной наемной платы мало для опредѣленія способности къ тяглу, надо еще посмотреть, кто чего стоитъ. Это выраженіе переноситъ насъ въ XV вѣкъ, къ приведеннымъ выше завѣщаніямъ московскихъ великихъ князей. Они завѣщали облагать повинностями по людямъ смотря, т. е. то же, кто чего стоитъ. Характерная непрерывность старины! Пятнадцатый и семнадцатый вѣкъ думаютъ совершенно одинаково. Эта старина доживаетъ до конца XVII вѣка. Въ упомянутыхъ выше грамотахъ о сборѣ стрѣleckихъ денегъ находимъ такіа предписанія посадскимъ людямъ: „И чтобъ тѣхъ городовъ посадскіе люди... чинили межъ себя оклады, смотря по пожиткамъ и по промысламъ..., чтобъ лучшие и полные люди передъ среднею и меншею статьею людьми во лотѣ, а средней и меншой статей люди передъ лучшими и полными людьми въ тягости, и ни ктобъ въ избылхъ не былъ, и чтобы возможно было заплатить всякому человѣку свою долю безъ доимки“ ¹⁾).

Какъ земли только живущія несутъ тягло, такъ и дворы только живущіе. Въ описи Корелы конца XV в. пустые дворы въ тягло не положены. Съ Вычегодскіе Соли съ посаду оброкъ вѣдно брать только съ живущихъ дворовъ. То же и въ XVI вѣкѣ. По государеву указу въ Пижмѣ посадскихъ людей вѣдно положить въ сошное письмо въ живущее ²⁾).

Итакъ, способны къ тяглу всѣ домохозяева, имѣющіе какое-либо приносящее прибыль занятіе: это будутъ земледѣльцы, торговцы и всякіе промышленники. Нашей древности еще чужда мысль, что обложенію подлежитъ только чистый доходъ; но что облагаются не души людскія, а состоянія, это всѣмъ извѣстно и составляетъ

¹⁾ Писц. кн. XVI в. II 1511; А. О. I № 234; III № 37; IV № 213, 250; А. Ю. № 229. Съ 1552 по 1681 г.

²⁾ Временникъ XII, 6; А. О. I № 221 и 343; Писцов. кн. XVI в. I 630; Рус. Ист. Библ. XVII, 192.

повсемѣстную практику. Совершенно ясное и полное выраженіе они получили въ документѣ, дошедшемъ до насъ отъ первой половины XV вѣка. Великому князю московскому пришлось платить татарскую дань (около 1437 г.). Въ этой дани должны были принять участіе и новгородскія волости, поэтому оказалось нужнымъ выяснитъ, кто подлежитъ тамъ дани. Единицей обложенія въ Новгородѣ была соха; на кого же падаетъ сошная дань, кто и что составляетъ соху, какъ платежную единицу? „А въ соху, говоритъ составленная по этому поводу грамота, два коня да третья припряжь, да тиналь кожевничій за соху, неводъ за соху, лавка за соху, плугъ за двѣ сохи, кузнецъ за соху, четыре пѣшцы за соху, лодья за двѣ сохи, цѣбнъ за двѣ сохи“. Что это за перечисленіе? Новгородцы говорятъ о вещахъ, имъ хорошо извѣстныхъ, а потому выражаются очень коротко; но намъ ихъ хозяйственный бытъ мало извѣстенъ, а потому въ ихъ грамотѣ для насъ есть и непонятное. Что это за чаны, невода, лавки, плуги, цѣбны? Думаемъ, что это метафорическія выраженія, которыми обозначаются цѣлыя хозяйства или промыслы отдѣльных лицъ. Это кожевенное хозяйство, рыболовное, торговое, соляное. Каждый такой хозяинъ и составляетъ то одну, то двѣ платежныхъ единицы. Это все люди состоятельные. Впереди всѣхъ поставлены два коня и третій—припряжь. Человѣкъ, обладающій тремя конями,—конечно, богатый человѣкъ, чѣмъ бы онъ ни занимался; онъ составляетъ цѣлую платежную единицу, какъ и тотъ, кто имѣетъ свою собственную лавку, рыбный или кузнечный промыселъ, кожевное производство. Это все ясно.—По торговый человѣкъ, имѣющій лавку, можетъ еще имѣть коня, и двухъ, и даже трехъ; какъ онъ облагался? Можно думать, что онъ облагался и по лавкѣ и по конямъ. А что такое плугъ? Этого грамота не опредѣляетъ ¹⁾. Что такое третья припряжь? Это также неясно. Нѣтъ ли тутъ указанія на старинный способъ передвиженія по натуральнымъ дорогамъ? Два коня везутъ, а третій берется въ запасъ; онъ припрегается, когда окажется нуж-

¹⁾ Въ новѣйшихъ спискахъ Русской Правды есть такая статья: „А въ солѣ сѣяной ржи на два плуга 16 кадей ржи ростовскихъ“. Карамз. 58. По этой статьѣ плугъ есть пространство земли, на которое высѣвается 8 ростовскихъ кадей. Если считать кадь равною двумъ новгородскимъ коробьямъ, а коробью равною двумъ четвертямъ, то плугъ будетъ равняться 32 четвертямъ сѣва или 32 четямъ земельной мѣры, т. е. 16 десятинамъ въ похъ, а въ трехъ—48-и; соха же будетъ равняться 16 четямъ. Эта величина новгородской сохи не сходится съ той, которая была опредѣлена для нея въ концѣ XVI вѣка. Она почти вдвое меньше этой послѣдней.

нымъ. Что такое четыре пѣшца? Объ нихъ мы скажемъ ниже.—Все неясное, однако, нисколько не подрываетъ общаго вывода: тягло несутъ состоятельные хозяева; новгородская грамота даетъ вышніе признаки этой состоятельности: три коня, лавка, лодка, неводъ и пр.

Уловить признаки состоятельности отдѣльныхъ хозяйствъ и способности ихъ къ несенію государственныхъ повинностей и для нашего времени дѣло чрезвычайно трудное; несмотря на всю помощь, какую можетъ оказать наука практикѣ, современныя законодательства на всякомъ почти шагѣ дѣлаютъ гибельныя ошибки. Какъ же рѣшала этотъ роковой вопросъ древность? Въ разное время очень различно.

Въ 1478 году, когда великій князь Иванъ Васильевичъ заключалъ свой послѣдній договоръ съ новгородцами, новгородцы предложили ему платить дань съ сохи по полугривнѣ и 7 денегъ. Великій князь велѣлъ у нихъ спросить: что такое ихъ сохи? И они сказали: „Три обжи соха, а обжа — одинъ человекъ на одной лошади ореть, а кто на трехъ лошадяхъ и самъ третей ореть, ино то соха“. Это опредѣленіе на первый взглядъ не совпадаетъ съ вышеприведеннымъ опредѣленіемъ 1437 года. Оно касается только сельскихъ сохъ и о плугѣ не говоритъ ни слова. Не слѣдуетъ-ли отсюда заключить, что и въ Новгородѣ сельская, по крайней мѣрѣ, единица обложенія въ предѣлахъ одного и того же XV вѣка опредѣлялась разнo?

Но что же это такое: „обжа—одинъ человекъ на одной лошади ореть“? Встрѣчающіяся въ нашей литературѣ остроумныя и весьма тонкія толкованія этого мѣста лѣтописи очень затемнили его смыслъ. Говорятъ, „это единица труда одного коннаго рабочаго“. Какая же единица? Вѣдь одинъ конный рабочій можетъ сработать и много и мало, смотря по тому, какъ долго будетъ работать. Если мы говоримъ о единицѣ работы въ какомъ-либо трудѣ, то должны опредѣлить время работы, иначе это будетъ не „единица“, а „множица“ труда, которою ничего нельзя измѣрить. Несмотря на эту полную непригодность единицы неопредѣленнаго труда для измѣренія сохи, ей очень посчастливилось въ нашей литературѣ. Другіе ученые, вполнѣ присоединяясь къ этому понятію трудовой сохи, нѣсколько дополняютъ его и говорятъ: „Новгородская обжа, выраженная въ единицахъ труда, равнялась участку, обрабатываемому однимъ человекомъ на одной лошади“. Такъ какъ моментъ времени въ соображеніе опять не принимается, то снова получается нѣчто совершенно неопредѣленное. Участокъ, обрабатываемый однимъ и тѣмъ же человекомъ и на одной и той же лошади, но въ теченіе разнаго времени, будетъ разный:

въ день опъ вспашеть десятину, а въ недѣлю—шесть. Какъ же такую неопредѣленную величину положить въ основаніе обложенія? Что почтенные ученые, мнѣнія которыхъ мы привели, ничего не говорятъ о времени труда, это объясняется тѣмъ, что и въ самомъ памятникѣ ничего не говорится о времени: пашеть одинъ человѣкъ на одной лошади да и только ¹⁾. Что же это значить, что одинъ человѣкъ пашеть на одной лошади и это составляетъ обжу, единицу платежа, треть сохи?

Очень немного времени спустя послѣ приведеннаго отвѣта новгородцевъ на вопросъ Ивана Васильевича о томъ, что такое новгородская соха, приступили, по повелѣнію великаго князя, къ описи новгородскихъ имѣній. Эта опись дѣлалась по новгородскому счету—три обжи на соху. Въ описи (второй, которая дошла до насъ) постоянно указывается, сколько гдѣ дворовъ, обжа и какой посѣвъ. Это описаніе, надо думать, дѣлается согласно данному новгородцами опредѣленію того, что такое есть соха и обжа. Въ этомъ описаніи мы и должны искать объясненія сохи и обжи. По новгородскимъ писцовымъ книгамъ соха и обжа не стоятъ ни въ какомъ опредѣленномъ отношеніи къ количеству посѣва. На одну обжу высѣваютъ хлѣба 1 коробью, 2, 3, 4, и даже 5 и 8 ²⁾. О мѣрѣ труда землепашца, конечно, свидѣтельствуется количество обрабатываемой въ годъ земли и высѣваемого и собираемаго хлѣба. Описи указываютъ это количество; оно не стоитъ ли въ какомъ отношеніи съ числомъ обжа. Можно высѣять хлѣба вдвое, втрое, вчетверо и даже впятеро больше — и все-таки будетъ одна обжа. Что же такое обжа? Ясно, что это не единица труда и не участокъ обрабатываемой земли, ибо нельзя на одинъ и тотъ же участокъ высѣять и 1 коробью и 8-мѣ. Что же такое обжа? Это, какъ сказано въ лѣтописи, одинъ человѣкъ пашеть на одной лошади, т. е. одно-конный хозяинъ и ничего больше! Это чрезвычайно просто и чрезвычайно удобно для обложенія. Всѣ хозяйства съ одной лошадейю, сколько бы земли они ни обрабатывали,—составляютъ обжу. Здѣсь обложенъ не трудъ, а

¹⁾ Разныя мнѣнія о сохѣ и обжѣ приведены у г. Милюкова, Спорные вопросы, стр. 35 и сл. и у г. Дьяконова, Разборъ спорныхъ вопросовъ, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1893 г. № 7.

²⁾ Для 5 и 8 см. Нов. пис. кн. III ст. 213 и 333, другія цифры почти на каждой страницѣ. Г. В. Владиславлевъ полагаетъ, что на разныя размѣры обжи влияли явственныя особенности каждаго хозяйства, количество рабочаго скота, его положеніе при проѣздѣ дорогъ, судоходной рѣкѣ, качество почвы и пр. *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1892 г. № 8.

накопленное имущество, признакомъ котораго берется конь. Въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ постоянно встрѣчаются деревни съ однимъ дворомъ положенныя въ одну обжу, хотя посѣвъ разный; это все одноконныя хозяйства. Но встрѣчаются и деревни при одномъ крестьянскомъ дворѣ, положенныя въ три обжи. Это одинъ богатый хозяинъ, имѣющій три лошади; его участокъ составляетъ цѣлую соху, но высѣваетъ онъ меньше, чѣмъ тѣ два двора съ 8 коробьями посѣва, на которые мы указали выше и которые были положены въ одну обжу; онъ высѣваетъ только 7 коробей, но у него 3 лошади и, конечно, онъ богаче; у него могутъ быть и отлѣзкіе промыслы¹⁾.

Этимъ легко объясняются выраженія описи, которыхъ мы коснулись выше: положенъ въ три обжи, а земли у него всего на одну обжу. Положенъ въ три обжи по числу лошадей, но земленашествомъ занимался мало и почему-то обдѣлѣлъ. Въ одномъ случаѣ обжа означаетъ платежную способность, въ другомъ мѣру земли, о чемъ рѣчь будетъ послѣ.

Опредѣленія грамоты 1437 года и лѣтописи 1478 года, весьма различныя по полнотѣ, по существу сходятся. И тутъ и тамъ — коневодство принято указателемъ благосостоянія, и тутъ и тамъ 3 лошади составляютъ максимальную единицу обложения — соху. Въ грамотѣ не говорится о томъ, что лошади пашутъ; въ лѣтописи, наоборотъ, говорится, что на всѣхъ трехъ — пашутъ. По лошади грамоты, конечно, тоже употреблялись и на пашню; а съ другой стороны лошади лѣтописи не всѣ непременно пахали. Хозяинъ, у котораго посѣвъ былъ небольшой, занималъ своихъ лошадей пашнею гораздо менѣе, чѣмъ тотъ, у котораго посѣвъ былъ втрое и вчетверо больше; у него могли быть другія занятія: извозъ и проч.

Возвращаемся къ „пѣшчамъ“ грамоты 1437 года. Четыре пѣшца тоже дѣлаютъ цѣлую соху, какъ и 3 коня. Что это за пѣшцы? Объясненіе имъ находимъ въ грамотѣ митрополита Кипріана Константиновскому монастырю. Крестьяне Константиновскаго монастыря въ октябрѣ 1391 года жаловались митрополиту на своего игумена, что онъ наряжаетъ ихъ на работы не по *пошлинѣ* и беретъ съ нихъ такія *пошлины* (здѣсь пошлина въ первомъ случаѣ означаетъ обычай, во второмъ — повинность), какихъ прежніе настоятели не брали. Митрополитъ нарядилъ разслѣдованіе. По разслѣдованію оказалось, что „большіе люди“ изъ монастырскихъ селъ церковь наряжаютъ,

¹⁾ Новог. писц. кн. I ст. 63 описъ Щилова монастыря.

хоромы ставятъ, игумновъ жребій земли пашутъ, сѣять, косятъ и т. д.; а „пѣшеходцы“ изъ сель рожь молотятъ, пиво варятъ, невода плетутъ и т. д. И тѣ и другіе на праздникъ даютъ яловницу и т. д. На основаніи этой грамоты надо думать, что большіе люди и пѣшеходцы — одинаково крестьяне, домохозяева. Но большіе люди — богачи, имѣющіе лошадей; пѣшеходцы — лошадей не имѣютъ; они по-этому маленькіе люди. По грамотѣ 1437 года четыре такихъ хозяйства равняются одному хозяйству большаго человѣка, имѣющаго трехъ лошадей. Были, значить, и въ старину крестьяне безлошадные. Они могли обрабатывать свои земли наемными лошадьми; а можетъ быть нѣкоторые изъ нихъ ограничивались очень небольшими участками, которые обрабатывали въ ручную.

Исцовой книги не даютъ по этому предмету ясныхъ указаній. Необходимо допустить, что и въ деревняхъ, описанныхъ въ концѣ XV вѣка, были безлошадные хозяева. Это слѣдуетъ изъ того, что иногда два двора полагаются въ одну обжа, три — въ двѣ и т. д. Это, сравнительно, очень рѣдкіе случаи, но все же встрѣчаются. При нашей гипотезѣ о томъ, что такое обжа, они указываютъ на то, что есть безлошадные дворы, которые и даютъ указанный излишекъ числа дворовъ противъ числа обожъ. Въ такихъ случаяхъ встрѣчаемъ и дробное счисленіе числа обожъ, напримѣръ: дворовъ 2, высѣваютъ коробей — 6, обжа 1½. При четырехъ пѣшцахъ на соху, грамоты 1437 года, дѣйствительно должны получаться дробныя части обжи; но что должна означать въ приведенномъ случаѣ половина обжи, а въ другихъ подобныхъ — одна обжа на два двора, двѣ на три и т. д., это не ясно. Намъ неизвѣстно, въ какихъ отношеніяхъ находятся отдѣльные дворы деревни одинъ къ другому. Въ главѣ о деревнѣ я высказалъ догадку, что они могутъ быть, въ большинствѣ случаевъ, населены родственниками, а иногда товарищами по арендѣ земли. Какъ родственныя, такъ и товарищескія отношенія могутъ вести къ чрезвычайно разнообразнымъ хозяйственнымъ комбинаціямъ между дворами. Эти разныя комбинаціи и разное экономическое состояніе дворовъ, при чемъ лишній дворъ могъ быть только что выдѣлившимся и еще не оперившимся, и могли быть причиной того, что лишній дворъ то вовсе не считается, то считается только въ половину обжи.

Мы не разъ указывали на значительную устойчивость нашихъ древнихъ порядковъ. Здѣсь, наоборотъ, приходится наблюдать довольно быструю ихъ смѣну. Описъ конца XV вѣка ничего не знаетъ

о плугѣ и 4 пѣщахъ, а въ 1437 году они должны были имѣть большое практическое значеніе при описи. Но это, конечно, частность и довольно мелкая и очень условная. Долго живутъ коренные порядки, а не мелочи.

Итакъ, тягоспособность каждаго отдѣльнаго хозяина опредѣлялась въ Новгородѣ нѣкоторыми внѣшними признаками; въ области сельскаго хозяйства—числомъ лошадей.

При этомъ порядкѣ единица обложенія въ Новгородѣ очень близко подходила къ единицѣ платежа, а иногда и совершенно совпадала съ нею. Единицей обложенія была обжа и соха, состоявшая изъ трехъ обожъ; а это — очень небольшія величины. Въ новгородскихъ волостяхъ было очень много деревень въ одинъ дворъ, положенныхъ въ одну обжу, и въ два двора, положенныхъ въ двѣ обжи. Такимъ образомъ, каждое отдѣльное хозяйство составляло и окладную и платежную единицу. То же самое можно наблюдать и въ деревняхъ со многими дворами. Напримѣръ, деревня въ 5 дворовъ положена въ 6 обожъ. Это указываетъ на 4 хозяйства съ одной лошадыю и одно съ двумя, и опять каждое изъ этихъ четырехъ хозяйствъ въ одно и то же время и окладная и платежная единица.

Всѣ внѣшніе признаки хозяйственнаго благосостоянія имѣютъ только относительное значеніе: они могутъ держаться нѣкоторое время и при упадкѣ хозяйства. Число лошадей въ сельскомъ быту, особенно первоначальномъ, имѣетъ великое значеніе и, конечно, можетъ служить показателемъ его благосостоянія. Но въ рукахъ плохого хозяина и многолошадное хозяйство легко пойдетъ на убыль. Точно также лодка, неводъ, чанъ и цѣпъ не всегда свидѣтельствуютъ объ одинаковомъ уровнѣ благосостоянія, чтобы обусловливать совершенно равное обложеніе. Вотъ почему новгородскіе порядки нельзя считать за общіе всей нашей древности, и вотъ чѣмъ могутъ объясняться ихъ колебанія. Въ Москвѣ наблюдается иной порядокъ вещей и не одинъ, а, по крайней мѣрѣ, два разныхъ порядка, если не болѣе. Возникли они не одновременно; одинъ гораздо старѣе другого; но новый не вытѣснилъ стараго, а оба дожили до самаго конца XVII вѣка.

Въ распоряженіяхъ московскаго правительства о раскладкѣ повинностей на отдѣльныхъ домохозяевъ, которыя надо считать наиболѣе ранними по происхожденію, не встрѣчается никакихъ указаній на внѣшніе признаки ихъ благосостоянія. Правительство ограничивается требованіемъ, чтобы государевы крестьяне и посадскіе платили, по людямъ

смотря, по ихъ животамъ и промысламъ, по торговлѣ, по статкамъ, по тому, кто чего стоитъ. Благосостояніе плательщиковъ не опредѣляется никакимъ вѣшнимъ признакомъ, распредѣляющимъ ихъ въ нѣкоторыя группы, равно способныя къ платежу, какъ въ Новгородѣ. Въ Москвѣ мы имѣемъ дѣло не съ группами равноспособныхъ плательщиковъ, а съ отдѣльными плательщиками, которыхъ способность къ платежу индивидуальна. Это совершенно соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію налогоспособности. Хозяйственное благосостояніе человѣка до крайности различно и можетъ быть подведено подъ нѣкоторыя общія группы только съ нарушеніемъ этой индивидуальности, слѣдовательно, съ учиненіемъ нѣкоторой несправедливости.

Какъ же достигалось въ Москвѣ выясненіе и опредѣленіе этой индивидуальной способности къ тяглу? Правительство предписывало плательщикамъ самимъ распредѣлять между собою тягло,—по людямъ смотря и т. д. Для этого они должны были выбирать изъ своей среды заслуживающихъ уваженія и знающихъ людей, которые, помолившись Богу и принеся присягу въ томъ, что будутъ дѣйствовать по чистой совѣсти, никого не обижая, должны были произвести раскладку тягла. Это и будутъ излюбленные судьи, сотские, старосты и проч.; всѣ они цѣловальники, ибо крестъ цѣлуютъ.

Кажется, и выдумать нельзя порядка обложенія болѣе совершеннаго. Но гдѣ люди, тамъ и неправда; а потому Писаніе и говорить: Проклятъ всякъ, надѣющийся на человѣка! Случалось, что выборные люди, эти излюбленные, передъ крестомъ обѣщавшіе дѣйствовать въ правду, облагали плательщиковъ не по животамъ и промысламъ, а однихъ легче, другихъ тяжелѣе. Это вело къ ссорамъ и жалобамъ. Правительство угрожало такимъ излюбленнымъ окладчикамъ наказаніями и предписывало: „другу не дружить, недругу не мстить и лишки ни на чьи двory не прибавляти ни которыми дѣлами“ ¹⁾.

Но прежде, чѣмъ идти далѣе, считаемъ необходимымъ остановиться на нѣкоторыхъ выраженіяхъ нашихъ намятниковъ по разсматриваемому вопросу, которыя могутъ повести къ недоразумѣніямъ. Въ намятникахъ нерѣдко указывается, сколько именно плательщикъ долженъ платить съ небольшой окладной единицы, напримѣръ, съ двора, съ выти. Шенкурскимъ посадскимъ людямъ предписывается давать за намястничъ кормъ и проч. оброку 1500 рублей на годъ съ двора по 18 алтынъ;

¹⁾ А. У. I № 242, 243, 343; III № 37; IV № 6; 1555—1646.

а далѣе прибавлено: „а разводить шенкурцамъ, посадскимъ людямъ, межъ себя самимъ, по животомъ и промысломъ“. Здѣсь дворъ окладная, а не платежная единица. Посадскіе люди должны платить изъ 1500 р., положенныхъ на весь округъ, по расчету на каждый дворъ по 18 алт.; но отдѣльные домохозяева платятъ не поровну, не непременно по 18 алт., а по раскладкѣ выборными, кому что придется по животамъ и промысламъ. Точно также посадскіе города Венова должны платить съ лавки по гривнѣ, а съ полки по 10 денегъ на годъ, „а верстатися имъ въ томъ оброкѣ межъ себя по товару и промыслу“. Здѣсь также дворъ и лавка только окладная единица, а платежная опредѣляется внутреннимъ верстаніемъ. Въ Тверскомъ уѣздѣ, въ селѣ Щербининѣ есть Скоморошья слободка, въ которой было нѣсколько дворовъ скомороховъ; и скоморохи и другіе сельчане сидѣли на пашнѣ. Все населеніе слободы должно было платить по гривнѣ съ двора: „а верстатися имъ межъ себя.... по животомъ и промысломъ“. Мы уже знаемъ, что стрѣлецкія деньги въ концѣ вѣка взимаются, смотря по животамъ и промысламъ, по землямъ и по угодьямъ. Но къ грамотамъ о сборѣ этихъ денегъ прилагается „окладъ, что съ котораго города и уѣзда на дворъ положено“. Напримѣръ: „Ярославль—2296 дворовъ, по 2 р., денегъ 4592 рубля. Вологда—1220 дворовъ, по 1 р. 20 алт. 2 ден., денегъ 2074 рубля 13 алтынъ“, и т. д. Это вовсе не значитъ, что каждый дворъ въ Ярославлѣ платитъ по 2 р., а въ Вологдѣ по 1 р. 23 алт. по 2 ден. Это окладъ, а платежъ—по животамъ и промысламъ, какъ сказано въ текстѣ грамоты. Съ этимъ разъясненіемъ многочисленныхъ предписаній московскаго правительства о раскладкѣ плательщиками „межъ себя“ повинностей особыми выборными по животамъ и промысламъ, по статкамъ, по людямъ смотря и пр. не возбуждаютъ никакихъ недоразумѣній. Этотъ порядокъ стоитъ въ тѣсной связи съ размѣрами окладной единицы. Московскія сохи очень ушли отъ новгородскихъ, онѣ простираются на сотни десятинъ и обнимаютъ множество отдѣльных хозяйствъ, цѣлыя сотни дворовъ. Правительство опредѣляло свои сборы на цѣлую соху, въ обложеніе же отдѣльных хозяйствъ не входило. Это было предоставлено самимъ плательщикамъ.

До насъ дошла чрезвычайно интересная по своимъ подробностямъ опись Нижняго-Новгорода 1621—1629 годовъ. Въ ней не только перечислены всѣ нижегородскіе дворы, лавки, амбары и пр. и приведено сошное обложеніе, что есть во всѣхъ описяхъ, но указано, сколько долженъ платить каждый дворъ, въ какомъ окладѣ состоитъ онъ

въ тяглѣ. Это опредѣленіе податной тягости каждаго двора сдѣлано „по мирскому окладу“. Чтобы узнать этотъ окладъ, государевы писцы, Д. В. Лодыгинъ, В. Я. Полтевъ и дьякъ Д. Образцовъ, пригласили старостъ посадскихъ съ товарищами и выборныхъ лучшихъ людей и старожильцевъ, которыхъ и разспрашивали, по крестному цѣлованью, „кто каковъ животомъ и промысломъ, и кто съ чего, по ихъ мирскому окладу, обложенъ въ тяглѣ“. Итакъ, въ Нижнемъ обложеніе уже сдѣлано, всѣ дворы, лавки и пр. по мирскому приговору уже расцѣнены, и каждый хозяинъ знаетъ, что ему надо будетъ платить, если придетъ сошная дань или другой какой сборъ. Это старина. Но въ XVII вѣкѣ къ ней примѣшивается новизна. Старина возникла, когда княжеская власть была очень еще слаба. Но въ XVI вѣкѣ она достигла необычайной высоты, а въ XVII окончательно объединилась. Это всѣ должны были чувствовать, а всего болѣе—исполнители указовъ государя, царя и великаго князя. Они это чувствовали и къ старинѣ привносили новизну. Въ описи, изъ которой мы заимствовали все сказанное, есть и такое мѣсто: „А которые торговые и всякіе люди.... въ государеву казну платили по не велику, и на тѣхъ людей сверхъ тѣхъ оброковъ прибавлено по разсмотру и по допросу выборныхъ людей“. Принципъ остается тотъ же, люди облагаются по животамъ и промысламъ; но государевы писцы дѣлаютъ поправки къ мирскому обложенію, однако, не произвольно, а согласно показанію выборныхъ. Такое соединеніе выборнаго и приказнаго начала впервые появилось не въ XVII вѣкѣ, на него есть указанія и въ XVI.—Въ нижегородской описи есть и другая новость. Документъ прежняго времени говорятъ о раскладкѣ выборными людьми, здѣсь же рѣчь идетъ о мирскомъ приговорѣ, т.-е. о раскладкѣ цѣлымъ миромъ. Когда весь миръ сталъ дѣлать раскладку, объ этомъ не встрѣтили указаній.

Такое индивидуальное опредѣленіе тяглой способности каждаго плательщика должно было сказаться очень разнымъ обложеніемъ отдѣльныхъ дворовъ. И дѣйствительно, въ Нижнемъ отдѣльные дворы платили очень различно. Одни были положены въ тягло съ 10 алтынъ, (такихъ одинъ дворъ), другіе съ 5 (тоже одинъ), съ 3 (такихъ два двора) и т. д.; болѣе бѣдные—съ 7 денегъ, съ 6, съ 3-хъ, съ одной (такихъ 346 дворовъ), съ полушки (275 дворовъ)¹⁾. Такимъ образомъ, богатые дворы противъ бѣдныхъ платили въ 60 разъ болѣе и даже въ 120. Въ итогѣ подведено, сколько всѣхъ дворовъ и сколько

¹⁾ Алтынъ=6 деньгамъ, рубль=200.

они должны платить по каждому сбору. Всѣхъ дворовъ въ Нижнемъ было 862, а платить они должны были въ каждое тягло по 6 р. 5 денегъ (итоги подведены не совсѣмъ вѣрно, но это неважно). На слѣдующемъ примѣрѣ будетъ ясно, какъ это дѣлалось. Нижегородцы должны были платить государевыхъ податей съ сохи: ямщикамъ на прогоны по 10 р., полонянечныхъ денегъ по 2 р., итого въ эти два тягла 12 р. съ сохи, а въ Нижнемъ считалось 3 сохи съ половиной (по сошному письму 1624 года), слѣдовательно, всего надо было платить 42 р. Если произвести со всѣхъ дворовъ одинъ сборъ по вышеприведенному обложенію (съ однихъ по 10 ал., съ другихъ по 5, по 4 и т. д.), получится 6 р. 5 ден.; чтобы покрыть указанный налогъ, надо повторить этотъ сборъ 7 разъ, тогда получится 42 р. 30 денегъ, на 30 ден. болѣе того, что нужно. При этомъ обложенный 10 алтынами заплотить 2 р. 3 алт. 2 ден., а обложенные деньгою—только по 7 денегъ, т. е. въ 60 разъ меньше, обложенные полушкой— $3\frac{1}{2}$ деньги, въ 120 разъ меньше. Мы взяли простѣйшій примѣръ изъ данныхъ той же описи (ст. 191), и все же получился нѣкоторый излишекъ, который возвратить плательщикамъ по мѣрѣ произведенныхъ платежей представляетъ чрезвычайно хитрую, но нестоющую труда задачу. Какъ распоряжались такими всегда возможными излишками, мы не знаемъ. Можно думать, что они обращались въ запасъ для покрытія недоборовъ, которые тоже легко могли оказаться при сборахъ.

Указаннымъ способомъ легко можно вычислить, сколько каждый плательщикъ долженъ былъ платить всѣхъ податей. Опись 1621—29 годовъ приводитъ счетъ отдѣльныхъ податей и ихъ итогъ въ томъ размѣрѣ, какъ онѣ собирались до московскаго разоренія и послѣ разоренія. Мы получимъ, такимъ образомъ, понятіе о возрастаніи податей, причиненномъ разореніемъ. До разоренія нижегородцы должны были платить съ $3\frac{1}{2}$ сохъ 165 р. 32 алт. Чтобы получить эту сумму, тягловой сборъ со всѣхъ плательщиковъ—въ 6 р. 5 ден. надо повторить 27 разъ съ половиною, при этомъ плательщики одной деньги заплотятъ по $27\frac{1}{2}$ денегъ, плательщики по 6 алтынъ заплотятъ въ 60 разъ больше—по 8 р. 7 алт. 8 ден. Послѣ разоренія повинности нижегородцевъ весьма возросли: кромѣ 165 рублей, они должны были платить еще 1638 съ тѣхъ же $3\frac{1}{2}$ сохъ. Эта сумма получится, если тягловую цифру (6 р.) мы помножимъ на 273. При этомъ плательщикъ, обложенный одной деньгою,—уплатить 1 р. 12 алт., а съ прежними немного болѣе 1 р. 13 алт., плательщикъ, обложенный 6 алты-

нами, уплатить—безъ малаго 82 р., а съ прежними 84 р. 3 алт. Въ 1627 году Нижній-Новгородъ былъ положенъ въ 4 и $\frac{7}{24}$ сохи и приведенное обложеніе еще увеличилось.

Возростаніе сошныхъ доходовъ съ Нижняго представляется въ слѣдующемъ видѣ. До разоренія Нижній платилъ — 165 руб. деньгами, не считая натуральныхъ повинностей и хлѣбныхъ запасовъ стрѣльцамъ на жалованье. Послѣ разоренія къ этому платежу прибавили на государево жалованье и на подмогу ямскимъ охотникамъ съ сохи по 468 р., итого съ прежними получилось 1803 р. Въ 1627 году этотъ окладъ брали не съ $3\frac{1}{2}$ сохъ, а съ $4\frac{1}{24}$, а это составитъ—2.210 р. 30 алт., не считая натуральныхъ повинностей и хлѣбныхъ запасовъ. Повинности Нижняго въ первой четверти XVII вѣка увеличились, такимъ образомъ, болѣе, чѣмъ въ 13 разъ ¹⁾.

¹⁾ Опись Нижняго-Новгорода начата въ Рус. Ист. Библ. т. XVII подъ редакціей члена Арх. комиссіи, А. С. Лаппо-Данилевскаго. Почтенный редакторъ нашелъ нужнымъ во введеніи высказать свое мнѣніе по поводу обложенія нижегородскихъ посадскихъ людей разнымъ количествомъ денегъ. „Такимъ образомъ, говоритъ онъ, описаніе 1621—29 года даетъ понятіе о платной силѣ каждаго лица, налого-способности котораго признана правительствомъ, при чемъ выразкасть эту силу въ единицахъ „денежнаго счета“, вѣроятно, соответствовавшихъ дробнымъ дѣленіямъ сошнаго письма“. Въ примѣчаніи къ этому мѣсту читаемъ: „По сравненіи съ количествомъ плательщиковъ и общими размѣрами тягла такою величиною, равною суммѣ единицъ денежнаго счета, въ Нижнемъ оказалось 6 р. 5 ден.; количествомъ дробныхъ долей этой суммы, съ котораго данное лицо тянуло тягло, опредѣлялась его платежная сила. Размѣръ самого оклада окладчикамъ всегда легко вычислить, зналъ какой постоянной величины приравнена была каждая изъ такихъ долей. Напримѣръ, съ деньги нижегородцы въ 1670-хъ годахъ должны были платить одно время 26, другое—40 рублемъ. (Доп. къ А. Н. X 23). Въ такомъ случаѣ какой-нибудь посадскій человекъ, Трофимка, состоявшій въ тяглѣ съ деньга (стол. 82), платилъ бы 26 или 40 р. тягла“ XXIV—XXV. Нельзя сказать, чтобы это толкованіе свидѣтельствовало о ясности мыслей автора. То, что начато въ текстѣ, есть только повтореніе того, что авторомъ подробнѣе говорится въ его организаціи прямого обложенія. Этого подробнаго изложенія мы тоже не могли понять до тѣхъ поръ, пока г. П. Миллюковъ въ своихъ спорныхъ вопросахъ не разъяснилъ, въ чемъ тутъ дѣло. Дѣло въ томъ, что почтенный авторъ смѣшалъ денежный счетъ книгъ сошнаго письма съ разложеніемъ тягла по отдѣльнымъ дворамъ, производимаго тоже въ денежныхъ единицахъ, и одновременно хотѣлъ объяснить и то и другое. Поэтому „изложеніе, говоритъ г. П. Миллюковъ, вышло у автора нѣсколько сбивчиво“. Даже очень сбивчиво. Это смѣшеніе возобновляется и во введеніи, гдѣ налоговоспособность каждаго лица авторъ объясняетъ „единицами дробнаго дѣленія сошнаго письма“, тогда какъ между ними нѣтъ ничего общаго. Въ примѣчаніи намъ понятенъ только конецъ и только благодаря этому непонятному концу мы и остановились на мнѣніи г. Лаппо-Данилевскаго. Если съ деньга надо платить 26 или 40 рублей, то какой-нибудь Трофимка, состоявшій въ

Этотъ порядокъ вещей продолжается до конца XVII вѣка. Въ 1681 году въ Олонецкомъ посадѣ и уѣздѣ считалось посадскихъ и крестьянскихъ дворовъ 9.784; на нихъ было положено стрѣльцкихъ денегъ за всякіе прежніе доходы 6.081 р. 29 алт. и $5\frac{1}{2}$ ден.; а раскладка этихъ денегъ по домохозяевамъ должна была производиться выборными лучшими людьми по животамъ и промысламъ, по землямъ и угодьямъ (А. Э. IV. № 250).

Мы указали уже, что такое индивидуальное обложеніе вело къ несправедливостямъ и ссорамъ, а потому рядомъ съ нимъ возникаетъ и другое—по вышнему признаку. Такимъ вышнимъ признакомъ принимается количество жилыхъ четвертей паппи, т. е. количество обрабатываемой земли съ тѣми ограниченіями, на которыя было указано выше. Когда именно появляется такое опредѣленіе налогообеспособности, этого, за отсутствіемъ писцовыхъ книгъ первой половины XVI вѣка, съ точностью сказать нельзя; но въ книгахъ конца этого вѣка оно встрѣчается уже очень часто¹⁾. Въ описяхъ вотчинныхъ и помѣщичьихъ земель въ уѣздахъ Коломенскомъ, Медынскомъ, Орловскомъ и др. встрѣчаемъ знакомое уже

тигѣ, съ деньги долженъ платить—26 или 40 рублей. Это совершенно правильное умозаключеніе. Сдѣлаемъ изъ него дальнѣйшіе выводы. Трофимка, обложенный деньгой долженъ платить 40 р., Трофимка, обложенный 10 алтынами, т. е. 60 деньгами, долженъ платить 2.400 руб., а весь городъ, обложенный 6 р. 5 ден., долженъ платить 48.000 р. Таковы чрезвычайно цѣнные результаты соображеній почтеннаго автора. Но принять ихъ довольно трудно. Городъ долженъ платить 48.000 р., а обложенъ онъ, какъ сказано въ описи, редакцированной самимъ авторомъ, всего въ 2.210 р. Слѣдуя по стопамъ автора, мы пришли къ совершенно невозможному выводу. Надо думать, мыслика его были невѣрны. Откуда онъ взялъ свои 26 или 40 рублей? Описи Нижняго, какъ мы видѣли, содержитъ въ себѣ всѣ данныя для объясненія раскладки сошного оклада на отдѣльные дворы. Но издатель ими не пользуется; для ихъ разъясненія онъ обращается къ чюлобитной 1682 года, въ которой читаемъ: „Въ прошломъ 1677 году выбрали нижегородцы въ земскіе старосты Оедора Балахонцева и онъ, Оедоръ, будучи въ земскихъ старостахъ, раскинулъ тигло собирать съ деньги по 40 рублей, и имъ, нижегородцамъ, учинилъ великую тягость.“.... А изъ дальнѣйшаго узнаемъ, что другой староста убавилъ съ деньги по 14 рублей и раскинулъ только по 26 рублей. Доп. къ А. И. X № 23. Итакъ, въ концѣ XVII вѣка въ Нижнемъ съ деньги собирали по 26 и по 40 рублей. Это вѣрно. Но какая это деньга? Этого мы не знаемъ. А что такое деньга 1621 года, это намъ хорошо извѣстно. Деньга 1621 года есть единичка обложенія очень маленькихъ людей, за которыми слѣдуютъ уже худые люди. Для объясненія извѣстной величины памятника 1621—20 годовъ, авторъ беретъ невѣстную величину памятника 1677 года и получаетъ свой блестящій съ финансовой точки зрѣнія выводъ. Неправильное пользованіе источниками привело и къ неправильному выводу.

¹⁾ Древнѣйшее, встрѣтившееся намъ, указаніе на обложеніе не по животамъ и промысламъ, а по опредѣленной мѣрѣ земли относится къ 1490 г. А. И. I, № 100.

намъ правило: „а платить ему съ живущаго съ пашни съ 5 четей“, „а платить ему съ живущаго съ 14 четей съ осминою“, но безъ опредѣленія, сколько именно платить. Тутъ указана только та единица, на которую падаетъ повинность. Это нѣкоторое приближеніе и возвращеніе къ новгородскому порядку вещей. Тамъ платили съ сохи, обжа, невода, лавки и пр., здѣсь съ четверти земли, съ паханой пашни извѣстной мѣры (поль десятины). Такой способъ платы, понятно, примѣняется только къ уѣздному земледѣльческому населенію, но и горожане, если имѣютъ земли, также подлежатъ платежу съ четвертей. Предписаніе платить съ четвертей предполагаетъ и обложение по четвертямъ, а не по сохамъ. Такое обложение дѣйствительно и появляется въ Москвѣ. Уже въ половинѣ XVI вѣка размѣръ службы служилыхъ людей опредѣляется по количеству четей владѣемой земли. Въ началѣ XVII вѣка нѣсколько лѣтъ подъ рядъ (съ 1618 года по 1621-й) ямскія деньги собирались съ числа четей, съ чети по рублю. Отъ 1631 года имѣемъ указъ, которымъ было предписано съ вотчинъ Кириллова монастыря, простиравшихся до 23.900 четей, вмѣсто сбора даточныхъ людей для войны, взять деньгами съ числа четей. (А. А. Э. Т. III, №№ 121 и 193). Четь, такимъ образомъ, несомнѣнно играла роль окладной и платежной единицы. Этимъ совершенно разъясняется предписаніе писцовыхъ книгъ XVI вѣка: „Платить съ 5 четей“.

Здѣсь опять, какъ Новгородѣ, окладная и платежная единицы совпадаютъ.

То же начало, но съ нѣкоторыми модификаціями, примѣняется къ уплатѣ дворцовыми крестьянами господскаго князю оброка. Дворцовые крестьяне въ концѣ XVI вѣка начинаютъ надѣляться опредѣленнымъ количествомъ земли на выть. Это не значитъ, что каждый крестьянинъ получилъ опредѣленное количество земли на душу; отдѣльный крестьянинъ могъ сидѣть и на части выти, на ея четверти, даже осьмушкѣ; но на цѣлую деревню отводилось опредѣленное количество вытей извѣстной мѣры. Оброкъ налагался на это количество вытей. Напримѣръ: „А оброку крестьянамъ платить въ вел. князю казну въ Дворцовый приказъ 6 р. 7 алт. съ денгою, съ выти по полтинѣ“. Между отдѣльными домохозяевами этотъ оброкъ распредѣлялся уже не по животамъ и промысламъ, не по пашнѣ и угодьямъ, а только по количеству земли. Кто сидѣлъ на поль выти, платилъ—50 ден.; кто на четверти—25 и т. д. Здѣсь опять единица обложенія и единица платежа близко сходятся.

Такъ опредѣлялась способность нести тягло.

Выяснивъ по возможности вопросъ о способности къ тяглу, необходимо остановиться и на вопросѣ о томъ, кто же облагался тягломъ. Древняя Россія сословій не знала, но ей были извѣстны классы людей различныя по своему социальному положенію и занятіямъ. Были бояре, купцы, крестьяне, служилые люди (княжіе мужи) и не служилые, было духовенство, монастыри, владыки и т. д. Все населеніе облагалось повинностями или нѣтъ? Нельзя сказать, чтобы вопросъ этотъ разрѣшался въ нашей литературѣ съ достаточной опредѣленностью и ясностью. И понятно почему. Мы имѣемъ дѣло не съ точными опредѣленіями закона, а съ практикой, очень разнообразной и не легко уловимой. Вотъ почему исключенія принимаются нерѣдко за правило, а общія правила вовсе ускользаютъ отъ вниманія. У насъ было общее правило и множество исключеній, очень ограничивавшихъ его дѣйствіе. Начнемъ съ общаго правила.

По общему правилу все населеніе княженій подлежало повинностямъ. Это совершенно ясно изъ новгородскихъ памятниковъ. По грамотѣ на черныи боръ татарская дань уплачивается всѣми, кто имѣетъ лошадь, лодку, неводъ, плугъ и пр. Соціальное положеніе человека нисколько не вліяетъ на его обязанность нести государственныя повинности. То же слѣдуетъ и изъ новгородскихъ писцовыхъ книгъ. Всѣ земли, чьи бы онѣ ни были, положены въ обжа и сохи. Волости всѣхъ своеземцевъ, бояръ, бояришекъ, купцовъ, поповъ, церквей, монастырей и самого владыки несутъ обежную дань. Въ обжа положены не только тѣ деревни, которыя они сдаютъ въ аренду крестьянамъ, но и тѣ, въ которыхъ они жили сами и которыя обрабатывали своими людьми. Городскіе дворы своеземцевъ также были въ тяглы. Единственное исключеніе, которое встрѣчается въ старыхъ новгородскихъ описяхъ, относится къ землямъ бѣдныхъ погостскихъ церквей, которыя нерѣдко воздѣлывались самимъ причтомъ. О такихъ земляхъ иногда прямо говорится: въ обжа не положены. Обложеніе всѣхъ новгородскихъ земель повинностями осталось и послѣ водворенія въ нихъ новыхъ людей, московскихъ помѣщиковъ. Помѣстья московскихъ служилыхъ людей также несутъ повинности, какъ и волости новгородскихъ своеземцевъ.

Москва, однако, не является здѣсь ученицей Новгорода, подражательницей новгородскихъ порядковъ. Обложеніе бояръ, вольныхъ служилыхъ людей, данью—въ Москвѣ старина. Московскія свидѣтельства объ этомъ на цѣлое столѣтіе древнѣе новгородскихъ. Въ

договоръ великаго князя Дмитрія Ивановича съ Владиміромъ Андреевичемъ читаемъ: „А кто иметь жити моихъ бояръ и моего сына, княжихъ Васильевыхъ, и моихъ дѣтей въ твоёмъ удѣлѣ, блюсти ти ихъ, какъ и своихъ, и дань *взяти*, какъ и на своихъ; а кто иметь жити твоихъ бояръ въ моемъ удѣлѣ и въ вел. княженіи, а тѣхъ намъ блюсти, какъ и своихъ, и дань *взяти*, какъ и на своихъ“. Подъ боярами здѣсь разумѣются вольные слуги, пользующіеся правомъ отъѣзда. Это то же, что и новгородскіе бояре и бояришки.

Тотъ же порядокъ можно наблюдать и на каждой страницѣ московскихъ книгъ сошного письма. Въ соху кладутся земли всякихъ владѣльцевъ: вотчинниковъ, помѣщиковъ, казаковъ, дьяковъ, поповъ, церквей, монастырей, владыкъ, митрополитъ, вдовъ и пр. Какъ и въ Новгородѣ, въ сохи кладутся не только деревни, въ которыхъ сидятъ крестьяне, но и тѣ, гдѣ живутъ сами господа и обрабатываютъ ихъ трудомъ холоповъ. Въ Медынскомъ уѣздѣ были деревни кн. Хворостинныхъ, введеннаго боярина Дмитрія Ивановича и брата его Федора, околичнаго. У перваго было 2 сельца да 20 деревень, у втораго 20 деревень и 2 починка. Все это было положено въ сошное письмо. Земли посадскихъ людей также въ сошномъ письмѣ. Въ 1571 году веневскимъ помѣщикамъ, братьямъ Муромцевымъ, дана была на льготу пустая земля съ условіемъ: „а какъ отойдетъ лгота, и Ивану Муромцеву съ братьею государевы всякія подати давати съ полусохи“. Единственное исключеніе, которое встрѣчается въ московскихъ писцовыхъ книгахъ, то же, что и въ новгородскихъ. Земли деревенскихъ церквей не кладутся въ сохи и обложенію не подлежатъ ¹⁾. Городскіе дворы также въ тяглѣ.

Таковы свѣдѣнія писцовыхъ книгъ; но и другіе документы говорятъ то же и вполне подтверждаютъ окладное значеніе сошного письма.

Въ уставной Бѣлозерской грамотѣ отъ 1488 года читаемъ: „На Рождество Христово намѣстникамъ нашимъ дадутъ кормъ со всѣхъ сохъ: съ княжихъ, и съ боярскихъ, и съ монастырскихъ, и съ черныхъ, и съ *грамотниковъ* (т. е. съ тѣхъ, кому даны льготныя грамоты), и со всѣхъ безъ *омѣнки*“. Въ 1536 году такое же предписаніе сдѣлано для всей Онежской земли. Кормъ велѣно брать „со всѣхъ сохъ, съ моихъ вел. князя, съ владычныхъ, съ боярскихъ и т. д. и съ грамотниковъ, со всѣхъ безъ *отмѣны*“. Сохи вел. князя

¹⁾ Писц. кн. XVI вѣка II 788, 1099, 1419,

и тѣ въ тяглѣ. Въ 1550 году въ Новгородъ прислана была грамота о сборѣ ямскихъ денегъ и приметныхъ, за посошныхъ людей, и за всякія городовыя дѣла, и за ямчужное дѣло. Эти деньги велѣно было собирать также со *всѣхъ новгородскихъ сохъ*. Кто въ сошное письмо положенъ, тотъ и плати, кто бы онъ ни былъ, бояринъ введенный, владыка, посадскій человекъ, крестьянинъ. Въ 1624 году приказано было стрѣльцамъ на жалованье собирать рожь съ сохи съ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель, съ митрополичьихъ и съ монастырскихъ земель, и съ грамотчиковъ, и съ тарханщиковъ, и съ льготчиковъ, опричь... отца нашего великаго государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича московскаго и всея Русіи монастырей вотчинъ и его, государевыхъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ помѣстій, и опричь живоначальныя Троицы Сергіева монастыря вотчинъ, и опричь тѣхъ, которые на нашей службѣ въ Сибири и въ Астрахани“. Мы здѣсь встрѣчаемъ исключеніе, подтверждающее правило. Платить должны всѣ, но въ данномъ случаѣ сдѣлано исключеніе для вотчинъ патріаршнихъ монастырей и нѣкоторыхъ другихъ. За то должны платить всѣ, имѣющіе льготы ¹⁾.

Приведемъ нѣсколько извѣстій болѣе частнаго характера. Въ 1567 году бояринъ И. В. Шереметевъ Большой билъ челомъ царю и вел. князю Ивану Васильевичу, а сказывалъ: что есть у него вотчина въ Московскомъ уѣздѣ, въ Торокшановѣ стану, купля, деревни и селища, а купилъ онъ тѣ деревни пусты, а старосты и цѣловальники правятъ съ него оброкъ за дань, и за посошный кормъ, и за ямскія деньги, и за городовое дѣло съ пуста. Бояринъ просилъ ослободить его отъ платежа съ пуста. Архимандритъ Симонова монастыря въ 1577 году билъ челомъ о томъ же. Его вотчина монастырская въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ запустѣла, а ямскія деньги и всякія подати и посоху государевы сборщики берутъ съ той вотчины по прежнему. Точно также игуменъ солигалицкаго Воскресенскаго монастыря въ 1608 году жалуется, что монастырь платитъ въ теченіе цѣлыхъ 16-ти лѣтъ всякія государевы подати съ пустой вотчины. Въ 1634 году игуменъ Устюга Великаго Троицкаго монастыря съ Гледени билъ челомъ царю и великому князю и сказывалъ: „Изстари платитъ онъ съ

¹⁾ А. Э. I № 123 и 181; Доп. къ А. И. I, 94; А. И. III. № 132. Исключеніе отъ всеобщаго обложенія дѣлаются для разныхъ лицъ. Въ 1620 году приказано было со *всѣхъ сохъ* брать ямскія деньги, и съ грамотчиковъ, и съ тарханщиковъ, и со льготчиковъ, а въ числѣ исключенныхъ находимъ вотчины Кириллова монастыря и митрополита ростовскаго. А. Э. III № 116.

братією съ монастырскихъ вотчинъ данные и оброчные деньги, и московскіе и стрѣльцкіе кормы, и сибирскіе запасы и ямскіе отпуски, и всякіе мірскіе подати по сотнымъ грамотамъ съ сотными людьми вмѣстѣ". Въ мартѣ 1666 года вдова стольника, княгиня Мышенская, продала свою деревню двумъ крестьянамъ. Покупатели приняли на себя платежъ государевыхъ податей съ 1-го сентября того же года, „а старыя невыплаты, буде объявятся впредь на который годъ, и до тѣхъ невыплатъ имъ дѣла нѣтъ". Кто же ихъ платитъ? Сама княгиня Мышенская ¹⁾.

За городскіе дворы дѣти боярскіе, дворяне и другіе служилые люди тягла не несутъ; но это не составляетъ исключенія изъ общаго правила. Городскіе дворы состоятъ въ тяглѣ потому, что городскіе люди занимаются промыслами. Служилые же люди живутъ въ городскихъ дворахъ въ интересахъ службы, а потому и не подлежатъ окладу. Къ числу служилыхъ людей, не подлежащихъ тяглу съ городскихъ дворовъ, относятся: пищальники, воротники, стрѣльцы, черкасы, сторожа, садовники княжескіе и пр. Точно также не подлежатъ окладу и осадные дворы дворянъ, они тоже не для промысла, а для осады, и живутъ въ нихъ только во время осады.

Итакъ, все населеніе княженій было обязано нести государственныя повинности. Это общее правило стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній ²⁾.

¹⁾ А. Э. II. № 85; Рус. Ист. Библ. II № 37; XII ст. 197 № 36 и ст. 409 № 93; Дьяконовъ, Акты тягл. населенія II № 20.

²⁾ Насколько смутны въ нашей литературѣ представленія о податныхъ обязанностяхъ населенія Московскаго государства, можно видѣть изъ труда г. Лаппо-Данилевскаго, Организация прямого обложенія, напечатаннаго въ 1890 г. Первая глава этого сочиненія имѣетъ задачу выяснить „распредѣленіе податного бремени между отдѣльными классами населенія". Въ самомъ оя началѣ (стр. 45) высказывается такое общее положеніе: „Обязанности распадалась, какъ извѣстно, на служебныя (военныя) и податныя. Но было, однако, никакой возможности и даже надобности однихъ и тотъ же классъ обременять исправленіемъ обязанностей, присущихъ двумъ разнымъ классамъ; поэтому люди служилые не выполняли податныхъ обязанностей такъ же, какъ люди тяглые—военныхъ". Итакъ, на разныхъ классахъ лежатъ разныя обязанности: низшій несетъ податное тягло, высшій—военное. Въ подкрѣпленіе своей мысли авторъ приводитъ на той же страницѣ и мнѣніе проф. В. Ключевскаго, который утверждаетъ, что съ объединеніемъ сѣверной Руси поземельныя льготы, какъ послѣдствіе обязательной службы служилыхъ людей, стали общими нормальнымъ явленіемъ и получили значеніе сословныхъ преимуществъ служилого класса. Это то же, что говорить и самъ г. Лаппо-Данилевскій, т. е. служилые люди съ объединенія Руси свободны отъ податныхъ обязанностей.

А вотъ что находимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Но изъ общаго правила допускалось, во 1-хъ, множество исключеній, во 2-хъ, разнообразіе повинностей приводило къ замѣнѣ однихъ другими, чѣмъ также нарушался принципъ общаго тягла.

На стр. 52 читаемъ: „Накоонецъ, былъ цѣлый разрядъ служилыхъ людей, мелкихъ землевладѣльцевъ, подлежащихъ тяглу или поземельному налогу, а потомъ и подворной подати безъ всякихъ ограниченій“. А на 54 опять: „Государственная служба освобождала служилыхъ людей отъ тягла“.

На стр. 209 авторъ приводитъ челобитіе бѣлозерскихъ помѣщиковъ (т. е. служилыхъ людей), изъ котораго дѣлаетъ выводъ, — „что они платили вдвое монѣ податей, чѣмъ слѣдовало“. Итакъ, служилымъ людямъ надо платить подати.

На стр. 215-й нашли себя мѣсто извѣстіе, что воеводѣ Головину приказано положить въ 1615 г. въ сошное письмо земли, розданныя въ помѣстья и вотчины, т. е. служилымъ людямъ.

На 245-й авторъ утверждаетъ, что классъ среднихъ и мелкихъ землевладѣльцевъ (т. е. опять служилыхъ людей) въ 1641 г. обращался къ государю съ просьбами объ уплатѣ нѣкоторыхъ податей подворно, сколько за кѣмъ крестьянскихъ дворовъ, а не по писцовымъ книгамъ.

На 312-й—читаемъ: „пятинныя деньги собирались и со служилыхъ людей, занимавшихся промыслами и торговлей“.

На 316-й—„Въ 1823 году велѣно развести мостовыя деньги на воѣ выти безъ wyboru“.

На 379-й — „Въ слободской украинѣ городовае и острожное дѣло выполнялось иногда черкесами, казаками, стрѣльцами, и дѣтми боярскими“.

На 384: „Въ царскихъ указахъ повелѣвалось иногда „лѣсъ съчи (для городского дѣла) въ близяхъ для поспѣшенія въ чьихъ лѣсахъ ни буди“.

На 403: „Въ 1660 г. стрѣлецкій хлѣбъ съ помѣстій брали въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ съ вотчинъ патріаршихъ, владѣчныхъ, монастырскихъ“.

На 405: „Въ 1670-хъ годахъ дворяне и дѣти боярскіе били челомъ государю о томъ, чтобы стрѣлецкій хлѣбъ имъ платить съ сошнаго письма, а не съ двороваго числа“.

На 408-й авторъ утверждаетъ, что „эти сборы (хлѣбныя запасы) взиmались съ дворцовыхъ селъ, съ посадскихъ людей, помѣстій и вотчинъ и поземельныхъ владѣній духовенства“.

И такъ безъ конца.

Мы не покупали на выписки, но потому, что приводимые авторомъ матеріалы прекрасно подтверждаютъ наше мнѣніе. Но какъ быть съ мнѣніемъ двухъ почтенныхъ ученыхъ, которое мы привели въ началѣ? Надо думать, когда почтенный авторъ писалъ свою 45 стр., онъ находился еще въ полномъ невѣдѣніи того, какіе матеріалы ему придется приводить на стр. 52 и слѣдующихъ. Этимъ, хотя отчасти, и можно объяснить полное несоотвѣтствіе общаго положенія, заимствованнаго у г. Ключевского, съ тѣмъ, что говорятъ документы.

На несостоятельность основныхъ положеній автора по вопросу о распредѣленіи податнаго бремени среди населенія Московскаго государства давно уже указано г. П. Милюковымъ въ Спорныхъ вопросахъ финансовой исторіи Московскаго государства. Стр. 77 и сл.

Но прежде, чѣмъ говорить объ исключеніяхъ изъ общаго тягла, необходимо остановиться еще на одномъ вопросѣ.

Изъ предшествующаго мы знаемъ, что въ древности преобладало арендное хозяйство; барщинное начинаетъ принимать большіе размѣры только съ прикрѣпленіемъ крестьянъ. Въ виду значительнаго развитія аренды возникаетъ вопросъ, кто же облагался тягломъ и отвѣчалъ за правильную его уплату: арендаторъ или разные виды землевладѣльцевъ: своеземцы, вотчинники, помѣщики и пр.? Старыя новгородскія описи на этотъ вопросъ не даютъ отвѣта. Въ нихъ показано только число обожъ въ каждой деревнѣ, по ничего не говорится о томъ, кто облагается платежомъ по этимъ обжамъ, арендаторъ или помѣщикъ. Въ позднѣйшихъ московскихъ описяхъ на это прямо указывается. Описавъ деревни извѣстнаго владѣльца, писецъ говоритъ: „Платить ему съ 5 четей“. Итакъ, облагается землевладѣлецъ, а не крестьянинъ, съемщикъ земли. Надо думать, что это старина, и весьма понятно почему. Арендаторъ не крѣпокъ землѣ, не сегодня-завтра онъ можетъ уйти. Какъ же его облагать? Облагается тягломъ и отвѣчаетъ за его исправную уплату всегда самъ землевладѣлецъ. Но изъ этого возникаетъ дальнѣйшій вопросъ: кто въ дѣйствительности несетъ тягло и кто по обложенію платитъ? До прикрѣпленія крестьянъ это было очень различно и обуславливалось отношеніемъ спроса и предложенія земли. Если спросъ на землю былъ великъ, землевладѣлецъ могъ переводить на арендатора все тягло; если—слабъ, землевладѣльцу приходилось выплачивать тягло изъ своихъ доходовъ.

Въ подтвержденіе этого можно привести и свидѣтельства документовъ. Въ договорахъ о наймѣ земли (порядная) арендаторы иногда говорятъ, что они принимаютъ на себя и уплату всѣхъ государевыхъ податей по полостному разсчету. Если на ряду съ обязанностями, которыя съемщикъ земли принимаетъ на себя по отношенію къ землевладѣльцу, надо упомянуть и о томъ, что онъ принимаетъ на себя уплату податей, то, конечно, отсюда можно заключить, что уплата податей арендаторомъ при наймѣ земли сама по себѣ не мыслится, а должна быть оговорена. Что касается тѣхъ порядныхъ, которыя хранятъ молчаніе по вопросу о податяхъ, то мы не рѣшаемся утверждать, что такое молчаніе надо всегда понимать въ смыслѣ свободы арендатора отъ податей. Если молчаніе не есть простая небрежность редакціи, оно можетъ обуславливаться всѣмъ извѣстными мѣстными обычаями, которые въ разныхъ мѣстахъ могли быть очень различны, но говорить о которыхъ не считали нужнымъ.

Имѣемъ и прямыя указанія на то, что землевладѣльцы принимаютъ на себя уплату повинностей. Въ 1599 году крестьянинъ Родіонъ порядился у протопопа съ братіею на половину деревни, вотчины пречистой Богородицы, съ такимъ условіемъ: „А дань и оброкъ и всякія государевы разметы платить протопопу съ братіею мимо меня“. Въ 1628 году другой крестьянинъ нанялъ на 10 лѣтъ церковную землю и поставилъ условіе: „Въ тѣ срочныя лѣта съ тое деревни мнѣ, Василью, не платити ни которыхъ государевыхъ податей“. Около того же времени третій крестьянинъ порядился у Спасова монастыря на половину деревни, взялъ льготы на 2 года и въ порядной выговорилъ себѣ свободу отъ всякихъ государевыхъ податей тоже на два года ¹⁾. Итакъ, плата податей сѣмщиномъ земли, при свободѣ крестьянскаго перехода, есть результатъ соглашенія арендатора съ землевладѣльцемъ. Послѣ прикрѣпленія крестьянъ, плата государственнаго тягла, конечно, всецѣло упала на крестьянскій трудъ.

Переходимъ къ исключеніямъ. Исключенія изъ общаго правила возникали въ силу жалованныхъ грамотъ, которыми отдѣльнымъ владѣльцамъ предоставлялись льготы отъ повинностей. Эти льготы были такъ разнообразны, что составить образецъ одной жалованной грамоты, который включалъ бы въ себѣ всѣ характерныя особенности пожалованій, не представляется никакой возможности: что давала одна грамота, то отрицала другая. Наши древности представляютъ цѣлый рядъ такихъ образцовъ, который значительно долженъ увеличиться, если мы ко льготамъ отъ податей прибавимъ еще льготы отъ княжескаго суда. Не имѣя возможности познакомить читателя съ содержаніемъ льготныхъ грамотъ на одномъ образцѣ, мы должны войти въ подробности ихъ содержанія. Оно очень различно и со многихъ точекъ зрѣнія.

Въ древнихъ памятникахъ терминъ жалованная грамота имѣлъ очень широкій смыслъ. Всякая милость князя могла получить форму жалованной грамоты. Если населеніе было недовольно намѣстникомъ, назначеннымъ княземъ, жаловалось на его бездѣтельность и лихоимство и просило о разрѣшеніи замѣнить его выборными органами, и князь соизволялъ на это, рѣшеніе князя выражалось тоже въ жалованной грамотѣ, хотя ею и не предоставлялось никакихъ льготъ отъ повинностей. Князь жаловалъ просителей, отмѣнялъ намѣстника и

¹⁾ Рус. Ист. Библ. т. XII ст. 140 № 12; т. XIV ст. 351, № 140; Ак. тиг. нас. I № 14. Такихъ соглашеній не воспрещаетъ и новая ст. II. Суд. (88).

дозволялъ судиться своими выборными. Грамота, которой все это предоставлялось населенію, называлась жалованной, иначе уставной грамотой. Предоставленіе льготъ отъ повинностей есть тоже пожалованіе; оно, обыкновенно, соединяется съ освобожденіемъ пожалованнаго и отъ суда княжескихъ чиновниковъ. Содержаніе льготныхъ грамотъ въ этомъ тѣсномъ смыслѣ слова мы и будемъ разбирать, но только въ той его части, въ которой идетъ рѣчь о льготахъ отъ повинностей.

1. Льготы отъ повинностей даются самымъ разнообразнымъ лицамъ, и большимъ людямъ, и маленькимъ, которые въ грамотахъ называются Оедьками, Митьками; даются монастырямъ, владыкамъ, митрополиту, рыболовамъ, крестьянамъ, служилымъ людямъ, боярамъ. Случается, что пожалованіе простирается на все имѣніе, чѣмъ владѣтъ въ извѣстной мѣстности пожалованный; но едва ли не чаще грамоты даются на одно извѣстное владѣніе, на село съ деревнями, на нѣсколько деревень, на пустошь. Во II т. Рус. Ист. Библиотеки напечатано 11-тъ жалованныхъ грамотъ можайскаго князя Андрея Дмитріевича Кирилловскому монастырю. Между ними есть грамоты на одно село, на одну пустошь, только что княземъ пожалованную монастырю и еще не имѣющую населенія. Тутъ и мотивъ ясенъ, хотя и не высказанъ. Пустошь надо населить; для поощренія притока новаго населенія и дается льгота отъ повинностей. Но если льгота дается поименно извѣстнымъ участкамъ земли, то отсюда слѣдуетъ, что у Кириллова монастыря не было общей льготы, и въ Можайскомъ удѣлѣ могли быть у него и нельготныя имѣнія. Кто-нибудь отказалъ монастырю имѣніе по душѣ или монастырь купилъ у кого-нибудь имѣніе; это будутъ не льготныя имѣнія, ибо у монастыря нѣтъ общей льготной грамоты. Онъ можетъ получить и на эти имѣнія льготу, если князь дастъ, но пока не получить, они въ тягѣ. Наши льготныя грамоты только подтверждаютъ общее правило о тягѣ.

2. На кого простирается льгота отъ повинностей, на все населеніе селъ, деревень и пустошей или не на все? Это опять чрезвычайно различно. Есть грамоты, въ которыхъ льгота дается всѣмъ, кто „имѣтъ сидѣти“ въ извѣстной деревнѣ; а есть и такія, въ которыхъ льгота дается не наличному населенію, а только тѣмъ, кого владѣлецъ вновь призоветъ къ себѣ со стороны. Иногда число пользующихся льготой ограничивается еще условіемъ, чтобы призванные были изъ иныхъ княженій, а не изъ своего. Кромѣ этихъ призванныхъ изъ чужихъ княженій, льгота распространяется только на тѣхъ, кого

владѣльцы „окупивъ посадить“, т. е. на рабовъ. Если не будетъ ни призванныхъ изъ иныхъ княженій, ни рабовъ, льгота обращается въ пустой звукъ.

3. На какой срокъ давались льготы; были онѣ вѣчныя или нѣтъ? И на этотъ вопросъ тексты отвѣчаютъ различно. Только въ грамотѣ тверскаго князя, Бориса, нашли мы прямое указаніе на неизмѣнность пожалованья. „Дали мы эту милостыню церкви Святой Богородицы, говоритъ князь, *неподвижно*, никакимъ дѣломъ не нарушить намъ этой милости, ни нашимъ дѣтямъ, ни внучатамъ“ (А. Э. I, № 34, 1437—61). Та же мысль о неизмѣнности пожалованія въ другихъ грамотахъ выражается въ иной формѣ. Перечисленіе льготъ заканчивается иногда такой фразой: „А на которую грамоту свою грамоту дамъ, а на сию грамоту грамоты нѣтъ“. Этими словами князь обѣщаетъ не отнимать грамоты. Но преемникъ его, конечно, можетъ отнять льготу. Вотъ почему пожалованные, обыкновенно, по смерти князя-жалователя, просятъ его преемника переписать пожалованную грамоту на свое имя, т. е. вновь пожаловать.

Но есть грамоты, въ которыхъ время льготы прямо опредѣлено. Льгота дается на 3, на 5, на 10, на 15 лѣтъ, по истеченіи которыхъ пожалованный вступаетъ снова въ тягло. Если льгота дается всѣмъ вносъ перезываемымъ, откуда бы они ни пришли, то срокъ опредѣляется, обыкновенно, различно: для перезываемыхъ изъ своего княженія онъ короче, для перезываемыхъ изъ чужихъ княженій онъ длиннѣе. Если для своихъ 3, для чужихъ 10 лѣтъ; для своихъ 5, для чужихъ 10 или 15 лѣтъ. Въ этихъ случаяхъ, если только удастся перезвать изъ чужихъ княженій, льгота оказываетъ пользу не только льготнику, но и мѣстному князю. Давая льготы, князья не забываютъ и себя.

4. Какія же льготы даются пожалованнымъ? Въ этомъ пунктѣ встрѣчаемся уже съ совершенно безконечнымъ разнообразіемъ. Есть не мало грамотъ, въ которыхъ пожалованный освобождается отъ всякихъ даной, кормовъ и сборовъ судныхъ мужей; но также имѣемъ не мало грамотъ и такихъ, въ которыхъ пожалованный освобождается только отъ нѣкоторыхъ сборовъ или, освобождаясь отъ всякихъ даней, обязывается дѣлать въ казну нѣкоторый взносъ деньгами. Приведемъ нѣсколько примѣровъ неполныхъ льготъ.

Нижегородской князь въ 1410 году освободилъ Благовѣщенскій монастырь отъ многихъ сборовъ, въ грамотѣ перечисленныхъ, но передъ этимъ перечисленіемъ дѣлаетъ такую оговорку: „коли придетъ

моя дань (татарская), игуменъ заплатить за нихъ (за монастырскихъ людей) по силѣ“. Два углицкихъ князя освободили села и деревни Троицы-Сергіева монастыря отъ всякихъ даней, но обязали монастырь платить въ свою казну ежегодный оброкъ, одинъ князь на Рождество Христово, другой на Юрьевъ день весенній и осенній. Тверской великій князь Борисъ пожаловалъ игумену Срътенскаго монастыря, освободилъ отъ всякихъ даней, но въ концѣ грамоты прибавилъ: „а придетъ моя дань великаго князя неминуемая, и игумена сберетъ сама дань съ тѣхъ людей, да пришлетъ къ моей казнѣ“. Игумена соберетъ сама,—это потому, что она не только освобождена отъ вѣзда княжескихъ чиновниковъ, но сотскимъ и старостамъ запрещено „наряжать ея людей“. Итакъ, повѣздъ княжескихъ чиновниковъ не устраняетъ еще зависимости льготнаго имѣнія отъ князя непосредственно. Въ 1507 году великій князь Василій Ивановичъ пожаловалъ игумена Валаамскаго монастыря, велѣлъ своимъ новгородскимъ намѣстникамъ не брать съ крестьянъ монастырскихъ своихъ кормовъ, а также ихъ тѣнамъ и людямъ поборовъ своихъ не брать. Всѣ остальные повинности остались на монастырскихъ крестьянахъ. А въ 1517 году онъ освободилъ отъ многихъ перечисленныхъ въ грамотѣ пошлинъ села и деревни Троицы-Сергіева монастыря, „опричь яму и посошныя службы“. Въ Каширскомъ уѣздѣ, въ Ростовскомъ стану, положены церковныя земли въ сошное письмо для одного городского дѣла, а отъ остальныхъ повинностей освобождены. Эта льгота сдѣлана попомъ и причетникамъ церковнымъ „въ руги мѣсто“. То же и въ XVII вѣкѣ. Въ 1608 году Воскресенскому монастырю въ Соли Галицкой дана свобода отъ четвертныхъ оброчныхъ денегъ и пошлинъ за намѣстничъ доходъ, а всякія другія подати велѣно платить, какъ и иныя монастырскія вотчины платить. Въ 1623 году государь пожаловалъ новгородскаго митрополита, освободивъ его вотчины отъ всякихъ податей, „опричь ямскихъ денегъ, стрѣleckихъ хлѣбныхъ запасовъ, городского и острожнаго дѣла“. Въ 1637 году восстановлено дѣйствіе жалованной въ 1622 году грамоты Тихвинскому Успенскому монастырю, по которой онъ былъ освобожденъ отъ подможныхъ денегъ ямскимъ охотникамъ, но на условіи, если будетъ держать свой ямъ на 5 дорогъ ¹⁾.

Итакъ, освобожденіе отъ всякихъ даней или только отъ нѣкото-

¹⁾ А. Д. I № 17, 19, 28, 35, 164; II 85; III № 139, 267; А. Н. I № 100; Писц. кл. XVI вѣка II ст. 1431; Рус. Ист. Библ. II № 256;—1510—1637.

рыхъ, условно (за плату оброка, напимѣръ) или безусловно—существуетъ рядомъ и встрѣчается съ древнѣйшихъ временъ и по XVII вѣкъ включительно.

И этимъ еще не исчерпывается все разнообразіе содержанія жалованныхъ на льготы грамотъ. Обыкновенно въ такихъ грамотахъ освобожденіе отъ пошлинъ соединяется съ освобожденіемъ отъ суда княжескихъ чиновниковъ, но въ довольно ограниченныхъ размѣрахъ: за княжескими чиновниками, въ большинствѣ случаевъ, остается судъ по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ:—разбоямъ и убійствамъ, а не рѣдко за ними оставляютъ и кражу съ поличнымъ. Но есть грамоты, въ которыхъ дѣлается только освобожденіе отъ суда и никакого отъ пошлинъ ¹⁾; и наоборотъ есть грамоты съ освобожденіемъ отъ однихъ пошлинъ ²⁾; о нихъ рѣчь будетъ ниже.

5. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ грамотахъ встрѣчаемъ приведенное уже условіе: „А у кого будутъ, у нашихъ намѣстниковъ и волостелей, на грамотники грамоты, а на сю мою грамоту грамоты нѣтъ ³⁾. Такого рода приписки встрѣчаются въ грамотахъ XV и XVI вѣковъ, но чѣмъ ближе къ XVII, тѣмъ рѣже. Приведенная приписка имѣетъ такой смыслъ: эта грамота должна имѣть силу даже и въ томъ случаѣ, когда будетъ предписано сдѣлать сборъ съ грамотниковъ, а другіе—теряютъ въ этихъ случаяхъ свою силу. Итакъ, данныя льготы

¹⁾ Для примѣра А. Э. I № 124, 139, 141, 149, 159, 160, 162, 166 и др. Кажется, сюда же надо отнести и одну изъ древнѣйшихъ грамотъ, напечатанную въ Рус. Ист. Библ. II № 15, 1397—432.

²⁾ Вотъ образецъ такой односторонней жалованной грамоты: „Пожаловали семя Новгородскаго уѣзда... мона Кр. Герасимова и сына его, Исака, въ новгородскомъ уѣздѣ... дворцовую волостку... въ вотчину со крестьяны и съ рыбными ловлями и со всякими угодами для того: какъ при Борисѣ Годуновѣ, при его самохотной державѣ, злокозненнымъ его умысломъ, мать наша, Великая Государыня старица царица Марфа Ивановна, была сослана въ Новгородскій уѣздъ... въ заточенье, и тотъ цонъ Кримолай, намяту Бога и свою душу,... матери нашей... служилъ и прявилъ и добродетельствовалъ во всемъ... и за то радѣніе и службу пожаловали семя твое волостку въ вотчину... и съ твое волостки... данн денежныи и хлѣбныи и ямскіи и ни къ какому дѣлу посохи, ни ямщичи, ни иные ни какіи размыты, и посланникамъ нашимъ... въ твое волостку въѣзжати не велѣли, и бояромъ нашимъ, и околышчимъ, и воеводамъ, и дьякамъ, и всякимъ приказнымъ людямъ — съ твое волостки, съ ихъ вотчины, нашихъ никакихъ податей не имати“. А. Э. III № 151; 1628.

³⁾ А. Э. I. № 164, 1517. Въ одной изъ древнѣйшихъ жалованныхъ грамотъ это правило выражено такъ: „А хоти коли повелѣмъ имати на тѣхъ, у кого будутъ грамоты наши жалованныи, на монастырскихъ людехъ ни тогда никто не смѣи ничего по сей нашей грамотѣ“. Это еще исѣтъ. А. Э. I № 5, 1361.

подлежать отмѣнѣ, когда князь найдетъ это нужнымъ, за исклю-
ченіемъ только тѣхъ грамотниковъ, относительно которыхъ сдѣлана
особая оговорка. Что льготники дѣйствительно платили, это видно
изъ тѣхъ грамотъ XV, XVI и XVII вѣковъ, которыя мы привели
выше.

Таково наше льготное право. Предоставленіе льготъ духовнымъ
учрежденіямъ имѣло значеніе благочестиваго подвига и должно было
войти въ практику въ очень глубокой древности. Первый христіанскій
князь, устроивъ основанную имъ епископію, не даетъ ей никакихъ льготъ,
а обезпечиваетъ ея содержаніе изъ собственныхъ своихъ доходовъ.
Это очень понятно. Только что основанная епископія не имѣла ни
вотчинъ, ни жалованныхъ земель; но какъ скоро онъ стали скопляться
въ рукахъ церкви, князья стали давать и льготы для увеличенія цер-
ковныхъ доходовъ. Древнѣйшая изъ дошедшихъ до насъ жалованныхъ
грамотъ соединяетъ въ себѣ пожалованіе монастырю рязанскимъ кня-
земъ и его боярами сель и борговыхъ земель и предоставленіе ему
льготъ отъ суда и даней. Такое же соединенное жалованье земель и
льготъ встрѣчается и въ послѣдующее время. Очень можно допустить,
что пожалованіе льготъ не всегда обуславливалось челобитными жа-
луемыхъ лицъ и учреждений, а нерѣдко исходило и отъ благочестивой
иниціативы самихъ князей. Но, конечно, въ большинствѣ случаевъ
челобитье предшествовало пожалованію.

Политическое значеніе такихъ пожалованій у насъ иногда излишне
преувеличивается. Несомнѣнно, что предоставленіе указанныхъ льготъ
остъ уступка княземъ нѣкоторой части своихъ державныхъ правъ; но
сдѣла ли справедливо утверждать, что льготная вотчина становилась
государствомъ въ государствѣ, а вотчинникъ какъ бы княземъ. Это
можно еще утверждать относительно тѣхъ пожалованныхъ, которымъ
предоставлялся судъ во всѣхъ дѣлахъ и свобода отъ всѣхъ податей
и которые освобождались отъ дѣйствія новыхъ грамотъ. Но такихъ
льготниковъ надо еще поискать; намъ не встрѣтился ни одинъ. Наибо-
лѣе полное опредѣленіе льготъ находимъ въ грамотѣ Феодора Ивало-
вича митрополиту Діонисію на слободку Святославлію. Эта грамота
возобновлялась потомъ всѣми послѣдующими государями до Алексѣя
Михайловича включительно. Начало этимъ льготамъ положилъ еще
великій князь Василій Дмитріевичъ, вымѣнившій у митрополита Кип-
ріана городъ Алексинъ на слободку Святославлію. Тутъ было особое
основаніе для княжеской милости. Митрополитъ уступилъ князю свой
городъ Алексинъ, а взаменъ получилъ отъ него слободку, и вотъ

при такомъ обмѣнѣ митрополиту и дана была такая полнота льготъ, которая рѣдко встрѣчается. Тутъ было, значитъ, особое основаніе для значительныхъ льготъ, и тѣмъ не менѣе жалованная грамота не содержитъ въ себѣ приписки: а на сию грамоту—грамоты нѣтъ. А отсюда слѣдуетъ, что слободка Святославлѣ могла быть облагаема повинностями. Отъ Василія Дмитріевича, вымѣниваемаго у митрополита Кипріяна городъ Алексинъ, имѣемъ весьма важный документъ, въ которомъ изложены права митрополита Кипріяна по владѣнію недвижимостями. Этотъ документъ издатели относятъ къ концу XIV вѣка или къ самому началу XV. Митрополиту принадлежалъ тогда городъ Лухъ, церковныя села и Константиновскій монастырь, извѣстный митрополичій, тоже съ селами. Митрополиту были предоставлены судебныя права и льготы отъ повинностей. Судебныя права безъ ограниченій, но если кто будетъ недоволенъ митрополичьимъ намѣстникомъ или волостелемъ и будетъ бить на него челомъ, великій князь самъ его будетъ судить. Судьи митрополита подлежатъ, такимъ образомъ, отвѣтственности передъ княземъ. И это еще не все. Изъ монастырскихъ селъ отъ суда княжескихъ чиновниковъ освобождены только *пошлыя* села, т. е. старинныя, уже состоящія за монастыремъ, а не вновь *пріобрѣтаемыя*. Эти послѣднія состоятъ подъ общимъ судомъ. Льгота отъ повинностей тоже неполная. И Лухъ и церковныя села даютъ дань въ татарскій выходъ; а церковныя села, кромѣ того, и имъ. Въ случаѣ войны митрополичьи бояре и слуги должны помогать великому князю. Они выступаютъ подъ начальствомъ митрополичьего воеводы, но подъ стягомъ великаго князя. Въ этомъ же документѣ находимъ такую любопытную справку: „А что Луховцы ставливали хоромы на князя великаго дворѣ въ Володимерѣ, ино то обыскано, что то было учинилося ново, не по пошлымъ, а нынѣша непадобѣ луховцамъ ставити хоромовъ на вел. князя дворѣ“ (А. Э. I № 9). О натуральныхъ повинностяхъ луховцевъ была сдѣлана справка, при чемъ оказалось, что поставка княжаго двора—новость. А другія натуральныя повинности? Думаемъ, что другія, пошлыя, могли удержаться, такъ какъ о нихъ не сдѣлано оговорки. Итакъ, въ концѣ XIV вѣка даже владѣнія митрополита не представляли государства въ государствѣ, что же сказать о болѣе мелкихъ людяхъ и о льготахъ по суду и по повинностямъ еще болѣе ограниченныхъ? А были грамоты, которыми льготъ отъ повинностей и вовсе не предоставлялось. Такихъ ограниченныхъ въ какомъ-либо отношеніи пожалованій большинство. Какая судебная власть этихъ ограниченныхъ льготчи-

ковъ? Въ уголовныхъ дѣлахъ—кражи безъ поличнаго и всякаго рода обиды дѣйствіемъ и словомъ, а въ гражданскихъ—споры собственныхъ крестьянъ. А какіе у нихъ гражданскіе споры? Вотъ и все. Здѣсь очень далеко „отъ государства въ государствѣ и какъ бы княжеской власти“¹⁾. Мы имѣемъ даже случаи пожалованія льготъ, при которыхъ князь опредѣляетъ, сколько пожалованный долженъ получать дохода съ своихъ крестьянъ. Въ грамотѣ звенигородскаго князя игумену Старожевскаго монастыря читаемъ: „Чтобы еси на монастырскихъ селѣхъ ималъ: на Рождество Христово, *за дань и за все поимлины*, съ десятины по пяти алтынъ, да по десяти гривенъ масла, да по два сыра, да по овчинѣ“ и т. д. (А. И. № 100; 1490). Князь освободилъ монастырскія села отъ своихъ даней и поимлины, но не отъ своей власти. Какое же это государство въ государствѣ?

Около года тому назадъ было высказано совершенно новое мнѣніе о нашихъ льготныхъ владѣніяхъ. Они были отпесены къ разряду „тѣхъ институтовъ, которые въ своей совокупности образуютъ систему

¹⁾ Въ грамотахъ XV вѣка, напечатанныхъ г. Юшковымъ во II томѣ Чтеній за 1898 годъ, есть 13 льготныхъ грамотъ, данныхъ разными князьями ихъ волевыми слугамъ. Въ числѣ этихъ 13 грамотъ—10 даны на опредѣленный срокъ, очень различный: есть льготы на 2 года, на 3, самое большое—на 10 лѣтъ; такой срокъ встрѣчается въ одной только грамотѣ и относится къ крестьянамъ, которыхъ пожалованный призываетъ изъ своихъ княженій (№№ 4, 7, 8, 10, 11, 14, 15, 26, 27 и 40). Вслучае льготъ отъ повинностей даны только тремъ лицамъ (№№ 23, 31 и 42). Условіе о томъ, что „на сию грамоту грамоты лѣтъ“, встрѣчается только въ одной грамотѣ, № 10. Наши князья давали своимъ волевымъ слугамъ льготы отъ повинностей, но нельзя сказать, чтобы они были въ этомъ отношеніи очень расточительны. Продолжительные сроки въ 5, 6, 7, 10 лѣтъ даются крестьянамъ, которыхъ пожалованный призываетъ изъ своихъ княженій. Это населеніе, котораго еще лѣтъ. Такихъ крестьянъ надо еще удержать переманить къ себѣ. Эта льгота равно ничего не стоитъ князю. А если крестьяне изъ своихъ княженій придутъ, они приносятъ князю доходъ по истеченіи льготы. Это выгодно для самого князя льгота.

Въ жалованныхъ волевымъ слугамъ грамотахъ, въ которыхъ дается свобода отъ суда княжескихъ чиновниковъ, князья предоставляютъ иногда недовольнымъ судомъ пожалованнаго или его прикащика бить на нихъ челомъ князю: „А кому будетъ чего нескати на самомъ (пожалованномъ) или его прикащикѣ, ихъ сужу ятъ князь таковой-то или бояринъ мой введеный“ (А. О. I № 120 и 132; А. до Ю. В. № 31, XX). Судъ пожалованнаго стоитъ подъ контролемъ князя. Пожалованный превращается въ княжескаго чиновника, а не становится самъ „какъ бы княземъ“.

Въ актахъ Юшкова есть двѣ льготныя грамоты, въ которыхъ рѣчь идетъ о льготахъ до урочныхъ лѣтъ, но самый срокъ этихъ урочныхъ лѣтъ не указанъ (№ 15 и 27). Трудно думать, чтобы былъ общій срокъ льготъ; это несправность редакціи грамоты. Грамота подъ № 27 особенно несправна.

феодализма". Почтенный авторъ, высказавшій это мнѣніе, перечисляетъ институты, образующіе систему русскаго феодализма. Вотъ они: 1) патронатъ-закладничество; 2) служба бояръ и вольныхъ слугъ, ни чѣмъ не отличающаяся отъ вассалитета; 3) боярское вотчинное землевладѣніе удѣльной Руси, заключающее въ себѣ всѣ основныя черты леннаго (феодальнаго) землевладѣнія; 4) институтъ иммунитета, т. е. судебныя и податныя льготы; 5) раздѣленіе суверенныхъ правъ между крупными землевладѣльцами удѣльной Руси, какъ и на западѣ. На основаніи подробнаго анализа этихъ институтовъ и сравненія ихъ съ соотвѣствующими институтами феодализма, онъ „выясняетъ тожество основныхъ учреждений удѣльной Руси и феодальнаго запада". Давно и не разъ, но безъ особаго успѣха высказывавшіяся мнѣнія о феодализмѣ въ древней Руси возродились снова. Виповникъ этого возрожденія исполненъ самыхъ лучшихъ надеждъ. Одинъ изъ своихъ трудовъ онъ начинаетъ такимъ заявленіемъ: „Мой первый опытъ сравнительнаго изученія русскаго и германскаго государственнаго строя среднихъ вѣковъ, закладничество-патронатъ, былъ встрѣченъ сочувственно критиками и рецензентами. Доказательства существованія въ удѣльной Руси патроната подъ именемъ закладничества показали довольно убѣдительными, а г. Рожковъ имѣлъ даже смѣлость заявить, что считаетъ основное положеніе моей статьи вполне доказаннымъ" ¹⁾. Не удивляемся „смѣлости" г. Рожкова, но не можемъ за нимъ слѣдовать. Мы уже имѣли случай высказаться противъ „закладничества-патроната", а теперь должны высказаться и противъ „феодальныхъ отношеній въ удѣльной Руси". Вопросъ о феодализмѣ обнимаетъ очень много предметовъ; онъ касается не только службныхъ отношеній, но и поземельныхъ; мы же въ настоящей статьѣ говоримъ только о землевладѣніи и при томъ о землевладѣніи вообще, о землевладѣніи же служиломъ рѣчь будетъ далеко впереди. Мы не считаемъ удобнымъ выходить изъ границъ нашего труда и разбирать феодальныя отношенія во всемъ объемѣ ихъ содержанія; мы остановимся только на двухъ институтахъ, относимыхъ авторомъ къ феодализму: на патронатѣ-закладничествѣ, о чемъ была уже рѣчь на страницахъ настоящаго изданія ²⁾, и на иммунитетахъ, которыхъ намъ

¹⁾ Н. П. Павловъ-Сильвинскій, Феодальныя отношенія удѣльной Руси, 55 сл., 66; Иммуитетъ въ удѣльной Руси, 2.

²⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1901 г., № 9.

пришлось коснуться въ настоящемъ трудѣ. Пункты же 2, 3 и 5 отложимъ до будущаго, которое въ рукахъ Господней.

Закладничество-патронатъ, говоритъ авторъ, есть институтъ, входящій въ систему феодализма. Неужели это вѣрно? Мы возражали противъ сближенія нашего закладничества съ тѣмъ, что Фюстель-де-Куланжъ разумѣетъ подъ институтомъ патроната; но допустимъ, что это одно и то же, и спросимъ, развѣ патронатъ, о которомъ говоритъ Фюстель-де-Куланжъ, а за нимъ и нашъ авторъ, входитъ въ учрежденіе феодализма? Что такое феодальная система, это довольно извѣстно. И понятно почему. Существуетъ множество памятниковъ, въ которыхъ сведены положенія феодальнаго права. Спорно и неясно только возникновеніе этой системы, ея исторія. Патронатъ, о которомъ идетъ рѣчь, есть учрежденіе, предшествующее появленію на свѣтъ феодальной системы, но вовсе не входящее въ систему феодальныхъ правъ. Съ этой точки зрѣнія патронатъ изучается и Фюстель де-Куланжемъ и другими учеными, а не какъ явленіе феодальнаго строя. Чтобы выяснитъ исторію возникновенія феодальной системы, западные ученые съ величайшимъ вниманіемъ останавливаются на всѣхъ явленіяхъ предшествующей исторіи, имѣющихъ хотя бы самое отдаленное сродство съ явленіями феодализма. Въ вассалахъ IX вѣка они усматриваютъ тѣхъ товарищей (*comites, comitatus*) военныхъ предводителей (*duces*), о которыхъ говорятъ Тацитъ; сеньоръ (*senior*), терминъ того же времени, переноситъ ихъ вниманіе въ исторію древняго Рима, къ самому основанію римскаго сената; говоря о германскихъ бенефиціяхъ, они вспоминаютъ римскихъ солдатъ (*beneficiarii*), тоже получавшихъ земли, которыя назывались бенефиціями. Эти историческія сближенія имѣютъ полную цѣну, ибо выясняютъ всѣ факты, предшествовавшіе возникновенію феодализма. Но феодальная система возникла никакъ не ранѣе конца X и начала XI вѣка, а потому никто и не видитъ „институтовъ, образующихъ систему феодализма“, въ тѣхъ явленіяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь у Цезаря, Тацита, Григорія Турскаго, въ варварскихъ законахъ (*leges barbarorum*), канитуларіяхъ Карла Великаго и другихъ памятникахъ времени, предшествовавшаго феодализму. Если бы почтенный авторъ и доказалъ, что наше закладничество есть то же, что патронатъ, опъ этимъ еще не доказалъ бы наличности феодализма въ удѣльной Руси.

То же надо сказать и объ иммунитетсахъ или льготныхъ владѣніяхъ. Что наши льготныя владѣнія и западные иммунитеты суть учрежденія однородныя, это давно извѣстно. Мы видѣли студенческія лекціи

еще прошлаго вѣка, въ которыхъ наші льготы владѣнія назывались иммунитетами. Но входятъ ли иммунитеты въ систему феодальныхъ учрежденій? Ни однимъ волоскомъ. Что такое иммунитетъ? Это освобожденіе отъ суда королевскихъ чиновниковъ и отъ дани, слѣдуемыхъ королю, жалуемое королемъ. Иммунитеты, слѣдовательно, предполагаютъ дѣйствіе королевской власти на всѣхъ подданныхъ, которые платятъ ей повинности и состоятъ подъ судомъ ея чиновниковъ. Въ періодъ феодализма были ли у королей такіе подданные? Такіе подданные у королей были только въ предѣлахъ королевскихъ доменовъ, а не во всемъ государствѣ. Государственный суверенитетъ былъ тогда подѣленъ между королемъ и его вассалами. Королю не шло никакихъ доходовъ съ земель его вассаловъ; судъ же не составлялъ права одного короля, а дѣлился между нимъ и герцогами, графами, виконтами, епископами, и мелкими феодалами, которые, однако, не были его чиновниками и не были имъ пожалованы правомъ суда и податей. Они узурпировали это право. Король при феодализмѣ не до того было, чтобы жаловать кому-нибудь льготы. Наоборотъ, задача политики королевской состояла тогда въ ограниченіи тѣхъ правъ, которыя захватили въ свои руки феодалы въ періодъ упадка королевской власти. Отношеніе феодаловъ и льготниковъ къ королевской власти ничего не имѣетъ между собой общаго. Пожалованіе льготъ есть милость и ни къ чему не обязываетъ жалующаго. Если это духовное учрежденіе, пожалованіе дѣлается ради имени Господа и спасенія души жалователя; если это свѣтское лицо, оно жалуется за какія либо оказанныя имъ заслуги. Феодалы, наоборотъ, состоятъ въ обязательственныхъ отношеніяхъ къ своему непосредственному сюзерену: они обязаны оказывать ему военную помощь; они его слуги на основаніи феодальнаго контракта, а льготникъ можетъ быть освобожденъ и отъ военной повинности. Феодалы дѣлаютъ своему сюзерену въ извѣстныхъ случаяхъ и денежныя пособія, а льготникъ освобождается отъ всякихъ повинностей. Итакъ, иммунитетное право совершенно не укладывается въ рамки феодальной системы. Какое же ихъ отношеніе? Это отношеніе предшествующаго къ послѣдующему. Иммунитеты существуютъ уже при Меровингахъ. Привилегіи, которыя давались льготникамъ, предварили тѣ права, которыя узурпировали феодалы. Тутъ есть несомнѣнная историческая связь; но иммунитеты не входятъ въ систему феодализма, они не составляютъ „учрежденія феодальной системы“.

Итакъ, патронатъ, иммунитеты и многое другое, о чемъ говоритъ

почтенный авторъ, напимѣръ, институтъ коммѣндаціи и мундсбурдія, все это явленія, предшествоующія феодализму, а не самый феодализмъ. Авторъ разбираемаго нами мнѣнія не говоритъ, однако, о самомъ главномъ предвѣстникѣ феодализма—о послѣдственности должностей. Почему это? Недоумѣваемъ. Этотъ предвѣстникъ былъ вѣдь и у насъ, хотя въ очень слабой степени, на что давно было указано. У насъ, слѣдовательно, были, по крайпей мѣрѣ, два предвѣстника феодализма: иммунитеты и послѣдственность должностей; но послѣдній въ такихъ минимальныхъ дозахъ, что и самъ сторонникъ феодализма въ удѣльной Руси ихъ не замѣтилъ. Предвѣстники были, а былъ феодализмъ? Почтенный авторъ утверждаетъ, что былъ. „Выясняя тожество основныхъ учрежденій удѣльной Руси и феодальнаго запада, я отмѣтилъ, говоритъ онъ, въ своемъ мѣстѣ и нѣкоторыя черты различія“. Итакъ, феодализмъ у насъ былъ; удѣльная Русь представляетъ тожество съ феодальными учрежденіями запада. И время сходится. На западѣ полный цвѣтъ феодализма наблюдается съ конца X и начала XI в. до XIV; у насъ, по словамъ Н. Н. Павлова-Сильванскаго, съ XII и до XV. Если принять мнѣніе автора, получится картина совершенно непонятнаго рисунка. Мы должны признать положеніе, выработанное западной наукой, о томъ, что возникновеніе феодализма обусловлено нѣкоторыми предшествующими явленіями. На западѣ ихъ довольно много. Это будутъ: патронатъ, сеніоратъ, вассалитетъ, коммѣндація, иммунитетъ, послѣдственность должностей и пр. У насъ, по утвержденію автора, феодализмъ проявился въ закладничествѣ и иммунитетахъ (мы теперь воздерживаемся отъ разбора его остальныхъ признаковъ феодализма). На западѣ всѣ предвѣстники феодализма, съ появленіемъ его на свѣтъ Божій, были имъ переработаны и въ древней своей формѣ не удержались. Это совершенно естественно и понятно и иначе быть не могло. А у насъ? Совершенно наоборотъ, никакого перерожденія не совершилось. Иммунитеты существуютъ въ XV, XVI и XVII вѣкѣ, закладничество тоже проходитъ чрезъ всю древнюю исторію, до самого Петра. Какъ же это? Явленія, признанныя западной наукой предшествующими, у насъ оказываются и предшествоующими и сопутствующими и послѣдующими! Другіе факты также представляютъ необычайную для феодализма картину. Всеобщая воинская повинность, которая существовала при Меровингахъ, Карлѣ Великомъ и его ближайшихъ преемникахъ, въ феодальную эпоху совершенно перерождается; то же надо сказать и о податной повинности. А у насъ? Всеобщая воинская и податная повинность существуетъ

въ удѣльное время, несмотря на феодализмъ; иммунитеты продолжаютъ существовать до XVII вѣка включительно. Все это никакъ не укладывается въ гипотезу о господствѣ феодализма въ удѣльной Руси. Такихъ непримиримыхъ съ гипотезой о господствѣ у насъ феодализма фактовъ чрезвычайно много. Приведемъ еще два. Въ эпоху феодализма королю не принадлежалъ судъ во всемъ королевствѣ. А у насъ пространная Русская Правда, по автору, памятникъ эпохи полного развитія у насъ феодализма, знаетъ только княжескій судъ. Двинская уставная грамота 1387 года, то же время феодализма, дана на имя двинскихъ бояръ и всѣхъ черныхъ людей. Въ грамотѣ говорится, что бояре также, какъ и черные люди, подлежатъ суду государева намѣстника и будутъ судиться имъ на основаніи однихъ и тѣхъ же правилъ. Какъ это согласить съ утвержденіемъ автора о томъ, что наши бояре удѣльнаго времени то же, что западные феодалы? Возможна такая грамота феодальнымъ герцогамъ, графамъ, виконтамъ и баронамъ? Рисунокъ русскаго феодализма у автора очень смутенъ. Феодализмъ на западѣ произвелъ такое глубокое перорожденіе всего общественнаго быта, слѣды котораго сохранились чуть не до нашихъ дней; русскій же феодализмъ не оставилъ по себѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ, а предшествовавшія ему явленія, иммунитеты и излюбленные авторомъ закладчики, сохранились до XVII вѣка! Картина совсѣмъ несообразная съ обыкновеннымъ ходомъ исторіи. Всѣ эти неясности и несообразности легко исчезнуть и прояснятся, если мы отбросимъ гипотезу о феодализмѣ удѣльной Руси и скажемъ: у насъ были нѣкоторые предвѣстники феодализма, но очень слабые; феодализма же не развилось, а потому предвѣстники прошли чрезъ всю нашу исторію и живы еще въ XVII вѣкѣ. Такое заключеніе будетъ совершенно соответствовать наблюдаемой послѣдовательности фактовъ нашей исторіи. Предшествовавшія феодализму были у насъ слишкомъ слабы, чтобы произвести тѣ же послѣдствія, какія произошли на западѣ, а центральная власть въ нашихъ княжествахъ никогда не падала такъ низко, какъ она упала въ государствахъ, образовавшихся на развалинахъ имперіи Карла Великаго. Изъ всѣхъ предшествовавшихъ у насъ значительнаго развитія достигали одни иммунитеты; но мы видѣли, какъ они были разнообразны и до какого минимума доходили: всѣ пожалованныя права ограничивались иногда предоставленіемъ льготнику права суда надъ принятыми крестьянами и то за исключеніемъ важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ; а въ повиновенияхъ онъ не пользовался никакими льготами. Важнѣйшее предшествовавшее, раз-

ложившее имперію Карла Великаго на отдѣльныя, почти независимыя части, наследственность должностей герцоговъ, графовъ, виконтовъ и т. д.,—у насъ не имѣло ни малѣйшаго значенія.

Посмотря на весь трудъ, потраченный авторомъ феодальныхъ отношеній въ удѣльной Руси, на все сочувствіе къ нему г.г. критиковъ и рецензентовъ и даже на всю „смѣлость“ г. Рожкова, теченіе русской исторіи остается въ своемъ прежнемъ руслѣ. О его боярахъ—русскихъ феодалахъ и ихъ вотчинахъ—русскихъ феодахъ мы будемъ говорить при первомъ удобномъ случаѣ; тождество нашей вольной службы со службой феодаловъ и боярскихъ вотчинъ съ феодами такоо же крупное недоразумѣніе, какъ и причисленіе патроната и иммунитетовъ къ системѣ феодальныхъ учрежденій. Возвращаемся на прежнее.

Нани жалованныя на льготы грамоты порождаютъ массу исключеній изъ общей обязанности нести государственныя повинности, по чрезвычайно разнообразныхъ: одни пожалованія освобождаютъ отъ всякихъ податей, другія только отъ нѣкоторыхъ, одни безсрочно, другія только на опредѣленный срокъ, въ однихъ случаяхъ освобождаются все населеніе села и деревни, въ другихъ только пришлое и т. д. Въ связи съ этими льготами стоитъ различіе бѣлыхъ и черныхъ земель и дворовъ, бѣлыхъ и черныхъ людей. Что же это за различіе?

Начнемъ со свидѣтельства памятниковъ, болѣе простыхъ и совершенно ясныхъ.

Въ описаніи городовъ XVI вѣка бѣлыми называются дворы осадные, дворы пушкарей, царскихъ кузнецовъ, кирпичниковъ и пр. Мы уже знаемъ, что городскіе дворы всякихъ служилыхъ людей повинностями не облагались, а потому они и назывались бѣлыми въ противоположность дворамъ, на которыхъ лежали повинности; эти послѣдніе назывались тяглыми, черными.

По милости князя всякій человѣкъ и всякое владѣніе могло получить свободу отъ повинностей, а потому всякій человѣкъ и всякое владѣніе могли сдѣлаться бѣлыми. Это достигалось путемъ пожалованія податныхъ льготъ. Иногда все пожалованіе состояло только въ освобожденіи отъ повинностей. Такимъ жалованнымъ грамотамъ усвоилось и особое наименованіе обѣльныхъ грамотъ, но не всегда; а актъ освобожденія назывался обѣленіемъ. Князь предписывалъ „обѣлить деревни, всякія подати сложить и изъ оклада выложить“ ¹⁾. Итакъ,

¹⁾ Л. И. III № 149; 1627.

объленіе есть спеціальное пожалованіе льготъ отъ податей; подсудность же княжескимъ чиповникамъ остается въ полной неприкосновенности. Но и это спеціальное пожалованіе по объему льготы тоже было очень различно. Иногда жаловалась полная свобода отъ всѣхъ податей, иногда только отъ нѣкоторыхъ. Новгородскій митрополитъ Макарій въ 1623 году получилъ подтвержденіе прежнихъ жалованныхъ грамотъ съ 1599 года. Въ этомъ подтвержденіи находимъ, во 1-хъ, жалованную грамоту съ освобожденіемъ отъ суда, за исключеніемъ душогубства, разбоя и татбы съ поличнымъ, и отъ даной за исключеніемъ ямскихъ денегъ, стрѣлецкихъ хлѣбныхъ запасовъ, городского и острожного дѣла; и, во 2-хъ, объльную грамоту, но только на 20 обжахъ софійской пашни. На эти 20 обжахъ въ 1599 году онъ получилъ объльную грамоту съ освобожденіемъ отъ всѣхъ податей. Это пожалованіе и теперь подтверждено. Здѣсь полное объленіе. А въ 1550 году игумену Троицы-Сергіева монастыря была дана объльная грамота на городской дворъ въ Москвѣ, но объленіе было неполное; монастырь долженъ былъ мосты мостить и сторожей къ рѣшеткамъ выставлять ¹⁾).

Итакъ, объленіе можетъ быть полное и неполное. Въ послѣднемъ случаѣ пѣтъ полного противоположенія бѣлыхъ—земель, дворовъ, людей—чернымъ. Бѣлые тоже въ тяглѣ, но въ меньшемъ. А такъ какъ освобожденіе отъ податей дается не только объльными грамотами, но и всякими жалованными на льготы, то и эти послѣднія также производятъ объленіе. Въ этомъ смыслѣ въ Москвѣ было множество объльныхъ людей, земель и дворовъ. Московскіе памятники и перечислить ихъ всѣхъ не въ состояніи. Да и дѣйствительно это трудно сдѣлать, вѣдь жалованные грамоты давались всѣмъ, начиная патриархомъ и кончая крестьяниномъ. Вотъ для примѣра два перечисленія пестыглахъ, бѣлыхъ людей и земель. Въ 1555 году велѣно было выписать изъ писцовыхъ книгъ Холмскаго у. всѣ бѣлыя обжи и сохи: помѣщиковъ, вотчинниковъ, владыки, монастырей, церковныя, земоцкія, пятибежныя—и это еще не все, а въ концѣ прибавлено „и всѣкія бѣлыя обжи и сохи“, т. е., у кого бы онѣ ни оказались. Въ 1670 году нужно было узнать, кто въ Устюжскомъ уѣздѣ пестыглые люди купили собѣ тяглыя деревни, и угодыя послѣ писцовъ и сравнительно съ тяглыми людьми

¹⁾ А. Н. I № 164; А. Э. III № 139. Въ 1613 году были обълены всѣ монастырскія пашни Троицы-Сергіева монастыря, но только монастырскія, т. е. пашни на монастырѣ, а не крестьянскія. Беремъ это свидѣніе у г. Дьяконова, *Жур. Мин. Нар. Просв.* 1893 г., VII, стр. 211.

повинностей платять мало или и вовсе не платять. Въ спискѣ этихъ постиглыхъ, т. е. бѣлыхъ людей, паходимъ: монастыри, гостей, людей гостинной сотни, протопоповъ, поповъ, дьяконовъ, церковныхъ причетниковъ, подъячихъ съѣзжей избы, посадскихъ людей, и это опять не все, въ концѣ прибавлено „или иныхъ городовъ бѣлые, а не тяглые люди“. И лучше было бы ограничиться этою одною прибавкою, но дѣлая нѣкакого перечисленія, ибо невозможно перечислить всѣ разновидности. Крестьянъ нѣтъ ни въ томъ, ни въ другомъ перечисленіи, а были и крестьяне обѣльные; они упоминаются въ грамотѣ 1623 года о сборѣ съ Новгорода мостовыхъ денегъ. Но уже такова практика московскихъ дьяковъ; они не умѣютъ говорить языкомъ общихъ политій, а все приводятъ отдѣльные случаи. Отсюда эти безконечныя перечисленія, которыя всегда оканчиваются еще и ссылкой на иные случаи ¹⁾).

Наша старинная бѣлизна, слѣдовательно, двоякаго происхожденія. Во 1-хъ, были бѣлые городскіе дворы, которые не облагались повинностями по общему правилу, потому что не представляли промышленныхъ заведеній; во 2-хъ, были бѣлые дворы, обжи и сохи потому, что таковыми дѣлались милостью князя. Сюда относятся всѣ обѣленные дворы и сохи и всѣ льготные отъ податей по жалованнымъ грамотамъ, о чемъ рѣчь была выше ²⁾).

Обѣленіе, кажется, происходило всегда по просьбѣ обѣляемаго, но такъ же, какъ и пожалованіе, не обнимало непременно всѣхъ его владѣній. Въ 1588 году велѣно, по просьбѣ игумена Аркажскаго монастыря, обѣлить шесть обожъ отъ всѣхъ повинностей; а что сверхъ того будетъ у монастыря обожъ въ живущемъ, съ того велѣно имать всякія государены подати (А. Н. I № 222). Этимъ объясняется выше-

¹⁾ Доп. къ А. Н. I № 78; А. Э. III № 145; Рус. Ист. Библ. XII ст. 425, № 100.

²⁾ Трудно допустить, что терминъ „черные“ люди и земли въ противоположность къ бѣлымъ пошелъ отъ земель. Скорѣе надо думать, что онъ пошелъ отъ людей. Въ нашихъ памятникахъ наблюдается старинное различіе людей на большихъ и меньшихъ, богатыхъ и бѣдныхъ. Малые и бѣдные, конечно,—черные, по сравненію съ богатыми. Отъ различія людей—легкій переходъ къ различію земли и тягла. Тягло несуть всѣ. Истарп натуральное тягло можно переводить на деньги. Но это могутъ дѣлать только богатые люди. Бѣдные—отправляютъ тягло натурой. Они рубятъ лѣсъ для города и мостовъ, строятъ ограды и пр. Они сами черные и тягло ихъ черное. Но тягло не на лицѣ, а на хозяйствѣ и землѣ, отсюда и земля бѣднѣе черная.—Терминъ „бѣлый“ гораздо моложе термина черный. Онъ образовался, какъ противоположеніе къ готовому уже бытовому понятію.

приведенная грамота, которой предписывается сдѣлать для Холмскаго уѣзда выписку бѣлыхъ сохъ и обжахъ помѣщичьихъ, вотчинниковъ и другихъ владѣльцевъ. Не всѣ ихъ обжахъ и сохи бѣлыя, а только пѣкаторыя, и вотъ оказалось нужнымъ выяснитъ ихъ количество.

Мы имѣемъ грамоты, въ которыхъ предписывается съ бѣлыхъ сохъ собирать бѣлыя повинности, напимѣръ, „бѣлый кормъ“. Эти грамоты составляютъ прекрасное дополненіе къ тому, что сказано выше о положеніи льготныхъ владѣній въ Москвѣ. Льготныя владѣнія освобождены отъ повинностей и суда, но не отъ власти московскихъ князей, а потому, когда оказывается нужнымъ, правительство облагаетъ ихъ сборами. Это и есть то, что мы назвали бѣлыми повинностями и что можно еще назвать бѣлымъ тягломъ. И любознательно, это бѣлое тягло бываетъ больше чернаго. Понятно почему. Бѣлыя сохи свободны отъ обыкновеннаго тягла, а если съ нихъ приходится брать чрезвычайное, то его берутъ съ нихъ въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ съ черныхъ; все же они, сравнительно, окажутся во льготѣ. Въ 1545 году велѣно было въ Новгородѣ съ бѣлыхъ дворовъ, съ петяглыхъ, со всѣхъ, взять съ двора по ратнику, а съ черныхъ дворовъ съ 5 дворовъ по ратнику; да съ 20 дворовъ—пудъ зелья, со всѣхъ дворовъ, чей дворъ ни буди. Порохомъ обложены всѣ дворы поровну, а ратными людьми бѣлые дворы въ пять разъ тяжеле. Въ 1536 году, по уставной Опежской грамотѣ, черныя сохи были обложены кормомъ намѣстнику и его людямъ стоимостью въ 12 алтынъ 5 денегъ, а въ 1555 году съ бѣлыхъ сохъ Холмскаго уѣзда приказано было собрать бѣлаго корма по 42 алтына 4 деньги съ той же сохи; это въ три съ половиной раза больше, но это не постоянный кормъ, а тотъ постоянный ¹⁾.

Итакъ, льготныя владѣнія то призываются къ платежу повинностей наравнѣ со всѣми плательщиками, на что мы указали выше; то платятъ по особому окладу,—иногда высшему, чѣмъ обыкновенныя плательщики. Отдѣльные случаи платежа бѣлыми сохами по особому окладу и дали поводъ къ такому выраженію въ грамотахъ: „платитъ игумену Іакиму съ бѣлыми сохами выѣсть (у него была жалованная грамота) по тому жъ, какъ и съ иныхъ монастырскихъ вотчинъ наши всякія подати платятъ“ (А. Э. II 85; 1608), т. е., какъ они платятъ съ бѣлыхъ сохъ по особымъ грамотамъ, даннымъ на (жалованная)

¹⁾ А. Э. I № 181 и 205; Доп. къ А. Э. II I № 78.

грамоты. Что не всѣ монастырскія вотчины были бѣлыя, это совершенно ясно изъ предшествующаго изложенія. Но въ видѣ иллюстраціи, никогда не лишней, я приведу извлеченіе изъ переписки устюжскихъ и солвychегодскихъ монастырей. Она бросаетъ яркій свѣтъ на положеніе дѣла. Въ 1661 году въ Устюгѣ была получена грамота великаго государя, въ которой велѣно было съ монастырскихъ вотчинъ, съ пятидесяти дворовъ, взять по копному человѣку (даточному) съ записями на государеву (ратную) службу, противъ властелинскихъ и иерихонскихъ монастырскій бѣлыхъ земель. Наданъ, слѣдовательно, указъ о сборѣ конныхъ ратниковъ съ бѣлыхъ сохъ и прислать къ исполненію въ устюжскіе монастыри. Что же оказалось? Оказалось, что устюжскіе монастыри бѣлыхъ сохъ вовсе не имѣютъ, у нихъ всѣ земли черныя и они всѣмъ государевы подати платятъ съ черными крестьянами припадъ, а въ прошломъ 1658 году съ нихъ взято въ солдаты съ четырехъ дворовъ по человѣку. Въ 1678 году то же случилось съ полтинными деньгами на жалованье ратнымъ людямъ. Вотъ какъ въ Москвѣ плохо знали, гдѣ есть бѣлыя сохи, и какъ необходимы были выписи въ родѣ тѣхъ, которую въ 1555 году приказано было составить для Холмскаго уѣзда. А черныхъ монастырей, которые тянули тягло съ черными людьми, въ Холмогорской и Устюжской епархіи было много. Вотъ они: Архангельскій, Троицкій съ Гледени, Ивановскій, Никольскій-Прилуцкій, Толгскій, Соловецкая пустынь, Никольской-Коряжскій, Винодольскій, Ратмировскій; девять монастырей, въ которыхъ бѣлыхъ сохъ совсѣмъ не было. Они называютъ себя „черными тяглыми“¹⁾. Это попятно, они были очень удалены отъ центра. Но не въ лучшемъ положеніи находились иногда и монастыри, имѣвшіе жалованную грамоту. Это объясняется порядками стариннаго дѣлопроизводства. Спискомъ обложенныхъ сохъ въ приказахъ не вели, копій съ жалованныхъ грамотъ не оставляли. Если жалованная грамота сгорала, то бѣлая соха обращалась въ черную. Такъ случилось съ Воскресенскимъ монастыремъ въ Солн Галицкой. Въ 1557 году на Галичъ приходили капапскіе люди, монастырь сожгли, старцевъ побили. Въ слѣдующемъ году прѣѣхалъ писецъ писать земли. Мѣстные крестьяне называли монастырскія деревни черными, писецъ ихъ такъ и записалъ, и они стали тянуть черное тягло; а нумень говорить, что у нихъ была жалованная грамота, да сгорѣла. Надо думать, что въ дѣлопроизводствѣ о пожалованіи льготъ не осталось никакого слѣда объ этой грамотѣ,

¹⁾ Рус. Ист. Вѣст. XII № 77 и 123.

а потому въ приказахъ и справки не дѣлали; игумену повѣрили на слово. Это тотъ иг. Іакимъ, о которомъ мы только что говорили. Любопытный образчикъ неизвѣстности, кому какое тягло тинуть, представляеть царская грамота отъ 1643 года. Въ 1642 году приказано было иг. Ржевѣ исправить городскую стѣну и мостъ сошными ржевскими людьми, посадомъ и уѣздомъ, а воевода Ив. Гр. Квашининъ привлечь къ этому дѣлу посадскихъ людей города Останкова и въ томъ числѣ патриаршихъ и Іосифова монастыря. Патриаршіе и монастырскіе посадскіе люди подаютъ челобитье, въ которомъ объясняютъ, что они свой городъ Осташковъ дѣлають, который и теперь нуждается въ ремонтѣ, а ремонтъ Ржева въ ихъ тягло не входитъ. Какъ поступаетъ Московское правительство? Оно спрашиваетъ Квашинина, по какому указу привлечь онъ осташевцевъ къ работамъ по укрѣпленію Ржева. Въ Московскихъ приказахъ, надо думать, не было никакихъ данныхъ для разъясненія этого недоразумѣнія (А. Э. III № 321). Иногда приходилось прибѣгать къ повальному обыску, чтобы узнать, кто какое тягло должны тинуть.

Въ виду такихъ порядковъ дѣлопроизводства, различать на практикѣ бѣлые и черныя сохи было не легко. Затрудненіе это было особенно велико для городскихъ дворовъ разныхъ служилыхъ людей, которые писались бѣлыми не по грамотамъ, а по служебному положенію владѣльцевъ. По городскіе тяглые дворы составляли предметъ гражданскаго оборота, они закладывались и продавались. Они могли перейти въ руки бѣломѣстцевъ и, дѣйствительно, переходили; подлежали они въ этомъ случаѣ тяглу или нѣтъ? Конечно, подлежали. Въ описи города они описаны въ числѣ тяглыхъ и, слѣдовательно, принимаются въ расчетъ при счисленіи сохъ и обложеніи тягломъ. По новымъ владѣльцамъ, какъ бѣломѣстцамъ, могутъ распространять и, дѣйствительно, распространяють свою бѣлизну и на эти купленные дворы и уклоняются отъ тягла. Тяглымъ людямъ это невыгодно. Отсюда пререканія и жалобы. Правительство принимаетъ сторону тяглыхъ людей и предписываетъ такимъ покушникамъ тинуть тягло вмѣстѣ съ черными людьми. Такія предписанія имѣемъ отъ XIV вѣка и до XVII включительно ¹⁾. Это совершенно послѣдовательно и правильно. Но,

¹⁾ Этимъ объясняется то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дворы церковнаго причта, воротниковъ и другихъ служилыхъ людей—тинуть тягло на ряду съ черными людьми. Въ Порховѣ, напримѣръ, дворы попа, дьякона, воротниковъ и нищальниковъ тинуть всякое тягло съ черными людьми потому, что „тѣ дворы всѣ стоятъ на черной землѣ,

надо думать, правительственныя предписанія не всегда достигали цѣли, и бѣломѣстцы продолжали уклоняться отъ тягла. Этимъ объясняются царскія грамоты, которыми посадскимъ людямъ и волостнымъ крестьянамъ стали запрещать продавать свои тяглыя земли, угодыя и торговыя и промышленныя заведенія всякихъ чиновъ бѣломѣстцамъ ¹⁾).

Итакъ, у насъ было черное и бѣлое тягло. Тягла эти отличались повинностями, а не свойствами земель или лицъ. То и другое тягло могло лежать на частной земельной собственности и на земляхъ, полученныхъ отъ государя; то и другое тягло могли тянуть всякіе люди, начиная съ владыки и боярь и кончая крестьянами. Лыготами могли пользоваться также всякіе люди. Крестьяне, сидѣвшіе въ черныхъ государевыхъ земляхъ, обыкновенно, называютъ себя и земли свои черными, тяглыми; это совершенно вѣрно, но это не значить, что только ихъ земли черныя и тяглыя; а съ другой стороны были и крестьяне обѣленные ²⁾.

Такое разнообразіе въ отпращиваніи общаго тягла производятъ лыготы, даруемыя милостію князей. Другая причина видоизмѣненій общаго тягла заключается въ естественныхъ различіяхъ тягла. Были люди, по своему положенію или личнымъ свойствамъ способные нести какое-либо специальное тягло или службу. Напримеръ, люди, живущіе у озеръ и рѣкъ, какъ бы предназначены къ рыболовному тяглу;— знающіе плотничье ремесло—къ плотничьему и т. д. Такіе люди призывались къ специальному тяглу, а отъ другихъ освобождались въ

тяглой, на посадской и тянуть съ черными людьми". А. О. I № 205; 1545. Въ Новгородѣ поставили новую церковь и около не было пустыхъ мѣстъ, а потому причтъ принужденъ былъ жить на черныхъ мѣстахъ и нести всякое тягло съ черными людьми. Въ 1555 году онъ подалъ вел. князю челобитіе объ отводѣ бѣлыхъ мѣстъ. Искѣно отнеси. Доп. къ А. II. I № 77. А гдѣ пустыхъ бѣлыхъ мѣстъ не было, тамъ приходилось въ такихъ случаяхъ отводить черныя мѣста бѣломѣстцамъ. При описаніи города Тулы сказано, что два осадныхъ двора князей Голицыныхъ, Андрея и Ивана, пѣстари были посадскіе, тяглые.

¹⁾ Г. гр. и дог. I № 33; А. О. III № 37; Рус. Ист. Библ. XII № 213.

²⁾ Наше льготное владѣніе далеко не укладывается въ рамки западныхъ иммунитетовъ. Почтенный авторъ „Иммуниитета въ удѣльной Россіи“ болѣе занятъ подборомъ изъ нашихъ иммунитетовъ признаковъ, сходныхъ съ чертами западно-европейскаго иммунитета, чѣмъ изученіемъ характерныхъ особенностей нашего льготнаго владѣнія. Оно, конечно, представляетъ явленіе одного рода съ западными иммунитетами, но по своимъ оригинальнымъ особенностямъ очень далеко расходится съ нимъ. А потому мы были бы противъ введенія въ науку иностраннаго термина для обозначенія нашихъ льготныхъ владѣній. Русскія слова—льготныя владѣнія и льготники—совершенно достаточны и очень хорошо выражаютъ существо дѣла.

большей или меньшей степени, смотря по особенностямъ случая. Для иллюстраціи приведемъ небольшой рядъ такихъ видоизмѣненій тягла.

Въ городѣ Каширѣ была рыболовская слободка; жителямъ слободки предоставлено было исключительное право ловить рыбу въ мѣстныхъ водахъ для поставки во дворецъ и для себя, конечно. За эту поставку они были освобождены отъ всякихъ повинностей, кромѣ городского дѣла. Рыболовы Оедосьина городка не только имѣли рыбную ловлю, но и пахатную землю, но были освобождены отъ сошной службы, ямскихъ денегъ и городского дѣла; вмѣсто этихъ повинностей они должны были забивать государевъ ѣзъ (приспособленіе для рыбной ловли) и платить государю оброкъ рыбой. Крестьяне борисоглѣбской слободы изъ-за рыбнаго оброка были освобождены отъ всякаго тягла съ городскими и волостными людьми.—Въ той же Каширѣ было 10 дворовъ плотниковъ; ихъ въ сошное письмо не положили и оброка съ нихъ не написали, потому что они плотничаютъ государево дѣло на Москвѣ и по инымъ городамъ, гдѣ государь велитъ.—Точно также ямскія земли въ сошное письмо не клались ¹⁾.

Ратная повинность лежала на всемъ населеніи. Но въ Московскомъ государствѣ съ половины XVI вѣка возникаетъ особый классъ лицъ, специальную обязанность котораго составляетъ военная служба. Точно опредѣлить, что это за лица, не такъ легко, какъ иногда кажется. Ихъ можно было бы назвать служилыми, они нерѣдко такъ и называются; но понятіе службы обнимаетъ большее число лицъ, чѣмъ тотъ классъ, о которомъ мы говоримъ. Черное тягло тоже своего рода служба, и черные люди — тоже служилые. Крестьяне, продавая свои тяглыя деревни, иногда такъ мотивируютъ продажу. Они продаютъ потому, что не могли съ той земли службы служить великому князю. Лица разсматриваемаго класса еще чаще называются вотчинниками и помѣщиками. Слово помѣщикъ соответствуетъ дѣлу, но не обнимаетъ всего класса. Его дополняютъ поэтому словомъ вотчинникъ. Но понятіе вотчинника шире, чѣмъ нужно. У членовъ бѣлаго духовенства тоже есть вотчины; даже у крестьянъ есть вотчины; а военная служба не составляетъ ихъ специальности. У класса лицъ, о которомъ идетъ рѣчь, есть одинъ общій признакъ. Всѣ они — землевладѣльцы, которые на столько обезпечены землевладѣніемъ, что могутъ жить, не прибѣгая къ труду рукъ своихъ. Чтобы жить, они мо-

¹⁾ Писц. кн. XVI в. II 415, 1302 сл.; Невольницъ, Приложение, 322; А. Ю. № 230; А. Э. I № 324; III № 170. 1578—1686.

гуть довольствоваться трудомъ другихъ людей, принимая на себя только управленіе своимъ хозяйствомъ. Вотъ для этого-то класса и существовала въ Москвѣ специальная обязанность военной службы. Эта обязанность не освобождала, однако, подлежащихъ ей лицъ отъ исполненія другихъ повинностей. Соединеніе въ одномъ и томъ же лицѣ общаго и спеціальнаго тягла оправдывается въ данномъ случаѣ нѣкоторой исключительной зажиточностію этихъ лицъ. Снискивая свой хлѣбъ не въ потѣ лица, они были пригодны и къ особой спеціальной военной повинности. Но иногда случалось, что общія повинности взыскивались съ нихъ въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ съ другихъ тяглыхъ. Напримѣръ, въ 1688 году хлѣбные запасы стрѣльцамъ съ государевыхъ крестьянъ взыскивались въ размѣрѣ 2 и $\frac{1}{8}$ четверти ржи съ двора, а съ помѣщиковъ и вотчинниковъ только по $1\frac{1}{2}$ четверти (А. Э. IV № 299).

Но среди этого служилаго класса были люди, стоявшіе въ особенно благоприятныхъ условіяхъ, напримѣръ, бояре (введенные), окольничіе, разные приказные чины и пр. Занимая особыя должности, они имѣли и особые доходы. Поэтому случалось, что ихъ облагали не только не ниже обыкновенныхъ тяглыхъ, а выше. Въ 1637 собирали деньги на постройку укрѣпленій противъ крымскихъ и ногайскихъ татаръ. Съ посадскихъ людей и государевыхъ крестьянъ брали по полтинѣ (100 денегъ) съ чети; съ городскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ (служилые военные люди) по 10 алт. (60 денегъ); а съ вышеуказанныхъ больше всѣхъ по 20 алтынъ (120 денегъ) съ чети (А. Э. III № 268).

Монастыри и владыки также были иногда предметомъ особаго обложенія. Многіе изъ нихъ пользовались очень хорошимъ матеріальнымъ обезпеченіемъ, но спеціальной военной службы не несли. Они оказывались, такимъ образомъ, сравнительно съ другими тяглыми людьми, въ особенно выгодномъ положеніи. Поэтому, общее тягло падало на нихъ иногда въ болѣе сильной мѣрѣ, чѣмъ на остальныхъ тяглыхъ. Когда съ государевыхъ крестьянъ потребовали по 2 съ $\frac{1}{8}$ четверти ржи съ двора, а со служилыхъ людей только по $1\frac{1}{2}$, владыки и монастыри должны были внести по $3\frac{1}{2}$ четверти.

Наоборотъ, земли стрѣльцовъ, казаковъ, пушкарей и затинщиковъ, которые надѣлялись очень небольшими участками, въ сошное писмо вовсе не клались (Времен. 1852 г. кн. XIII, 27). Они несли только военную службу, а отъ тягла были свободны. Служба выборныхъ людей, излюбленныхъ судей, старостъ, цѣловальниковъ, также осво-

бождала отъ тягла. Уставныя грамоты общають имъ, въ случаѣ хорошаго исполненія ихъ обязанностей, полное освобожденіе отъ всякихъ пошлинъ и податей (А. Э. I № 242; 1555). Какъ приводилось такое обѣщаніе въ исполненіе, этого мы въ актахъ не видали. Выше мы привели указаніе на обѣленныхъ крестьянъ. Это, можетъ быть, и суть бывшіе судьи и старосты, обѣленные за хорошее исполненіе своихъ должностей.

Всѣ такія замѣны однихъ повинностей другими никогда не разумѣются сами собой, а устанавливаются особыми распоряженіями. Грамоты, которыми иногда дѣлается такая замѣна, имѣютъ характеръ пожалованія и, по своему содержанію, очень близко подходятъ къ жалованнымъ грамотамъ на льготы, о которыхъ рѣчь была выше. Вотъ примѣръ. Въ 1584 году царь и великій князь Оедоръ Ивановичъ пожаловалъ своихъ рыболовей Борисоглѣбской слободы, въ Ярославскомъ уѣздѣ, велѣлъ переписать на свое имя ихъ старыя грамоты. А въ старыхъ ихъ грамотахъ было написано: „съ городскими имъ людьми и съ волостными не тянутъ ни въ какіе проторы, ни въ разметы; а наши намѣстницы ярославскіе и волостели едомьскіе и ихъ тіуны тѣхъ моихъ рыболовей и оброчниковъ не судятъ ни въ чемъ, опричь одного душегубства, ни кормовъ своихъ у нихъ не емлютъ, ни вешаютъ къ нимъ ни по что“. Это тѣ самыя выраженія, которыя встрѣчаются во всѣхъ жалованныхъ грамотахъ на льготы. Но между этой грамотой и тѣми есть и существенная разница. Тѣ грамоты ничѣмъ не обусловлены, кромѣ милости княжеской, а эта тѣмъ, что „рыболовы на княжескій обиходъ ловятъ рыбу“. Здѣсь милость за постоянную услугу, а тамъ только милость.

Тягло по принципу общее для всего населенія въ дѣйствительности отличалось величайшей нестрогой. Были чисто мѣстные повинности, напримѣръ, городовое, мостовое дѣло и множество другихъ, которыя отправлялись весьма ограниченнымъ кругомъ населенія. Но и общія чрезвычайно разнообразились въ примѣненіи, благодаря, съ одной стороны, множеству льготъ, а съ другой—большей приспособленности нѣкоторыхъ тягловцовъ къ нѣкоторому особому виду тягла. Этихъ различій такъ много, что ихъ не легко и перечислить всѣ; а по неполному знанію нашему старой жизни не всегда можно объяснить и причины отклоненія отъ общаго правила. Приведенные же примѣры даютъ право утверждать, что вся эта необычайная нестрога тягла вызывалась особенностями древняго быта и стремленіемъ правительства приспособить къ нимъ отбываніе повинностей.

Заключаемъ. Въ древности тягло лежало не на чловѣкѣ, а на хозяйствѣ. Хозяйства же облагались тягломъ всякія, кому бы они ни принадлежали. Наличие церковныхъ учрежденій и людей, оказавшихъ князьямъ услуги, повела къ установленію льготныхъ владѣній. Въ настоящее время общепользныя учрежденія и заслуженные люди содержатся на счетъ доходовъ казны. Князья небольшихъ княженій-волостей не имѣли для этого достаточныхъ средствъ. Вотъ почему они обращались къ пожалованію льготъ отъ повинностей. Они жаловали и земли, но перѣдко пустыя; льгота была нужна и въ этихъ случаяхъ для привлеченія на пустыя земли населенія. Благодаря льготамъ, появилось различіе чернаго и бѣлаго тягла. Льготныя владѣнія не абсолютно освобождались отъ тягла. За небольшими исключеніями и тѣ, которыя получали свободу отъ всякаго тягла, могли быть призываемы къ отбыванію повинностей, если князь находилъ это нужнымъ. Различіе черныхъ и бѣлыхъ сохъ не стоитъ ни въ какой связи съ сословнымъ различіемъ лицъ. Въ феодальной Европѣ высшій классъ, феодалы (*les nobles*), были свободны отъ налоговъ, они дѣлали своимъ сюзеренамъ только подарки въ извѣстныхъ случаяхъ; налоги же лежали на крестьянахъ (*les roturiers*) и рабахъ. У насъ налоги платили и бояре введенные и даже съ пуста и по окладу старость и цѣловальниковъ, т. е. крестьянъ.

В. Сергѣевичъ.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ
ЧАСТЬ СССХХХХІV.

1902.
ДЕКАВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СѢНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1902.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. Именной Высочайшій указъ	51
II. Высочайшія повелѣнія	—
III. Высочайшіе приказы по вѣдомству мин. нар. пр.	52
VI. Положенія о стипендіяхъ и преміяхъ при заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія	54
V. Проектъ нормальнаго устава педагогическихъ музеевъ по начальному образованію	68
VI. Отъ управленія пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ	70
VII. Опредѣленія ученаго комитета мин. нар. пр.	71
VIII. Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр.	80
Открытіе и преобразование училищъ	90
Я. А. Автомоновъ. Символика растений (окончаніе)	243
II. Г. Васенко. Кто былъ авторомъ „Книги Отопленной царского родословія“?	289
В. Н. Сергѣевичъ. Древности русскаго землевладѣнія. V	307
Д. Н. Егоровъ. Этюды о Карлѣ Великомъ (продолженіе)	362

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

I. М. Кулишеръ. Г. О. Симоненко. Политическая экономія въ ея новѣйшихъ направленіяхъ. Варшава. 1900	402
С. II. Шестаковъ. С. Robert. Studien zur Ilias mit Beiträgen von Fr. Bechtel. Berlin 1901	414
А. И. Соболевскій. Д. Я. Самохвасовъ. Архивное дѣло въ Россіи. Книга первая. Современное русское архивное пестроеніе. Книга вторая. Прошедшая, настоящая и будущая постановка архивнаго дѣла въ Россіи. М. 1902	438
С. О. Платоновъ. Н. Я. Гурляндъ. Приказъ Великаго Государя Тайныхъ дѣлъ. Ярославль. 1902	443
Н. Ч. С. Г. Алексѣевъ. Мѣстное самоуправленіе русскихъ крестьянъ XVIII—XIX вѣковъ. С.-Пб. и Москва. 1902	450
— Книжныя новости	454

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

С. Щербаковъ. Курсъ космографіи для среднихъ учебныхъ заведеній	17
Ч. А. Юмъ. Уроки астрономіи	20
К. Байъ. Исторія искусствъ	23

См. 3-ю стр. обложки.

ДРЕВНОСТИ РУССКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ¹⁾.

V. Окладныя единицы.

Для опредѣленія размѣра повинностей, надававшихся на отдѣльных плательщиковъ, въ древности существовали особыя окладныя единицы. Эти единицы различались по мѣсту и времени. Новгородскія—не совпадали съ московскими; а въ Москвѣ съ теченіемъ времени возникали новыя, которые не вытѣснили, однако, старыхъ, а дѣйствовали на ряду съ ними. Кромѣ новгородскихъ и московскихъ были, конечно, свои единицы обложенія въ Твери и другихъ княженіяхъ, но о нихъ не осталось никакого слѣда въ извѣстныхъ намъ памятникахъ. Великій князь Иванъ Васильевичъ, присоединивъ Тверь къ Москвѣ, приказалъ тверскія земли писать по московски въ сохи (П. С. Р. Л. т. VIII, 1492 г.).

Древнѣйшей, намъ извѣстной окладной единицей является дворъ; о немъ говоритъ еще начальный лѣтоисецъ. Поляне, сѣверяне и вятичи много лѣтъ платили дань хозарамъ по бѣлѣ и веверицѣ „отъ дыма“. Подъ дымомъ, конечно, разумѣется — дворъ. Этотъ дворъ, символизируемый дымомъ, остается окладной единицей въ теченіи всей нашей исторіи. Еще въ памятникахъ XVII вѣка налогъ на дворы носить наименованіе „подымного“ ²⁾. Съ теченіемъ времени появляются новыя и болѣе искусственныя единицы, въ Новгородѣ— обжа и соха, въ Москвѣ большая соха, а еще позднѣе — выть и дворовая

¹⁾ *Продолженіе.* См. сентябрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1902 г.

²⁾ Боромъ это указаніе у г. Минаюкова, Госуд. хозяйство, прил. на 67 стр., въ которомъ приведено архивное извѣстіе.

четверть. Но московская соха не вытѣсняетъ двора и новгородской обжи и сохи, а дворовая четверть существуетъ рядомъ съ сохой и дворомъ. Москва не отбѣнила и обжи, она облагаетъ по обжамъ еще въ XVII вѣкѣ. Къ старымъ окладнымъ единицамъ Москва присоединяетъ новыя не для замѣны старыхъ, а въ видѣ попытки отыскать болѣе удобный способъ обложения.

Начнемъ нашъ обзоръ окладныхъ единицъ съ новгородской обжи.

Въ Новгородѣ обжа была не только окладной и платежной единицей, о чемъ рѣчь шла въ предшествовавшей главѣ, но и опредѣленной земельной мѣрой. Это совершенно ясно изъ старыхъ новгородскихъ писцовыхъ книгъ. Въ нихъ не рѣдко встрѣчаемъ такіа описанія: „А деревень пустыхъ: деревня Дмитрово—пуста, а писана была обжаю; пустошь Кривско, а писана была обжаю; а земли подъ обжами на обжу“. Или: „Деревни Стройково, Маковища, Дукле, Чулково—пусты; писаны были шестью обжами, а земли подъ ними на три обжа“. (I 46, 261 и въ другихъ мѣстахъ).

Здѣсь упоминаются двѣ разныхъ обжи: одна идеальная единица обложения, другая реальная мѣра земли. Деревня можетъ имѣть земли мѣрою всего полъ обжи, но писецъ можетъ описать ея, по состоянію ея хозяйства, въ цѣлую обжу. Итакъ, обжа и обжа не одно и то же. Какъ велика новгородская обжа въ смыслѣ земельной мѣры, этого мы не знаемъ. Но окладъ дѣлается не по земельной мѣрѣ, не по количеству земли, а по другому признаку. Выше мы указали, что этотъ другой признакъ—есть состояніе хозяйства, измѣряемое количествомъ лошадей. Однолошадное сельское хозяйство и есть окладная единица, обжа. Въ этомъ смыслѣ платежная и окладная единица могутъ иногда сходиться, но они не всегда совпадаютъ.

Когда отдѣльный крестьянскій дворъ представляетъ однолошадное хозяйство, дворъ есть обжа, а обжа въ одно и то же время и окладная и платежная единица. Этотъ новгородскій дворъ-обжа можетъ быть сближенъ съ дворомъ-дымомъ начальной лѣтописи, а обежная дань съ подымной. Но были богатые дворы, съ двумя, тремя и болѣе лошадей. Въ этихъ случаяхъ окладная единица расходилась съ платежной. Окладная останется та же, дань будетъ назначена съ каждой обжи, т. е. съ каждого однолошаднаго хозяйства; а платежной единицей будетъ одинъ дворъ, но съ двумя, тремя и болѣе лошадей. Вотъ почему въ писцовыхъ книгахъ на одинъ дворъ приходится не всегда одна обжа, а нерѣдко двѣ, три и болѣе. И на оборотъ, на одну обжу приходится иногда два двора, на два—три и т. д.,

на семь—девять дворовъ. Здѣсь опять окладная единица расходится съ платежной, но въ другомъ направленіи. Были безлошадные дворы. Безлошадное хозяйство не составляло цѣлой обжи, а нѣкоторую ея долю. Вотъ почему число обожъ въ этихъ случаяхъ меньше числа дворовъ.

Итакъ, окладная обжа то совпадаетъ съ платежной, и въ этомъ случаѣ она равняется двору, то нѣтъ, и въ этомъ случаѣ то одинъ дворъ кладется въ нѣсколько обожъ, то нѣсколько дворовъ въ одну.

Три обжи составляютъ одну новгородскую соху. И обжа и соха новгородская представляются сравнительно очень небольшими окладными единицами. Мы не можемъ перевести ихъ на опредѣленную земельную мѣру; но меньшіе ихъ размѣры достаточно выясняются тѣмъ, что обжа сводится къ одному крестьянскому двору съ однолошаднымъ хозяйствомъ, а соха къ тремъ.

Москва, присоединивъ Новгородъ, удержала и не только для новгородскихъ пятинъ, но и для другихъ старинныхъ владѣній Повгорода, обжи и новгородскія сохи. Писцовыя книги второй половины XVI вѣка имѣютъ дѣло съ обжами и мелкими сохами. Помѣстья служилымъ людямъ за то же время отводятся въ обжахъ. Обжи существуютъ и въ XVII вѣкѣ. Дани и оброки въ началѣ этого вѣка уплачиваются съ обожъ. Въ 1606 году въ Соли-Вычегодской ратныхъ людей собираютъ еще съ малой сошки ¹⁾).

Москва, удержавъ новгородскія обжи и сохи, произвела въ нихъ, однако, весьма существенное измѣненіе. Она перевела ихъ на опредѣленную земельную мѣру. Когда именно это случилось, этого нельзя сказать съ полною точностью. Но есть достаточное основаніе думать, что въ срединѣ XVI вѣка это превращеніе было уже совершившимся фактомъ. Въ 1555 году помѣстья въ Новгородѣ отводятся въ обжахъ. Одинъ помѣщикъ, надѣленный землею въ обжахъ, проситъ о разрѣшеніи произвести съ сосѣдомъ обмѣнъ шести обожъ. Ему это разрѣшается, но на условіи, чтобы „мѣновныя обжи землею и пашнею и всякими угодами и доходомъ были равны“ (Доп. къ А. Н. I № 52, V). Ясно, здѣсь обжа есть опредѣленная мѣра земли. Въ Москвѣ въ это время размѣръ помѣстья опредѣлялся въ четяхъ, а потому и обжи пришлось перевести въ чети.

Что касается размѣра, даннаго московскимъ правительствомъ по-

¹⁾ Новог. пис. кн. т. IV; Невозинъ, Приложение; А. Ю. № 209, IX, XIV; А. Н. II, 109. Доп. къ А. Н. I, № 51, XVII; № 52, IV, VI, VII. 1553—1611.

вогородской обжаѣ, то есть основаніе думать, что этотъ размѣръ въ разное время опредѣлялся различно. Въ 1566 г. на обжу клали по 12 четвертей, а въ 1581 только по 10, т. е., по 5 десятинъ въ полѣ ¹⁾. Соха по этому расчету будетъ имѣть 15 десятинъ въ полѣ. Размѣръ небольшой и, конечно, былъ опредѣленъ примѣнительно къ новгородскимъ порядкамъ. Московская соха была гораздо больше. Въ противоположность съ нею новгородская называется малой сохой или сонкой. Новгородская соха въ 30 четвертей или 15 десятинъ существуетъ еще и въ XVII вѣкѣ (А. Н. III № 139; 1626 г.).

Наличность двухъ разныхъ сохъ, московской и новгородской, большой и малой, вызвала необходимость опредѣлить ихъ взаимное отношеніе. Первое, намъ встрѣтившееся, опредѣленіе этого отношенія относится къ тому же времени, къ которому относится древнѣйшее указаніе на переходъ обжаѣ на опредѣленную мѣру земли, къ 1555 г. Въ этомъ году приказано было съ 10 новгородскихъ сошекъ собирать такой же кормъ, какой собираютъ съ одной московской; 10 новгородскихъ сошекъ были, такимъ образомъ, приравнены одной московской, къ которой мы и переходимъ.

Древнѣйшее указаніе на то, что такое московская соха, находимъ въ духовныхъ завѣщаніяхъ вел. князей Василя Дмитріевича (1423 г.) и Василя Васильевича (1462 г.) ²⁾. Распредѣливъ свои владѣнія между наслѣдниками, князья приказываютъ имъ послать въ свои удѣлы писцовъ, которые должны описать ихъ владѣнія и по тому письму обложить по сохамъ, по людямъ, по силѣ. Извѣстіе краткое, но достаточно ясное. Князья ничего не узаконяютъ новаго, они го-

¹⁾ Указаніе на послѣдній размѣръ обжаѣ находимъ въ писцовыхъ книгахъ 1581 г. Неволинъ, Приложенія, 70.—Г. Дьяконовъ приводитъ изъ документовъ Архива министерства юстиціи свѣдѣніе, что въ 1581 г. „по приговору бояръ, князя А. М. Трубецкого съ товарищами, да думныхъ дворянъ и дьяковъ Андрея Щелкалова да Ао. Дежлянова съ товарищами, писано на обжу по 10 четей“. Изъ того же архива онъ приводитъ свѣдѣніе и о 12 четяхъ на обжу доброй земли, 16—средней и 20 худой. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1893 г. к. VII, 214—15.—Размѣры земельныхъ площадей, при недостаточныхъ способахъ измѣренія, не могли имѣть большой точности, а потому и практическое значеніе ихъ было, конечно, очень условное.

²⁾ Татищевъ приводитъ болѣе древнее извѣстіе о сохахъ: въ 1275 г. великій князь Василій Ярославичъ возилъ въ Орду дань по полуугривнѣ съ сохи, „а въ сохѣ числится два мужа работника“. Въ виду невозможности свѣрять это извѣстіе съ истиннымъ, изъ котораго оно заимствовано, мы лишены возможности поставить его въ связь съ другими извѣстіями.

ворять о порядкѣ вещей всеѣмъ извѣстномъ, а потому выражаются коротко. Дѣло идетъ о распредѣленіи татарской дани между вновь созданными удѣлами. Вотъ для этого-то и нужно произвести новую опись, которая въ завѣщаніи и предписывается. Самая же опись производится по старому, давно установившемуся порядку, о которомъ нѣтъ надобности распространяться. Что же это за порядокъ? Плательщики кладутся въ сохи, смотря по людямъ, по ихъ силѣ. Итакъ, въ Москвѣ, какъ и въ Новгородѣ, древнѣйшая единица обложенія опредѣляется не мѣрою земли, а состояніемъ хозяйства людей, ихъ экономическою силою. Въ Новгородѣ состояніе хозяйства измѣрялось нѣкоторыми общими внѣшними признаками, а въ Москвѣ? Мы уже знаемъ, что въ Москвѣ такихъ общихъ внѣшнихъ признаковъ не было; состояніе хозяйства плательщика измѣрялось въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ индивидуально, согласно показаніямъ выборныхъ людей цѣловальниковъ. Такъ поступали при опредѣленіи платежной способности каждаго отдѣльнаго тягльца, также должны были поступать и писцы при составленіи окладныхъ единицъ, т. е., сохъ. Они призывались къ этой важной функціи тоже подъ крестнымъ цѣлованіемъ. Писцы, конечно, дѣйствовали не одни и не тайно; опись и положеніе въ соху производились на глазахъ заинтересованнаго, его сосѣдей, мѣстныхъ крестьянъ и старостъ; но писцамъ принадлежало рѣшающее слово. Въ ихъ рукахъ была весьма значительная власть. Они не переписывали только существующее, но налагали повинности и не рѣдко и на такія поселенія, которые ихъ прежде не платили (Калач. II 310, 340, 361, 395), и наоборотъ, освобождали отъ тягла, когда находили это нужнымъ. Въ 1560 г. покровскій попъ села Сухарина, у котораго было собственной земли 25 четвертей, обратился къ государевымъ писцамъ съ челобитьемъ и сказалъ: приходъ его бѣденъ, руги денежной и хлѣбной онъ не получаетъ, вино, воскъ, ладохъ и все, что нужно на церковное строеніе, онъ покупаетъ на свой счетъ, а съ своей деревни платитъ ямскія повинности, но впродъ платить ихъ не можетъ. Писцы, П. М. Свѣчинъ съ товарищами, выслушавъ это челобитье, приписали поповскую деревню къ церкви Покрова св. Богородицы на церковное строеніе, а великаго князя оброкъ, пошлины, ямскія деньги и всякія подати сложили, потому что „въ сошное писмо не пригодится, а та бы церковь безъ нѣня не была“ (Калачовъ, II 313). Вотъ какая власть была у писцовъ: они освобождаютъ частную собственность отъ тягла, т. е. вовсе не кладутъ ее въ сошное писмо по своему усмотрѣнію.

Итакъ, первоначально московскія сохи не опредѣлялись размѣрами поземельнаго владѣнія. Въ предписанное духовной грамотой описаніе удѣловъ входило описаніе земель частныхъ владѣній, числа дворовъ и людей; пашни каждаго такого хозяйства клалась въ сохи, но сохи опредѣлялись не количествомъ четвертей пашни, а общимъ состояніемъ хозяйства. Какъ были велики такіа сохи, этого, за отсутствіемъ данныхъ для древнѣйшаго времени, мы не имѣемъ возможности опредѣлить. Трудно, однако, думать, чтобы первоначально онѣ были велики и очень удалялись отъ размѣровъ старыхъ новгородскихъ сохъ ¹⁾. Только въ XVI вѣкѣ онѣ достигаютъ значительной величины, до 600 и болѣе четей на соху.

Предоставленіе писцамъ права класть пашню отдѣльныхъ имѣній въ сохи по особенностямъ хозяйства должно было повести къ появленію сохъ самыхъ различныхъ размѣровъ. Такъ это и было въ дѣйствительности. Доказательство этому представляетъ самая древнѣйшая изъ павѣстныхъ намъ писцовыхъ книгъ. Мы разумѣемъ писцовую книгу Тверскаго уѣзда, написанную ранѣе 1540 года. У насъ есть писцовыя книги, въ которыхъ пашни вовсе не кладутся въ сошное письмо; эту же книгу надо назвать книгой сошного письма по преимуществу. Въ ней иногда отсутствуетъ описаніе количества земли, ея качества и пр. ²⁾, но сошное письмо есть всегда. Мы нашли только одно отступленіе отъ этого общаго правила. При описаніи деревни церкви св. Іоанна на Городкѣ прямо сказано: „и та деревня

¹⁾ Проф. Миллюковъ въ одной рукописной сотной Владимірскаго уѣзда 1514 г. послѣ перечисленія дворовъ и количества сошного письма наметъ такую приписку: „Деревня Кучино со княземъ Александромъ Дручкимъ въ спорѣ, а пашеть ес князь Александръ, а въ соху положена однокошцомъ пол-пол-чети сохи“. (Вопросы, 47). Эта приписка имѣетъ превосходно истолкована. Однокошца—есть владѣлецъ колышки или телѣги. Онъ приравненъ $\frac{1}{32}$ сохи. На соху, слѣдовательно, полагается—32 однокошца. Здѣсь соха опредѣлена количествомъ крестьянскихъ хозяйствъ (у автора рабочихъ селъ). Это все можно принять, какъ указаніе на одинъ изъ способовъ древнѣйшаго опредѣленія сохи. Дадѣе 32 однокошца даютъ автору возможность сблизить московскую соху съ новгородской. Новгородская соха состоитъ изъ 3 обжахъ, т. е. изъ 3 хозяевъ (у него конныхъ работниковъ); а десять малыхъ сошекъ или 30 хозяевъ равны одной московской сохѣ или 30—32 однокошцамъ. Такимъ образомъ получаютъ свое объясненіе приравненію 10 сошекъ одной большой сохѣ, а при переводѣ на чети оно теритъ всякій смыслъ, ибо 300 четей оказываются равными 600, 800 и болѣе до 1200. Но въ дѣйствительности, въ концѣ XVI вѣка, 300 четей=600=800 и т. д. Все это историческіе наросты, потерявшіе свой первоначальный смыслъ.

²⁾ Напримѣръ: стр. 159, 180, 194—8, 224, 227, 230, 240, 243, 254, 272.

въ сошное письмо не положена“ (160), потому, конечно, что это церковная земля. Итакъ, это книга *положенія* въ сошное письмо. Вотъ какія находимъ тамъ цифры четей пашни на соху:

Для вотчинныхъ земель добрыхъ: 591, 656, 1968 четей.

среднихъ: 256, 264, 404, 512, 620, 720, 800, 828, 912, 960,
1200, 1296.

песчаныхъ и каменистыхъ: 400, 512, 720, 1104, 1120 ¹⁾.

Для помѣстныхъ—среднихъ: 360, 416, 543, 699, 752, 816, 864, 876,
996, 1008 ²⁾.

Для владычныхъ—среднихъ: 563 и 613 (203).

Для монастырскихъ—добрыхъ: 600 (152).

среднихъ: 437, 457, 672, 852.

худыхъ: 450 (176).

Для церковныхъ добрыхъ: 504, 784.

среднихъ: 600

каменистыхъ и песчаныхъ: 544, 600

Для черныхъ добрыхъ: 391

среднихъ: 495 ³⁾.

Итакъ, еще въ концѣ первой половины XVI вѣка пашни кладутся въ сохи не по количеству распаханной земли, а смотря по людямъ и ихъ хозяйственной силѣ.

Теоретически это совершеннѣйшій порядокъ обложенія, какой только себѣ можно представить. Но на практикѣ онъ могъ вести къ большимъ неудобствамъ и даже злоупотребленіямъ. Вотъ почему съ этой идеальной окладной единицей случилось то же, что и съ платѣжной: она стала переходить въ опредѣленную мѣру земли. Когда такой переходъ начался, этого тоже нельзя опредѣлить съ полною точностью. На основаніи писцовыхъ книгъ второй половины XVI вѣка можно думать, что писцамъ даются уже опредѣленные указанія относительно того, сколько четвертей пашни надо класть въ соху, но различныя для разныхъ разрядовъ лицъ и для разныхъ мѣстностей.

¹⁾ *Калачовъ*, II, 161—3, 258—260.

²⁾ *Калачовъ*, II, 141, 143, 154, 164, 166, 167, 183, 248, 250—2. Дѣлѣ цифры въ скобкахъ означаютъ страницы.

³⁾ *Калачовъ*, II, 159, 161, 175—7. Такія же данныя имѣетъ г. Миллюковъ въ архивныхъ документахъ минист. юстиціи. Въ 1533 году въ одномъ и томъ же помѣстьи Галицкаго уѣзда въ соху кладутъ 984 четей и 1.080; въ помѣстьи Костромскаго уѣзда—720 и 630. Спорн. вопр., стр. 42.

Въ значительномъ большинствѣ случаевъ вотчинныя, помѣстныя и черныя сохи оказываются равными 800 четямъ, монастырскія—600 (добр. з.). Но и во второй половинѣ XVI вѣка наблюдаемъ значительныя отступленія отъ такого размѣра. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Московскій урядъ.

Помѣстныя земли добрыя: 544 (31), 672 (37), 720 (38), 880 (32),
888 (37), 925 (26, 30).

Монастырскія—среднія: 924 (280) ¹⁾.

Коломенскій урядъ.

Помѣстныя земли добрыя: 704 (335), 768 (483, 503), 936 (335),
962 и 972 (483).

Коломенская писцовая книга занимаетъ всего 320 стр., въ ней описано болѣе 213 владѣній; но сошное писмо показано только у 8 человѣкъ, и изъ этого числа только у двухъ сохи оказались въ 800 четей доброй земли. Такимъ образомъ, здѣсь большинство—въ отступленіяхъ отъ предполагаемаго правила.

Тульскій урядъ.

Помѣстныя земли добрыя: 720 (1103), 744 (1102), 888 (1112),
960 (1102).

Орловскій урядъ.

Помѣстныя земли добрыя: 736 (853), 860 (854).

Надо думать, что наказы писцамъ и въ концѣ XVI вѣка не были безусловны, а предоставляли имъ еще значительную долю усмотрѣнія. Наблюдаемая въ очень многихъ случаяхъ норма, 800 четей для служилыхъ людей и черныхъ и 600 для монастырей, свидѣтельствуетъ о томъ, что правительство, опредѣляя размѣръ сохи, руководствовалось не желаніемъ вообще объединить этотъ размѣръ, а приспособить сошное обложеніе къ особенностямъ положенія разныхъ классовъ плательщиковъ, и сообразовалось съ тяжестью лежащаго на нихъ тягла. Духовныя учрежденія сравнительно со служилыми и черными людьми были въ выгоднѣйшемъ положеніи, а потому ихъ сохи были мельче, чѣмъ и достигалось нѣкоторое уравненіе ихъ съ классами сильнѣе обложенными. Тутъ слышится опять старина: индивидуали-

¹⁾ Цифры въ скобкахъ означаютъ стр. Калач. изд.

зація обложенія, но не по отдѣльнымъ хозяйствамъ, а по классамъ лицъ. Но въ отдѣльныхъ случаяхъ и отъ этой поразрядной или классной нормы дѣлались отступленія. По одной сотной Бѣлоозера 1587 года въ бывшей вотчинѣ боярина Нв. Пет. Оедорова въ соху клали средней земли—400 четвертей. А въ монастырской вотчинѣ Кириллова монастыря по сотной тоже конца XVI вѣка 688 четей сочтены въ три сохи, на соху придется менѣе 300 четвертей. Въ 1597 году вотчины Троицы-Сергіева монастыря, по указу Оедора Ивановича, положены были противъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель: добрая земля въ 800 чет., средняя — въ 1000, худая—въ 1200. А въ 1613 году Михаилъ Оедоровичъ велѣлъ всѣ земли Троицы-Сергіева монастыря класть въ 800 четей безъ падачи, т. е. сократилъ льготу своего предшественника ¹⁾. Въ данномъ случаѣ монастырскія сохи сближены съ помѣстными, вотчинными и черными. А вотъ примѣръ обратнаго сближенія черныхъ сохъ съ монастырскими. Отъ 1585 года имѣемъ описъ рыболововъ Федосыина городка. Ихъ земли положены въ соху по размѣру монастырскихъ: средней земли 700, худой—800. (Калачовъ, II, 415). Можно думать, что при каждой описи правительство въ наказахъ писцамъ опредѣляло, что и какъ класть въ сохи. Если такого опредѣленія не было сдѣлано, писцы обращались въ Москву и спрашивали, сколько чего класть въ соху. Такъ поступили писцы Нижняго Новгорода, описывавшіе этотъ городъ въ 1623 году. (Рус. Ист. Библ., т. XVII, стр. 191). Къ сожалѣнію, наказы писцамъ намъ до сихъ поръ неизвѣстны.

Указанное разнообразіе размѣровъ сохъ увеличивается еще тѣмъ, что въ предѣлахъ старинныхъ владѣній Новгорода примѣнялась малая соха всего въ 300 четей. Но и размѣры этой сохи не сохранялись неизмѣнно. Въ Хлыновскомъ и Слободскомъ уѣздахъ въ 1601 году приказано было класть на выть по 10 четей д. з., а въ соху по 10 вытей (тамъ же, стр. 215). По этому расчету соха въ Вятской землѣ оказывается всего въ 100 четвертей. Такъ разнообразны размѣры московскихъ сохъ въ XVI вѣкѣ; не достигаютъ они единства и въ слѣдующемъ. Въ XVII вѣкѣ дворцовой доброй земли клалось въ сохи отъ 600 до 800 четей, черной отъ 500 до 800, вотчинной и помѣстной отъ 800 до 900 ²⁾. Соха монастырской средней земли въ

¹⁾ Беремъ эти свѣдѣнія у г. Дьяконова, онъ нашелъ ихъ въ арх. матеріалахъ Мин. юстиціи, *Журналъ Мин. Нар. Просв.* за 1899 г., т. VII, стр. 211 и 216.

²⁾ Беремъ эти данныя у г. Лаппо-Данилевскаго, который выписалъ ихъ изъ разныхъ архивныхъ матеріаловъ, *Прим. облож.* 520.

Устюжской епархіи въ 1626 году равнялась всего 105 четямъ (Рус. Ист. Библ., т. XIV, № 34); въ то же самое время къ другимъ мѣстностямъ новгородскихъ владѣній были примѣняемы московскія сохи. Земли государевыхъ крестьянъ Сумерской волости были положены по 800 четей доброй земли въ соху (Иеволвигъ, Приложенія, 130). Итакъ, московское сошное письмо представляетъ значительное разнообразіе и въ XVI и въ XVII вѣкѣ. Были, значитъ, причины, которыя заставляли во второй половинѣ XVI вѣка и въ XVII мириться съ этимъ разнообразіемъ и не дѣлали настоятельнаго вопроса изъ объединенія размѣровъ сохъ. Эти причины заключались въ томъ, что во второй половинѣ XVI вѣка сошное письмо выходило изъ употребленія и замѣнялось обложеніемъ по четямъ. Это выясняется изъ ближайшаго рассмотрѣнія частныхъ сошнаго письма.

Писцы клали въ сошное письмо каждое отдѣльное имѣніе особо. Они перечисляли число деревень въ каждомъ имѣніи, дворовъ въ деревнѣ, пашни паханой, перелога, дикаго поля и пр. въ четяхъ, сѣна въ копнахъ, лѣсу въ десятинахъ и затѣмъ дѣлали расчетъ, сколько сохъ или долей сохи составляетъ это имѣніе. При большихъ размѣрахъ московскихъ сохъ второй половины XVI вѣка, отдѣльное имѣніе, обыкновенно, составляло не цѣлую соху, а нѣкоторую ея дробную часть. Писцамъ для каждого имѣнія приходилось вычислить, какую дробь сохи оно составляетъ. По тогдашней сельско-хозяйственной ариметикѣ признавались только такія дроби сохи: половинна, четверть, посьмал, шестнадцатал и тридцать вторая и треть, шестая, двѣнадцатая и двадцать четвертая. Другихъ дробей не знали. А писалось это такъ: „а сошнаго письма полъ полъ чети и полъ полъ полъ трети сохи“ или „полъ сохи безъ полъ полъ чети сохи“. Понятно, что при такомъ счисленіи въ дѣйствительности оказывались остатки четей противъ показаннаго сошнаго письма или вычисленное сошное письмо было больше дѣйствительности. Въ такихъ случаяхъ прибавляли: „а не дошло до сошнаго письма 3 чети“ или „а перешло за сошнымъ письмомъ 3 чети“. Итакъ, писцы должны были пересчитать всѣ деревни, дворы въ нихъ, перемѣрить всѣ земли и вычислить долю сошнаго письма для каждого имѣнія. Это очень большая работа. При оцѣнкѣ ея надо имѣть еще въ виду недостатки тогдашней землемѣрной техники и математическаго образованія.

Описи отъ времени до времени повторялись. Для производства новой описи писцамъ давали въ руководство копія съ предшествующихъ писцовыхъ книгъ; это такъ называемыя „приправочныя книги“.

При новой описи писцы дѣлають иногда сравненія со старой и указываютъ на послѣдовавшія съ теченіемъ времени измѣненія. Особенно цѣнны указанія въ итогахъ на прибыль и убыль населенія, на распахку новыхъ земель и на переходъ въ пусто прежде бывшихъ въ обработкѣ.

Между двумя описями часть имѣнія могла перейти въ другія руки. Несмотря на это, оно перѣдко и новымъ писцомъ кладется въ сошное письмо въ старомъ составѣ. Въ этихъ случаяхъ деревни разныхъ владѣльцевъ въ сошное письмо кладутся вмѣстѣ.

Возникаетъ такой вопросъ. У каждаго владѣльца могутъ быть пустыя земли и воздѣланныя—разнаго характера: одни могутъ лежать при деревнѣ и состоять въ трехпольномъ хозяйствѣ, это такъ называемая „паханая пашня“, другія онѣ можетъ пахать наѣздомъ, наконецъ, у него можетъ быть переложная пашня и пашня въ лѣсу. Что же кладется въ соху? Такъ какъ соха есть окладная единица, а повинности лежатъ на живущей пашнѣ, то въ соху надо класть только живущую пашню. Это совершенно понятно. Какъ же поступаютъ писцы?

Практика писцовъ чрезвычайно разнообразна. Старые писцы описывали и клали въ сохи только жилыя деревни. Такъ поступали писцы, описывавшіе новгородскія пятины въ концѣ XV вѣка. О пустыхъ деревняхъ они только упоминають, что эти деревни были (то-есть, прежде) положены въ обжи, но сами не кладутъ ихъ въ обжи. Также поступаютъ писцы, описывавшіе тверскія земли въ первой половинѣ XVI вѣка. Въ этой писцовой книгѣ рѣчь идетъ только о жилыхъ деревняхъ и о пашнѣ паханой; эти жилыя деревни и кладутся въ сошное письмо ¹⁾. Иначе ведутъ опись писцы конца XVI вѣка. Они кладутъ въ сохи не одну пашню паханую при живущей деревнѣ, но и перелогъ, и пустоши, и наѣздъ. У нихъ, вслѣдствіе этого, получаются сохи живущія и пустыя, сохи пашни паханой и перелога, который въ Москвѣ въ окладъ не шолъ. Это существенное измѣненіе стараго порядка сошнаго письма. Положеніе въ сохи, какъ мы видѣли, возникло для обложенія данью; а здѣсь въ сохи кладутся и земли, которыя данью не облагались: перелогъ, наѣздъ, пустоши. Пронзошли, стало быть, какія-то измѣненія, которыя дали описательной работѣ писцовъ нѣсколько другой харак-

¹⁾ *Калачовъ*, II. Только одинъ разъ мы замѣтили упоминаніе о пустыхъ деревняхъ, 209.

теръ. Сошное письмо не отмѣнено, но къ нему присоединилось и еще что-то новое. Дѣйствительно, въ промежутокъ времени, съ первой половины XV вѣка, когда сошное письмо, конечно, не было новостью, и до конца XVI-го, у насъ произошло не мало существенныхъ пере-мѣнъ въ правахъ и обязанностяхъ населенія. Вольная служба пере-шла въ обязательную, размѣры обязательной службы были опредѣлены размѣрами поземельныхъ владѣній въ четьяхъ; наряду съ своеземцами появились помѣщичьи. Для устройства военной службы, развитіе кото-рой было такъ необходимо въ цѣляхъ объединенія Россіи, московскіе князья стали надѣлять служилыхъ людей своими землями. На всѣ такія данныя земли, дачи, помѣстья, и на старинныя вотчины свое-земцевъ рядомъ со старымъ тягломъ легло новое—обязательная воен-ная служба. Всѣ эти перемѣны не могли не отразиться и на порядкѣ описи имѣній.

Въ книгѣ сошнаго письма находимъ такое наставленіе писцамъ: „А какъ у книжной справки сядутъ писцы справлять и *прежѣ* выпи-сывать изъ всякихъ крѣпостей и изъ сказокъ помѣщичьихъ и вот-чинниковыхъ... на перечень... статьями, что кому именемъ *окладъ*, и что за кѣмъ именемъ въ помѣстьи или въ вотчинѣ по сего сказкѣ и по крѣпостямъ въ тотъ сего *окладъ* въ дачахъ порознь живущихъ селъ и деревень... и пустыхъ селъ и деревень“. Далѣе составитель книги сошнаго письма совѣтуетъ описывать, сколько за кѣмъ селъ и деревень въ живущемъ и въ пустѣ, и вычислять сохи для живущаго и для пуста ¹⁾.

Итакъ, первое дѣло писцовъ, по этому наставленію, состоитъ въ томъ, чтобы выяснить, какой кому положенъ *окладъ*, и кто чѣмъ въ этотъ *окладъ* владѣетъ въ дѣйствительности и по какимъ актамъ. Это мысль совершенно новая. *Окладъ*, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, есть помѣст-ный *окладъ*, который былъ различенъ, смотря по отеческой чести служи-лаго человека и личнымъ его заслугамъ. При старой описи не возникало никакихъ вопросовъ объ *окладѣ*, а также и объ актахъ укрѣпленія. Это было безразлично для цѣлей старой описи: кто чѣмъ владѣетъ, тотъ съ того и плати. Теперь дѣло другое, устроая службу, прави-тельство беретъ на себя и обезпеченіе служилыхъ людей. Каждый изъ нихъ долженъ имѣть „*окладъ*“, съ котораго могъ бы отпирать свою службу. Сошная книга объясняетъ, зачѣмъ нужно приводить документы: „чтобы не было потомъ спору“. Итакъ, къ старой цѣли

¹⁾ *Временникъ*. XVII, 37 сл.

сошнаго письма присоединилась теперь новая: описи помѣстій въ полномъ ихъ составѣ, жилое и пустоши, чтобы знать, кто чѣмъ надѣленъ. Послѣдовательное примѣненіе къ новой описи правилъ старой привело къ положенію въ сохи не только живущаго, но и пустошей. Въ этомъ высказалось неумѣнье автора книги сошнаго письма разумно примѣнить старые порядки къ требованіямъ новаго времени. Онъ большой рутинеръ. Класть въ сошное письмо пустоши и теперь не было надобности. Это чистая рутина.

Но когда же возникла указанная новость описей? На этотъ вопросъ нельзя отвѣчать съ совершенною точностью. Книга сошнаго письма, изъ которой мы сдѣлали выписку, написана въ 1629 году, а болѣе старыхъ мы не имѣемъ. Профессоръ Н. Милоковъ высказываетъ мысль, что книги сошнаго письма возникли въ половинѣ XVI вѣка, и дѣлаетъ попытку возстановить ихъ первоначальное содержаніе. Попытка чрезвычайно почтенная. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что книги сошнаго письма возникли не въ XVII вѣкѣ, а гораздо раньше. Въ XVII вѣкѣ онѣ не столько дѣйствительность, сколько пережитокъ старины. Книги эти представляютъ наставленіе о томъ, какъ описывать земли и класть ихъ въ сохи. Такія наставленія должны были появиться при первомъ возникновеніи сошнаго письма. По мѣрѣ измѣненія въ цѣляхъ описи земельныхъ имѣній должны были измѣняться и эти наставленія. Къ рѣшенію вопроса о томъ, когда должны были появиться указанныя нами новости, мы пойдемъ не отъ содержанія книгъ сошнаго письма, а отъ появленія фактовъ, которые должны были вызвать новости въ ихъ содержаніи. Новости, о которыхъ идетъ рѣчь, сдѣлались очевидными уже во второй половинѣ XV вѣка. Съ великаго князя Ивана Васильевича надѣленіе помѣстьями—стало правительственной системой. Съ этого времени могли уже появиться и новыя описи и новыя руководства для ихъ составленія. Отъ половины XVI вѣка имѣемъ и официальное указаніе на необходимость описывать имѣнія согласно съ новыми условіями жизни, о чемъ скажемъ ниже.

Массовая раздача помѣстій должна была вызвать описи ихъ раздачи. Примѣръ такой раздаточной описи даетъ первая тверская писцовая книга 1539 года ¹⁾. Описи по отдѣльнымъ участкамъ носятъ здѣсь такой заголовокъ: „Волость Захожье, а въ ней вел. государя села и деревни дворцовые, а розданы помѣщикамъ“. Или: „Книги

¹⁾ Напечатана у Казакова II стр. 40—140.

Микулинскіе четвертные, а въ нихъ вел. князя села и деревни дворцовые, а розданы помѣщикамъ". За тѣмъ идетъ имя помѣщика, названіе данныхъ ему деревень, перечисленіе дворовъ, иногда число крестьянъ и людей, количества земли въ четвертяхъ, сѣна въ коннахъ, а сошнаго письма вовсе нѣтъ. Понятно почему: это опись раздачи и только. Розданныя деревни, конечно, были уже положены въ сошное письмо и повторенія не требовалось.

Отъ второй половины XVI вѣка дошли до насъ описи раздачи и просто окладныя книги, въ которыхъ деревни кладутся въ сошное письмо иногда по указанному выше образцу: показывается сошное письмо въ живущемъ и въ пустѣ, а иногда и совершенно иначе. Предписанія книги сошнаго письма, слѣдовательно, не обязательны? Конечно, вѣдь это не указъ царя, состоявшійся по приговору бояръ или и безъ ихъ приговора. Это учебная книга, составленная знающимъ челоѣкомъ, въ которой отразились его личные взгляды, не болѣе. Писцы, знакомые съ нею и согласные съ высказанными въ ней совѣтами, могли описывать согласно ея указаніямъ; кто смотрѣлъ на дѣло иначе, могъ писать по своему. Вотъ почему, думаемъ, описи конца XVI вѣка и представляютъ большое разнообразіе. Указныхъ предписаній, надо думать, не было; все рѣшалось практикой. Преобладаніе практики, а не общихъ правительственныхъ распоряженій, составляетъ характерную особенность московскаго управленія.

Разсмотримъ же эту практику, она незамѣтно вырабатываетъ совершенно новый порядокъ обложенія. Но приказной рутинѣ и въ этой практикѣ чрезвычайно много.

Мы имѣемъ нѣсколько описей московскаго уѣзда, съ нихъ и начнемъ. Онѣ выпадаютъ на время отъ 1574 по 1584 годъ (Калачовъ I). Въ большинствѣ случаевъ въ нихъ рѣчь идетъ о земляхъ, розданныхъ въ помѣстья, но встрѣчаются и вотчины. Въ помѣстья роздано множество пустошей съ переложною пашней. Не всѣ, но очень многія пустоши положены въ сошное письмо „въ пустѣ“ съ прибавкой: „и окладъ его спошна весь“; это, слѣдовательно, опись помѣстной дачи. Сошное письмо пустошей чистая рутина, не имѣющая практическаго смысла. Величайшимъ рутинеромъ оказался писецъ М. А. Хлоповъ, онъ положилъ въ сошное письмо даже пустыя помѣстныя земли, которыя нито въ помѣстье не взяты, а, стало быть, и облагать было некого, и оброчныя, которыя тоже въ помѣстья не были взяты, а потому сданы въ оброкъ. Такія земли, какъ было указано въ своемъ мѣстѣ, тягла не

тянуть, а Хлоповъ и ихъ положилъ въ сошное письмо ¹⁾. Другіе писцы Московскаго уѣзда были разсудительнѣе и земель, въ помѣстье не розданныхъ, въ сошное письмо не клали. Такъ же разсудительно поступилъ и П. Жеребцовъ, описывавшій Тульскій уѣздъ въ 1589 году ²⁾.

У нѣкоторыхъ помѣщиковъ, кромѣ перелога, оказалась „пашня паханая“. Она такъ описывается: „А сошнаго письма полъ четверти сохи, и окладъ его учиненъ сполна; изъ того числа пашни паханные 5 четей“ (22). Въ сошное письмо здѣсь положена вся земля, а это сплошь пустоши съ переложной пашней; „пашня паханая“ въ количествѣ 5 четей оказалась только въ одной деревнѣ Сазоновой, она и выдѣлена изъ общаго числа и показана особо. Съ какой цѣлью? Платежъ повинностей лежитъ не на пустошахъ, а на жилой пашнѣ, вотъ почему 5 четей пашни паханой и показаны особо. Только эти 5 четей и подлежатъ обложенію, а не полъ четверти сохи перелога. Мы тутъ наблюдаемъ переходъ къ новому порядку обложенія по четямъ, а не по сохамъ. Въ началѣ описи Московскаго уѣзда встрѣчаемъ нѣсколько вотчинъ и купель: Н. Д. Юрьева, О. В. Шереметева, подьячаго И. Кузьмина и другихъ. Ихъ вотчины и купли въ сошное письмо не переведены. Писецъ ограничился указаніемъ числа четей пашни паханой и перелога. Что же это значить? Надо думать, что въ его глазахъ сошное письмо потеряло уже окладное значеніе; для повинностей довольно было указать чети, что онъ и сдѣлалъ.

Еще болѣе проглядываетъ эта точка зрѣнія у П. Жеребцова, описывавшаго Тульскій уѣздъ въ 1589 году. Онъ кладетъ въ сохи и живущее и пустое, но иногда живущее и пустое сливаетъ вмѣстѣ въ одну общую соху: „А сошнаго письма въ живущемъ и въ пустѣ полчети сохи“. Значеніе сохи, какъ окладной единицы, здѣсь совершенно утратилось. Съ чего же платить? Писцовая книга Жеребцова отвѣчаетъ и на этотъ вопросъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ сливаетъ живущее съ пустымъ въ одну соху, онъ прибавляетъ: „А платить ему съ живущаго съ 3 четей“. Эти три чети и составляютъ пашню паханую въ описанномъ имѣніи.

По этому образцу описаны уѣзды Каширскій и Медынскій.

Въ томъ же духѣ ведетъ описаніе Орловскаго уѣзда Дем. Яков-

¹⁾ *Калачовъ*, I 116, 120, 155, 160, 167.

²⁾ Тамъ же, стр. 1; т. II стр. 1152, 1202.

левъ; вымирание сошнаго письма выступаетъ у него еще яснѣе. Живущее и пусто у него всегда показаны въ одной общей сохѣ, но всегда прибавлено: „А платить ему государевы всякія подати съ живущаго съ четвертные пашни, съ одной чети“. Но часто сошнаго письма и совсѣмъ нѣтъ, а есть только: „А платить ему государевы всякія пощлины съ живущаго съ четвертные пашни“. Но подъ конецъ своего описанія онъ пересталъ повторять и эту фразу и сталъ ограничиваться однимъ перечисленіемъ деревень, числа дворовъ и количества пашни паханой и дикаго поля, предполагая, по всей вѣроятности, что всякій знаетъ, сколько придется платить, если указано число живущихъ четвертой. Эта книга писана въ 1595 году.

Также описанъ и старѣйшій городъ Московскаго государства Коломна. Въ описи Коломенскаго уѣзда встрѣчаемъ болѣе 213 владѣній, а сошное письмо показано только у 8 владѣльцевъ. Писцы описали и измѣрили весь уѣздъ, но въ сошное письмо, какъ бы по разсѣянности, положили только 8 владѣльцевъ въ разныхъ мѣстахъ книги, а для остальныхъ ограничились указаніемъ количества четвертной пашни. Это не книга раздачи помѣстій, здѣсь описываются и помѣстья, и вотчины, и монастырскія, и церковныя земли. Для цѣлей окладной описи, съ точки зрѣнія этихъ писцовъ, довольно указать четвертную пашню.

Коломенскій уѣздъ описанъ въ 1578 году, но совершенно въ томъ же духѣ описанъ Звенигородскій еще въ 1560 году ¹⁾. Въ печатномъ изданіи онъ занимаетъ 70 страницъ, а сошное письмо показано только у четверыхъ владѣльцевъ. Такимъ образомъ, писцы уже съ самаго начала второй половины XVI вѣка находятъ возможнымъ обходиться безъ сошнаго письма; они довольствуются указаніемъ четвертей.

Въ заключеніе этого обзора описей XVI вѣка остановимся еще на писцовыхъ книгахъ Рязанскаго края, недавно изданныхъ рязанской Ученой Архивной комиссіей подъ редакціей В. Н. Сторожева. Они представляютъ очень много своеобразнаго, но ведутся не по одному образцу, а весьма различно, и вполне подтверждаютъ вышесказанное.

Первая изъ напечатанныхъ книгъ (стр. 1—156) „письма и мѣры“

¹⁾ Но 703 страницъ написано: „...и на тѣ пустоши звенигородскіе писцы Д. И. Смушевъ да Дятель Григорьевъ сынъ Машиковъ съ товарищи дали ...льготы на 5 лѣтъ, отъ лѣта 7068-го до лѣта 7073“. Льгота, конечно, дана въ годъ описи—1560-й.

Г. Г. Вельяминова съ товарищами 1594—1597 года не содержитъ въ себѣ, однако, никакихъ данныхъ мѣры земли. Въ ней указаны только деревни, но количества пашни паханой, перелога, наѣзда, лѣсу, сѣна—не приведено; числа дворовъ и людей также нѣтъ. Но сошное письмо вездѣ есть, и въ сохи положено не только живущее, но и пустое. Иногда живущее и пустое переведено въ сохи отдѣльно, а иногда вмѣстѣ; но въ этихъ случаяхъ всегда прибавлено: „А платить съ живущаго съ 5 четей пашни“.

Также коротко написана и вторая книга „писма и мѣры“ В. Я. Волинскаго и И. А. Нащокина тѣхъ же годовъ (стр. 157—254). Въ ней обозначены только деревни да сошное письмо и больше ничего. Но живущее и пусто переведены въ сошное письмо всегда раздѣльно. Еще есть любопытная особенность. Живущее не всегда переводится въ сохи, а иногда говорится такъ: „Въ живущемъ четвертной пашни 5 четей, а въ пустѣ и съ наѣзжею пашнею полъ полъ чети сохи“. Живущее въ сохи вовсе не переведено и платить приходилось прямо съ четей. Иногда и пусто показывается въ четахъ, а не въ сохахъ. Въ концѣ XVI вѣка земли мѣрились, но въ книги писались иногда только выводы изъ этой мѣры, а не самая мѣра ¹⁾.

Въ прекрасномъ изданіи рязанской Ученой Архивной комиссіи напечатана и писцовая книга XVII вѣка (1628 годъ). Она написана съ большими подробностями и ближе къ извѣстнымъ уже намъ московскимъ книгамъ. Въ ней обозначены: дворы, люди, пашня паханая, пашня наѣздомъ и перелогомъ и что лѣсомъ поросло. Земли положены въ сошное письмо, но живущее и пусто показано въ общемъ итогѣ съ обычной въ этихъ случаяхъ припиской: „А платить съ жи-

¹⁾ Профессоръ Милюковъ, производя въ архивахъ свои наблюденія надъ порядкомъ писанія писцовыхъ книгъ по сотнымъ выписямъ, пришелъ къ такому выводу: „Сотнымъ выписи XVI вѣка распадаются на два типа. Первый, болѣе древній, иногда не даетъ указаній на то, какое количество пашни передается на соответствующее количество сошнаго письма. Второй типъ, болѣе поздній, напротивъ, главнымъ образомъ указываетъ количество пашни и болѣею частью совершаетъ переводы ея на сошное письмо по определенной нормѣ“. Вопросы, 41. Наблюденіе это можно пополнить на основаніи печатнаго матеріала. Въ описи Московскаго уѣзда 1585 г. (Палазовъ, II 832) земли положены въ сохи, но какое количество пашни кладется въ соху, этого не указано. Тоже и въ писцовыхъ книгахъ Рязанскаго края. Такимъ образомъ, и въ описяхъ конца XVI вѣка количество пашни не всегда указывается, а потому остается неизвѣстнымъ, какое ея количество переводится въ сохи. Вмѣстѣ съ этимъ подвергаются значительному колебанію, какъ два подмѣченныхъ пр. Милюковымъ типа сотныхъ, такъ и его выводы, на этомъ наблюденіи основанные.

вущаго съ одной четверти пашни". Здѣсь сохи также замѣнены четями, какъ и въ московскихъ книгахъ.

Итакъ, практическое значеніе сошнаго письма со второй половины XVI вѣка несомнѣнно падаетъ. Но сошное письмо не отмѣнено. Очень многіе писцы весьма усердно переводятъ въ сошное письмо и не только жилыя, но и пустыя земли, окладу не подлежащія; даже земли, которыя никто не взялъ ни въ помѣстье, ни въ оброкъ, и тѣ иногда кладутся въ сохл. Терминъ „сошное письмо“ постоянно въ ходу и не только въ XVI вѣкѣ, но и въ XVII-мъ. Даже памятники конца этого вѣка говорятъ о сборѣ доходовъ „по сошному письму съ живущей четверти“ ¹⁾.

Какое же отношеніе сошнаго письма къ чети? Значеніе чети съ теченіемъ времени (въ XVII вѣкѣ) тоже мѣняется; мы говоримъ теперь о чети, какъ мѣрѣ земли равной половинѣ десятины.

Это отношеніе превосходно разъясняется царской грамотой въ Муромѣ о сборѣ ямскихъ денегъ. Изъ этой грамоты узнаемъ, что съ 1618 по 1621 годъ ямскія деньги собирали съ сохи по 800 руб., а съ чети по 1 руб. Совершенно ясно, четь замѣняетъ соху, а потому легко можетъ и вытѣснить ее, такъ какъ счетъ по четямъ гораздо проще и легче счета по сохамъ. Эта царская грамота вполне объясняетъ колеблющуюся практику писцовъ.

Въ 1624 году приказано было стрѣльцамъ на хлѣбное жалованье взять съ сохи по сту четей ржи и овса, а съ *чети пашни* съ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель, которыя положены по 800 четей въ соху, по четверику ржи и овса, а съ митрополичьихъ и съ монастырскихъ, которыя положены по 600 четей въ соху, съ *чети пашни* по полчетверику ржи и овса. Здѣсь также обложеніе сдѣлано альтернативно на сохи и чети. Но иногда правительство назначало сборъ повинностей не съ сохъ, а прямо съ четей. Въ 1631 году приказано было съ вотчинъ Кириллова монастыря, съ 23.690 четей, взять, вмѣсто даточныхъ людей, деньгами 2.072 рубля 29 алтынъ 1 деньгу ²⁾. Итакъ, правительство предписываетъ сборъ то альтернативно съ сохи и чети, то прямо съ четей, вовсе не упоминая о сохахъ. Древнѣй-

¹⁾ А. Э. IV, № 189 и 251; 1672—1682.

²⁾ А. Э. III, № 121 и 193; А. II. III, № 132. Здѣсь вездѣ четь — тоже полъ десятины, а не дворовое число, о чемъ рѣчь будетъ ниже. Изъ № 274, А. Э. III, мы знаемъ, что у Кириллова монастыря всего было 2.101 дворъ, а если перевести на дворы 23.690 четей по указамъ 1630—1631 годовъ, у Кириллова монастыря оказалось бы 214.210 дворовъ крестьянскихъ и 142.140 бобыльскихъ, а всего 356.365.

шій случай обложенія по четямъ восходитъ къ половинѣ XVI вѣка. Въ 1556 году, по разсказу лѣтописца, Иванъ Грозный съ вотчинъ и помѣстій учинилъ уложенную службу: со ста четвертей доброй земли человекъ на конѣ и въ полномъ доспѣхѣ.

Со второй половины XVI вѣка, слѣдовательно, рядомъ съ сохой появляется и другая окладная единица—четь, то-есть, живущая четверть земли, въ разъясненномъ выше смыслѣ (IV глава). Съ этого же времени, какъ мы видѣли, появляется и новая практика въ описи имѣній. Эти двѣ новости стоятъ въ тѣсной связи одна съ другой; обложеніе по четямъ вызываетъ и перемѣну въ описяхъ.

Переходъ отъ старой единицы обложенія къ новой, отъ сохи къ чети, могъ совершаться очень легко. Соха—чрезвычайно громоздкая единица обложенія и практически мало удобная. Она требуетъ массы вычисленій, такъ какъ въ дѣйствительности, за исключеніемъ богатыхъ владѣльцевъ, а ихъ было немного, сохъ вовсе не существуетъ, а существуютъ только ихъ дробы. Переходъ къ четямъ долженъ былъ начаться, какъ только отъ индивидуальныхъ сохъ, опредѣляемыхъ по особенностямъ cadaго отдѣльнаго хозяйства, по людямъ и ихъ силѣ, стали переходить къ сохамъ опредѣленной геометрической площади. Если соха въ 800 четеі должна платить 800 рублей, то понятно, каждая четъ можетъ быть обложена однимъ рублемъ, а лучше имѣть дѣло съ четями, чѣмъ съ сохами. Вотъ почему писцы, описывавшіе Звенигородскій уѣздъ въ 1560 году, почти совершенно игнорируютъ сохи. Но сошная рутина продержалась до конца XVII вѣка. Чети не вытѣснили сохъ. И въ XVII вѣкѣ земли кладутся въ сохи и сборъ повинностей назначается съ сохъ.

Въ исторіи сошнаго обложенія есть, однако, пункты очень неясные. Что первоначально соха опредѣлялась не мѣрой земли, а смотря по людямъ, по силѣ ихъ хозяйства, это надо принять. Это говорятъ московскіе памятники и это совершенно согласно съ новгородскими порядками, гдѣ сохи тоже не мѣра земли, не геометрическая площадь. Такая индивидуальная единица обложенія не могла быть очень большая; новгородскія сохи дѣйствительно были невелики. Можно думать, что и московская соха первоначально тоже была не велика ¹⁾. А въ первой половинѣ XVI вѣка она достигаетъ большихъ размѣровъ (отъ 250 до 1300 четеі), не дѣлаясь еще геометрической площадью опредѣленной величины. Соха Тверскаго уѣзда по описи

¹⁾ Такъ думаетъ и профессоръ Милюковъ, Вопросы 44.

1539 года не стоитъ ни въ какомъ опредѣленномъ отношеніи съ количествомъ обрабатываемой земли, какъ и новгородская обжа, а между тѣмъ по размѣрамъ она превосходитъ ее во 100 разъ и болѣе. Какъ это случилось? Какія обстоятельства привели къ тому, что московская соха получила такіе значительные размѣры? На этотъ вопросъ не находимъ отвѣта. Наши напечатанные источники слишкомъ скудны.

До сихъ поръ у насъ рѣчь шла о сельскохозяйственной или земельной сохѣ, но въ Москвѣ была еще дворовая соха. Земельная соха служила для обложения уѣздныхъ земель, дворовая—для обложения городскихъ дворовъ, посадскихъ, погостскихъ и въ рядкахъ. Исторія дворовой сохи имѣетъ много общаго съ исторіей сохи земельной. Но памятники, въ которыхъ рѣчь идетъ о дворовой сохѣ, даютъ новыя указанія, которыя проливаютъ дополнительный свѣтъ и на особенности земельной сохи.

Какъ размѣры земельной сохи постоянно колебались, такъ колебались и размѣры сохи дворовой. Въ нее входитъ разное количество дворовъ и не только въ разныхъ городахъ, но и въ одномъ и томъ же, то больше, то меньше. Въ XVI вѣкѣ встрѣчаемъ сохи:

въ Торопцѣ	въ 46 дворовъ
„ Соли Вычегодской . . .	62 „
„ Муромѣ	63 и 148 „
„ Коломиѣ	72 и 82 „
„ Зарайскѣ	80 „
„ Можайскѣ	88 и 100 „
„ Вѣроначѣ	112 „
„ Гдовѣ	208 „
„ Опочкѣ	224 „ ¹⁾

Тоже и въ XVII вѣкѣ. Въ 1629 году велѣно было росписать Чердынскій уѣздъ въ сошное письмо дворами по 392 двора въ соху, а въ Балахиѣ въ 1619 году въ соху клали только—200 дворовъ. Около того же времени происходила опись Нижняго. Описавъ всѣ дворы, писцы говорятъ, что по государеву указу имъ велѣно класть въ соху

¹⁾ А. Э. I № 343; А. Ю. № 229; Калачовъ I, ст. 314, 630; эти свѣдѣнія печатныхъ источниковъ мы дополняли архивными, приведенными г. Чечулиннымъ въ его Городахъ, стр. 60, 111, 177—8 и 283. Мы выбирали примѣры, въ которыхъ качество дворовъ въ соображеніе не принималось.

лучшихъ людей по 40 дворовъ, среднихъ по 50 и 60, молодшихъ по 70, а худыхъ по 100 ¹⁾). Но, продолжаютъ писцы, въ указѣ не написано, къ чему относится такое сошное писмо, къ прежнимъ ли податямъ, что брали съ сохъ до разоренія, или и къ нынѣшнимъ новопробылымъ доходамъ, что собираютъ сверхъ прежнихъ на подмогу ямскимъ охотникамъ и на стрѣльцкіе хлѣбные запасы. И писцы написали о томъ въ докладѣ государю царю и вел. князю Михаилу Ѳеодоровичу и отцу его, святѣйшему патріарху Филарету Никитичу. На этотъ запросъ изъ Москвы въ 1627 году отвѣчали, что въ соху надо класть всякихъ людей дворы противъ того, какъ кладутъ въ Балахиѣ. А въ Балахиѣ въ 1619 году клали по 200 дворовъ. Опись Нижняго началась въ 1621 году и тогда, конечно, писцамъ данъ былъ указъ, сколько класть въ соху, который они и приводятъ. Проходитъ 6 лѣтъ и получается совершенно новое предписаніе о сохѣ, гораздо болѣе льготное ²⁾).

Итакъ, составъ дворовой сохи нѣчто чрезвычайно подвижное. Онъ измѣняется даже въ виду того, сколько брать добавочныхъ повинностей. Если брать приходится много, то составъ сохи дѣлается больше. Въ нее кладутъ теперь въ Нижнемъ 200 всякихъ дворовъ, тогда какъ 6 лѣтъ тому назадъ предписано было класть худыхъ дворовъ—100, а хорошихъ и того меньше, только 40. Дѣйствительный же платежъ распредѣлялся между дворами не поровну, а по животамъ и промысламъ; при чемъ богатые платили въ 120 разъ болѣе бѣдныхъ; это уже по мірскому обложенію.

Но была и другая причина различія въ составѣ сохъ. Въ указѣ сошвычегодскому приказному человѣку, А. И. Вельяминову, отъ 1589 года написано: „И ты бѣ, взявъ съ собой старость и цѣловальниковъ и людей добрыхъ, сколько пригоже, у Соли на посадѣ Николы чудотворца Коряжемскаго монастыря анбары, и дворы, и полянки, и пожни въ сошное писмо положишъ смотря по дворахъ, и по людямъ, и по промысламъ, и по животамъ, какъ кому мочно наши доходы платить и какъ бы нашей казнѣ было прибыльнѣй“ (А. Э. I № 343). Это превосходнѣйшая иллюстрація къ завѣщаніямъ вел. князей Василя Дмитріевича и Василя Темнаго. Поло-

¹⁾ Это въ 1621 году, а въ 1597 въ городѣ Николы Зараскаго приказано было класть въ соху: лучшихъ людей по 80 дворовъ, среднихъ по 100, а молодшихъ и убогихъ по 120. Писц. кн. Рязан. края, I вып., 157.

²⁾ А. Э. IV № 6; Рус. Ист. Вѣст. т. XVII 192.

женіе въ дворовую соху дѣлается не по числу дворовъ, а по людямъ, смотря по ихъ промысламъ и животамъ. Дворовая соха нѣчто индивидуальное, а не формальное. Если люди совсѣмъ исхудали и отемнѣли, то ихъ и вовсе въ соху не клали, сколько бы такихъ дворовъ ни оказалось. По описи 1585 года въ Вельи и Себежѣ дворы въ сохи вовсе не были положены „за худобою“ ¹⁾. Такъ же, конечно, первоначально клались въ соху и земли по индивидуальной оцѣнкѣ cadastral владѣнія, а не по числу четей земли. Вотъ почему дворовыя сохи не состоятъ изъ одинаковаго числа дворовъ, а земельныя изъ одинаковаго числа четей. Съ теченіемъ времени дѣлаются частичныя попытки уравниванія земельныхъ сохъ по классамъ населенія, но они, какъ мы видѣли, далеко не достигаютъ ихъ объединенія. Можно думать, что были такія же попытки и въ области двороваго письма. Предписано же было Пижнѣй писать по образцу Балахны. Этотъ примѣръ объединенія могъ распространяться и на другіе города.

Въ сошное письмо, какъ мы видѣли, земельныя писцы кладутъ пустоши; то же дѣлаютъ и дворовыя, они кладутъ въ сохи не только жилые, но и пустые дворы, конечно, не для обложенія повинностями. Это такая же рутинная и на что пенужная, какъ и тамъ.

Наконецъ, съ обложеніемъ по земельнымъ сохамъ съ половины XVI вѣка конкурируетъ обложеніе по четямъ, какъ ихъ составнымъ частямъ; такъ и здѣсь, съ обложеніемъ по дворовымъ сохамъ конкурируетъ обложеніе по дворамъ, къ чему мы и переходимъ.

Дворъ является древнѣйшей единицей обложенія. Съ IX вѣка, когда русскія племена платили дань хозарамъ съ дыма, эта единица удерживается въ теченіе всей нашей исторіи. Волоцкой князь Федоръ Борисовичъ въ 1500 году пожаловалъ Іосифову Волоколамскому монастырю свою деревню и освободилъ ее отъ всякихъ повинностей и между прочимъ отъ „подымнаго“. Во второй половинѣ вѣка безпашенные бобыли платили въ монастыри оброкъ, а крестьяне вѣзжій кормъ доводчику тоже „съ дыма“. Сборъ ратнымъ людямъ на жалованье въ 1638 году названъ „подымнымъ“ ²⁾.

Что эта за единица? Во времена глубокой старины человекъ, живущій собственнымъ домомъ съ необходимыми хозяйственными постройками, а это и есть дворъ, представлялъ единственную для того времени

¹⁾ Чечулинъ, Города, 111, изъ рукоп. матеріаловъ.

²⁾ А. Э. I № 136 и 238; А. Э. III № 258; Писц. кн. XVII, в. I; П. Миллюковъ, Гос. Хоз. 67.

црупную экономическую величину. Весьма понятно, что на него и лежало тягло. Но какое хозяйство велъ этотъ дворъ, сельское или городское? До обособленія городовъ отъ селъ, специализаціи хозяйствъ не было, и дворъ былъ единственной единицей обложенія для всякаго вида хозяйствъ. Другія единицы обложенія въ видѣ лавки, чръна, чана, коней, плуга, обжи, сохи, должны были появиться съ обособленіемъ сельскаго хозяйства отъ иныхъ промысловъ. Но дворъ съ расчлененіемъ занятій и успѣхами культуры продолжаетъ оставаться очевиднымъ и легко распознаваемымъ признакомъ благосостоянія и налогоспособности. Онъ необходимое условіе и сельскаго хозяйства, и торговли, и промысловъ. Изъ предшествующаго мы видѣли, что дворъ при нѣкоторыхъ условіяхъ совпадаетъ съ обжей. Этимъ легко объясняется то, что въ бывшихъ новгородскихъ владѣніяхъ посадскій дворъ по налогоспособности приравнивается къ обжѣ. Въ Вятскомъ уѣздѣ въ XVI вѣкѣ съ посадскаго двора брали то же, что и съ обжи, „а дворъ посадскій противу обжи“ говоритъ памятникъ (А. Э. I № 234, 1552). Въ древнѣйшихъ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ господскій доходъ съ крестьянъ опредѣлялся съ двора-деревни; то же продолжается и въ XVI вѣкѣ. Игуменъ Соловецкаго монастыря въ уставной грамотѣ крестьянамъ пишетъ: „Давати имъ прикащику съ житейскихъ дворовъ“... (тамъ же № 221, 1548). Понятіе о дворѣ крестьянскомъ, какъ окладной единицѣ, присуще сознанию людей и XVI вѣка.

Изъ предшествующаго мы знаемъ, что въ XVI вѣкѣ городскіе дворы сводятся въ сохи, и въ такомъ видѣ нѣсколько десятковъ и даже сотенъ дворовъ составляютъ одну окладную единицу. Но въ то же время и отдѣльные городскіе дворы составляютъ окладную единицу. Для городовъ новгородскихъ пятинъ—это старина. Въ писцовыхъ книгахъ XV вѣка посадскіе люди Корелы, Орѣшка, Ладоги обложены прямо по дворамъ, а не по дворовымъ сохамъ.

Такое обложеніе городскихъ людей (посадскихъ, погостскихъ и жителей рядковъ) по дворамъ непосредственно, а не по дворовымъ сохамъ, встрѣчается и въ грамотахъ XVI вѣка. Шенкурцы и Вельскаго стану посадскіе люди платятъ съ дворовъ намѣстничъ кормъ, новгородцы—пищальныя деньги и выставляютъ ратныхъ людей тоже съ дворовъ ¹⁾.

Въ періодъ полного господства сошнаго письма обложеніе по дво-

¹⁾ А. Э. I № 203, 234.

рамъ непосредственно переходить, иногда, и на крестьянскіе дворы. Въ книгахъ сошнаго письма находится весь необходимый для этого матеріалъ: тамъ приведены не только сохи и чети, но и число дворовъ. Всѣ данныя для обложенія по дворамъ давно на лицо. А дворы представляютъ удобство не только по сравненію съ сохами, но и съ четами. Чети слишкомъ мелкая единица; дворы — покрупнѣе, а потому и удобнѣе. Обложеніе по дворамъ могло повести къ упрощенію и самаго измѣренія, которое брало много времени и едва ли давало точные результаты.

Древнѣйшій намъ встрѣтившійся случай обложенія крестьянъ по дворамъ относится къ 1506 году. Рыболовы Переяславской слободы должны были давать на взвозъ волостелю полтину съ *дворовъ*, а не съ сохъ; ратныхъ же людей на службу они давали не съ дворовъ, а съ сохъ. Рыболовы тѣ же крестьяне; у нихъ есть земли, которыя кладутся въ сошное письмо. Къ нимъ примѣняется и дворовое и сошное обложеніе ¹⁾. Въ писцовыхъ книгахъ Рязанской земли 1594 года находимъ извѣстіе, что монастырская вотчина положена въ соху по дворамъ въ томъ размѣрѣ, какъ кладутся въ соху посадскіе дворы (2-й вып. 157). Съ паденіемъ практическаго значенія сошнаго письма, обложеніе крестьянъ по дворамъ должно было участиться.

Отъ 1632 года сохранилась расписка въ полученіи за этотъ годъ данныхъ и оброчныхъ денегъ съ вотчинъ вологодскаго и великопермскаго архіепископа со 125 дворовъ крестьянскихъ и 18 дворовъ бобыльскихъ. Въ 1637 году, по соборному опредѣленію, брали ратныхъ людей съ дворовъ: съ вотчинъ духовныхъ учрежденій по человѣку съ 10 дворовъ, а съ дворцовыхъ сель, съ помѣстій и съ вотчинъ служилыхъ людей — по человѣку съ 20 дворовъ. Въ то же время ратнымъ людямъ на жалованье приказано было взять съ посадовъ и съ государевыхъ черныхъ волостей съ 10 дворовъ по 20 рублей, а съ двора по 2 рубля. Сборъ съ дворовъ продолжается въ теченіи всего XVII вѣка. Въ концѣ вѣка деньги на жалованье и на хлѣбъ стрѣльцамъ опредѣляются съ двора крестьянскаго, бобыльскаго, посадскаго въ размѣрѣ 30 алт., рубля и пр. ²⁾.

¹⁾ А. Э. I, № 143; въ № 242 тѣ же рыболовы названы крестьянами; Борисоглебскіе рыболовы называются и рыболовами и крестьянами. А. Э. III, № 170. Въ сошной дворцовой рыболововъ волости Ивановъ-Ворокъ описана принадлежащая имъ земля. А. Ю. № 228, 1506—1626 г.

²⁾ А. Ю. № 209, XV.; А. Э. III № 274 и 275; А. Н. III № 201; А. Э. IV № 243, 250, 251, 299; 1632—1688.

Итакъ, обложеніе съ двора проходить чрезъ всю нашу исторію съ древнѣйшихъ временъ и по конецъ XVII вѣка; къ двору городскому оно примѣнялось съ болѣею непрерывностью, но было хорошо извѣстно и крестьянскому. Для XVII вѣка это не новость. Обложеніе съ двора получаетъ въ это время только особенно широкое примѣненіе на счетъ сошнаго письма и нѣкоторыхъ другихъ способовъ, оказавшихся менѣе практичными.

Но дворы очень не равны по своему благосостоянію. Есть дворы—равные обжѣ; но были дворы въ двѣ, три и болѣе обожѣ. Въ Нижнемъ Новгородѣ были дворы, обложенные одной полушпкой, и дворы, обложенные 60 полушпками и даже 120. Какъ же такая непостоянная величина могла служить единицей обложенія? Мы выше указывали уже на то, что дворъ, какъ единица обложенія, и дворъ, какъ единица платежа, не одно и то же. Мѣстнымъ жителямъ предоставлялось путемъ раскладки повинностей по животамъ и промысламъ уравнивать тѣ неравенства, которыя являлись естественнымъ слѣдствіемъ экономическаго неравенства отдѣльныхъ дворовъ. Но это не все: Правительство и съ своей стороны принимало мѣры къ тому, чтобы приспособить эту единицу обложенія къ мѣстнымъ потребностямъ. Дворъ, какъ единица обложенія, въ однихъ мѣстахъ считался болѣею цѣнностью и облагался сильнѣе, въ другихъ—меньшею и облагался легче. Любопытный примѣръ такой приспособляемости двора, какъ единицы обложенія, къ мѣстнымъ потребностямъ, даетъ выписка изъ окладныхъ книгъ о сборѣ денегъ на жалованье московскимъ стрѣльцамъ. Въ 1681 году московскіе гости разложили стрѣлецкія деньги на дворы по всѣмъ городамъ. По ихъ оцѣнкѣ дворы разныхъ городовъ оказались разной платежной способности, а потому и въ окладъ были положены различно. Въ Ярославлѣ каждый дворъ былъ обложенъ 2 р., въ Вологдѣ рублемъ и 140 деньгами, въ Нижнемъ и Костромѣ рублемъ и 100 деньгами, въ Казани рублемъ и 80 деньгами, въ Суздаль и Елатмѣ—рублемъ и 60 деньгами, въ Веневѣ, Серпуховѣ, Бѣлевѣ, Черни, Переяславлѣ Залѣсскомъ, Вязьмѣ, Нерехтѣ, Калугѣ, Устюгѣ-Великомъ и многихъ другихъ городахъ однимъ рублемъ, въ Юрьевѣ-Польскомъ въ 180 денегъ, это наименьшій окладъ (А. Э. IV № 250). Такимъ образомъ, окладной дворъ приспособлялся къ особенностямъ мѣстности, въ однихъ городахъ онъ цѣнился выше, чѣмъ въ другихъ; да кромѣ того въ каждой мѣстности окладной дворъ распадался на отдѣльные платежные дворы, которые платили по ихъ животамъ и промысламъ, а не по окладу, ясный примѣръ чего даетъ

разобранная выше опись Нижняго. На уѣздные дворы окладныя деньги распредѣлялись „по землямъ и по угодьямъ“. По сравненію съ другими единицами обложенія дворъ представляется наиболее гибкой и приспособляемой къ мѣстнымъ условіямъ единицей.

Указанныя единицы обложенія, возникнувъ въ разные времена, не вытѣсняють, однако, одна другую, а существуютъ всѣ вмѣстѣ. Въ XVII вѣкѣ ихъ можно наблюдать одновременно. Но и этихъ многочисленныхъ способовъ обложенія для цѣлой московской администраціи оказалось мало; въ первой половинѣ XVII вѣка возникаетъ еще новый.

Въ XVI вѣкѣ, а по всей вѣроятности и того раньше, у насъ возникла дворовая соха, а въ XVII-мъ возникаетъ дворовая четверть. Первые, дошедшіе до насъ, указы, въ которыхъ идетъ рѣчь объ этой окладной единицѣ, относятся къ 1630 и 1631 году; но нововведеніе началось нѣсколько раньше, годомъ или двумя. Въ этихъ болѣе раннихъ указахъ, до насъ не дошедшихъ, рѣчь шла о новой окладной единицѣ для монастырскихъ вотчинъ и помѣстій нѣкоторыхъ городовъ, напримѣръ, для Мещовска и Медыни; въ дошедшихъ же до насъ указахъ новая окладная единица вводится для помѣстій и вотчинъ въ 71 уѣздѣ.

Дошедшіе до насъ указы ¹⁾ не объясняютъ мотивовъ нововведенія. Но объ нихъ можно догадываться. Есть основаніе думать, что въ XVII вѣкѣ бобыльство получило большое развитіе и число бобыльскихъ дворовъ сравнительно съ крестьянскими значительно возросло. Крестьянскіе и бобыльскіе дворы при подворномъ обложеніи расцѣнивались по животамъ и промысламъ, по землямъ и угодьямъ. Надо думать, что такая расцѣнка не всегда была правильная, и вотъ явилась мысль составить такую окладную единицу, въ которой податное отношеніе крестьянскихъ дворовъ къ бобыльскимъ было бы точно определено и не зависѣло отъ усмотрѣнія окладчиковъ. По имѣющимся даннымъ это было прежде всего сдѣлано для вотчинъ и помѣстій Мещовскаго и Медынскаго уѣздовъ. Новая окладная единица должна была тамъ состоять изъ 12 крестьянскихъ и 8 бобыльскихъ дворовъ. А въ монастырскихъ вотчинахъ приказано было (тоже до 1630 года) класть отъ 3-хъ до 9 дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ въ

¹⁾ Находятся въ указанной книгѣ помѣстнаго приказа, напечатанной г. Сторожевымъ въ VI кн. Описанія документовъ и бумагъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ минист. юстиціи, стр. 100 сл.

дворовую четверть ¹⁾). Устанавливая такое отношеніе между служилой четвертью и монастырской, правительство, очевидно, руководилось тѣми же соображеніями, по какимъ монастырская соха была менѣ помѣстной: духовенство, какъ не состоявшее на службѣ, должно было облагаться повинностями въ большей мѣрѣ, чѣмъ служилые люди. Отъ 30 и 31 года имѣемъ рядъ указовъ, которыми такая же окладная единица устанавливается для помѣстій и вотчинъ еще 71 уѣзда, но для разныхъ уѣздовъ тоже разная. Для однихъ въ 2 кр. и 2 б., для другихъ: въ 2 кр. и 3 б., въ 4 кр. и 2 б., въ 4 кр. и 3 б., въ 5 кр. и 3 б., въ 8 кр. и 4 б. и, наконецъ, въ 12 кр. и 8 б. Это узаконеніе для насъ чрезвычайно важно, и не столько само по себѣ, сколько потому, что оно бросаетъ свѣтъ на прошлое. Новая единица обложенія очень разная для разныхъ мѣстностей и группъ населенія. Почему это? Это изъ желанія приспособиться къ экономическимъ условіямъ разныхъ мѣстъ. Совершенно то же было въ XVI вѣкѣ и ранѣе съ сохой. Сначала она была совершенно индивидуальна, смотря по особенностямъ cadaго имѣнія, потомъ ее стали переводить на опредѣленную мѣру земли, но разную по мѣстностямъ, группамъ владѣльцевъ и даже по лицамъ. Но при такомъ способѣ обложенія можно надѣлать множество ошибокъ (а есть ли безошибочные способы обложенія?) и московское правительство ихъ надѣлало не мало и съ сохой и съ живущей четвертью. Указы о живущей четверти немедленно вызвали неудовольствіе и жалобы. Медынский и мешовскій помѣщикъ платилъ съ 12 кр. и 8 б. дворовъ, а калужскій то же самое, но съ 2 кр. и 2 б. Конечно, дворы могли быть не равны. Когда въ Нижнемъ одинъ дворъ оцѣнивался въ 120 разъ выше, чѣмъ другой, къ этому можно еще было имѣть довѣріе потому, что это индивидуальная оцѣнка cadaго двора въ отдѣльности; съ каждой новой описью она могла измѣниться, и дѣйствительно мѣнялась. А здѣсь? Здѣсь это валовая оцѣнка цѣлаго уѣзда и даже цѣлаго ряда уѣздовъ въ одну цѣну. Тутъ только намѣреніе доброе, а исполненіе—одна крупная ошибка.

19-го марта 1630 года калужане были обложены въ 2 кр. и 2 б. двора и сейчасъ же обратились къ государю царю и великому князю Михаилу Фёдоровичу и отцу его, государю святѣйшему патріарху Филарету, Никитичу, съ челобитьемъ облегчить ихъ окладъ. То же

¹⁾ Въ 17 уѣздахъ въ монастырскую четверть шло всего 3 двора кр. и боб.; въ 14—по 2 кр. и по 2 боб.; въ 16—по 3 кр. и по 2 боб.; въ 8—по 2 кр. и по 3 боб.; въ одномъ—4 кр. и 2 боб. и въ 13—по 6 кр. и по 3 боб.

дѣлають и еще два города. Послѣдовалъ новый указъ, которымъ калужане обложены съ 4 кр. и 3 б. дворовъ. Это ихъ, конечно, не удовлетворило. Новое челобитіе объ облегченіи и новый указъ объ обложеніи калужанъ и еще цѣлаго ряда уѣздовъ съ 8 кр. и 4 б. дворовъ. И всѣ эти перемѣны произошли въ теченіи какихъ-нибудь 10 мѣсяцевъ. Перемышль, Лихвинъ, Брянскъ, Карачевъ и Воронежъ сначала были тоже положены въ 2 кр. и 2 б. двора; а потомъ, по челобитію, прямо переведены въ разрядъ 12 кр. и 8 б. дворовъ. Вотъ какъ внимательно и близко къ дѣлу была сдѣлана первая разцѣпка! Въ практичности такого обложенія очень можно сомнѣваться.

Такъ создавалась новая окладная единица.

Новая мѣра имѣетъ цѣлью регулировать отношеніе крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ. Правительство исходило изъ предположенія, что крестьянскихъ дворовъ мало, а бобыльскихъ много, а потому въ указахъ его находимъ такое опредѣленіе: „А гдѣ крестьянскихъ дворовъ *не достанетъ*, и тутъ указали положить за одинъ дворъ крестьянскій по два двора бобыльскихъ“. А что будетъ не доставать бобыльскихъ дворовъ, этого и въ голову не приходило. Въ дѣйствительности же были случаи, что не доставало бобыльскихъ дворовъ. Приравненіе двухъ бобыльскихъ дворовъ одному крестьянскому, тоже не всегда отвѣчало дѣйствительности. Между бобылями были мастеровые, которые жили не хуже крестьянина. Наконецъ, новая окладная единица представляла и большое неудобство по способу примѣненія: она требовала значительныхъ расчисленій. Въ каждомъ имѣніи число крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ надо было привести въ соотвѣтствующія окладныя единицы по расчету 12 и 8 или 8 и 4 и проч. Могли оказаться дроби и опять должны были возродиться полъ полъ трети и полъ полъ четверти. По этимъ дробямъ и окладъ приходилось распредѣлять въ дробяхъ. Окладъ по дворовымъ четвертямъ и не равномѣренъ и не удобенъ.

Наименованіе новой единицы также заставляетъ очень задуматься. Въ указахъ читаемъ: „Государь, царь и вел. князь Михайло Ѳеодоровичъ и отецъ его, вел. государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ, указали за помѣщики и за вотчинники на *живущую пашню* класть.... по два двора крестьянскихъ да по два двора бобыльскихъ *въ четверть*“. Здѣсь рѣчь идетъ о „живущей четверти пашни“. Но живущая четверть пашни — терминъ писцовыхъ книгъ XVI вѣка. Въ нихъ очень часто читаемъ: „А платять ему государевы всякія подати

съ живущаго съ четвертными пашни съ 7 четей“. Указы 30 и 31 года удерживаютъ это выраженіе, но придаютъ ему совершенно другой смыслъ. Прежде, дѣйствительно, платили съ числа четей живущей пашни; по новымъ указамъ должны были платить съ числа дворовъ, положенныхъ въ живущую четверть. Терминъ и дѣло совершенно разошлись. Повинности собираются не съ четвертей пашни, а съ очень искусственной единицы, съ нѣкотораго итога крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, который въ разныхъ мѣстахъ различенъ и нигдѣ не стоитъ ни въ какомъ опредѣленномъ отношеніи къ живущей пашнѣ.

Новая единица прививалась къ жизни очень медленно. На монастырскія вотчины она была распространена еще до 1630 г. или въ первые два мѣсяца этого года, а въ іюнѣ 1631 года съ вотчинъ Кириллова монастыря брали деньги не съ дворовой четверти пашни, а просто съ чети земли. Это не подлежитъ сомнѣнію ⁴⁾. Итакъ, полтора года спустя послѣ введенія новой единицы она еще не примѣняется.

Но уже съ 1631 года изъ книгъ сошнаго письма стали выдавать выписки о платежѣ повинностей по новому окладу. Мы имѣемъ одну такую выписку. Она была выдана изъ книгъ сошнаго письма 1625—1629 годовъ помѣщику, казанскому жильцу, Девятому Змѣеву. Книги сошнаго письма были написаны обыкновеннымъ порядкомъ: названы деревни, перечислены дворы крестьянскіе и бобыльскіе, показана земля въ четяхъ и положена въ сохи живущія и пустыя. Къ этой выпискѣ подъячій приписалъ расчетъ дворовъ по новому окладу. У Змѣева было дворовъ крестьянскихъ 30, бобыльскихъ—7; окладная единица для его мѣстности—5 кр. и 3 б. двора. Подъячій сдѣлалъ изъ 37 дворовъ „5 четвертей безъ полутретника пашни“. Вотъ какъ получился этотъ результатъ: 10 кр. дворовъ и 6 боб. составляютъ узаконенныя 2 четверти. Затѣмъ остается 20 крестьянскихъ и 1 бобыльскій дворъ. Для обращенія ихъ въ четверти, подъячій перевелъ узаконенную четверть,

⁴⁾ Съ вотчинъ монастыря въ іюнѣ 1631 года опредѣлено было взять даточныхъ людей „съ 23.690 четей“. Монастырская дворовая четверть для Бѣла-озера, по указу 21-го апрѣля 1631 года, состояла въ итогѣ изъ 15 дворовъ. Если бы эти чети были дворовыя, то Кирилловъ монастырь долженъ былъ бы имѣть 355.350 дворовъ, а мы знаемъ, что въ 1637 году у него было всего 2.101 дворъ, а земли 25.490 четей, почти то же, что и въ 1631 году. Нѣтъ никакого основанія думать, что въ 1631 году у него было 355.350 дворовъ. А. О. III № 193 и 274.

состоящую изъ 5 кр. и 3 б. дворовъ, въ чисто крестьянскую, по разсчету 2 боб. дворовъ на 1 крестьянскій; на такую четверть приходится $6\frac{1}{2}$ крест. дворовъ. Остатокъ, 20 кр. и 1 боб. дворъ, онъ обратилъ въ $20\frac{1}{2}$ дворовъ крест., а это составитъ 3 четверти крестьянскихъ съ дворомъ, а въ цѣломъ и получится немного больше того, что вывелъ подьячій: 5 четвертей безъ полутретника *пашни*, только, конечно, не *пашни*. Пашня здѣсь пережитокъ земельныхъ сохъ, а потому четей. Подьячій прилагиваетъ старыя термины къ новымъ явленіямъ, и получается нѣчто невразумительное для непосвященнаго въ приказныя тайны (А. Ю., № 164).

Но такимъ же языкомъ говорятъ и царскія грамоты. Въ грамотѣ 1637 г. въ Пермь Великую о сборѣ денегъ на строеніе укрѣпленій для защиты отъ набѣговъ крымскихъ и ногайскихъ татаръ читаемъ: „А для того городского дѣла и на жалованье ратнымъ людямъ указали мы взять въ городѣхъ, по писцовымъ книгамъ съ *живущихъ чети*, съ *посадовъ*, и съ *пашнихъ* дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей.... съ чети пашни по полтинѣ; съ боярскихъ и съ окольных..... съ помѣстныхъ и съ вотчинныхъ земель, и съ гостей, за которыми земля есть, съ *живущія чети* по 20 алтынъ“ и т. д. Что это за *живущія чети* пашни, съ которыхъ берутъ по 100 и по 120 денегъ? Это, если не старыя чети, то дворовыя четверти, введенныя указами 30-хъ годовъ; въ 1637 году онѣ, надо думать, были уже примѣнены и къ посадамъ, и къ дворцовымъ селамъ, и къ чернымъ волостямъ. Но языкъ памятника легко можетъ возбудить недоумѣніе; онъ переноситъ въ XVI вѣкъ, когда дворовой четверти не было ¹⁾.

Можно, однако, думать, что новая окладная единица, если и примѣнялась, то большого успѣха не имѣла. Дѣлаю такое предположеніе на основаніи грамотъ, въ которыхъ окладъ, назначенный первоначально на живущую четверть пашни, переводился потомъ прямо на дворы. Въ 1680 году со всѣхъ городовъ за стрѣлецкій хлѣбъ положено было собирать съ прибавкой и собирали деньгами съ *живущей четверти пашни* по 2 рубля. „А въ нынѣшнемъ году (1681) государь указалъ и бояре приговорили пологотить и взять вмѣсто данныхъ и оброчныхъ и полонянничныхъ денегъ съ Колскаго уѣзда съ 644 дворовъ по рублю съ *двора*“. Указъ объ облегченіи сборовъ былъ посланъ и въ Тотѣму;

¹⁾ А. Э. III № 268. О дворовой четверти, кажется, рѣчь идетъ и въ № 189, А. Э. IV за 1672 г.

но съ нѣкоторыми перемѣнами. Прежде въ Тотмѣ брали съ *живущей четверти пашни* по 2 рубля за стрѣлецкій хлѣбъ, а теперь вмѣсто стрѣлецкихъ денегъ и иныхъ всякихъ денежныхъ доходовъ положенъ окладъ съ посаду и съ уѣзду съ 3.666 дворовъ по 30 алт. съ двора. Въ чемъ состояло облегченіе, объ этомъ мы не можемъ составить себѣ понятія, такъ какъ въ указахъ сопоставлены разные сборы: съ одной стороны только деньги за стрѣлецкій хлѣбъ, а съ другой въ Тотмѣ—стрѣлецкія деньги и всякіе другіе сборы, а въ Колскомъ уѣздѣ—только нѣкоторые сборы. Но для насъ не это важно, а то, что дѣлается не просто уменьшеніе сборовъ, что легко было бы сдѣлать и при дворовой четверти, а переходятъ къ другой единицѣ обложенія. Новый льготный окладъ опредѣленъ не съ четверти, а съ дворовъ, и будутъ его собирать не поровну съ cadaго двора, а по животамъ и промысламъ, и по пожиткамъ, чтобы лучшіе и полные люди передъ средними и меньшими не были въ выгодѣ, а меньшіе и средніе передъ лучшими и полными въ тягости и никто въ убыли не былъ ¹⁾. Это возвращеніе къ извѣстному уже намъ подворному обложенію, свидѣтельствующее о непригодности новой окладной единицы. Практическая роль этой единицы въ напечатанныхъ памятникахъ выступаетъ очень смутно и не ясно.

Послѣдней окладной единицей, но первоначально съ спеціальнымъ назначеніемъ, является выть.

Кромѣ государственныхъ повинностей на крестьянахъ лежали еще повинности въ пользу господина земли, на которой они сидѣли. Повинности эти опредѣлялись въ порядныхъ и лежали на каждомъ домохозяинѣ. Когда началась конфискація владѣній новгородскихъ бояръ и бояришекъ, повинности крестьянъ, сидѣвшихъ на ихъ земляхъ, стали поступать въ казну великаго князя московскаго; но въ порядкѣ обложенія крестьянъ этими господскими повинностями произошла перемѣна.

¹⁾ А. Э. IV, № 243 и 251, 1681—2. Въ этихъ указахъ встрѣчается такое выраженіе: „Положено было и собрано деньгами *по сошному письму* . . . съ живущей четверти пашни по 2 р. за юфть“. . . Выраженіе „по сошному письму“ не должно удивлять. Изъ выше приведеннаго примѣра (стр. 335) мы видимъ, что дворовыя четверти составляются на основаніи старыхъ книгъ сошнаго письма, въ которыхъ былъ весь необходимый для этого матеріалъ. Но что значить „юфть“? У Даля—это всѣ три поля земли. Крестьянскіе и бобыльскіе дворы клялись въ четверть, а четверть въ полѣ, а въ двухъ потому же. Юфть, надо думать, и означаетъ эту четверть пашни въ трехъ поляхъ. Слово и дѣло совершенно расходятся.

Въ виду значительнаго количества крестьянъ, оказавшихся прекарными владѣльцами конфискованныхъ земель, правительство перевело лежавшій на нихъ господскій доходъ на деньги и возложило его уплату на цѣлое крестьянское общество конфискованнаго имѣнія-волости. Если же имѣніе было небольшое, нѣсколько такихъ имѣній соединялись въ одну волость для уплаты господскихъ великому князю повинностей. Такимъ образомъ, въ предѣлахъ новгородскихъ пятинь возникли особыя окладныя единицы для платежа князю только господскихъ повинностей. Эти особыя единицы, крестьянскія волости, получили права прекарнаго владѣнія и всѣми угодьями, состоявшими при конфискованныхъ волостяхъ и волостяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и право призывать новыхъ крестьянъ въ тотъ же господскій оброкъ и раздавать имъ участки свободныхъ земель. Такъ впервые возникло право крестьянскихъ общинъ на государевы земли. Крестьянскія общины явились землевладѣльцами, но онѣ владѣли не общинно, а подворно; по этому подворному владѣнію они разводили между собой и господскія повинности по пашнѣ, угодью, животамъ и промысламъ. Государственными же повинностями облагались онѣ по обжамъ и сохамъ. Обо всемъ этомъ была рѣчь выше.

Въ старыхъ областяхъ возникающаго Московскаго государства съ самыхъ древнихъ временъ для уѣзднаго обложенія существовали сохи. Въ XVI вѣкѣ онѣ достигаютъ весьма значительныхъ размѣровъ. Мы уже знаемъ, что сохи оказались неудобными для цѣлей государственнаго обложенія, и допустили рядомъ съ собой чети; еще менѣе были онѣ удобны для цѣлей господскаго обложенія, для котораго и возникли спеціальныя единицы—выти. Что значитъ слово выть?

Слово „выть“ въ памятникахъ XV—XVII вѣка употребляется въ смыслѣ части, доли, участка; слово „вытникъ“ означаетъ участника. Истецъ говорить на судѣ: „По то, господине, мѣсто—наше земля городская, моего двора выть“, т. е. участокъ моего двора. Нѣсколько общихъ владѣльцевъ варницы продаютъ свою часть и говорятъ: „Отступились есмь росолу въ варници свою двѣнадцатую выть въ варници, и въ кистрицахъ, и со всѣми угодьями тоѣ варницы, что къ ней изстари потягло“. Разграбленное имущество пополнялось изъ имущества грабителей. Въ уставныхъ грамотахъ читаемъ: „А которые люди сами на себя въ разбоѣ говорили, и тѣхъ казнить смертною казнію, а животы ихъ истцомъ въ *выть* въ полы истцовыхъ исконъ“, т. е. движимость разбойниковъ идетъ въ уплату части пограбленнаго, въ половину противъ сдѣланнаго заявленія. Тоже и въ Уложеніи: „А

которыя языки говорятъ на чьихъ либо людей (т. е. свидѣтельству-
ють о разбоѣ этихъ людей) и доведется на нихъ взять *выти*“, т. е.
части пограбленнаго.— Въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ чи-
таемъ: „Дворъ Мартылко Есиповъ (своеземецъ), сѣть ржи 2 ко-
робби, а сѣна косить 15 коней, обжа; а вытники у него въ той обжѣ:
дьякъ Никитцкой съ Никитцкіе улицы, Нефедъ да Грідка Исаковъ
изъ Еглина съ Печни Озера . . .“ Мартынь Есиповъ живетъ на своей
землѣ и его дворъ обозначенъ; но у него есть совладѣльцы, это его
вытники. Они живутъ въ другихъ мѣстахъ, предоставивъ Есипову
вести общее хозяйство ¹⁾).

Въ этомъ смыслѣ—части, доли—слово *выть* употребляется очень
часто, но не стоитъ ни въ какомъ отношеніи къ окладнымъ едини-
цамъ и къ уплатѣ какихъ либо повинностей. Это, конечно, первоначаль-
ный смыслъ слова.

Рядомъ съ этимъ старымъ, первоначальнымъ значеніемъ, слово
выть получило и новое съ того времени, когда нмъ стали означать
спеціальную окладную единицу для потребностей дворцоваго хозяйства.
Когда впервые возникли такіа *выти*, этого мы не можемъ сказать, за
полнымъ отсутствіемъ въ печати писцовыхъ книгъ первой половины
XVI вѣка. Но со второй половины вѣка *выти* встрѣчаются часто,
хотя и въ концѣ вѣка есть дворцовыя села и деревни, въ которыхъ
выти еще не введены ²⁾).

Что же это за единица? Въ писцовыхъ книгахъ конца XVI вѣка,
послѣ весьма подробнаго описанія дворцовыхъ деревень и подведенія
итога къ числу дворовъ, людей и четей земли въ живущемъ и въ
пустѣ, обыкновенно читаемъ: „И *дано на выти* крестьяномъ доброй
земли по 6 десятинъ А оброку крестьяномъ платити въ Дворцо-
вый приказъ съ *выти* по полтинъ да мелкаго доходу платити
крестьяномъ на дворецъ съ 30 *вытей* яловица, съ 15—боровъ живой,
съ *выти* по барану, по 2 сыра кислыхъ и т. д. А коли князь великій

¹⁾ Нов. пис. кн. I ст. 811; А. Ю. № 7 а 135; А. Ю. I, № 281; Уложеніе XXI, 66; 1491—1649.

²⁾ Въ приложеніяхъ Неволина находимъ извлеченіе изъ описанія дворцовыхъ
селъ и деревень въ новгородскихъ патинахъ конца XVI вѣка, но безъ *вытей*. При-
лож. II и VI; Приложеніе XII оканчивается описаніемъ тоже дворцовыхъ деревень,
но оно не сохранилось.—Наиболѣе древнее упоминаніе *вытей*, намъ встрѣтившеся,
относится къ 1557 году. Отъ этого года сохранилась сотная дворцовыхъ рыболововъ,
земля которыхъ были положены въ *выти*. А. Ю. № 228.

не велить у нихъ мелкимъ доходомъ имати, и крестьяномъ платити: за яловницу съ выти по 7 денегъ, за борова съ выти по $3\frac{1}{2}$ денегъ“ и т. д.

Выраженіе „дано на выть 6 десятинъ доброй земли“—можетъ навести на мысль, что произошло какое-то равномерное надѣленіе крестьянъ землею; что прежде они владѣли, кто чѣмъ хотѣлъ, а теперь надѣлены всѣ поровну. Ничего такого не произошло. Крестьяне продолжаютъ сидѣть на прежнихъ участкахъ, и въ каждой деревнѣ есть жилыя и пустыя земли; и тѣ, и другія положены въ сохи по общему порядку. „Дано на выть“—значить, что итогъ крестьянскихъ земель села съ приписанными къ нему деревнями раздѣленъ на равныя части или доли, съ которыхъ они и должны платить ниже перечисленные повинности во дворецъ. Эти равныя части и названы всѣмъ хорошо извѣстнымъ словомъ „выти“.

Итакъ, выть это опредѣленное количество земли, съ котораго дворовые крестьяне несутъ господскія повинности во дворецъ зерномъ, скотомъ, птицей, лѣпцами, дровами, сѣномъ, соломой и проч. Это и значить дано на выть. Съ этой реформы, надо думать, появился и глаголъ „развытить“, т. е. разложить сборъ повинностей на выти. Размѣръ такихъ вытей въ разное время опредѣлялся различно. Въ концѣ XVI вѣка и въ началѣ XVII-го давали, обыкновенно, на выть въ 6 десятинъ доброй земли (7 средней и 8 худой), но давали и меньше: 5, $3\frac{1}{2}$, $1\frac{1}{2}$ десятины доброй земли и даже того меньше ¹⁾.

По отдѣльнымъ крестьяне сидятъ не на цѣлыхъ вытяхъ, а на ихъ дробныхъ частяхъ, которыя для разныхъ хозяйствъ различны. Писцовыя книги конца XVI вѣка даютъ возможность составить себѣ точное понятіе о размѣрахъ крестьянскихъ участковъ дворовыхъ имѣній.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ данныхъ для Тверского уѣзда по описи 1580 года.

¹⁾ Невоминъ, Приложенія, 130, 1627 г.

Выти считались то въ десятинахъ, то въ четьяхъ. Проф. П. Милюковъ нашелъ въ Арх. М. Юстиціи сохную 1544 года, въ которой мѣра десятины опредѣлена такъ: въ длину—80 саж., въ ширину—30=2.400. Ту же мѣру имѣетъ десятина и въ книгѣ сошного письма 1629 года на стр. 56; а на стр. 18-й десятина опредѣлена такъ: $80 \times 40 = 3200$ сажень. Временникъ XVII. Не только сохи, но и десятины были не равной величины. Старое различіе десятинъ дожило и до нашихъ дней въ различіи казенной и экономической десятины.

			имѣло		
			состояло паш.	пашни въ живущемъ	въ пустѣ.
Село Марьино и къ нему .	28 дер.	111 двор.	109 дес.	140 дес.	
„ Щербинино	9 „	35 „	35 „	77 „	
„ Михайлово	3 „	51 „	46 „	79 „	
„ Сухарино	9 „	48 „	47 „	131 „	
„ Борки	15 „	109 „	109 „	160 „	
„ Единоново	15 „	135 „	118 „	113 „	
Слободка села Единонова .	20 „	136 „	125 „	122 „	
Село Костянтиновское . . .	5 „	27 „	22 „	41 „	

Нельзя сказать, чтобы землевладѣніе дворянскихъ крестьянъ конца XVI вѣка было очень обширно. Земель въ живущемъ въ среднемъ на каждый дворъ не всегда приходится по десятинѣ въ полѣ. Но земли въ пустѣ не всѣ пустыя, нѣкоторая часть ихъ воздѣлывается тѣми же дворами, но переложно, а частью паѣздомъ. Благодаря этому пашенное хозяйство отдѣльныхъ дворовъ можетъ подняться въ среднемъ до 2 дес. въ полѣ. Кромѣ пашенныхъ земель, нѣкоторые крестьяне имѣли покосы и лѣсные участки. Въ выти, по общему въ это время порядку, писались какъ живущія, такъ и пустыя деревни и земли. Въ селѣ Марьинѣ считалось 12 живущихъ вытей, въ Щербининѣ 4 съ $\frac{1}{3}$, въ Михайловѣ 6, въ Сухоринѣ—7 и т. д., съ которыхъ крестьяне и платили дворянскія повинности. На пустыя выти имъ предоставлялось право призывать новыхъ поселенцевъ на льготы и сдавать ихъ въ оброкъ; мы уже знаемъ, что это право предоставлялось крестьянамъ еще въ концѣ XV вѣка и, конечно, раньше, какъ только появилось прекарное крестьянское владѣніе.

Количество земли на одно хозяйство съ полной точностью можно указать только для деревень съ однимъ дворомъ, или когда именно указано количество земли на одинъ дворъ. Приведемъ два такихъ примѣра. Въ дер. Нетребуево было одинъ дворъ, въ которомъ жили два брата съ племянникомъ, пашни у нихъ было 2 десятины въ полѣ. Сѣна и лѣса вовсе не было. Въ дер. Колодезецъ Иванъ Заборовскій жилъ на одной шестой выти (отъ 8 дес.); сѣна и лѣсу не было. Въ первомъ случаѣ три работника воздѣлывали всего 2 дес. въ полѣ, во второмъ одинъ—десятину съ $\frac{1}{3}$ (Калачовъ II, 302, 305). Пашни переложной тоже не было.

Близкій къ этому результатъ даютъ и нѣкоторыя деревни съ

нѣсколькими дворами. Въ Демковѣ было 4 двора, а пахали они всего 3 дес. пашни да перелогу 1 десятину (307). Въ починкѣ Кузминѣ было два двора, а пашни у нихъ было 1 десятина съ $\frac{1}{6}$ да перелогу одна десятина съ $\frac{1}{3}$, луговъ не было, а лѣсу кустаремъ было 8 десятинъ (318). Въ первомъ случаѣ на дворъ съ переложной пашней приходится по одной десятинѣ въ полѣ, во второмъ немного болѣе.

Но были случаи и болѣе крупныхъ запашекъ. Въ дер. Осипково было 2 двора; одинъ принадлежалъ двумъ мужикамъ, другой вдовѣ. Пашни у нихъ было 7 десятинъ въ полѣ; сѣна, лѣсу, перелога—не было (308). Это по 3 съ $\frac{1}{2}$ десятины въ полѣ на дворъ.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что небольшія деревни конца XVI вѣка, составлявшія одну платежную единицу, были очень различно надѣлены благами природы. Однѣ имѣли луга, лѣса, переложныя пашни; другія были лишены этихъ удобствъ. Объясняется это происхожденіемъ государевыхъ земель изъ частныхъ владѣній. Въ прекарное владѣніе крестьянъ поступило то, чѣмъ владѣли прежніе своеземцы: если у нихъ угодій не было, не было угодій и у ихъ крестьянъ. Этимъ неравенствомъ крестьянскаго землевладѣнія объясняются слѣдующія предписанія писцовыхъ книгъ: „А землями, и луги, и лѣсомъ, и всякими угодья верстатися крестьяномъ на всякую выть по ровну, и не черезъ землю, чтобъ крестьяномъ межъ себя спору и брани не было ни которыми дѣли“ (294).

Приведеннымъ предписаніемъ дѣлается новый крупный шагъ на пути къ тому общинному землевладѣнію, которое окончательно выработало свои типическія формы только въ XVIII вѣкѣ со введеніемъ подушной подати. До конца XVI вѣка множество маленькихъ деревенокъ (а большинство было маленькіи) еще оставались въ своихъ старыхъ границахъ. Если у прежняго владѣльца не было угодій, ихъ не оказывалось и у замѣнившихъ его крестьянъ, хотя бы рядомъ, у сосѣднихъ крестьянъ, было довольно и луговъ и лѣсовъ и всякихъ угодій. Какъ скоро эти земли стали переходить въ руки московскихъ князей и дѣлиться на выти, оказалось нужнымъ уравнивать выти лѣсами, лугами и другими угодьями. Выти были равны по количеству папешной земли, а не угодій. Поэтому во многихъ деревняхъ не было ни луговъ, ни угодій. Это, конечно, производило большую разницу въ платежной способности вытей и порождало ссоры между крестьянами. Отсюда необходимость уравниванія вытей и деревень угодьями. О переходѣ разныхъ угодій въ прекарное владѣніе новгородскихъ крестьянъ

мы имѣли уже случай говорить раньше; но были ли тогда же принимаемы мѣры къ уравниенію угодьями деревень разныхъ владѣльцевъ, это не ясно. Скорѣе можно думать, что такихъ предписаній тогда еще не дѣлали; они появляются въ концѣ XVI вѣка, какъ новость, для прекращенія крестьянскихъ „споровъ и брани.“ Предписанное уравниеніе должно было вызвать передѣлъ земель между деревнями, а вслѣдствіе уравнительнаго предѣла земель и угодій могло появиться и соединеніе мелкихъ селъ и деревень въ крупныя, простирающіяся на цѣлыя версты. Подъ передѣломъ мы разумѣмъ единовременный передѣлъ для уравниенія вытей и деревень лугами, лѣсами и другими угодьями, а не періодически повторяющійся. Этотъ послѣдній могъ возникнуть только съ переложеніемъ повинностей съ хозяйствъ на души. Въ условіяхъ же древняго до Петровскаго быта для него не было ни малѣйшихъ основаній ¹⁾.

Возвратимся къ описанію отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствъ. Московскія описи дворцовыхъ селъ и деревень представляютъ ту особенность, что приводятъ не только размѣры нашенныхъ земель крестьянъ, но и размѣры ихъ дворовъ, т. е. земли, занятой постройками и огородами. Размѣры дворовъ и огородовъ также очень раз-

¹⁾ Въ 50-хъ годахъ прошлаго вѣка въ доказательство существованія передѣловъ еще въ XV вѣкѣ приводилось слѣдующее мѣсто изъ грамоты митроп. Спмона Юрѣ Масленицкому: „Былъ ми челоуѣ архиманд. Матвій, а сказываеъ, что ихъ монастырскіе крестьяне... пашутъ пашни на себѣ много, а монастырскіе де пашни мало. И ты бы въ тѣ села съ архимандритомъ ѣхалъ, да землю бы есте во всѣхъ трехъ поляхъ перемерили, да далъ бы еси Христіаномъ во всѣхъ трехъ поляхъ по пяти десятинъ, а на монастырь бы еси указалъ имъ пахати шестую десятину. А будетъ земли обильно, а кому будетъ земли надобно боги того, и онъ бы потому же пахалъ и монастырскую пашню—шестой жеребей; а кому не будетъ силы пахати пяти десятинъ, и онъ бы потому пахалъ и монастырскую пашню“. Грамота эта найдена проф. Милюковымъ и имъ напечатана, Вопросы 32. Даты не имѣетъ. Могла быть написана между 1496 и 1510 г. Въ ней не только нѣтъ передѣла, но даже нѣтъ и равнаго надѣла крестьянъ. Правда, въ ней говорится, чтобы Юрка далъ крестьянамъ по пяти десятинъ, но изъ дальнѣйшаго слѣдуетъ, что желающіе могутъ взять и больше и меньше. Изъ челобиты архимандрита видно, что крестьяне берутъ земли много, а на монастырь пашутъ мало. Грамота опредѣляетъ размѣръ крестьянскихъ натуральныхъ повинностей въ пользу монастыря. Они должны пахать за пять десятинъ шестую на монастырь, а сколько у кого будетъ земли, это безразлично. Что же значить „дать по 5 десятинъ?“ Это, конечно, сказано на тотъ случай, если всѣ крестьяне займутъ большія требованія, а земли для ихъ удовлетворенія не будетъ. Тогда дать всѣмъ поровну, по пяти. Эта грамота имѣетъ ту же цѣль, что и учрежденіе вытей; но какъ и выти не установить ни надѣла, ни передѣла.

личны. Встрѣчаемъ два двора на $\frac{1}{8}$ выти, на $\frac{1}{4}$ и на $\frac{1}{4}$ и одинъ дворъ на $\frac{3}{8}$ выти. Такимъ образомъ, на одинъ крестьянскій дворъ съ огородомъ приходится отъ половинны десятины до 3 десятинъ. Это, можетъ быть, свидѣлствуетъ о значительномъ развитіи огородничества, которое даже при небольшихъ размѣрахъ двора равнялось почти половинѣ обрабатываемой земли въ полѣ. И теперь крестьяне сѣютъ коноплю у двора за огородомъ. Это могло быть и въ XVI-мъ вѣкѣ, чѣмъ, можетъ быть, и объясняются такіе многоземельные дворы, какъ приведенный дворъ въ 3 десятины, если тогда въ Тверскомъ уѣздѣ воздѣлывали коноплю. Земля подъ дворомъ въ платежную выть не шла, хотя и клалась въ выти.

На размѣрахъ крестьянскихъ участковъ у дворцовыхъ крестьянъ мы остановились случайно, съ цѣлью указать на то, что выти и крестьянскіе участки не одно и то же. Но разъ зашла рѣчь о размѣрахъ крестьянскихъ участковъ, считаемъ не лишнимъ, для полноты впечатлѣнія, указать и на размѣры участковъ у крестьянъ частныхъ владѣльцевъ того же времени. Они тоже очень неравные, но достигаютъ рѣдко гораздо большихъ размѣровъ. Въ томъ же Тверскомъ уѣздѣ у крестьянъ князей Гундоровыхъ въ деревняхъ съ однимъ дворомъ пашни въ полѣ приходилось: 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 16 и даже 20 и 25 четей. Всѣ эти деревни находились въ одномъ мѣстѣ и тянули къ одному селу Тересупкѣ, гдѣ былъ и княжой дворъ. Разнообразіе дворовыхъ участковъ въ помѣстьяхъ еще большее, чѣмъ въ дворцовыхъ помѣстьяхъ. Въ той же волости, но у другого помѣщика, мы замѣтили деревню въ одинъ дворъ, но съ пашней въ 29 четей въ полѣ. Больше крупныхъ крестьянскихъ запашекъ не пришлось встрѣтить. Деревни съ нѣсколькими дворами чаще представляютъ запашку среднихъ размѣровъ, чѣмъ крупныхъ (Калачовъ, II 70, 71 и сл.).

Съ перваго появленія прекарнаго владѣнія крестьянскихъ общинъ, которое восходитъ къ XIV вѣку, и до конца XVI-го не замѣтно никакихъ измѣненій въ отношеніяхъ общинъ къ ихъ землямъ. Во владѣніи и пользованіи общинъ состоятъ государевы земли съ принадлежащими къ нимъ угодьями: водами, лѣсами, лугами, но до тѣхъ поръ, пока эти земли не будутъ отданы въ помѣстья или кому пожалованы на вотчинномъ правѣ. Общины могутъ сдавать пустыя земли новымъ пришельцамъ въ то же тягло или на льготѣ. Но участки отдѣльныхъ крестьянъ не равны, и они получаютъ ихъ не для платежа тягла. Совершенно наоборотъ, не землевладѣніе определяется

по тяглу, а тягло по размѣру участка, и крестьянинъ воленъ брать участокъ любой величины. Нѣтъ ни надѣловъ общинной земли членамъ общины, ни передѣловъ. Каждый членъ общины владѣеть своимъ участкомъ наслѣдственно и можетъ его отчуждать.—Чтобы общинное землевладѣніе сдѣлало въ XVII вѣкѣ дальнѣйшіе шаги въ смыслѣ приближенія къ тому порядку вещей, который составляетъ предметъ поклоненія нашихъ общинниковъ, на это нѣтъ указаній. Въ утѣшеніе имъ надо, однако, сказать, что этотъ порядокъ порожденъ не крѣпостнымъ правомъ, а введеніемъ подушной подати, которая сдѣлала необходимыми душевые надѣлы и передѣлы.

Въ XVI вѣкѣ выти встрѣчаются не въ однихъ только дворцовыхъ селахъ и деревняхъ, но и во владѣніяхъ частныхъ лицъ, духовныхъ учрежденій и свѣтскихъ. Онѣ служатъ здѣсь также для обложенія господскими сборами, но общаго правила не составляютъ. Въ нѣкоторыхъ вотчинахъ Троицы-Сергіева монастыря выти есть, въ другихъ нѣтъ. Выти въ помѣстьяхъ встрѣчаются, но рѣдко; онѣ были и въ вотчинахъ, напримѣръ, у князя Ивана Мстиславскаго въ Веневскомъ уѣздѣ ¹⁾).

Такъ какъ выти имѣютъ частно-хозяйственное значеніе, то земли государевыхъ крестьянъ черныхъ волостей, съ которыхъ не шло никакихъ господскихъ повиностей ко дворцу, въ выти не кладались. Такъ надо думать на основаніи тѣхъ, правда, очень немногочисленныхъ, описаній черныхъ волостей, которыя напечатаны ²⁾).

Надо, однако, думать, что вытные участки на практикѣ оказались весьма удобными единицами обложенія, а потому съ теченіемъ времени примѣненіе ихъ вышло за предѣлы ихъ первоначальнаго назначенія. Въ новгородскихъ описяхъ XVII вѣка встрѣчаемъ выти у государевыхъ крестьянъ черныхъ волостей; отъ того же времени имѣемъ указаніе на сборъ съ монастырскихъ вытей государева оброка, ямскихъ денегъ и приметныхъ, дани и всякихъ другихъ доходовъ. Такъ какъ все это дѣлается по сошному письму, то въ платежной выпискѣ съ писцовыхъ книгъ показывается, сколько вытей прихо-

¹⁾ Писц. кн. XVI в. II 6, 14, 54, 608—у монастырей есть выти; 420, 195—выти не известны. У нѣкоторыхъ помѣщиковъ Полоцкаго повѣта встрѣчаются выти, II 461, 469. Размѣръ монастырскихъ вытей тоже колеблется, I 609, 655, 731, но въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ, чѣмъ размѣръ дворцовыхъ.

²⁾ *Былаеми* во Времени. т. VI, ст. 51; *Калачеми* во II т. писц. кн. XVI в. ст. 49, 61, 160, 177.

дятся на соху, то есть, сохи переводятся въ выти ¹⁾). Нововведеніе опять вводится въ старыя рамки сошного письма. Писцовыя книги „письма и мѣры“ такого-то составляютъ основаніе для всякаго обложенія. Это роугъ изобилія, изъ котораго можно получить и сохи земельныя и дворовыя, и обжи, и чети, и дворы, и живущія четверти, и, наконецъ, выти. Правительству оставалось только выбирать такую окладную единицу, котораю, при данныхъ условіяхъ, оказывалась наиболѣе пригодной. И оно выбирало.

Новгородскія обжи, дожившія до XVII вѣка, оказались чрезвычайно удобными для превращенія ихъ въ выти. Для этого не было надобности дѣлать не только новаго измѣренія, но и никакого перечисленія обжъ въ выти, а слѣдовало только новгородскія обжи называть вытями. Это и случилось. Въ XVI вѣкѣ, какъ мы знаемъ, обжа равнялась 5 десятинамъ или 10 четямъ; обыкновенный же размѣръ дворцовой выти опредѣлялся въ 6 десятинъ, но это съ той десятиной, которая давалась для посопнаго хлѣба, т. е. для поставки во дворецъ хлѣба зерномъ. Безъ этой прибавочной единицы московская выть будетъ „глазь въ глазь“ равна новгородской обжѣ. Новгородская обжа для всѣхъ имѣній, не поставляющихъ во дворецъ посопнаго хлѣба, есть московская выть. Такъ именно и смотрѣло московское правительство. Въ 1623 году приказано было въ Новгородѣ собрать мостовыя деньги съ уѣздныхъ земель и посадскихъ людей. На мостовое дѣло въ Новгородѣ требовалось 915 р. 20 алт. съ 1 ден. Государь пожаловалъ новгородцевъ, для ихъ разоренія, велѣлъ дать имъ въ помощь изъ своей казны треть этой суммы; а двѣ трети „приказалъ развытити и собрать съ Новгорода, съ посаду и съ уѣзду, съ черныхъ и съ бѣлыхъ сохъ, и со всякихъ людей съ дворовъ безъ выбору, чтобы никто въ избылыхъ не былъ“. Какъ же собирали эти деньги? Составлена была особая роспись, „сколько, по разводу, денегъ имѣется взять и почему съ выти“ ²⁾). Этою росписью читатель можетъ быть приведенъ въ великое изумленіе. По писцовымъ новгородскимъ книгамъ XV и XVI вѣка въ Новгородѣ нѣтъ вытей, а только обжи; только въ одной сотной 1627 года говорится о вытяхъ въ Сумерской волости у государевыхъ крестьянъ. Откуда же явились выти у всѣхъ помѣщиковъ, монастырей и другихъ свое-

¹⁾ Невольникъ, Приложенія, № V; 1627 г. Рус. Ист. Библіотека XIV т. № 31 на ст. 924; 1630 годъ.

²⁾ А. О. III, 145; 1623 годъ.

земцевъ, съ которыхъ приказано брать мостовыя деньги въ 1623 году? Это очень просто. Вытми названы обжа ¹⁾. Новгородскія обжа превратились въ московскія выти и служатъ прекрасной единицей обложенія въ XVII вѣкѣ. Выть, имѣвшая при своемъ возникновеніи, исключительно частно-хозяйственное значеніе, въ XVII вѣкѣ превращается въ общую единицу обложенія и конкурируетъ съ обжею сохой, четью, дворомъ и съ живущей четвертью.

Окладныхъ единицъ къ XVII вѣку накопилось у насъ много. Но въ дѣйствительности различіе между ними было далеко не такъ велико, какъ можетъ показаться на первый взглядъ. Всѣ шесть единицъ сводятся къ двумъ типамъ, которые въ концѣ концовъ сливаются въ одинъ. Первый типъ — сельско-хозяйственная единица, съ XVI вѣка измѣряемая количествомъ воздѣлываемой земли. Это — обжа соха, четь, выть. Второй типъ — хозяйственная единица, одинаково примѣнимая и къ сельскому и ко всякому другому хозяйству. Это — дворъ, дворовая соха, дворовая четверть. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ разные способы обложенія по внѣшнему признаку размѣровъ землевладѣнія, во второмъ — по внѣшнему признаку богатства хозяйскаго двора. Практическія удобства этихъ единицъ различны, а потому правительство и переходитъ отъ одной къ другой въ безпрерывныхъ

¹⁾ Въ той же росписи полторы сохи переведены въ 45 вытей, т. е. 45 вытей составляютъ полторы сохи. Въ Новгородѣ, какъ мы знаемъ, 3 обжа полагаются на 1 соху (малую сошку), 1 обжа = 10 четямъ, сошка = 30 четямъ; 10 сошекъ = московской сохѣ или 300 четямъ. Если полторы сохи = 45 вытимъ, то соха = 30 вытимъ, а въ выти 10 четей, слѣдовательно соха = 30 вытимъ или обжамъ. Г. Дьяконовъ, на основаніи архивныхъ матеріаловъ говоритъ, что въ Вятской землѣ въ концѣ XVI вѣка соха имѣлась вытимъ, а выти различались по качеству земли, при чемъ на выть доброй земли шло 10 четей, средней 12, худой 14. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1893, VII, 215. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что на Вятскую землю распространился московскій обычай одобриванія земель. Удивительно только то, что почтенный авторъ не замѣтилъ, что выть въ 10 четей есть новгородская обжа. Московская система одобриванія въ сущности дѣла ничего не мѣняетъ. При этой системѣ 10=12=14 и только; 10 четей, слѣдовательно, остаются десятью при всемъ разнообразіи качества земель. То же и при одобриваніи сохъ, а потому на процессъ одобриванія мы и не считали нужнымъ останавливаться. Цѣль одобриванія совершенно ясна: уравниеніе платёжной способности владѣльцевъ земель разнаго качества. Практика могла иногда приводить къ совершенно обратнымъ послѣдствіямъ. — Такихъ обжа-вытей клали тамъ на соху не 30, какъ въ другихъ мѣстахъ, а только 10. На это архивное доказательство различія величинъ сохи по разнымъ мѣстамъ, мы уже обратили вниманіе читатели выше.

повсѣхъ наиболѣе удобнаго способа обложенія. Думать, что какой либо изъ этихъ способовъ можетъ увеличить количество поступленій, а потому правительство и переходитъ отъ одного къ другому, нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Величина поступленій нисколько не зависѣла отъ особенностей нашихъ единицъ обложенія. Каждая изъ нихъ допускала и тяжелое и легкое обложеніе: стоило только увеличить или уменьшить окладъ.

Ни одна изъ этихъ единицъ не была приурочена къ сбору какаго либо особаго вида повинностей. Разнообразныя повинности, имѣющія отношеніе къ военному дѣлу, напримѣръ, падаютъ и на соху земельную и на соху дворовую, и на четъ, и на живущую четверть, и на дворъ, такъ въ XVI и XVII вѣкѣ ¹⁾. О четахъ въ писцовыхъ книгахъ говорится „а платитъ ему съ 5 четей“, т. е. платитъ всякія повинности, какія будутъ назначены. Обжи и сохи, земельныя и дворовыя, возникли также для платежа всякихъ повинностей.

Есть, однако, основаніе думать, что долговременный опытъ привелъ Московское правительство къ убѣжденію въ практическомъ превосходствѣ подворнаго обложенія. На эту мысль наводитъ то, что установленная въ концѣ XVII вѣка, въ замѣнъ множества старыхъ податей, стрѣлцкая подать взималась съ дворовъ. Даже въ томъ случаѣ, когда первоначально она назначалась съ живущей четверти, она переводилась потомъ на дворы. Потому, конечно, что дворовое обложеніе представлялось на практикѣ наиболѣе удобнымъ. Вотъ какъ оно должно было происходить въ дѣйствительности. Духовенство устюжской епархіи въ челобитьи своемъ говоритъ: „Въ прошломъ, государь, въ 1682 году, по указу брата вашего, блаженныя памяти, великаго государя, царя и великаго князя Федора Алексѣевича...., велѣно на дачу жалованья Московскихъ приказовъ стрѣльцамъ.... имать по рублю съ двора съ поверсткою по землямъ и по угодьямъ, и не посылать ни на кою“. Итакъ, крестьянскіе дворы облагались не по ровну, а смотря по землямъ и угодьямъ ²⁾. Дворовое обложеніе переходитъ въ поземельное. Облагается не дворъ, а хозяйство. Это и

¹⁾ Мы имѣемъ здѣсь въ виду ратное дѣло вообще, поставку даточныхъ и ратныхъ людей, сборъ денегъ нмѣ на жалованье, ищальными деньгами, стрѣлцкій хлѣбъ и деньги, полонящичными деньгами, городовое дѣло и т. д. А. Д. I № 205, 233; Писцов. кн. XVI в. I ст. 631; Невольнич., Приложенія 321; А. П. II № 109; А. Ю. № 311 А. Э. III № 193, 268, 304; IV № 250, 251 и пр.: 1545—1681.

²⁾ Рус. Ист. Библіотека, XII стр. 608. № 115; 1684 годъ.

будетъ „подымное“, выражаясь языкомъ начальной лѣтописи и архивнаго документа XVII вѣка. Послѣ долгаго ряда опытовъ, мы кончили тѣмъ, съ чего начали. Но полнаго разрыва съ началомъ никогда и не было. Дворъ всегда находился въ основѣ всякаго обложенія. Облагать по людямъ, по ихъ силѣ, по животамъ и промысламъ, по пашнѣ и угодыамъ—можно только хозяйства, т. е. дворы. А такое обложеніе проходитъ чрезъ всю нашу исторію. Подушное обложеніе не имѣетъ ни малѣйшей связи съ нашей стариной и представляетъ великую ошибку времени „реформъ“.

Мы рассмотрѣли всѣ окладныя единицы, но этимъ еще не исчерпывается вопросъ объ обложеніи. Обложеніе происходило въ предѣлахъ нѣкотораго опредѣленнаго округа, а потому необходимо выяснить, что же это за округа. Это очень неясный вопросъ. Княжескіе указы его вовсе не касаются. Это дѣло практики и вѣковѣчной старины. Московское государство образовалось путемъ присоединенія къ нему сосѣднихъ княженій. Присоединеніе оставляло неприкосновеннымъ все то, что новому правительству казалось для его цѣлей безразличнымъ. Дѣленіе на правительственные округа, конечно, вещь довольно безразличная, а потому во многихъ случаяхъ старина и удерживалась. Рыболовы и крестьяне Борисоглѣбской слободы, стоявшей противъ Романова городка (Ярославскаго уѣзда), говорятъ, что они *изстари* въ Романовъ городокъ не плачивали ни мыта, ни головщины, ни таможенныхъ пошлинъ, а собирали ихъ у себя и составляли особый отъ Романова городка округъ. Они ссылаются на старыя грамоты Ѳедора Ивановича, царя Ивана Васильевича и отца его, Василія Ивановича. Михаилъ Ѳеодоровичъ, при которомъ возникъ этотъ споръ двухъ рядомъ стоящихъ мѣстечекъ, рѣшилъ его въ пользу старины. Борисоглѣбская слобода продолжала составлять особый округъ не только въ 1626 году, но и въ 1681-мъ.—Въ 1690 году деревенскіе владѣльцы Пятницкаго села (Усольскаго уѣзда) били челомъ великоустюжскому архіепископу на игумена Троицкаго монастыря въ томъ, что онъ съ монастырской деревни не платитъ вмѣстѣ съ ними государевыхъ податей, а деревня эта съ ними „въ платежу и въ окладѣ *точно*“¹⁾. Итакъ, были какіе-то старинные округа. Но ничто не вѣчно, и съ измѣненіемъ всего нашего общественнаго строя въ Москвѣ, и старинные округа претерпѣвали измѣненія. Эти измѣненія дѣлались и по добволѣ, по требованіямъ мѣстныхъ нуждъ, частично, а не такъ,

¹⁾ А. О. III № 170; т. IV № 250; Рус. Ист. Библ. XII № 270.

какъ Петръ Великій и Екатерина Великая преобразовывали наше мѣстное управленіе. Отъ этихъ мѣстныхъ измѣненій остался очень слабый слѣдъ, а потому исторія административныхъ округовъ, которая въ свое время нѣкогда особенно не занимала, кромѣ самихъ плательщиковъ, представляется въ очень смутномъ освѣщеніи. Для правительства было безразлично, кто съ кѣмъ платитъ, только бы платилъ. Изложимъ то немногое, что можно сказать о нашихъ старинныхъ окладныхъ округахъ.

Присуды, старые судебные округа, составляли вмѣстѣ съ тѣмъ и окладную единицу. Переяславскіе рыболовы были подвѣдомы волостелю стольнича пути и платили въ его пользу особый кормъ, а съ городскими людьми Переяслава никакихъ податей не тянули. Составляя особый присудъ волостеля стольнича пути, они вмѣстѣ съ тѣмъ составляли и особую платежную единицу для корма волостелю, для рыбнаго тягла и всякихъ другихъ повинностей, какія правительство нашло бы нужнымъ возложить на нихъ.—Въ 1552 году царь и великій князь Иванъ Васильевичъ пожаловалъ Важскаго уѣзда становыхъ и волостныхъ крестьянъ и посадскихъ людей, далъ имъ выборный судъ и обложилъ оброкомъ за намѣстничъ кормъ. Важные составляли, такимъ образомъ, окладную единицу для оброка и другихъ повинностей и свой судебный округъ. Въ томъ же году съ Важскаго уѣзда потребовали за посонныхъ людей, за 224 человека, по 2 рубля. Этотъ окладъ уналь, такимъ образомъ, на цѣлый уѣздъ или Важскій присудъ ¹⁾.

Тотъ же порядокъ наблюдаемъ и въ удѣлахъ. У верейскаго князя, Владиміра Андреевича, была полъ сохи бобровниковъ; они составляли особый присудъ и особую платежную единицу ²⁾.

Тѣ же явленія наблюдаемъ и въ XVII вѣкѣ. Городскіе и посадскіе люди Устюжны-Желѣзопольской еще при Иванѣ Грозномъ составляли особый присудъ и особую окладную единицу. Это подтверждено имъ и въ 1614 г. и продолжало дѣйствовать въ 1623. Въ уставной грамотѣ Устюжны Желѣзопольской находимъ такое характерное мѣсто: „А кто учнетъ жити на черной землѣ, сынъ боярской, или приказной человекъ, или митрополчъ, или владыченъ, или монастырской, или чей ни буди, и тѣ люди волостелю устюжскому и его тіуну *судили* и *тягло* имъ съ тѣхъ дворовъ, оброки и всякіе разметы тянути по

¹⁾ А. Э. I № 143, 233, 234; 1506—1552

²⁾ А. Э. I № 256—7; 1561.

вытпо, что на нихъ цѣловальники разведутъ“. Судъ и тягло идутъ вмѣстѣ; судебный округъ и податной—сливаются. Это предписаніе повторено и 9 лѣтъ позднѣе въ грамотѣ мѣстному воеводѣ Н. А. Колычеву ¹⁾. Крестьяне и рыболовы Борисоглѣбской слободы, такъ отстаивавшіе свою платежную обособленность отъ Романова городка, составляли тоже особый присудъ. Волостные крестьяне Усыи и Заячьи рѣки — тоже особый присудъ и особая окладная единица и такъ съ царя Ивана Васильевича и до Ивана и Петра Алексѣевичей ²⁾.

Отъ конца XVII вѣка имѣемъ роспись, составленную для раскладки стрѣлочной подати. Въ этой росписи, составленной московскими гостями, обозначено, какая часть этой подати падаетъ на перечисленные въ ней города и уѣзды, городки и слободы. Мы встрѣчаемъ здѣсь уже извѣстные намъ мѣста: Борисоглѣбскую слободу, Романовъ городокъ, Важскій уѣздъ, Устьянскія волости. Все это старые присуды, дожившіе до 1681 года. Думаемъ, что и другіе, перечисленные въ росписи, города — тоже присуды. Да иначе и понимать нельзя. Присуды до конца XVII вѣка—суть округа обложенія ³⁾.

Въ древнѣйшихъ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ города тоже присуды. Такими присудами являются: Повгородъ, Курекъ, Дѣмонъ и пр. Они, надо думать, составляли и центры окладныхъ единицъ, въ которыхъ сосредоточивались сборы мелкой погостской администраціи. Древнѣйшее указаніе на городъ, какъ присудъ, восходитъ ко времени Русской Правды: „А изъ своего города въ чужу землю свода иѣдутъ“, говоритъ она и переноситъ насъ къ первой причинѣ того, какъ городъ сдѣлался центромъ судебного и податнаго округа: древній городъ есть центръ волости—княженія, а потому онъ и центръ, какъ судебного, такъ и податнаго округа.

Итакъ, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что присудъ и окладной округъ, обыкновенно, совпадаютъ.

¹⁾ А. О. III № 37, 138. Уставная важская грамота говоритъ о волостныхъ крестьянахъ и крестьянскихъ волостяхъ. Здѣсь волость, конечно, значить то же, что и въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ конца XV вѣка. Это волости и волостки сведенныхъ бояръ, т. е. ихъ частная собственность, перешедшая въ приказное владѣніе крестьянъ.

²⁾ А. О. III № 37, 126; т. I № 243.

³⁾ Эту мысль высказалъ еще 1859 году О. М. Дмитриевъ въ своей Исторіи судебныхъ инстанцій. На стр. 160 читаемъ: „Какъ присудъ кормленщика опредѣленъ объемомъ тѣхъ земель, которыми несли въ пользу его повинности, такъ, при земскомъ управленіи, судебный округъ выборныхъ судей опредѣленъ пространствомъ тѣхъ земель, съ которыхъ они брали подати“.

Но что такое присудъ? Это единица чрезвычайно разнообразная. Цѣлый уѣздъ можетъ быть отдѣльнымъ присудомъ, т. е. особымъ судебнымъ и податнымъ округомъ, отдѣльный городъ — тоже, нѣсколько волостей уѣзда — тоже, наконецъ отдѣльная слободка и даже полъ-сохи бобровниковъ могутъ составлять и отдѣльный судебный округъ и отдѣльную окладную единицу. Съ 1488 года, по жалованной грамотѣ великаго князя Ивана Васильевича, все Бѣлозерье, горожане и уѣздные люди составляютъ одинъ присудъ и, можно думать, такъ было и раньше.

Какъ бы ни были различны размѣры присуда, всѣ присуды имѣютъ одну очень важную общую черту. Если судъ въ томъ или другомъ округѣ принадлежитъ приказному человѣку, намѣстнику или волостелю, на судѣ всегда присутствуютъ выборные люди, сотскіе или старосты, и просто представители общества подъ именемъ добрыхъ или лучшихъ людей; если приказные судьи отъѣзжны, весь судъ состоитъ изъ выборныхъ людей. Всѣ эти выборные носятъ названіе цѣловальниковъ, ибо присягаютъ и крестъ цѣлуютъ. Итакъ, присудъ организованная единица, она имѣетъ своихъ выборныхъ, довѣренныхъ людей. Эти довѣренные люди не только судятъ, но и повинности раскладываютъ. Присудъ, слѣдовательно, живая, одушевленная единица. Какъ бы ни были малы или велики ея границы, выборные цѣловальники составляютъ изъ нея одно цѣлое. Вся тягловая организація получаетъ въ нихъ свое завершеніе. Они раскладываютъ тягло по людямъ, по ихъ силѣ, по животамъ и промысламъ, по землѣ и угодыямъ.

Если присудъ охватываетъ земли лицъ разнаго состоянія, крестьянъ, бояръ, духовенства, раскладочная дѣятельность цѣловальниковъ простиралась на всѣхъ. Мужикъ окладывалъ и боярина, и монастырь. У воеводы боярина И. В. Большого Шереметева мужики окладывали даже пустыя земли; то же дѣлали они и съ монастырскими землями Симонова монастыря и другихъ. Боярину и монастырямъ приходилось бить объ этомъ челомъ самому государю.

Дѣйствія окладчиковъ вызывали иногда жалобы и на неправильное обложеніе живущаго. Мы не можемъ теперь разобрать, кто былъ правъ, кто виноватъ. Недовольные окладчиками просили о выдѣленіи ихъ изъ общаго оклада въ особую окладную единицу. Правительство нерѣдко сонзвояло на это. Такимъ образомъ, происходило разложеніе старыхъ окладныхъ округовъ и появленіе новыхъ, болѣе мелкихъ.

Вотъ два примѣра:

Въ 1589 году настоятель Коряжемскаго монастыря, старецъ Гри-

горій, жаловался на усольскихъ окладчиковъ и говорить, что монастырю съ посадскими людьми въ однихъ сохахъ быть нельзя, что цѣловальники накладываютъ на монастырскіе посадскіе дворы всякіе государевы подати не по ихъ промысламъ, не по ихъ угодымъ. По монастырскому челобитію приказано было монастырскіе амбары, дворы, полянки и ножи отписать особо.—Въ 1684 году все духовенство Устюжской епархіи жаловалось на мѣстныхъ крестьянъ-окладчиковъ и говорило, что они окладываютъ ихъ дворишки заочно и неправдою, въ двое, въ трое, въ пятеро и больше противъ того, чего они стоятъ. Въ царскомъ указѣ всѣ дворы обложены по рублю съ двора, а они берутъ по два, по четыре и по шести рублей съ двора. Духовенство просило, чтобы этотъ рублевый окладъ съ ихъ дворовъ дозволено было собрать мѣстному архіепископу. Все это запоздалые отголоски вѣчевого народнаго самоуправленія. Роль крестьянина въ деревнѣ въ концѣ XVII вѣка, кажется, мало походила на современную.

Укажемъ еще одну характерную черту этихъ окладныхъ округовъ. Возлагая на нихъ обязанность платить извѣстную сумму, правительство иногда вовсе не указывало, съ чего они должны платить эту сумму: съ сохъ, съ дворовъ или съ четей, а предоставляло это ихъ усмотрѣнію. Крестьяне волостей Усьи и Заячьи рѣки, составлявшіе одинъ присудъ, должны были платить за кормъ и намѣстничьи доходы 144 р. 14 ал. и 2 д., а вмѣстѣ съ данными и другими окладными доходами всего тысячу рублей въ годъ, а съ чего — не сказано ¹⁾. И это очень понятно. Разныя единицы существовали только для удобства плательщиковъ, а потому имъ и можно было предоставить выборъ такой единицы для раскладки этой тысячи, которая для нихъ неловка. Московская практика проявляла въ этомъ отношеніи большую гибкость.

Рядомъ съ такимъ обложеніемъ по присудамъ встрѣчаемъ, однако, и случаи иного обложенія—по владѣльцамъ. Оно, надо думать, болѣе поздняго происхожденія, но встрѣчается уже въ XVI вѣкѣ. Въ 1588 году, напримѣръ, бояринъ князь Иванъ Васильевичъ Ситцкой приказываетъ, по указу государя, взять съ земли *Федоровскаго монастыря*, что въ Переяславлѣ, съ не полной полусохи, ямскихъ денегъ 8 р. 25 алт. да полонянничныхъ 29 ал. съ 1 д. Въ 1637 году „по крымскимъ вѣстямъ“, рѣшено было взять даточныхъ пѣшихъ людей съ вотчинъ духовныхъ учреждений съ 10 дворовъ по человѣку.

¹⁾ А. О. I № 213; III № 126; 1555—1622.

Всѣ черныя власти получили царскіе указы съ обозначеніемъ, сколько съ кого причитается ратныхъ людей ¹⁾. Отъ начала XVII вѣка имѣемъ документъ, изъ котораго видно, что такимъ спеціальнымъ предписаніемъ предшествовало составленіе общей росписи, въ которой опредѣлялось, съ какого владѣнія сколько взять въ счетъ такого-то сбора. Въ 1623 году послѣдовалъ указъ о сборѣ съ новгородцевъ денегъ на мостовое строеніе. Къ указу была приложена роспись, сколько брать съ земель отдѣльныхъ монастырей, помѣщиковъ и даже крестьянъ. Единицами обложенія оказались очень маленькія владѣнія; у Хутыня монастыря всего 10 вытей, съ которыхъ ему пришлось уплатить 18 р. 19 ал. 3 д.; а у Духова монастыря полъ выти съ окладомъ въ 31 ал. 2½ д. Такія же мелкія владѣнія оказались и у свѣтскихъ владѣльцевъ. Съ помѣстья Аникия Тугаринова пришлось взять съ ¼ выти 10 ал. 2 д.; съ земли крестьянина Грѣши Морозова, которая немногимъ превышала ½ выти, 6 ал. 2 д. и т. д. ²⁾.

Оба вида указанныхъ округовъ обложенія существуютъ одновременно, какъ и шесть единицъ обложенія. Правительство пользуется то тѣми, то другими. Есть основаніе думать, что правительство къ отбыванію той или другой повинности не всегда призывало все населеніе, а ограничивалось иногда нѣкоторымъ видомъ плательщиковъ. Въ этихъ случаяхъ оно распредѣляло повинность не по присудамъ, а по владѣльцамъ. Съ прикрѣпленія крестьянъ платежные округа по владѣльцамъ должны были пользоваться все болѣе и болѣе успѣхомъ.

Вотъ все, что мы нашли возможнымъ сказать по весьма спорному и темному вопросу объ окладныхъ единицахъ нашей древности. Все ихъ разнообразіе объясняется желаніемъ правительства найти наиболѣе удобный для плательщиковъ способъ обложенія. Въ концѣ концовъ дѣло сводилось къ самообложенію по землямъ и угодьямъ, по животамъ и промысламъ. Правительство назначало сумму оклада, а цѣловальники, они же и судьи, а то и цѣлый міръ, распредѣляли эту сумму между плательщиками по ихъ силѣ.

¹⁾ Въ А. И. I подъ № 198 напечатана одна изъ такихъ грамотъ. А. Ю. № 209, V, VI.

²⁾ А. Э. III № 145. Судя по государственной грамотѣ, обложенію подлежало все населеніе; а здѣсь обложено только населеніе Новгородскаго уѣзда, который захватывалъ земли разныхъ пятинъ, прилежавшихъ къ Новгороду. Большинство земель Новгородскаго уѣзда принадлежало монастырямъ. Всего на уѣздъ приходится 138 вытей или около 4 сохъ. Размѣры уѣзда, надо думать, были не велики.

Важность вопроса объ окладныхъ единицахъ не подлежитъ сомнѣнію. Но литература предмета очень не богата. Я приведу здѣсь имена только тѣхъ двухъ ученыхъ, которые съ великою пользою потрудились для разъясненія весьма неполныхъ и неясныхъ свидѣтельствъ о московской сохѣ. Первый трудъ, на который необходимо указать, принадлежитъ перу покойнаго профессора Московскаго университета, И. Д. Бѣляева; ему же принадлежитъ и заслуга перваго изданія новгородскихъ писцовыхъ книгъ. Когда онъ писалъ свою статью о поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ ¹⁾, публикѣ не была извѣстна еще ни одна писцовая книга Московскаго государства, а изъ новгородскихъ имъ была напечатана только первая половина Вотской пятины. Его статья о поземельномъ владѣніи была написана почти исключительно по архивнымъ матеріаламъ. Неудивительно, что въ нее вкрались недосмотры и ошибки. Тѣмъ не менѣе высказанныя въ ней мнѣнія имѣли рѣшительное вліяніе на послѣдующую литературу и повторялись позднѣйшими учеными въ теченіи 40 лѣтъ по крайней мѣрѣ. Не смотря на всю трудность ученой работы въ архивахъ, почтенному ученому удалось сдѣлать цѣлый рядъ совершенно вѣрныхъ наблюденій и на основаніи ихъ высказать мнѣнія, опредѣлившія состояніе вопроса почти на цѣлое столѣтіе.

Вотъ его точка зрѣнія. Сохою называлась единица земли, съ которой вносились государственныя повинности. Но она не была постоянною геометрическою мѣрою земли, а измѣнялась по соображеніямъ съ требованіями времени, государственными нуждами и проч. Правительство не измѣняло количества податей, падавшего на соху, а измѣняло величину сохъ, уменьшая ихъ размѣръ, если требовалось увеличить подати, и увеличивая, если надо было уменьшить ихъ. Кромѣ того, соха имѣла не одинаковую мѣру смотря по мѣстностямъ, по качеству земли, по различію владѣльцевъ. Монастырскія сохи равнялись 600 четей, помѣстные—800 и т. д. Размѣры дворовыхъ сохъ тоже были не постоянны. Въ такомъ видѣ московскія сохи существовали съ древнѣйшихъ временъ и по концѣ XVI вѣка ²⁾.

Указанное Бѣляевымъ непостоянство размѣровъ сохи въ теченіи всего XVI вѣка—соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Что это непостоянство обуславливалось разными причинами и между прочимъ различіемъ

¹⁾ *Временникъ*, т. XI, 1851 годъ.

²⁾ *Временникъ*, т. XI, стр. 51 и сл.

владѣльцевъ—также вѣрно. Разные владѣльцы были обложены не одинаково, но всѣ были обложены, и служилые люди, и духовенство, и черные люди. Такимъ образомъ, еще въ 1851 году было высказано совершенно вѣрное мнѣніе о всеобщности тягла и указано достаточное тому основаніе, а въ концѣ вѣка наши ученые стали утверждать, что служилый классъ свободенъ отъ податныхъ обязанностей. Черезъ 40 лѣтъ послѣ правильного рѣшенія вопроса—наука дѣлаетъ большой шагъ назадъ ¹⁾.

Итакъ, подмѣченные профессоромъ Бѣляевымъ факты—совершенно вѣрны, но нѣкоторые объясненія ихъ не вѣрны. Авторъ думаетъ, что размѣръ сохи измѣнялся, между прочимъ, и для увеличенія и уменьшенія податей, которыя взились съ сохи въ неизмѣнномъ количествѣ. Этой неизмѣнности величины податей, взимаемыхъ съ сохи, не было и авторъ ее не доказалъ. Въ примѣръ неизмѣнности ихъ онъ приводитъ постановленіе уставной Бѣлозерской грамоты отъ 1488 года, по которой за полоть мяса со всѣхъ сохъ брали по 2 алтына, и думаетъ, что со всѣхъ сохъ всегда платился одинъ и тотъ же окладъ всякихъ податей. Это недосмотръ; окладъ податей мѣнялся, какъ и размѣръ сохъ. По Бѣлозерской грамотѣ за полоть мяса и за возъ сѣна берутъ по 2 алтына, за барана 8 денегъ, а по Опежской грамотѣ 1536 года въ первомъ случаѣ брали по 8, а во второмъ—6 денегъ; въ 1618 году ямскихъ денегъ съ сохи брали по 800 руб. а въ 1621 году только по 468. И размѣры сохъ, и размѣры окладовъ не были постоянны. Одна ошибка повела за собой и другую. Взглядъ на соху, какъ геометрическую мѣру земли, также не вѣренъ. Мы уже знаемъ, что въ древнѣйшее время размѣръ сохи опредѣлялся не количествомъ земли, а индивидуальными особенностями хозяйства; только съ половины XVI вѣка сохи получили значеніе земельной мѣры. Эти измѣненія въ исторіи сохи ускользнули отъ вниманія автора.

Мнѣнія Бѣляева господствовали до появленія въ свѣтъ въ 1892 году Спорныхъ вопросовъ финансовой исторіи Московскаго государства профессора Милюкова. Почтенный авторъ переработалъ весь вопросъ

¹⁾ Нѣкоторое знакомство съ литературой могло бы спасти нашихъ историковъ конца прошлаго вѣка отъ этого крупнаго заблужденія, которое продолжаетъ повторяться и ихъ послѣдователями. Мысль Бѣляева о всеобщей податной обязанности не прошла безслѣдно. Ее высказываетъ и О. М. Дмитріевъ: „...*все земли, кромѣ обложенныхъ жалованными грамотами, были податныя*“. Исторія судебныхъ инстанцій, 160.

о сохѣ и дать ему новое и самостоятельное рѣшеніе. Вотъ его мнѣніе. Онъ разлпчаетъ въ исторіи сохи два періода: древнѣйшій, до половины XVI вѣка, и послѣдующій. Въ древнѣйшее время соха не имѣла значенія опредѣленной площади земли. Величина ея опредѣлялась не количествомъ земли, а количествомъ труда. Доказательство этому онъ находитъ въ обжѣ и новгородской сохѣ, представляющихъ единицу рабочей силы, и въ свидѣтельствѣ монастырской сотной отъ 1544 года объ одноколыцѣ, которымъ мы уже имѣли случай воспользоваться. Съ половины же XVI вѣка соха получаетъ, въ силу царскихъ указовъ, опредѣленный размѣръ: для монастырскихъ земель въ 600 четей доброй земли, для дворцовыхъ, помѣстныхъ и вотчинныхъ—въ 800 четей. Въ доказательство послѣдняго положенія авторъ приводитъ цѣлую таблицу размѣровъ сохи указанного объема, составленную на основаніи данныхъ писцовыхъ книгъ. Памятники не сохранили никакихъ извѣстій о причинахъ перехода отъ старой трудовой сохи къ новой. Авторъ думаетъ, однако, что реформа сошнаго письма должна быть поставлена въ связь съ проектомъ генеральной переписи, представленнымъ на Стоглавомъ соборѣ. На соборѣ проектировалось послать писцовъ во всю землю писать и смѣтить всякія земли, а мѣрить пашенныя земли и не пашенныя, и луги, и лѣсъ, и всякія угодья и т. д. (стр. 37—51).

Я совершенно присоединяюсь къ мнѣнію автора о двухъ періодахъ въ исторіи сошнаго письма, но расхожусь съ нимъ въ ихъ характеристикѣ. Я уже высказался противъ опредѣленія размѣровъ обжи и сохи количествомъ затрачиваемаго труда. Что время—деньги, этого кажется мнѣ, наши предки совершенно не знали. О „единицахъ рабочей силы“,—это уже можно сказать съ совершенной увѣренностью, они не имѣли ни малѣйшаго понятія. Единица рабочей силы—совершенно новое понятіе; оно переноситъ насъ въ сферу современнаго рабочаго вопроса, это—злоба нашего дня. Древность этого вопроса не знала, да и рабочихъ тогда было очень немного. Роль ихъ исполняли холопы; а по отношенію къ холопамъ никакого вопроса не могло быть о единицѣ рабочей силы. Крестьяне же не были рабочими; они были арендаторами, то-есть наемателями земли, а не рабочими. Затѣмъ я указалъ выше, что единица рабочей силы должна быть опредѣлена единицей времени, иначе не будетъ никакой единицы; а между тѣмъ ни одинъ сторонникъ трудовой единицы ничего о времени не говоритъ. Это нуждается въ дополненіи. Къ сторонникамъ трудовой единицы принадлежалъ и покойный профессоръ Харь-

ковскаго университета П. Н. Миклашевскій. Онъ поправилъ существенный недосмотръ своихъ предшественниковъ. По его мнѣнію количество труда, которое затрачивалось въ *известный промежутокъ времени*, и было одной изъ единицъ поземельнаго счета нашей древности, равнялось—одному дню. Авторъ говоритъ „такъ надо думать“, но, къ сожалѣнію, не объясняетъ почему ¹⁾. Результаты же его думы получаются вотъ какіе. Одинъ день труда коннаго рабочаго—есть обжа. Но ни одинъ конный рабочий на нашиѣ не трудится только одинъ день въ году, а непрерывно нѣсколько. Поэтому, на каждый дворъ должно приходиться всегда нѣсколько обожъ. А въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ масса отдѣльныхъ дворовъ считается въ одну обжу. П. Н. Миклашевскій послѣдователенъ, но его поправка совершенно не соответствуетъ тому, что говорятъ памятники. Время въ старину имѣло еще меньшее значеніе, чѣмъ оно имѣетъ у насъ теперь, а потому въ памятникахъ о немъ и рѣчи нѣтъ. Не единицей рабочей силы опредѣлялась соха, а индивидуальнымъ состояніемъ cadaго хозяйства. При этомъ число „однокольниковъ“, то-есть, крестьянъ-арендаторовъ, конечно, могло имѣть опредѣляющее значеніе. Индивидуальная оцѣнка, при простотѣ хозяйствъ и небольшомъ размѣрѣ Московскаго княжества,—а она именно возникла, когда Московское княженіе было не велико, и исчезла, когда его границы увеличились,—индивидуальная оцѣнка cadaго хозяйства не представляла въ древнее время такихъ трудностей, съ какими оцѣнщики могли бы встрѣтиться теперь. Въ Нижнемъ-Новгородѣ въ началѣ XVII вѣка было 862 двора, это не помѣшало окладчикамъ оцѣнить индивидуально палоговую способность cadaго двора, несмотря на значительное ихъ число.

Второй періодъ, отъ половины XVI вѣка, авторъ характеризуетъ тѣмъ, что соха получила опредѣленные земельные размѣры. И я не отрицаю появленія въ это время сохи опредѣленной земельной мѣры, но утверждаю, что эта мѣра была разная, и не только въ разныхъ мѣстахъ и у разныхъ классовъ владѣльцевъ, но и у отдѣльныхъ владѣльцевъ. Далѣе, я сомнѣваюсь, чтобы когда либо былъ изданъ общій указъ о мѣрѣ сохъ; общаго указа до насъ не дошло, но специальные указы о размѣрахъ сохи дѣлались постоянно и, смотря по потребностямъ минуты, размѣры сохъ мѣнялись. Сохи вотчинны Троицы-

¹⁾ Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства. ч. I. Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины XVII вѣка. Стр. 30.

Сергіева монастыря то сравнивались съ сохами помѣщиковъ, то опять ставились въ менѣе выгодное положеніе и т. д., и такъ со второй половины XVI вѣка и въ XVII-мъ. Мы не отрицаемъ вѣрности составленной авторомъ таблицы размѣровъ сохъ. Наши цифры размѣровъ сохъ мы взяли изъ тѣхъ же писцовыхъ книгъ, какими пользовался и профессоръ Милуковъ, и иногда съ тѣхъ же самыхъ страницъ. Его таблица совершенно вѣрна, надѣемся, вѣрна и наша. А результатъ тотъ, что размѣры сохъ и послѣ проекта генеральной переписи Стоглавого собора—разные.

Но что такое происходило на Стоглавомъ соборѣ? Проектъ генеральной переписи собора до насъ не дошелъ, и былъ ли онъ составленъ, это не извѣстно. До насъ дошелъ цѣлый рядъ царскихъ вопросовъ собору; онъ оканчивается царскимъ приговоромъ: „Да приговорилъ есми послать писцовъ во всю *свою* землю писать и смѣтить и *мои*, царя и вел. князя, и митрополичи и т. д. земли“ и пр. Этотъ царскій приговоръ почтенный авторъ и называетъ проектомъ генеральной переписи собора. Царскій приговоръ и предшествующіе ему 11 вопросовъ не вошли въ Стоглавъ, а сохранились въ другомъ памятникѣ, изъ котораго и были извлечены и напечатаны покойнымъ Н. Н. Ждановымъ ¹⁾. Приговоръ царя надо разсматривать вмѣстѣ съ предшествующими ему вопросами, которыхъ составитель Стоглава не нашелъ нужнымъ внести въ свой сборникъ; только тогда и будетъ онъ ясенъ. Приговоръ и предшествующіе ему 11 вопросовъ составляютъ одно цѣлое; это все вопросы, относящіеся до свѣтскихъ дѣлъ. Изъ 11 вопросовъ 5 самыхъ большихъ имѣютъ прямое отношеніе къ положенію служилыхъ людей. Въ статьѣ о вотчинахъ и помѣстьяхъ рѣчь идетъ о томъ, что у однихъ служилыхъ людей земель много, а у другихъ мало, и они голодны; въ одной изъ слѣдующихъ статей для устройства служилыхъ людей признается нужнымъ сдѣлать вотчинныя книги, въ которыя надо записывать „въ мѣру и пашенная земля, и не пашенная, и луга, и перелѣсы, и борти, и рѣки, и озера, и пруды, и мосты, и всякія угодыя, ино его не обидитъ никто, а ему чужаго прибавить—не умѣть же. Чѣмъ умѣрять лишьюмъ надъ книгами, то отънять на меня. И вѣдомо, за кѣмъ сколько прибудеть и убудеть, и по вотчинѣ и служба знать.“

Сопоставленіе этихъ вопросовъ съ царскимъ приговоромъ разъясняетъ смыслъ и цѣль царскаго приговора. Дѣло идетъ объ организаціи

¹⁾ Жур. Мин. Нар. Просв. 1876 г., июль.

службы. Служилые люди надѣлены землями очень неравномѣрно, а потому „ихъ надо поверстать по достоинству безъ грѣшно“. Надо завести книги, въ которыхъ должны быть описаны пашенныя (жилыя) и не пашенныя (пустыя) земли и соотвѣственно владѣнію назначена служба. Лишнія земли должны быть взяты на государя. Для всего этого надо произвести опись существующаго землевладѣнія, а потому царь и приговорилъ послать писцовъ, чтобы они смѣтили и мѣрили „пашенныя земли и не пашенныя, и луги, и лѣсъ, и всякія угодья, и рѣки, и озера, и пруды, и борти, и перевѣсы, и мосты“ и т. д. „А кого чѣмъ пожалую, продолжайте говорить царь, и по книгамъ жалованные грамоты давать слово въ слово для того, чтобы впередъ тяжа не была о водахъ и земляхъ: что кому дано, тотъ тѣмъ и владѣй. А утяжутъ кого черезъ писмо лишкомъ, и то имати на меня. И того ради, кто чего попроситъ, и лѣтъ вѣдаю, чѣмъ кого пожаловати, и кто чѣмъ пуженъ, и кто съ чего служить. И то мнѣ будетъ вѣдомо же: и живое и пустое“.

Этими словами и оканчивается царскій приговоръ и тѣ 11 вопросовъ, которые не вошли въ Стоглавъ.

Сопоставленіе царскаго приговора съ предшествующими ему вопросами дѣлаетъ совершенно яснымъ содержаніе приговора или „проекта генеральной переписи,“ какъ его называетъ проф. Милюковъ. Дѣло идетъ вовсе не объ установленіи размѣровъ сохи; дѣло идетъ о выясненіи, кто чѣмъ владѣетъ и не только въ живущемъ, но и въ пустѣ. Всякое владѣніе, и живущее и пусто, должно быть записываемо въ книги. А прежде, въ податныхъ цѣляхъ, можетъ быть, писали только живущее. Вотъ официальное начало той перемены въ составленіи описей, на которую мы указали въ своемъ мѣстѣ. Вотъ откуда, надо думать, пошло и приведенное выше поставленіе автора книги сошлаго писма писать живущее и пустое, и та разнообразная практика писцовъ, на которую тоже было указано. Пустое предписано писать въ интересахъ службы, для выясненія помѣстного оклада, а вовсе не для сбора повинностей. Итакъ, „проектъ генеральной переписи“ не имѣетъ никакого отношенія къ возникновенію сохъ опредѣленной земельной мѣры¹⁾, и мы по прежнему остаемся въ

¹⁾ Иначе отнесся къ этому вопросу г. Дьяконовъ. Указанную проф. Милюковымъ связь реформы сохи „съ проектомъ генеральной переписи, предложеннымъ на Стоглавомъ соборѣ“, онъ находитъ „весьма удачной“. Но по поводу того же вопроса, онъ обнаруживаетъ и большую неустойчивость мнѣнія. На стр. 208 г. Дьяконовъ говоритъ:

полномъ невѣдѣніи того, когда именно, какъ и почему совершился переходъ отъ старой, небольшой сохи къ крупной сохѣ XVI вѣка. Будемъ надѣяться, что любители архивныхъ работъ найдутъ, наконецъ, въ богатыхъ собраніяхъ нашихъ архивовъ новые документы, объясняющіе эту историческую загадку.

В. Сергѣевичъ.

„Благодаря выводамъ автора, можетъ считаться устраненнымъ господствовавшимъ въ нашей литературѣ со времени Вѣльева мнѣніе о колебаніяхъ въ размѣрахъ сохъ въ теченіе всего XVI вѣка.“ За тѣмъ изъ архивныхъ документовъ онъ приводитъ любопытныя данныя о колебаніи размѣровъ сохъ, которыми мы выше и воспользовались. Послѣ этого на 217 стр. читаемъ такое заключеніе: „Итакъ, соха, какъ окладная единица, и во второй половинѣ XVI вѣка, послѣ преобразованій 1551 года, представляла значительныя колебанія и кромѣ той разницы въ ея размѣрахъ для земель разныхъ качествъ и различныхъ категорій владѣльцевъ, какія были установлены въ „царевомъ уложеніи“. *Ж. М. Н. Просв.* 1893, іюль. Не смотря на то, что мнѣніе Вѣльева о колебаніи сохъ въ теченіе всего XVI вѣка устранено, соха продолжаетъ колебаться и во второй половинѣ XVI вѣка!